

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 1 (33)

2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Сивкина Н. Ю.</i> К вопросу об использовании Полибием термина «эпистат»	5
<i>Белоусов С. В.</i> Движение конвоев военнопленных армии Наполеона по территории Пензенской губернии в 1812–1814 гг.	13
<i>Перетокин А. Г.</i> Горная и металлургическая отрасли промышленности на Юге России в 1904–1917 гг.	25
<i>Сухова О. А.</i> Строительство нации в СССР в 1920-е гг.: утопия или эффективная модель социальной инженерии?	35
<i>Гаража Н. А.</i> Остарбайтеры и советские военнопленные в нацистской идеологии и практике этнической сегрегации в период Великой Отечественной войны	46
<i>Лохова Т. В.</i> Послевоенная аграрная политика СССР в 1940–1950-е гг.: курс на восстановление и развитие сельскохозяйственного потенциала Краснодарского края	57
<i>Ильин А. Ю.</i> Организационные основы городского хозяйства региональных центров России в конце XVIII – начале XXI в. (по материалам Пензы и Тамбова)	71
<i>Кирюхин А. А.</i> Кооперативное законодательство СССР 1985–1990-х гг. в контексте трансформации отношений собственности	85

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Соскина С. Н., Осинцева-Раевская Е. А.</i> Оценочная функция колоронимов в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»	95
<i>Черемисина А. И.</i> Натурфилософские взгляды Дж. Макдональда (на материале художественного творчества писателя)	103
<i>Футляев Н. С., Жаткин Д. Н.</i> Неизвестный перевод «Отелло» Шекспира	111
<i>Замятина И. В., Сызранова Г. Ю.</i> Субстантивированные формы в позиционном пространстве причастия: к проблеме грамматического и семантического статуса	126

Родионова О. С., Абрамова Н. В. Функции и типы переключения кода в немецком языке: теоретический аспект	139
Астанкова В. П., Калинина М. Г., Саковец С. А. Языковые средства именования ситуаций действия (на материале немецкого языка).....	149

ПЕДАГОГИКА

Журавлева О. В. Особенности мотивации профессионального выбора старшеклассников	159
Гаврилова М. А., Гусарова М. Н. Концептуальное обоснование проектирования информационно-образовательной среды преподавателя колледжа	169
Рудакова И. А., Хуаз Б. А. Типы цветообразов в смысловой дидактике	178
Мизюрова Э. Ю. Формирование межкультурной компетенции в процессе профессионально ориентированного обучения иностранному языку в аграрном вузе	187
Креер М. Я., Пилипчук Е. Д. Обучение иностранному языку в неязыковом вузе с помощью тестовых заданий проблемного типа	193
Гошуляк Л. Д., Мещерякова О. В. Инновационные процессы в сфере высшего образования России: к постановке проблемы.....	204
Боликова Л. Ю., Куц А. В. Педагогические условия формирования нравственных качеств будущих специалистов таможенного дела в вузе.....	212
Усманов В. В., Мяжкова В. Ю. Педагогические условия формирования конкурентоспособности студентов в вузе	222
Ахмедова М. К. кызы Формирование и развитие морально-нравственных качеств обучающихся на основе изучения педагогического наследия и творчества Мамеда Араза	231

РЕЦЕНЗИИ

Карнишин В. Ю.	242
-----------------------------	-----

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 1 (33)

2015

CONTENTS

HISTORY

<i>Sivkina N. Yu.</i> On the issue of using the term “ <i>èpistat</i> ” by Polybius	5
<i>Belousov S. V.</i> Passage of escorts of prisoners from the Napoleon’s army through the territory of the Penza province in 1812–1814	13
<i>Peretokin A. G.</i> Mining and metallurgical branches of industry in the South of Russia (1904–1917)	25
<i>Sukhova O. A.</i> Building of the nation in USSR in 1920s: utopia or and efficient model of social engineering?	35
<i>Garazha N. A.</i> Ostarbeiters and soviet prisoners of war in the nazi ideology and in the practice of ethnic segregation during the Great patriotic war	46
<i>Lohova T. V.</i> Postwar agricultural policy of USSR in 1940–1950s: agricultural potential restoration and development course in Krasnodar region	57
<i>Ilyin A. Yu.</i> Organizational basis of municipal facilities of russian regional centers in late XVIII – early XX centuries (by materials of Penza and Tambov)	71
<i>Kiryukhin A. A.</i> Cooperative legislation of USSR in 1985–1990s in the context of property relations transformation	85

PHILOLOGY

<i>Soskina S. N., Osintseva-Raevskaya E. A.</i> Evaluation function of colouronims in A. S. Pushkin’s novel “Eugene Onegin”	95
<i>Cheremisina A. I.</i> G. MacDonald's views on philosophy of nature (based on the writer's creative activity)	103
<i>Futlyayev N. S., Zhatkin D. N.</i> The unknown interpretation of «Othello» by Shakespeare	111
<i>Zamyatina I. V., Syzranova G. Yu.</i> Substantivized forms in position space of a participle: on the problem of grammatical and semantic status	126

Rodionova O. S., Abramova N. V. Functions and types of code switching in German: a theoretical aspect.....	139
Astankova V. P., Kalinina M. G., Sakovets S. A. Linguistic means of nomination of action situations.....	149

PEDAGOGY

Zhuravleva O. V. Features of motivating the choice of future profession among high school graduates.....	159
Gavrilova M. A., Gusarova M. N. Conceptual substantiation of the information and educational environment design of a college teacher.....	169
Rudakova I. A., Huaz B. A. Types of color images in semantic didactics	178
Mizyurova E. Yu. Formation of the intercultural competence in the process of profession-oriented foreign language teaching in an agrarian university	187
Kreer M. Ya., Pilipchuk E. D. Foreign language teaching at a non-linguistic university using tests of a problem type.....	193
Goshulyak L. D., Meshcheryakova O. V. Innovative processes in the sphere of the higher education of Russia: on statement of the problem	204
Bolikova L. Yu., Kuts A. V. Pedagogical conditions of moral qualities formation in future customs officers at universities.....	212
Usmanov V. V., Myagkova V. Yu. Pedagogical conditions of students' competitiveness formation at a university.....	222
Akhmedova M. K. kzy Formation and development of moral traits of students on the basis of studying the legacy and works of Mamed Araz.....	231

CRITICAL REVIEWS

Karnishin V. Yu.	242
-------------------------------	-----

УДК 94(3)

Н. Ю. Сивкина

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОЛИБИЕМ ТЕРМИНА «ЭПИСТАТ»

Аннотация.

Актуальность и цели. Изучение античной истории невозможно без ясного понимания терминологии источника, особенностей употребления разных терминов. Цель работы – проанализировать использование Полибием термина «эпистат».

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования труда ахейского историка Полибия. Методологический потенциал включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить положение глав эллинистических городов.

Результаты. В труде Полибия часто встречаются расплывчатые наименования для обозначения должностных лиц, а для глав городов ахейский историк использует другой оборот. Но иногда он предпочитает термин «эпистат». Например, в Спарте после 224 г. до н.э. македонский царь установил беотийца Брахилла, сына Неона, в качестве эпистата.

Выводы. Автор считает, что Полибий применял термин «эпистат» только в тех случаях, когда располагал официальными документами.

Ключевые слова: Полибий, Эллинская лига, Антигон Досон, эпистат.

N. Yu. Sivkina

ON THE ISSUE OF USING THE TERM “ÈPISTAT” BY POLYBIUS

Abstract.

Background. The study of the ancient history is impossible without a clear understanding of the terminology of the source, characteristics of different terms. The aim of the work is to analyze the use of the term “èpistat” by Polybius.

Materials and methods. Realization of the research objectives was achieved through the usage of the work by the Achaean historian Polybius. The methodological potential includes the comparative historical method that enables to compare the image of the leaders of Hellenistic cities.

Results. In Polybius' books many officials often have vague designation, and to denote the leaders of cities the Achaean historian often chooses a different term. But sometimes the historian prefers the term “èpistat”. For example, after 224 BC the Makedonian king Antigonos appointed the Boeotian Brachylles, the son of Neon, as an epistat in Sparta.

Conclusions. The author believes Polybius used the term “èpistat” when he saw the official documents.

Key words: Polybius, Hellenic League, Antigonos Doson, epistat.

В 224 г. до н.э. в ходе так называемой Клеоменовой войны Ахейский союз, не располагая собственными силами для дальнейшей борьбы со Спартой, стал инициатором образования Эллинской лиги, в которую помимо ахейцев вошли Македония и ряд других государств. Включая в себя ряд новшеств, в целом условия договора Эллинской лиги были сходны с принципами, на которых основывались прежние союзы под эгидой Македонии (в 338 и 302 гг. до н.э.). Каждая из сторон соглашения, естественно, преследовала собственные интересы, которые временно совпадали и находили свое выражение в этих организациях. Македонские правители, как правило, видели в них орудие своего господства в Греции [1, р. 488], не имея сил для ее полного покорения. Это утверждение верно относительно организаций IV в. до н.э. В союзах 338 и 302 гг. до н.э. возможности совета союзников – синедриона были довольно широки и его решения окончательны в военных, финансовых, судебных делах, в иностранной политике и т.п. [2, р. 163], но действия совета направлялись македонским царем, который был не только союзником греков, но и их главой. Поэтому не известен ни один случай, когда синедрион постановил бы что-либо неугодное македонским царям.

Считается, что и от договора 224 г. до н.э. наибольший выигрыш достался македонскому царю Антигону Досону, который вновь мог вмешиваться во внутренние дела греков (Polyb. II. 54. 2; 70. 4; V. 93. 8). Дело в том, что ко времени его правления в Элладе образовались две сильнейшие федерации III в. до н.э. – Этолийский и Ахейский союзы, влияние которых все возрастало, и к началу 20-х гг. III в. до н.э. совместными усилиями этих союзов Греция почти полностью была освобождена от македонского господства. О возвращении утраченных позиций царь в начале своего правления не мог даже планировать, поскольку был занят защитой страны от племени дарданов (Just. 28. 3. 14; Plut. Arat. 34. 7), восстанием в Фессалии (Just. 28. 3. 14), мятежом в армии (Just. 28. 3. 10 sqq). Однако после образования Эллинской лиги в 224 г. до н.э. в разных городах и областях Греции, вероятно, с согласия союзников, появились различные представители македонской власти и усилилось военное присутствие македонян в Греции.

Первыми представителями Македонии, которых Досон установил в Греции после битвы при Селласии, были Таврион и Брахилл (Polyb. IV. 6. 4; 87. 8; XX. 5. 12). Таврион был оставлен в качестве «царского уполномоченного» в Пелопоннесе (Polyb. IV. 6. 4: ... τὸν ἐπὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ βασιλικῶν πραγμάτων ὑπ' Ἀντιγόνου καταλελειμμένον...); на попечении Брахилла находилась побежденная в Клеоменовой войне Спарта. В отличие от Тавриона Брахилл был беотийцем, но его семья имела давние связи с македонским царским домом, так его отец Неон оказал Антигону важную услугу во время Карийского похода (Polyb. XX. 5. 7–12) [3, р. 528]. Вероятно, Брахилл, занимавший должность эпистата (ἐπιστάτης), подчинялся Тавриону [4, с. 117]. К сожалению, Полибий – наш основной источник – ограничивается лишь формальным упоминанием о должности Брахилла в Спарте; другие пассажи, в которых историк пишет о Брахилле, относятся к более позднему времени (Polyb. XVIII. 1. 2; 43. 3). Интересно, что у Полибия нет сведений о других эпистатах, находившихся в Греции.

Гораздо чаще Полибий для обозначения глав городов использует другой термин – ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως. Употребление такого расплывчатого обозна-

чения нельзя пояснить тем, что ахейский историк просто не мог знать всех должностных лиц греческих полисов и тем более наименование глав городов в других эллинистических государствах, и поэтому в тех случаях, когда был не уверен в полученной информации, выбирал наиболее общий термин. Использование Полибием нечетких названий иногда объясняется тем, что специальная терминология в то время вообще не была развита, поэтому в эллинистических царствах для обозначения высшего круга чиновников применялись выражения, состоявшие из предлога ἐπὶ и существительного в генетиве [5, р. 73]. Этот оборот в самом общем смысле означает «находиться на попечении». В сущности, город, вверенный эписпату, тоже находился на его «попечении». Закономерно возникает вопрос: можно ли считать оборот ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως тождественным термину «эписпат»?

Так, например, для обозначения руководителей некоторых городов в Македонии Полибий употребляет оборот τοῖς ἐπὶ τῶν πόλεων διατεταγμένοις, говоря о преобразованиях Филиппа V после второй римско-македонской войны (XXIII. 10. 8). М. Хадзопулос полагает, что в Македонии так называли эписпатов [6, р. 373], поскольку эпиграфический материал из Македонии содержит много упоминаний о них [6, р. 382, п. 2, 4, 5, 6, 7, 8]. С этим утверждением можно согласиться. Однако не следует забывать, что происхождение городов Македонии и местные традиции влияли на специфику органов власти [7, р. 229–238]. В эллинистическую эпоху македонские города обладали достаточно широкой автономией, но граждане полисов были и подданными царей со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями [8, р. 240]. Оборот с предлогом ἐπὶ и существительным в генетиве обычно использовался для обозначения служащих царской администрации в эллинистических царствах, а применительно к государству Антигонидов – для обозначения высшего круга чиновников [5, р. 75].

Однако и должность ἐπιστάτης была обычной в городах, зависимых от эллинистических царей. Более того, в других царствах также встречаются оба термина для обозначения глав городов. В государстве Атталидов эписпат был на острове Эгина, но при этом градоначальник Пергама назывался ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως [9, с. 270, 354]. В государстве Селевкидов, согласно Э. Бикерману [10, с. 152], «особенностью статуса колоний было присутствие в них комиссаров правительства, называвшихся эписпатами...». Примечательно, что Полибий, говоря о событиях в Азии, употребляет термин «эписпат» лишь в отношении Диомедонта, эписпата Селевкии на Тигре (Polyb. V. 48. 12), а в другом случае использует термин, аналогичный наименованию македонских глав городов: например, Арибаз назван ὁ δ' ἐπὶ τῆς πόλεως τεταγμένος (Polyb. VII. 17. 9). Таким образом, даже для глав столичных городов эллинистических царств в источниках нет единого наименования.

Примечательно, что на о. Эгина один градоначальник носил титул ὁ ἐπιστάτης τῆς πόλεως (OGIS. 329), а его предшественник был катаσταθεὶς ἐπ' Ἀγίνας (Syll³. 642) [9, с. 354]. Есть версия, что поскольку титул ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως составлен по образцу царской придворной титулатуры, то его носил не представитель общины, а царский ставленник [9, с. 270, прим. 84]. Но эписпат тоже являлся представителем царской администрации [10, с. 152, прим. 216; 11, с. 172]. По мнению Э. Бикермана, эписпат на Востоке был, «по-видимому, доверенным лицом царя, избранным среди граждан колонии,

в некотором роде “президентом” общины» [10, с. 152]. По версии М. Хадзопулоса, который опирается на просопографические данные, происхождение македонских эпистатов установить можно; они являлись гражданами управляемых ими общин. Однако в государстве Атталидов эпистат о. Эгины Клеон не был местным уроженцем [9, с. 278]. Эпистат Спарты Брахилл был беотийцем (Polyb. XX. 5. 12). Также и среди тех, кто носил титул $\delta\epsilon\pi\iota\tau\eta\varsigma\ \pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$, встречаются представители местной элиты, часто из так называемых «новых граждан». Например, Полибий называет пелленца Тимократа, поставленного над Аргосом спартанским тираном Набисом, $\epsilon\pi\iota\tau\eta\varsigma\ \tau\omega\upsilon\upsilon\ \text{'}\text{Αργείων}\ \pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$ (Polyb. XVIII. 17. 1), но, вероятнее всего, Тимократ был из новых граждан [12, p. 75].

Ахейский историк, вероятно, мог использовать термин «эпистат» в тех случаях, когда определенно знал, что военными полномочиями должностное лицо не располагало. Так, например, П. Жюэль не считает, что Полибий, обозначив руководителей некоторых городов в Македонии как τοῖς ἐπὶ τῶν πόλεων διατάκταις, имел в виду македонских эпистатов. Полибий, говоря о преобразованиях Филиппа V после второй римско-македонской войны (XXIII. 10. 8), указывает, что македонский царь тогда отдал приказ руководителям городов о поиске детей казненных знатных македонян для последующего заключения их в тюрьму (Ibid.). П. Жюэль полагает [5, р. 62], что в указанном свидетельстве Полибия речь идет о военных губернаторах, поскольку сомневается, что местные гражданские магистраты (т.е. эпистаты) располагали средствами принуждения, чтобы выполнить приказ царя. Если принять это предположение, то можно отметить, что в III–II вв. до н.э. историческая ситуация часто складывалась таким образом, что представители власти должны были иметь не только административные, но и военные функции, для наименования этих людей более подходил оборот ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως. Поэтому в труде ахейского историка термин ἐπιστάτης встречается очень редко.

Однако едва ли различие в наименовании должности зависело от объема полномочий этих лиц. Так, прежде считалось, что в царстве Селевкидов эпистаты были носителями лишь гражданской власти [10, с. 53]. Однако С. В. Смирнов, ссылаясь на документальные свидетельства, убедительно показал, что эпистаты могли иметь и обширные военные обязанности [11, с. 172]. С другой стороны, в государстве Атталидов чиновники на должности ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως обладали административно-контрольными функциями и являлись командирами размещенных в полисах гарнизонов [9, с. 275], но в Аргеосе Тимократ, называвшийся аналогично, военной власти сначала не имел. Лакедемонский гарнизон в городе находился в подчинении у зятя Набиса – Пифагора, а Тимократу он передал командование позднее, в силу сложившихся обстоятельств (Liv. 34. 29.14). А некий Ясон, назначенный македонянами главой города фанотеян (τῆταγμένος ἐπὶ τῆς τῶν Φανοτέων πόλεως), македонских солдат в своем распоряжении точно не имел, что следует из пассажа Полибия (Polyb. V. 96. 4–8), предположительно, он располагал незначительным городским отрядом.

На название должности и на круг полномочий должностного лица, видимо, влияли конкретно-историческая ситуация и личность (точнее лояльность по отношению к правителю) кандидата. Поэтому царским ставленником вполне мог стать представитель местной гражданской общины, а в распоряжение эпистата могли предоставить военные силы.

Но если происхождение и полномочия глав городов не были определяющим фактором для употребления Полибием того или иного термина, то можно предположить, что ахейский историк считал оборот ὁ δ' ἐπὶ τῆς πόλεως τεταγμένος тождественным термину «эпистат». Однако в противоречии с этим предположением находится непропорциональное использование историком этих терминов. Вероятно, Полибий все же не считал их взаимозаменяемыми.

Возможно, стоит вновь обратить внимание на особенности употребления этих терминов применительно к главам македонских городов. В эпиграфике используется термин «эпистат» [6, р. 382], а Полибий употребляет оборот с генетивом, при этом речь, видимо, идет об одних и тех же должностных лицах. Вполне вероятно, ахейский историк мог использовать термин «эпистат» в тех случаях, когда располагал какими-то официальными документами, в остальных случаях он применял более общий оборот. Скорее всего подобным образом историк поступал, и говоря о событиях в других эллинистических государствах.

Тот факт, что Полибий использовал термин ἐπιστάτης в отношении Брахилла, ставит перед нами весьма важный вопрос: следует ли считать, что Полибий видел документальное свидетельство, фиксировавшее назначение эпистата в Спарту, или историк употребил этот термин по другой причине? К сожалению, мы не располагаем документом, относящимся к учреждению союза 224 г. до н.э. Поэтому не известно, мог ли гегемон лиги иметь право назначать эпистата в греческий город.

О полномочиях гегемона можно судить на основании косвенных данных. Гегемон владел правом созыва синедров (Polyb. IV. 22. 2; V. 28. 3; 102. 8–9), высказывал свои предложения (Polyb. IV. 24. 5–8), председательствовал в совете (Polyb. IV. 13. 7). Как военный глава союза он созывал войска союзных государств (Polyb. V. 17. 9; 20. 1), вероятно, самостоятельно определяя стратегию и тактику военных действий, являясь главнокомандующим на войне. Гегемон решал споры между членами лиги (Polyb. IV. 24. 4). Думается, однако, что на долю гегемона приходились мелкомасштабные конфликты, арбитраж же оставался за синедрионом. Кроме того, во внутренних конфликтах, пока они не угрожали интересам лиги, гегемон ограничивался высказыванием своего мнения или предупреждения (Polyb. IV. 24. 4–5).

Конечно, можно привести много примеров нарушений македонскими царями статей договоров с греками. Например, по договору Эллинской лиги 224 г. до н.э. запрещалось введение гарнизонов (Polyb. IV. 25. 7). Однако македонские гарнизоны располагались во многих местах (например, Polyb. II. 52. 4; 54. 1; IV. 6. 5–6; 80. 15; XVIII. 11. 5; 45. 5; Plut. Arat. 16, 45; Liv. 32. 16. 18; Liv. XXXII. 17. 4–18. 3; Liv. XXXII. 16. 12; 24), а согласно недавним находкам – еще и в Кине, поскольку там был найден военный устав гарнизонной службы, идентичный известному ранее из Халкиды [13, р. 29 suiv]. Если обратиться к более ранним примерам, то наиболее подробный разбор нарушений статей договора 338 г. до н.э. содержится в речи Псевдо-Демосфена «О договоре с Александром» (Ps-Dem. XVII). Однако все приведенные примеры нельзя трактовать в том смысле, что македонские цари, заключив союз с греками, бесконтрольно хозяйничали в греческих городах. Подобное предположение не отражает всей сложности взаимоотношений греков и македонян в рамках

таких организаций, как Эллинские лиги. Гегемон союза, как правило, был вынужден обосновывать подобные нарушения, а иногда и отказывался от задуманного проекта под давлением союзников, как это случилось с Филиппом V, намеревавшимся установить македонский гарнизон на Ифоме (Plut. Arat. 50). Кроме того, стоит обратить внимание на тот факт, что Полибий не подчеркивает незаконность действий Антигона, говоря об установлении эпистата в Спарте.

Как известно, Спарта после разгрома в Клеоменовой войне была вынуждена стать членом Эллинской лиги [7, p. 183; 14, с. 250; 15, с. 186; 16, p. 325; 17, p. 264; 18, p. 148; 19, 457; 20, p. 472; 21, p. 362]. Македонский царь должен был понимать, что государство, насильственно включенное в состав лиги, будет ждать удобного момента, чтобы отказаться от навязанных обязательств, ведь греки никогда не верили в понятие «мира любой ценой» [22, p. 510]. Возможно, употребление Полибием термина «эпистат» применительно к Спарте должно было вызывать ассоциацию с зависимым от македонян положением города.

Но назначение эпистата после сражения при Селласии должно было получить хотя бы формальное одобрение союзников или основного партнера по лиге, т.е. ахейского стратега. Б. Шимрон считает [23, p. 68], что стратег Арат, один из «архитекторов» лиги, был заинтересован не во включении Спарты в лигу, а скорее в ее аннексии. Но нельзя забывать об интересах македонского царя. Позиция Досона в Греции только начала приближаться к положению прежних македонских правителей. Если он хотел закрепить свое положение в Пелопоннесе, ему следовало поступать осторожно. С одной стороны, нельзя было действовать жесткими методами, чтобы не вызвать негативную реакцию союзников; с другой стороны, царь не мог допустить чрезмерного усиления Ахейского союза.

Возможно, назначение эпистата в Спарту было компромиссным решением союзников, устраивавшим обоих лидеров. Для Досона было важно, что семья Брахилла придерживалась промакедонских взглядов, а союзников устраивал прежде всего тот факт, что кандидат не был подданным македонского царя. Волне вероятно, что употребление ахейским историком термина «эпистат» в отношении Брахилла можно считать подтверждением того, что соглашение ахейского стратега и македонского царя было закреплено документально.

Список литературы

1. **Figueira, T.** Governing Interstate Alliances / T. Figueira, S. R. Jensen // A Companion to Ancient Greek Government / ed. by H. Beck. – Wiley-Blackwell, 2013. – P. 480–496.
2. **Hammond, N. G.** Philip of Macedon / N. G. Hammond. – Baltimore, 1994. – 235 p.
3. **Ma, J.** Court, King, and Power in Antigonid Macedonia / J. Ma // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD / ed. by R. J. L. Fox. – Leiden ; Boston, 2011. – P. 521–544.
4. **Самохина, Г. С.** Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н.э. / Г. С. Самохина // Социальная структура и политическая организация античного общества : межвуз. сб. / под ред. проф. Э. Д. Фролова. – Л., 1982. – С. 104–119.
5. **Juhel, P.** 'Ο ἐπί + substantif au génitif, titre des fonctionnaires de l'administration hellénistique en général et des hauts fonctionnaires royaux de la Macédoine antigonide

- en particulier / P. Juhel // *Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*. – 2009. – № 24. – P. 59–76.
6. **Hatzopoulos, M. B.** *Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 1: a historical and epigraphic study.* МΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 22 / M. B. Hatzopoulos. – Athens, 1996. – 520 p.
 7. **Errington, R. M.** *A history of Macedonia* / R. M. Errington. – Berkeley ; Los Angeles ; Oxford, 1990. – 320 p.
 8. **Hatzopoulos, M. B.** *The Cities* / M. B. Hatzopoulos // *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD* / ed. by J. Robin. – Leiden ; Boston, 2011. – P. 235–241.
 9. **Климов, О. Ю.** Пергамское царство: проблемы политической истории и государственного устройства / О. Ю. Климов. – СПб., 2010. – 400 с.
 10. **Бикерман, Э.** Государство Селевкидов / Э. Бикерман ; пер. с франц. Л. М. Глускиной. – М., 1985. – 264 с.
 11. **Смирнов, С. В.** Государство Селевка I (политика, экономика, общество) / С. В. Смирнов. – М., 2013. – 344 с.
 12. **Cartledge, P.** *Hellenistic and Roman Sparta, a tale of two cities* / P. Cartledge, A. Spawforth. – London ; New York, 1989. – 312 p.
 13. **Hatzopoulos, M. B.** *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux.* МΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 30 / M. B. Hatzopoulos. – Athènes, 2001. – 182 p.
 14. **Ранович, А. Б.** Эллинизм и его историческая роль / А. Б. Ранович. – М. ; Л., 1950. – 381 с.
 15. **Хабиخت, Х.** Афины. История города в эллинистическую эпоху / Х. Хабиخت ; пер. с нем. Ю. Г. Виноградова. – М., 1999. – 416 с.
 16. **Larsen, J. A. O.** *Greek Federal States. Their Institutions and History* / J. A. O. Larsen. – Oxford, 1968. – 540 p.
 17. **Oliva, P.** *Sparta and her Social Problems* / P. Oliva. – Prague, 1971. – 342 p.
 18. **Forrest, W. G.** *A history of Sparta 950–192 B. C.* / W. G. Forrest. – L., 1980. – 160 p.
 19. **Walbank, F. W.** *A historical commentary on Polybios* / F. W. Walbank. – Oxford, 1957. – Vol. 1. – 776 p.
 20. **Walbank, F. W.** *Macedonia and the Greek Leagues* / F. W. Walbank // *CAH*². – 1984. – Vol. 7. – P. 446–513.
 21. **Hammond, N. G.** *A history of Macedonia* / N. G. Hammond, F. W. Walbank. – Oxford, 1988. – Vol. 3. – 627 p.
 22. **Ager, S. L.** *Interstate Governance: Arbitration and Peacekeeping* / S. L. Ager // *A Companion to Ancient Greek Government* / ed. by H. Beck. – Wiley-Blackwell, 2013. – P. 497–511.
 23. **Shimron, B.** *Late Sparta. The Spartan revolution 243–146 B. C.* / B. Shimron. – Buffalo, 1972. – 167 p.

References

1. Figueira T., Jensen S. R. *A Companion to Ancient Greek Government.* Wiley-Blackwell, 2013, pp. 480–496.
2. Hammond N. G. *Philip of Macedon.* Baltimore, 1994, 235 p.
3. Ma J. *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD.* Leiden; Boston, 2011, pp. 521–544.
4. Samokhina G. S. *Sotsial'naya struktura i politicheskaya organizatsiya antichnogo obshchestva: mezhvuz. sb.* [Social structure and political organization of the antique society: interuniversity collected papers]. Leningrad, 1982, pp. 104–119.
5. Juhel P. *Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik* [Fate. On ancient history, epigraphies and papyrologies]. 2009, no. 24, pp. 59–76.

6. Hatzopoulos M. B. *Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 1: a historical and epigraphic study*. МΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 22. Athens, 1996, 520 p.
7. Errington R. M. *A history of Macedonia*. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1990, 320 p.
8. Hatzopoulos M. B. *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD*. Leiden; Boston, 2011, pp. 235–241.
9. Klimov O. Yu. *Pergamskoe tsarstvo: problemy politicheskoy istorii i gosudarstvennogo ustroystva* [Pergamum kingdom: problems of political history and state structure]. Saint-Petersburg, 2010, 400 p.
10. Bikerman E. *Gosudarstvo Selevkidov: per. s frants. L. M. Gluskinoy* [The state of Seleukids: translation from French by L. M. Gluskina]. Moscow, 1985, 264 p.
11. Smirnov S. V. *Gosudarstvo Selevka I (politika, ekonomika, obshchestvo)* [The state of Seleuk I (policy, economy, society)]. Moscow, 2013, 344 p.
12. Cartledge P., Spawforth A. *Hellenistic and Roman Sparta, a tale of two cities*. London; New York, 1989, 312 p.
13. Hatzopoulos M. B. *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux*. МΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 30 [Leadership of the Macedonian army during the rule of Antigonids. Ancient problems and new documents]. Athènes, 2001, 182 p.
14. Ranovich A. B. *Ellinizm i ego istoricheskaya rol'* [Hellinism and its historical importance]. Moscow; Leningrad, 1950, 381 p.
15. Khabikht Kh. *Afiny. Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epokhu: per. s nem. Yu. G. Vinogradova* [Athens. City history at the hellinistic age: translation from German by Yu. G. Vinogradov]. Moscow, 1999, 416 p.
16. Larsen J. A. O. *Greek Federal States. Their Institutions and History*. Oxford, 1968, 540 p.
17. Oliva P. *Sparta and her Social Problems*. Prague, 1971, 342 p.
18. Forrest W. G. *A history of Sparta 950–192 B. C*. London, 1980, 160 p.
19. Walbank, F. W. *A historical commentary on Polybios*. Oxford, 1957, vol. 1, 776 p.
20. Walbank F. W. *CAH2*. 1984, vol. 7, pp. 446–513.
21. Hammond N. G., Walbank F. W. *A history of Macedonia*. Oxford, 1988, vol. 3, 627 p.
22. Ager S. L. *A Companion to Ancient Greek Government*. Wiley-Blackwell, 2013, pp. 497–511.
23. Shimron B. *Late Sparta. The Spartan revolution 243–146 B. C*. Buffalo, 1972, 167 p.

Сивкина Наталья Юрьевна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории древнего
мира и классических языков, Институт
международных отношений и мировой
истории, Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород,
ул. Ульянова, 2)

E-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

Sivkina Natalia Yurievna

Doctor of historical sciences, associate
professor, professor at sub-department
of ancient world history and classical
languages, Institute of international relations
and world history, Nizhny Novgorod State
University named after N. I. Lobachevsky
(2 Ulyanova street, Nizhny Novgorod,
Russia)

УДК 94(3)

Сивкина, Н. Ю.

К вопросу об использовании Полибием термина «эпистат» /
Н. Ю. Сивкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 5–12.

С. В. Белоусов

ДВИЖЕНИЕ КОНВОЕВ ВОЕННОПЛЕННЫХ АРМИИ НАПОЛЕОНА ПО ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812–1814 гг.

Аннотация.

Актуальность и цели. В последние годы отечественная историческая наука проявляет повышенный интерес к изучению Отечественной войны 1812 г. Одной из проблем, стоящих перед исследователями, является изучение положения военнопленных армии Наполеона в различных губерниях Российской империи. Цель работы – рассмотрение вопросов, связанных с передвижением партий военнопленных армии Наполеона по территории Пензенской губернии в 1812 – начале 1814 г.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования диалектического метода познания исторических процессов, включающего в себя принципы историзма, объективности и системности, что помогло комплексно охарактеризовать различные источники и провести их сопоставление и анализ. Критическое отношение к источникам позволило выявить противоречия и найти ту позитивную информацию, которая могла быть искажена в результате субъективного отражения реальности.

Результаты. В Государственном архиве Пензенской области выявлены официальные документы высших и центральных органов власти, а также документация местных учреждений, позволяющие определить динамику передвижения партий военнопленных армии Наполеона по территории Пензенской губернии в 1812 – начале 1814 г.

Выводы. Отмечается, что уже осенью 1812 г. Пенза становится важным транзитным центром в Поволжье, через который военнопленные перемещались вглубь страны к определенному месту постоянного проживания. Установлено, что наибольшая активность в передвижении конвоев по территории губернии приходится на сентябрь–декабрь 2012 г. и май 2013 г. – январь 2014 г. На основе анализа архивных документов удалось установить время и направление движения, а также определить численность большинства транзитных партий военнопленных.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Пензенская губерния, военнопленные армии Наполеона.

S. V. Belousov

PASSAGE OF ESCORTS OF PRISONERS FROM THE NAPOLEON'S ARMY THROUGH THE TERRITORY OF THE PENZA PROVINCE IN 1812–1814

Abstract.

Background. In recent years, the national history has shown an increased interest in the study of the Patriotic War of 1812. One of the challenges faced by researchers consists in the examination of the status of war prisoners from the Napoleon's Army in various provinces of the Russian Empire. The aim of the article is to consider the issues, related to the passage of groups of prisoners from the Napoleon's Army through the territory of the Penza province in 1812 – the beginning of 1814.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was achieved through the dialectical method of studying historical processes, including the prin-

ciples of historicism, objectivity and systemacy. It helped to fully characterize the variety of sources, compare and analyze them. A critical attitude towards the sources made it possible to reveal contradictions and find positive information that could be distorted as a result of the subjective reflection of the reality.

Results. In the State Archives of the Penza Region the author found official documents of the state highest bodies and central authorities as well as local institutions' documentation the allowed to define the passage dynamics of war prisoners from the Napoleon's Army in the territory of the Penza province in 1812 – the beginning of 1814.

Conclusions. It is noted that in autumn Penza became an important transit center in the Volga region through which the war prisoners were moved inland to the place of permanent residence determined for them. It is found that the highest activity in the movement of convoys through the province territory occurred in September–December 1812 and May 1813 – January 1814. Based on the analysis of archival documents the author managed to determine the time and the movement direction as well as to determine the size of most transit groups of war prisoners.

Key words: the Patriotic War of 1812, the Penza province, war prisoners from the Napoleon's army.

Среди различных вопросов пребывания пленных Великой армии в России, которые требуют дальнейшего изучения и самого пристального внимания, известный французский историк Ф. Бокур назвал выяснение маршрутов движения партий военнопленных по территории Российской империи и определение условий их конвоирования [1, с. 59]. Некоторые вопросы, связанные с передвижением военнопленных по территории Среднего Поволжья, уже затрагивались автором [2; 3; 4, с. 191–200]. Рассмотрим динамику передвижения военнопленных наполеоновской армии на примере Пензенской губернии.

По мнению Б. П. Миловидова и С. Н. Хомченко, «установить время прибытия в Пензу первой партии военнопленных по архивным данным не представляется возможным», а первые документы на эту тему, сохранившиеся в ГАПО, относятся лишь к январю 1813 г. [5, с. 261]. Однако это далеко не так. На основании «Журналов исходящих бумаг канцелярии пензенского губернатора» и «Журналов и протоколов Пензенской казенной палаты» удалось восстановить время, порядок прохождения и направление движения большинства транзитных партий и в более раннее время, в сентябре–декабре 1812 г. Для этого использовались и сведения из «Журналов Саратовской казенной палаты», опубликованные Н. Ф. Хованским еще в 1912 г. [6, с. 229–237].

Согласно циркулярному предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова от 29 августа 1812 г., для жительства военнопленных были определены Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Вятская губернии [7, л. 4 – 4 об.]. В этой связи важнейшее значение для транспортировки пленных приобретали те тракты, по которым можно было попасть в указанные регионы. Два из них проходили через территорию Пензенской губернии. По Московскому тракту из Нижнего Новгорода через Арзамас – Саранск – Пензу – Петровск можно было попасть в Саратов и далее в Астрахань. По Тамбовскому тракту через Чембар – Пензу – Городище партии военнопленных следовали до Симбирска и далее по направлению на Оренбург.

Таким образом, уже осенью 1812 г. Пенза должна была стать важным транзитным центром в Поволжье, через который военнопленные проходили к месту своего постоянного проживания.

Большая часть военнопленных осенью-зимой 1812 г. следовала через Пензу по тракту из Нижнего Новгорода в Саратов. Точное количество партий, двигавшихся в этом направлении, установить сложно. Основываясь на сведениях, содержащихся в «Журналах Саратовской казенной палаты», Н. Ф. Хованский полагал, что с конца октября 1812 г. до начала января 1813 г. в Саратовскую губернию прибыло девять партий, из которых только в трех была указана численность военнопленных [6, с. 229–232]. К этому числу, как минимум, следует добавить две партии, прибывшие в Саратовскую губернию ранее 16 сентября, и три партии из Воронежа, о которых также сообщает Н. Ф. Хованский [6, с. 229–230]. Однако в «Журналах» в основном фиксировались сведения о выдаче партионным офицерам денег на обратный путь. Как справедливо отмечают В. А. Бессонов и В. П. Тотфалушин, не все офицеры, сопровождавшие пленных, могли нуждаться в денежных средствах. Следовательно, количество партий, прибывших в Саратовскую губернию в означенный период, должно быть больше отмеченного в «Журналах» [8, с. 165–166].

В настоящее время известно об 11 партиях военнопленных, проследовавших в Саратов через Пензу осенью-зимой 1812 г. Но, безусловно, их количество было большим. Еще две партии прошли через губернский центр, направляясь из Тамбова в Симбирск (табл. 1).

Таблица 1

Партии военнопленных Великой армии,
проходившие через Пензу в сентябре–декабре 1812 г.

Дата прибытия в Пензу	Направление движения	Состав				Всего
		Генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Нижние чины	
16.09	Н. Новгород – Саратов	–	–	6	153	159
10.10	Н. Новгород – Саратов	–	1	9	207	217
15.10	Тамбов – Оренбург	–	–	14	241	255
19.10	Н. Новгород – Саратов	–	–	–	33	33
30.10	Н. Новгород – Саратов	–	–	4	226	230
1.11	Н. Новгород – Саратов	–	–	–	456	456
3.11	Н. Новгород – Саратов	–	–	–	200	200
8.11	Н. Новгород – Саратов	–	–	–	127	127
18.11	Н. Новгород – Саратов	–	–	–	236	236
21.11	Н. Новгород – Саратов	–	–	10	2	12
2.12	Тамбов – Симбирск	–	–	9	21	30
9.12	Н. Новгород – Саратов	–	–	9	1	10
26.12	Н. Новгород – Саратов	–	–	–	149	149
Неизвестно		1	–	–	316	317
	Всего	1	1	61	2368	2431

Источник: рассчитано по: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440, 508; Ф. 60. Оп. 1. Д. 405, 406, 407.

Первая партия военнопленных прибыла в Пензу 16 сентября 1812 г. Она следовала из Нижнего Новгорода под начальством подпоручика Нижегородского гарнизонного батальона Козлова. Партия состояла из пяти обер-офицеров, 153 «нижних чинов» и одного французского офицера-дезертира А. Париса. Последнему местом его пребывания была определена Пенза. Остальные военнопленные проследовали далее по тракту в Саратов с конвойным офицером подпоручиком Пензенского внутреннего гарнизонного батальона Поздняковым [9, л. 254 об.; 10, л. 4; 11, л. 237–238]. Вскоре транспорты военнопленных, шедшие по дорогам Пензенской губернии, стали чуть ли не обыденным явлением. Известный мемуарист первой половины XIX в. Ф. Ф. Вигель, бывший в это время в Пензе, отмечал, что в октябре «в великом множестве начали, как говорил народ, пригонять пленных» и «поворотиться» в городе «было трудно» [12, кн. 2, с. 667].

10 октября в Пензу прибыла партия военнопленных, состоявшая из одного штаб-, девяти обер-офицеров и 207 «нижних чинов», под командой прапорщика Симбирского гарнизонного батальона Петрова [9, л. 370 об.]. 15 октября в губернский центр вступила партия военнопленных численностью 255 человек (14 обер-офицеров и 241 «нижний чин») с конвоем под начальством прапорщика князя Чанышева [9, л. 387]. Она направлялась из Тамбова в Оренбург. Очевидно, именно в ее составе находился капитан французского 2-го конно-егерского полка П. Ноказ, позднее описавший свое пребывание в Пензе.

19 октября в город прибыла партия военнопленных, состоявшая из 33 «нижних чинов» под командой прапорщика Нижегородского гарнизонного батальона Савельева. Она следовала из Нижнего Новгорода. Для ее сопровождения далее по тракту в Саратов была выделена конвойная команда из Пензенского гарнизонного батальона во главе с поручиком Волковым [9, л. 415, 431 – 431 об., 434].

30 октября партию военнопленных численностью 230 человек (два обер-офицера, один доктор, один шляхтич и 226 «нижних чинов») привел в Пензу из Нижнего Новгорода штабс-капитан Нижегородского гарнизонного батальона Савинич. Здесь партию принял подпоручик Пензенского гарнизонного батальона Равдогорцев, который и сопровождал ее в Саратовскую губернию [9, л. 494 об.; 13, л. 382]. В ней находился врач 1-го класса польского 10-го гусарского полка С. Б. Пешке, который в своих воспоминаниях сообщил интересные подробности пребывания в Пензе, и швейцарец Ле Блан, попавший в плен по недоразумению и оставленный в губернском центре до выяснения всех подробностей его пленения [14, р. 33–35; 15].

1 ноября в Пензу прибыл большой транспорт военнопленных «нижних чинов» численностью 456 человек под командой капитана Нижегородского гарнизонного батальона Ащепкова, следовавший по тракту из Нижнего Новгорода в Саратов. Для дальнейшего препровождения пленных был назначен конвой, состоящий из двух унтер-офицеров и шести рядовых Пензенского гарнизонного батальона под командой прапорщика Косаговского [9, л. 501 – 501 об.; 16, л. 30 – 30 об.]. Через два дня в Пензу вступила еще одна партия военнопленных численностью 200 человек с конвоем под командой прапорщика Нижегородского гарнизонного батальона Семенова, также направлявшаяся в Саратов [6, с. 232; 16, л. 63 – 63 об.].

8 ноября в Пензу прибыла партия пленных в составе 127 «нижних чинов», которую привел штабс-капитан Смоленского гарнизонного батальона Сурин. На следующий день она выступила из города по тракту в Саратов [6, с. 230; 9, л. 529; 16, л. 95 об. – 96]. 18 ноября в Пензе находился транспорт военнопленных, насчитывавший 236 «нижних чинов», под начальством подпоручика 31-й подвижной инвалидной роты Пучкина. Она также направлялась по тракту из Нижнего Новгорода в Саратов [6, с. 232; 9, л. 577 – 578 об.]. 21 ноября в Пензу из Нижнего Новгорода были доставлены 10 обер-офицеров, среди которых находились восемь офицеров прусской службы, капитан Пфостер и французский поручик Декурсель, а также два «нижних чина». В тот же день они были отправлены в Саратов с квартальным надзирателем Толстиковым [9, л. 585; 17, с. 169, 172, 174].

2 декабря 1812 г. в Пензу прибыла партия военнопленных численностью 30 человек (девять обер-офицеров и 21 «нижний чин») под командой подпоручика Давыдова, следовавшая по Тамбовскому тракту на Симбирск. Три обер-офицера по болезни были оставлены в городе. Остальные отправились дальше в сопровождении штабс-капитана Фомичева [9, л. 608]. 9 декабря из Пензы в Саратов выступила небольшая партия военнопленных, насчитывавшая 10 человек (девять офицеров и один рядовой), с сенатским канцеляристом Миллером [6, с. 232; 9, л. 680].

Со второй декады декабря 1812 г. прохождение партий военнопленных через Пензенскую губернию было временно прекращено, что явилось следствием волнений ратников Пензенского ополчения, произошедших в Инсаре, Саранске и Чембаре. 11 декабря в Пензе было получено отношение нижегородского губернатора о выходе из Нижнего Новгорода партии военнопленных численностью 265 человек под командой подпоручика Козлова. Количество пленных в ней было гораздо большим. Но, как сообщалось в отношении, 186 «нижних чинов» уже умерло в пути, а еще 20 больных были оставлены в Нижнем Новгороде. Партия должна была проследовать по Московскому тракту через Саранск и Пензу в Саратов [18, л. 143 – 143 об.]. Пензенский губернатор князь Г. С. Голицын проинформировал нижегородского губернатора о волнениях ратников Пензенского ополчения в Саранске и просил «предписать партионному офицеру следовать с сими пленными с Арзамаса на Ардатов и Карсун Симбирской губернии, а оттуда на Кузнецк и Петровск в Саратов» [18, л. 144 – 144 об.]. Однако, очевидно, эта партия военнопленных так и не пошла в Саратов этим обходным путем, а была на время задержана в пути. Известно, что она прибыла в Пензу 26 декабря, уже после подавления волнений ратников. Численность ее к этому времени сократилась до 149 человек. Из Пензы военнопленные были отправлены в Саратов под надзором подпоручика Саратовского гарнизонного батальона Удачина [16, л. 448–449].

Конвоирование военнопленных было приостановлено из-за распространявшихся болезней предписанием от 24 декабря 1812 г., которое было получено в Пензе 6 января 1813 г., а циркуляром от 28 января 1813 г. подтверждено, чтобы «все пленные, без изъятия, оставлены были там, где повеление их настигнет, и отнюдь далее не были отправлены, впредь до особого распоряжения» [7, л. 18, 20].

Одновременно с остановкой движения партий военнопленных правительство предприняло меры по сбору данных об их количестве. Губернаторам

предписывалось собрать сведения о проходивших через их губернии транспортах, о числе находящихся налицо военнопленных и количестве умерших. Все собранные на местах материалы посылались при рапортах, составленных в феврале–марте 1813 г. на имя императора. По ведомости, составленной в Канцелярии пензенского губернатора, на 14 января 1813 г. в Пензенской губернии состояло налицо три обер-офицера и один «нижний чин», а также под надзором полиции находился французский офицер-дезертир. По болезни в Пензе были оставлены лейтенант французского 5-го гусарского полка Ш. Пьерпон (Pierpont), хирург 1-й пехотной дивизии М. Пасто (Pastaru) и аптекарь 2-й пехотной дивизии Б. Валот (Vallot) [19, л. 1–3, 13, 15, 36], а рядовой французской армии Ф. Дега в начале февраля 1813 г. был отправлен в Саратов. Ш. Пьерпон, М. Пасто и Б. Валот стали первыми военнопленными, которые провели свой плен в Пензенской губернии.

До остановки движения военнопленных в начале 1813 г. через Пензенскую губернию в различных партиях в общей сложности прошли один генерал (барон Корсен), 62 штаб- и обер-офицера (трое из них остались в Пензе) и 2368 «нижних чинов». Из рапорта пензенского губернатора князя Г. С. Голицына, поданного на высочайшее имя, видно, что в сентябре–декабре 1812 г. через Пензу в Саратов проследовали один генерал, 56 штаб- и обер-офицеров и 2346 «нижних чинов» (В. А. Бессонов и В. П. Тотфалушин приводят иные цифры (один генерал, 59 офицеров и 2368 «нижних чинов»), ошибочно включив партию военнопленных (шесть обер-офицеров и 22 «нижних чина»), следовавших из Тамбова в Симбирск с подпоручиком Давыдовым) [8, с. 166], в Симбирск – шесть обер-офицеров и 22 «нижних чина» [7, л. 23 – 23 об.]. Вероятно, в рапорте князя Г. С. Голицына имеется ошибка. Партия пленных, состоявшая из 14 офицеров и 241 «нижнего чина», которая следовала под командой прапорщика князя Ченышева из Тамбова в Оренбург, ошибочно внесена в список партий, направлявшихся в Саратов. При суммировании данных о численности 13 партий военнопленных, проходивших по территории Пензенской губернии, которые известны, в итоге были получены следующие цифры: 62 штаб- и обер-офицера и 2052 «нижних чина» (см. табл. 1). Следовательно, неизвестным остается время прохождения через Пензу генерала Корсена и 316 «нижних чинов».

При конвоировании военнопленных через Пензенскую губернию умерло 12 «нижних чинов» (пятеро в Пензе, трое в с. Вазерки, по одному в селах Ломовка и Лунино Мокшанского уезда, еще двое в с. Каменка Нижнеломовского уезда), «коих тела преданы земле разстоянием от селениев в трех верстах», а в Пензе – «в отдаленном от города месте близ кладбища, находящегося за Тамбовскою заставою» [7, л. 25–27].

Движение конвоев через территорию Пензенской губернии возобновилось лишь весной 1813 г., когда из западных губерний Российской империи пленные наполеоновской армии стали перемещаться вглубь страны (табл. 2). Это было связано как с временными военными неудачами союзников в Саксонии, так и с увеличением концентрации российских войск у западных границ, в том числе и за счет перемещения туда резервных войск под командованием Д. И. Лобанова-Ростовского. Вместе с тем зимой-весной 1813 г. появляются первые циркулярные предписания Главнокомандующего в Санкт-Петербурге, касающиеся репатриации некоторых категорий военнопленных,

и начинается их отправление на родину. Свободу получали пленные пруссаки, мекленбургцы, жители герцогства Ангальт-Дессау, саксонцы (вскоре их отправление на родину было приостановлено до особого распоряжения, которое последовало только 9 ноября), австрийцы, ганноверцы, нидерландские подданные.

Таблица 2

Партии военнопленных и отдельные военнослужащие армии Наполеона, проходившие через Пензу или оставленные в губернии на жительство в мае 1813 г. – январе 1814 г.

Дата прибытия в Пензу	Направление движения	Состав				Всего
		Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Нижние чины	Женщины и дети	
28.05	Саратов – Н. Новгород	1	10	11	–	22
6.06	Саратов – Н. Новгород	–	–	102	–	102
17.06	Тамбов – Пенза	8	100	24	–	132
27.06	Саратов – Н. Новгород	–	–	74	–	74
4.07	Вологда – Астрахань	2	22	12	1	37
11.07	Саратов – Санкт-Петербург	–	1	–	–	1
14.07	Н. Новгород – Астрахань	4	21	11	1	37
12.08	Могилев – Пенза	–	49	–	–	49
22.08	Тамбов – Ишим	–	–	215	–	215
25.09	Тамбов – Ишим	–	33	14	2	49
4.10	Тамбов – Пенза – Симбирск	–	9	245	–	254
2.11	Тамбов – Пенза – Симбирск	4	29	11	–	44
18.11	Рославль – Пенза	1	6	126	8 (2)	143
26.01	Тамбов – Пенза	–	3	99	4	106
	Всего	20	283	944	16 (2)	1265

Источник: рассчитано по: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419, 455, 458, 459, 462, 509; Ф. 60. Оп. 1. Д. 422–425.

30 апреля 1813 г. в Пензе было получено три циркулярных предписания С. К. Вязмитинова (одно от 11 апреля и два от 15 апреля) об отправлении военнопленных поляков из Могилевской, Рязанской и Воронежской губерний в Ишим. Пленные должны были препровождаться вглубь страны малыми партиями по определенному им маршруту, в том числе и по территории Пензенской губернии. 655 военнопленных поляков из Могилевской губернии должны были проследовать по тракту Шацк – Краснослободск – Починки – Ардатов, 23 поляка из Рязанской губернии – по тракту Темников – Краснослободск – Саранск – Алатырь, 263 человека из Воронежской губернии – по тракту Тамбов – Чембар – Пенза – Кузнецк [7, л. 40–41, 42–43, 44–45; 20, с. 326–327, 330].

В третьей декаде мая 1813 г. в Пензу прибыла партия военнопленных численностью 22 человека (подполковник ганноверской службы, поручик

португалец, девять обер-офицеров вестфальцев и при них десять «нижних чинов» вестфальской службы и один «гишпанец»), следовавшая из Саратова в Санкт-Петербург в сопровождении квартального надзирателя Митюриня для пересылки их в Ревель [21, л. 47 об., 485–486]. Среди военнопленных находился шеф эскадрона 9-го шеволежерского (гамбургского) полка К. Хр. Л. Шенк фон Винтерштедт, который в своих воспоминаниях отразил свое пребывание в Пензе [17, с. 165–166].

В начале июня из Саратова по направлению на Нижний Новгород через Пензу проследовала партия военнопленных «нижних чинов» численностью 102 человека (80 испанцев, 17 португальцев и пять ганноверцев) [6, с. 234; 22, л. 47 об. – 48]. В конце июня вслед за ней по Московскому тракту отправилась еще одна партия военнопленных «нижних чинов», прибывшая из Саратова, которая включала 12 португальцев и 62 испанца [22, л. 508].

17 июня 1813 г. в Пензу прибыла первая партия военнопленных наполеоновской армии, которая подлежала размещению на постоянное жительство в Пензенской губернии. Она состояла из 132 человек (восемь штаб-, 100 обер-офицеров и приравненных к ним чиновников, 24 «нижних чина»). В этой партии находились обер-лейтенанты вюртембергской службы Л. Йелин и Ф. Ю. Зоден, оставившие воспоминания о своем пребывании в Пензенской губернии [23, л. 6, 19, 23 об.; 24, л. 83–86; 25; 26].

4 июля 1813 г. в Пензу прибыла партия военнопленных, состоявшая из двух штаб-, 22 обер-офицеров, 12 «нижних чинов» и одной женщины, которая следовала из Вологды в Астрахань. Она была отправлена в Саратов в сопровождении саранского квартального надзирателя Телешева [24, л. 89 – 90 об.]. Вскоре (14 июля) через губернский центр прошла еще одна партия военнопленных численностью 37 человек (четыре штаб-, 21 обер-офицер, 11 «нижних чинов» и одна женщина), следовавшая тем же маршрутом [24, л. 203].

11 июля в Пензу из Саратова в сопровождении драгуна Зайцева был доставлен военнопленный доктор итальянской королевской гвардии Иван Страмбио, который получил разрешение проживать в Санкт-Петербурге благодаря благорасположению к нему графа Литта [24, л. 178 – 178 об.].

12 августа 1813 г. в Пензу из Могилева прибыла партия военнопленных, которых предполагалось разместить на территории губернии. Она состояла из 49 обер-офицеров и приравненных к ним военных чиновников [27, л. 8]. Среди прочих в ней находился обер-лейтенант баварского 5-го линейного полка Ф. фон Фуртенбах, описавший в своих мемуарах время, проведенное им в российском плену, в том числе и на территории Пензенской губернии [28].

22 августа и 25 сентября через Пензу проследовали две партии пленных поляков, направлявшихся в Ишим согласно циркулярному предписанию С. К. Вязмитинова от 15 апреля 1813 г. Первая насчитывала 215 «нижних чинов», вторая состояла из 33 обер-офицеров, 14 «нижних чинов», одной офицерской и одной солдатской жен [29, л. 312 об.; 30, л. 428].

4 октября на жительство в Пензенскую губернию прибыла еще одна партия военнопленных, приведенная подпоручиком Рязского пехотного полка Расковым. Она состояла из 254 человек. 195 «нижних чинов» предполагалось отправить в Чембар. Трое были оставлены в Пензе. Остальные (девять обер-офицеров и 47 «нижних чинов» польской нации) проследовали дальше в Симбирск [27, л. 52, 59 об.; 31, л. 51, 52].

2 ноября через Пензу прошла партия военнопленных в составе четырех штаб-, 29 обер-офицеров и 11 «нижних чинов» под командой поручика Санкт-Петербургского ополчения Серебрякова. Она направлялась по тракту из Тамбова в Симбирск. 16 пленных (четыре штаб-, восемь обер-офицеров и четыре «нижних чина»), главным образом из различных германских государств, были оставлены в Пензе. Остальные проследовали далее по указанному маршруту [23, л. 125 – 125 об., 128].

18 ноября в Пензу из Рославля Смоленской губернии прибыла партия пленных, насчитывавшая 143 человека, в сопровождении конвоя, состоявшего из солдат Орловского гарнизонного батальона и «обывателей» под командой штабс-капитана Милковского. Среди военнопленных находились один штаб-офицер (шеф батальона 1-го полка, вольтижер 2-й дивизии Императорской гвардии, полковник Ж. Пион), шесть обер-офицеров, 126 «нижних чинов», восемь женщин и два ребенка. Их предполагалось разместить на территории Пензенской губернии [32, л. 4 – 4 об.].

Наконец, 26 января 1814 г. в Пензу из Орла прибыла на жительство последняя партия пленных численностью 106 человек (три обер-офицера, 99 «нижних чинов» и четыре женщины), приведенная дворянским заседателем Инсарского земского суда Станевичем [33, л. 2 – 2 об.].

Без всякого сомнения, через Пензенскую губернию могли проходить и другие партии военнопленных наполеоновской армии, сведения о которых в ГАПО не обнаружены либо из-за плохой сохранности документов, либо потому, что некоторые конвойные офицеры не обращались за помощью к местным органам власти, в частности – в Пензенскую казенную палату для выдачи денежных средств на содержание военнопленных. Известно, например, что в декабре 1813 г. по маршруту Моршанск – Нижний Ломов – Инсар – Саранск – Корсун прошла партия пленных, в которой находился лейтенант итальянского 2-го полка линейной пехоты Ф. Баджи, сообщивший в своих мемуарах ряд интересных подробностей своего вынужденного «путешествия» вглубь России [34, р. 163–169]. Информация же об этой партии военнопленных в ГАПО отсутствует.

Одновременно с прибытием в Пензу и перемещением во внутренние губернии различных партий пленных армии Наполеона, с ноября 1813 г. проходила репатриация военнопленных различных национальностей на родину, о чем будет рассмотрено в следующей публикации.

Список литературы

1. **Бокур, Ф.** Пленные великой армии Наполеона в России в 1812–1814 гг. / Ф. Бокур // 185 лет Отечественной войне 1812 года : сб. ст. – Самара : СамГПУ, 1997. – С. 47–60.
2. **Белоусов, С. В.** Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье / С. В. Белоусов // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2005. – № 4. – С. 80–86.
3. **Белоусов, С. В.** Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии / С. В. Белоусов // Моя малая Родина : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза : ПГПУ, 2005. – Вып. 2. – С. 201–215.
4. **Белоусов, С. В.** Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья) / С. В. Белоусов. – Пенза : ПГПУ, 2007. – 260 с.

5. **Миловидов, Б. П.** Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812–1814 гг. / Б. П. Миловидов, С. Н. Хомченко // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы : материалы XIII Всерос. науч. конф. (Бородино, 5–7 сентября 2005 г.). – М. : Полиграф сервис, 2006. – С. 261–288.
6. **Хованский, Н. Ф.** Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. / Н. Ф. Хованский. – Саратов, 1912. – 296 с.
7. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 419.
8. **Бессонов, В. А.** Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии / В. А. Бессонов, В. П. Тотфалушин // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года : материалы Всерос. науч. конф. – Саратов : Изд-во СГУ, 2002. – С. 163–176.
9. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440.
10. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 508.
11. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 405.
12. **Вигель, Ф. Ф.** Записки : в 2 кн. / Ф. Ф. Вигель. – М. : Захаров, 2003. – Кн. 1. – 608 с. ; Кн. 2. – 752 с.
13. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 406.
14. **Peszke, S.** Moj pobyt w niewoli rosyjskiej w 1812 r. / S. Peszke. – Warszawa, 1913.
15. **Белоусов, С. В.** Невероятные приключения швейцарца в России, или судьба «маленького человека» в эпоху Отечественной войны 1812 г. / С. В. Белоусов // Библиотечное дело. – 2012. – № 16. – С. 4–6.
16. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 407.
17. Саратовская губерния глазами пленных Великой армии : материалы к курсу «История Саратовского Поволжья» / сост. В. П. Тотфалушин. – Саратов : Наука, 2009. – 196 с.
18. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411.
19. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 465.
20. **Миловидов, Б. П.** Военнопленные поляки в Сибири в 1813–1814 гг. / Б. П. Миловидов // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы : материалы XV Междунар. науч. конф. (Бородино, 9–11 сентября 2008 г.). – Можайск, 2009. – С. 325–359.
21. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 422.
22. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 423.
23. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459.
24. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 424.
25. **Зоден, Ф. Ю.** Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / Ф. Ю. Зоден ; подг. публ., предисл., пер. и ком. канд. ист. наук, доц. С. В. Белоусова. – Пенза : ПГПУ, 2006. – 64 с.
26. **Йелин, Х.-Л.** Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера / Х.-Л. Йелин ; подг. публ., предисл., пер. и ком. д-ра ист. наук, проф. С. В. Белоусова. – Пенза : ГУМНИЦ, 2009. – 64 с.
27. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 458.
28. **Фон Фуртенбах, Ф.** Война против России и русский плен. Заметки оберлейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812–1813 гг. / Ф. фон Фуртенбах ; подг. публ., предисл. и ком. д-ра ист. наук С. В. Белоусова, канд. ист. наук С. Н. Хомченко ; пер. с нем. А. А. Кузнецова. – Пенза : ГУМНИЦ, 2008. – 44 с.
29. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 425.
30. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 426.
31. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 461.
32. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 462.
33. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 509.
34. *Memorie di Francesco Baggi.* – Bologna, 1898.

References

1. Bokur F. *185 let Otechestvennoy voyne 1812 goda: sb. st.* [185th anniversary of the Patriotic war of 1812: collected papers]. Samara: SamGPU, 1997, pp. 47–60.
2. Belousov S. V. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya* [Bulletin of Samara State University. Series: Humanities]. 2005, no. 4, pp. 80–86.
3. Belousov S. V. *Moya malaya Rodina: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [My home town: proceedings of the International scientific and practical conference]. Penza: PGPU, 2005, iss. 2, pp. 201–215.
4. Belousov S. V. *Provintsial'noe obshchestvo i Otechestvennaya voyna 1812 goda (po materialam Srednego Povolzh'ya)* [Provincial society and the Patriotic War of 1812 (by the materials of the Middle Volga region)]. Penza: PGPU, 2007, 260 p.
5. Milovidov B. P., Khomchenko S. N. *Otechestvennaya voyna 1812 goda: Istochniki. Pamyatniki. Problemy : materialy XIII Vseros. nauch. konf. (Borodino, 5–7 sentyabrya 2005 g.)* [The Patriotic War of 1812: Sources. Monuments. Problems: proceedings of XIII All-Russian scientific conference (Borodino, 5–7 September 2005)]. Moscow: Poligraf servis, 2006, pp. 261–288.
6. Khovanskiy N. F. *Uchastie Saratovskoy gubernii v Otechestvennoy voyne 1812 g.* [Saratov region's participation in the Patriotic War of 1812]. Saratov, 1912, 296 p.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (dalee – GAO)* [State Archive of Penza Region (hereinafter referred to as GAO)]. F. 5. Op. 1. D. 419.
8. Bessonov V. A., Totfalushin V. P. *Problemy izucheniya istorii Otechestvennoy voyny 1812 goda: materialy Vseros. nauch. konf.* [Problems in studying the history of the Patriotic War of 1812: proceedings of the All-Russian scientific conference]. Saratov: Izd-vo SGU, 2002, pp. 163–176.
9. GAO. F. 5. Op. 1. D. 440.
10. GAO. F. 5. Op. 1. D. 508.
11. GAO. F. 60. Op. 1. D. 405.
12. Vigel' F. F. *Zapiski: v 2 kn.* [Notes: in 2 books]. Moscow: Zakharov, 2003, bk. 1, 608 p.; bk. 2, 752 p.
13. GAO. F. 60. Op. 1. D. 406.
14. Peszke S. *Moj pobyt v niewoli rosyiskiey w 1812 r.* [My life in the Russian captivity in 1812]. Warszawa, 1913.
15. Belousov S. V. *Bibliotechnoe delo* [Librarianship]. 2012, no. 16, pp. 4–6.
16. GAO. F. 60. Op. 1. D. 407.
17. *Saratovskaya guberniya glazami plennykh Velikoy armii: materialy k kursu «Istoriya Saratovskogo Povolzh'ya»* [Saratov province through the eyes of the Great Army's prisoners: materials for the course of “Saratov Volga region history”]. Comp. by V. P. Totfalushin. Saratov: Nauka, 2009, 196 p.
18. GAO. F. 5. Op. 1. D. 411.
19. GAO. F. 5. Op. 1. D. 465.
20. Milovidov B. P. *Otechestvennaya voyna 1812 goda: Istochniki. Pamyatniki. Problemy: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf. (Borodino, 9–11 sentyabrya 2008 g.)* [The Patriotic War of 1812: Sources. Monuments. Problems: proceedings of XV All-Russian scientific conference (Borodino, 9–11 September 2008)]. J. Mozhaysk, 2009, pp. 325–359.
21. GAO. F. 60. Op. 1. D. 422.
22. GAO. F. 60. Op. 1. D. 423.
23. GAO. F. 5. Op. 1. D. 459.
24. GAO. F. 60. Op. 1. D. 424.
25. Zoden F. Yu. *Vospominaniya vyurtembergskogo ofitsera o ego prebyvanii v plenu v Penzenskoy gubernii* [Memoirs of a Wurttemberg officer on his captivity in Penza province]. Penza: PGPU, 2006, 64 p.
26. Yelin Kh.-L. *Dostopamyatnye dni moey zhizni. Pokhod i plen v Rossii. Iz dnevnika nemetskogo ofitsera* [Memorable days of my life. March and captivity in Russia. From a diary of a German officer]. Penza: GUMNITs, 2009, 64 p.

27. *GAPO*. F. 5. Op. 1. D. 458.
28. Fon Furtenbakh F. *Voyna protiv Rossii i russkiy plen. Zametki ober-leytenanta Fridrikha fon Furtenbakha 1812–1813 gg.: per. s nem. A. A. Kuznetsova* [War against Russia and Russian captivity. Notes by oberleutnant Friedrich von Furtenbach in 1812–1813: translation from German by A. A. Kuznetsov]. Penza: GUMNITs, 2008, 44 p.
29. *GAPO*. F. 60. Op. 1. D. 425.
30. *GAPO*. F. 60. Op. 1. D. 426.
31. *GAPO*. F. 5. Op. 1. D. 461.
32. *GAPO*. F. 5. Op. 1. D. 462.
33. *GAPO*. F. 5. Op. 1. D. 509.
34. *Memorie di Francesco Baggi* [Memoirs of Franchesco Baggi]. Bologna, 1898.
-

Белоусов Сергей Владиславович

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей
истории, историографии и археологии,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: sergbel_1812@mail.ru

Belousov Sergey Vladislavovich

Doctor of historical sciences, associate
professor, head of sub-department
of general history, historiography
and archaeology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 947.072.5

Белоусов, С. В.

Движение конвоев военнопленных армии Наполеона по территории Пензенской губернии в 1812–1814 гг. / С. В. Белоусов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 13–24.

А. Г. Перетокин

**ГОРНАЯ И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ОТРАСЛИ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ В 1904–1917 гг.****Аннотация.**

Актуальность и цели. Современное развитие промышленности с его подъемами и кризисами обуславливает необходимость детального изучения исторического опыта промышленно-экономического развития Юга России после всемирного кризиса 1900–1903 гг. В последующие годы (1904–1917 гг.) произошли важные политические события в Российской империи. Цель работы – проанализировать, как эти политические события повлияли на развитие горной и металлургической промышленности на Юге России.

Материалы и методы. Решение исследовательских задач было достигнуто на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Днепропетровской области, а также на основе изучения материалов отраслевой технической прессы, которая издавалась в Харькове и Екатеринославе (журналы «Горнозаводской листок» и «Горнозаводское дело»). Методологический потенциал включает: сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить состояние промышленно-экономического развития Юга России в разные годы; статистический метод, который необходим для анализа данных, связанных с изменениями в добыче угля, а также в производстве металлургической промышленности.

Результаты. Исследовано развитие горной и металлургической промышленности на Юге России после промышленно-экономического кризиса 1900–1903 гг., проанализировано влияние на развитие горной и металлургической промышленности важных политических событий, которые происходили в Российской империи в период с 1904 по 1917 г. Установлены особенности развития этих отраслей промышленности в определенные моменты послекризисного периода.

Выводы. Анализ процесса развития горной и металлургической промышленности на Юге России после всемирного промышленно-экономического кризиса 1900–1903 гг. позволяет установить основные тенденции развития, которые были в основном довольно высокие, хотя периодически снижались под воздействием серьезных политических событий, потрясавших Российскую империю в эти годы. Царское правительство поддерживало процесс концентрации горной и металлургической промышленности, способствовало работе железнодорожного и водного транспорта, обращало внимание на решение отдельных профессиональных и социальных проблем.

Ключевые слова: горная промышленность, металлургическая промышленность, Юг России, процесс концентрации, отраслевая пресса.

А. Г. Peretokin

**MINING AND METALLURGICAL BRANCHES OF INDUSTRY
IN THE SOUTH OF RUSSIA (1904–1917)****Abstract.**

Background. The necessity of the detailed studying of the historical experience of the economic industrial development of the South of Russia after the world crisis of 1900–1903 is caused by the modern development of the industry with its rises and crises. The aim of the work is to analyze the influence of the political events on the

development of the mining and metallurgical branches of the industry in the South of Russia.

Materials and methods. Realization of the research objectives was achieved through the usage of documents retrieved from the collection of the State Archives of Dnepropetrovsk Region and also through studying the materials of the branch technical press published in Khar'kov and Yekaterinoslav (the journals «Gornozavodskoy listok» and «Gornozavodskoe delo»). The methodological potential included the comparative historical method that enabled to compare the state of economic and industrial development of the South of Russia in different years; the statistical method which was used for the analysis of the data related to changes in coal output and production of the metallurgical industry.

Results. The author researched the development of the mining and metallurgical branches of the industry in the South of Russia after the economic and industrial crisis of 1900–1903; analyzed the influence of the important political events in the Russian empire in 1904–1917 on the development of the mining and metallurgical branches of the industry; defined the development peculiarities of these branches of the industry during certain periods.

Conclusions. The analysis of the development process of the mining and metallurgical branches of the industry in the South of Russia after the world economic and industrial crisis of 1900–1903 allows to define main trends of development which were rather high but were lowered periodically under the influence of important political events shaking the Russian empire during those years. The tsarist government supported the concentration process of the mining and metallurgical branches of the industry, promoted the railway and river transport, paid attention to solving some professional and social problems.

Key words: mining branch, metallurgical branch, the South of Russia, concentration process, branch press.

После экономического кризиса 1900–1903 гг., который повлиял на различные отрасли промышленности и снизил темпы ее развития, в 1904 г. произошло оживление южной промышленности. Начало русско-японской войны способствовало усилению спроса на минеральное топливо и, следовательно, оживлению промышленной деятельности, но вскоре ситуация изменилась. Война ухудшила состояние государственных финансов и денежного обращения, которое было важным условием развития индустрии и привлечения иностранных капиталов в промышленность Юга России. Революционные события 1905–1907 гг., забастовки, нестабильная политическая ситуация в стране – все это негативно сказалось на основных производственных отраслях. Под влиянием мирового промышленного кризиса 1908–1909 гг. горная и металлургическая отрасли находились в подавленном состоянии. Оно улучшилось только во время промышленного подъема 1910–1913 гг. Военные действия Первой мировой войны и революционные события 1917 г. затормозили индустриальное развитие Юга России. Важно исследовать на материалах отраслевой прессы воздействие этих политических событий на развитие горной и металлургической промышленности.

Проблема промышленно-экономического развития Юга России привлекала внимание исследователей, потому что развитие таких важных отраслей, как каменноугольная и металлургическая, не теряло своей актуальности. Заслуживают внимания исследования таких ученых, как: С. Г. Струмилин, П. А. Хромов, А. А. Нестеренко, Т. И. Деревянкин, В. В. Крутиков, Б. М. Миронов, Ф. Г. Турченко, А. Б. Шляхов, И. В. Довжук, посвященные изучаемой

проблеме [1–9]. В этих работах недостаточно использовалась отраслевая пресса как один из важных источников изучения развития горной и металлургической отраслей промышленности в период после тяжелого экономического кризиса 1900–1903 гг. и до начала Октябрьской революции 1917 г.

Цель статьи – проанализировать на материалах отраслевой прессы процесс развития горной и металлургической отраслей промышленности на Юге России после экономического кризиса 1900–1903 гг. и до начала Октябрьской революции, рассмотреть, как определенные исторические события влияли на их развитие.

Проблема роста добычи донецкого каменного угля была актуальной весь рассматриваемый период. Материалы отраслевой прессы свидетельствуют о том, что, во-первых, в Донецком бассейне добыча угля с 1906 по 1912 г. увеличилась на 35 % [10, с. 8298–8303; 11, с. 1–41; 12, с. 9001–9004], во-вторых, эта динамика не всегда была положительной.

Статистические данные Совета съездов горнопромышленников Юга России, приведенные в отраслевом журнале «Горнозаводское дело» (ГЗД), позволяют составить табл. 1, которая характеризует состояние угольной промышленности в Донецком бассейне в годы после мирового экономического кризиса 1900–1903 гг.

Таблица 1

Добыча минерального топлива в Донецком бассейне (1904–1912 гг.)

Годы	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912
Минеральное топливо, млн пуд.	799	796	904	1061	1115	1090	1019	1210	1282

Источник: ГЗД. – 1913. – № 13–14. – С. 7071–7074.

В докладе министра торговли и промышленности, который был напечатан в 1913 г. в журнале ГЗД, приводились данные о размере ежегодного прироста добычи угля по периодам. С 1893 до 1900 г. прирост составлял до 23,3 %, что было обусловлено промышленным подъемом и возникновением новых заводов в регионе. В 1901–1902 гг. промышленный кризис приостановил прирост добычи (+0,47 % – в 1901 г.; –2,95 % – в 1902 г.); но, как свидетельствуют статистические данные, уже в 1903 г. началось постепенное улучшение ситуации (+7,98 %). Государственные заказы военного времени обусловили значительный прирост добычи в 1904 г. (+12,93 %). Забастовки, восстания, уменьшение движения на железных дорогах вызвали падение добычи угля (–1,69 % – в 1905 г.). С 1906 по 1908 г. происходило постепенное повышение ежегодного прироста добычи угля. Всемирный экономический кризис 1908–1909 гг., а также процесс замены угля нефтью привели к очередному падению добычи (–2,28 % – в 1909 г.; –6,49 % – в 1910 г.). С 1911 г. наблюдался промышленный подъем, и добыча угля росла. В 1912 г. угольную промышленность Донецкого бассейна поразил очередной локальный кризис, связанный с нехваткой рабочей силы и вагонов для перевозки минерального топлива [13, с. 7071–7074].

Согласно данным о горной и металлургической промышленности, напечатанным в журнале ГЗД, в 1913 г. на Юге России было добыто 1 268 340 000 пуд. каменного угля, 417 260 000 пуд. железной руды, произве-

дено 270 980 000 пуд. кокса. В каменноугольной промышленности работало 168 441 рабочий [14–16].

Анализ статистических данных о категориях потребителей донецкого угля позволил сделать соответствующие подсчеты. Среди потребителей угля еженедельный технический журнал ГЗД выделял следующие категории: железные дороги (40,4 %); предприятия, учреждения, частные лица (30,5 %); заводы (металлические – 17 %; сахарные – 6,9 %; газовые – 0,6 %, всего – 24,5 %); пароходства (3,8 %); соляные предприятия (0,7 %); иностранный рынок (0,1 %). Данные позволяют обратить внимание также на то, что, во-первых, иерархия потребителей угля по сравнению с 90-и гг. XIX в. существенно не изменилась, за исключением сахарной промышленности и газовых заводов, которые снизили свои потребности с 13 до 6,9 % и с 10 до 0,6 % соответственно. Возможно предположить, что это произошло из-за чрезмерного увлечения нефтью. Во-вторых, в начале XX в. значительные изменения произошли в потреблении кокса. Бесспорным лидером стала металлургическая промышленность – 88,2 % от объема производимого кокса [17, с. 8249]. В 1914 г. потребности отрасли на Юге России удовлетворяли 5434 коксовых печи. Из них 3807 печей действовало на шахтах Донецкого бассейна, 1627 – на южных металлургических заводах [18, с. 10309].

В 1913–1914 гг. редактор ГЗД Н. Ф. фон Дитмар принял решение о размещении полемических материалов в журнале по поводу деятельности синдикатов, подчеркнув, что этот вопрос беспокоил не только горнопромышленников, но и широкие круги общества. Правительство также не оставалось в стороне. В министерстве торговли и промышленности состоялось межведомственное совещание по этому поводу. Отношение самодержавия к синдикатам оставалось в целом благосклонным. В 1913 г. правительство подготовило проект «Правила о синдикатах и трестах», основанный на заключении, что деятельность монополий вообще направлена не на повышение, а на стабилизацию цен, а, соответственно, монополии являются экономически целесообразными и полезными. Также отмечалось, что поощрение синдикатов является стимулом для развития отечественной промышленности. Накануне Первой мировой войны была попытка привлечь к судебной ответственности синдикат «Продуголь». Это было вызвано тем, что в правительстве пришли к мнению, что причиной топливного голода в стране и препятствием для дальнейшего развития каменноугольного дела было объединение горнопромышленников в синдикат, что вызвало сознательное сокращение добычи угля с целью поднятия цен [8, с. 105–106]. Съезд горнопромышленников Юга России взял под свою защиту «Продуголь» и в мае 1914 г. рассмотрел вопрос о его деятельности [19, с. 9001–9004].

Анализ материалов, которые печатались на страницах ГЗД по поводу «синдиката договоренностей», показывает, что правительство, общественность, предприниматели, работники горной и металлургической отраслей были единодушны относительно будущей судьбы синдикатов и трестов. В частности, министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев еще в 1909 г. высказал мнение о том, что отдельные производители не могут определить самостоятельно рыночные потребности и соотносить их со спросом, поэтому такие производители больше страдали от последствий кризисов (обесценивание товара, уменьшение заработной платы и т.д.). Большинство

корреспондентов также считали, что если работодатели объединяются, то необходимо ликвидировать препятствия для объединений рабочих, которые должны иметь экономическую направленность [20, с. 430–445].

В 1914 г. появилась редакционная статья в журнале ГЗД под названием «Клеветникам» по поводу решения Петербургского коммерческого суда по делу синдиката «Продуголь» [21, с. 8450–8453]. Редакция журнала ГЗД защищала «Продуголь» и доказывала, что по данным статистического бюро Совета съезда горнопромышленников Юга России общая добыча угля в Донском бассейне равна 1089 млн пуд., а добыча фирм «Продуголь» составляла, например, в 1912 г. 591 млн пуд., или 54,2 %. Опубликованные статистические данные позволяют сравнить динамику добычи угля фирмами, которые входили в состав «Продуголь», с развитием добычи фирм, которые не входили в состав синдиката, но по размерам добычи (более 5 млн пуд. в год) и техническому оснащению принадлежали к одному с ними промышленному рангу. Как результат сравнения, можно предложить табл. 2.

Таблица 2

Динамика добычи угля фирмами, которые входили в состав «Продуголь», и теми, которые не входили

Угольные фирмы	Годы	Добыча, млн пуд.	Прирост, %
«Продуголь»	1906	453,00	30,5
	1912	591,23	
Другие мощные фирмы	1906	241,87	3,26
	1912	249,75	

Источник: ГЗД. – 1913. – № 7. – С. 6820.

Приведенные данные показывают, что крупные фирмы, которые не входили в состав синдиката «Продуголь», увеличили свою добычу меньше, чем фирмы синдиката.

Журнал ГЗД, объясняя подорожание топлива в Донском бассейне, обращал внимание читателей на оживление экономической жизни в 1910–1913 гг., что вызвало большой спрос на уголь. Основную задачу синдиката «Продуголь» редакция видела во внесении заведомо-регулирующих начал в Донскую каменноугольную промышленность [12, с. 9004].

Приведенные меры способствовали тому, что в июне 1914 г. был опубликован законопроект о синдикатах и трестах, который был разработан Министерством торговли и промышленности. Этот законопроект состоял из четырех разделов и 1199 статей, половина из них содержала виды ответственности за их нарушение. В законопроекте приводились определение и признаки такого термина, как «предпринимательское объединение» [22, с. 9139–9145].

Горнопромышленники Юга России на страницах ГЗД разъясняли, что существование объединительных торгово-промышленных организаций в каменноугольной промышленности вызвано свойствами и особенностями этой отрасли, которая требует значительных затрат на оборудование для специальных наземных и подземных сооружений. В этом случае затраты основного капитала вкладываются в «фиксированной» форме, т.е., когда уменьшается рыночный спрос на уголь, такая форма мешает использовать эти капиталы для другого назначения. Отмечалось, что каменноугольная промышленность

имеет такую специфику, что даже в условиях консервирования шахты необходимо тратить средства на поддержание состояния подземных разработок, откачку воды, вентиляцию, проведение ремонта, иначе предприятие невозможно эксплуатировать в будущем. Иммобилизация капитала в каменно-угольной промышленности и потребность тратить средства на содержание рудников даже тогда, когда они не работают, обусловили необходимость поиска таких условий развития, которые бы регулировали резкие колебания конъюнктуры. Такие условия, по мнению горнопромышленников, вызвали создание общества типа «Продуголь» [8, с. 219; 23]. Если анализировать ситуацию, которая сложилась во всей угольной промышленности Юга России, то в 1914 г. добыча минерального топлива увеличилась относительно 1913 г., но в результате начала военных действий на 20 % снизился его вывоз. Проблемы с перевозкой минерального топлива обусловили необходимость проведения в 1915 г. специального совещания, которое было посвящено вопросам топлива и перевозкам [24, с. 10611–10613].

Металлургическая промышленность в период с 1904 до 1917 г. развивалась достаточно быстрыми темпами. На Юге России действовал 21 металлургический завод, 42 доменные и 72 мартеновские печи, 28 конвертеров и 70 прокатных и трубных станов. Как показывают исследования специалистов по экономической истории, эти предприятия обеспечивали 69 % общероссийского производства чугуна, 57 % – стали и 58 % – проката. Быстрыми темпами росло производство листового и сортового железа, балок и швеллеров: оно увеличилось соответственно на 102,5, 61 и 88 % [2, с. 10].

Необходимо отметить, что отраслевой журнал «Горнозаводской листок» (ГЗЛ) в 1909 г. опубликовал результаты развития металлургической промышленности на Юге России, на Урале и во всей Российской империи. Опираясь на данные 1909 г., предложим сравнительную табл. 3.

Таблица 3

Соотношение производства основной металлургической продукции по регионам Российской империи в межкризисный период

Металлургическая продукция, млн пуд.	Годы	Российская империя	Юг России	Урал
Чугун	1904	180	111	40
	1905	166	103	41
	1906	164	102	38
	1907	172	111	39
	1908	171	117	36
Заготовки	1904	185	88	39
	1905	168	81	39
	1906	165	76	38
	1907	173	87	37
	1908	175	89	38
Железо и сталь	1904	153	73	29
	1905	144	68	33
	1906	139	63	31
	1907	147	73	30
	1908	146	76	32

Источник: ГЗЛ. – 1909. – № 47. – С. 11486.

Данные таблицы показывают, что динамика развития металлургической промышленности в межкризисный период была аналогичной по сути вышеприведенной динамике развития каменноугольной отрасли. Промышленные показатели металлургии Юга России и Урала колебались незначительно, но детальный анализ показывает, что выплавка чугуна, например, на Урале уменьшилась, а на Юге России возросла.

В 1910 г., по данным статистического бюро Совета съезда горнопромышленников Юга России, увеличилось количество импортного металла и металлических изделий, например, чугуна было вывезено 17,2 тыс. пуд., а ввезено 187 тыс. пуд., вагонов же соответственно было вывезено 23, а завезено 121 [25, с. 1367].

С началом Первой мировой войны, в конце 1914 г., как констатировала отраслевая пресса, в металлургической промышленности ситуация ухудшалась. На южных металлургических заводах в то время работало 88 444 рабочих, но только в течение декабря их количество уменьшилось на 1687 человек. Как свидетельствуют архивные данные, на Александровском Южно-Русском заводе Брянского общества с 1913 до 1917 г. число рабочих росло – от 8488 до 10 883, за исключением 1915 г., когда после начала Первой мировой войны количество рабочих несколько уменьшилось, так как часть рабочих была мобилизована на фронт. На Днепровском заводе уменьшилось количество рабочих в 1916 г., но ряды работников металлургической промышленности пополнялись военнопленными [26, л. 31–33].

Выплавка чугуна за весь 1914 г. составила 186 533 тыс. пуд., что было ниже показателей 1913 г. на 1,3 %. Потребность в южном металле возрастала. В начале 1914 г. работало 50 домен из 57, еще пять домен строилось. В первые дни мобилизации было остановлено восемь печей, а количество действующих печей на 1 июля 1914 г. сократилось до 45, а на 1 января 1915 г. – до 43. Уменьшились объемы выплавки металла и его перевозки. В 1914 г. вывоз металла сократился на 13,2 %, сократились заказы предприятий, например, на листовое железо – на 43,2 %, на железнодорожные рельсы – на 31,7 % [27; 28, с. 10329–10333].

Таким образом, после промышленно-экономического кризиса 1900–1903 гг. происходили важные события, которые повлияли на промышленное развитие Юга России (Русско-японская война и революция 1905–1907 гг., мировой экономический кризис 1908–1909 гг., Первая мировая война, революционные события 1917 г.). Материалы региональной отраслевой прессы свидетельствуют, что темпы индустриального развития на Юге России были высокими, хотя нивелировались подавленным состоянием промышленности, вызванным определенными политическими событиями, которые потрясли Российскую империю в начале века после промышленно-экономического кризиса 1900–1903 гг. до Октябрьской революции 1917 г. Правительство поддерживало процесс концентрации горной и металлургической промышленности, пыталось способствовать эффективной работе железнодорожного и водного транспорта на Юге России, деятельности Харьковского комитета по перевозкам минерального топлива, руды, соли, флюсов и чугуна. Царское правительство также обращало внимание на другие профессиональные и социальные проблемы самых важных отраслей промышленности Юга России. Все это нашло отражение на страницах отраслевой прессы, которая прекратила свое существование в результате политических событий 1917 г.

Список литературы

1. **Струмилин, С. Г.** Очерки экономической истории России и СССР / С. Г. Струмилин. – М. : Наука, 1966. – 515 с.
2. **Хромов, П. А.** Экономическое развитие России / П. А. Хромов. – М. : Наука, 1967. – 535 с.
3. **Нестеренко, О. О.** Розвиток промисловості на Україні / О. О. Нестеренко. – Київ : Наук. думка, 1959. – Ч. 1. – 496 с. ; 1962. – Ч. 2. – 576 с.
4. **Дерев'янкін, Т. І.** Промисловий переворот на Україні: Питання теорії та історії / Т. І. Дерев'янкін. – Київ : Наук. думка, 1975. – 279 с.
5. **Крутіков, В. В.** Буржуазія України та економічна політика царизму в пореформений період / В. В. Крутіков. – Дніпропетровськ : Вид-во ДДУ, 1992. – 172 с.
6. **Миронов, Б. Н.** Социальная история России периода империализма (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 548 с.
7. **Турченко, Ф.** Південна Україна: модернізація, світова війна, революція / Ф. Турченко, Г. Турченко. – Київ : Генеза, 2003. – 304 с.
8. **Шляхов, О. Б.** Україна на шляху до індустріального суспільства (друга половина XIX – початок XX ст.) : моногр. / О. Б. Шляхов. – Д. : Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 2010. – 244 с.
9. **Довжук, І. В.** Роль важкої промисловості Донбасу в розвитку економіки Наддніпрянської України (друга половина XIX – початок XX ст.) : автореф. дис. ... д-ра іст. наук : 07.00.01 "Історія України" / Довжук І. В. – Донецьк, 2004. – 40 с.
10. О современном положении и о возможном развитии Донецкой каменноугольной промышленности на 38 съезде горнопромышленников Юга России // Горнозаводское дело. – 1913. – № 52. – С. 8298–8303.
11. О современном положении каменноугольной промышленности Донецкого бассейна и о возможном развитии Донецкой промышленности в ближайшее пятилетие : доклад комиссии 38 съезду горнопромышленников Юга России. – Харьков, 1914. – 41 с.
12. Синдикаты // Горнозаводское дело. – 1914. – № 21–22. – С. 9001–9004.
13. Кризис топлива и донецкая каменноугольная промышленность : доклад министра торговли и промышленности // Горнозаводское дело. – 1913. – № 13–14. – С. 7071–7074.
14. Горнозаводское дело. – 1914. – № 2. – С. 9027.
15. Горнозаводское дело. – 1914. – № 3. – С. 9081.
16. Горнозаводское дело. – 1914. – № 24. – С. 9093.
17. Вопрос о современном положении и о возможном развитии Донецкой каменноугольной промышленности Юга России // Горнозаводское дело. – 1913. – № 51. – С. 8245–8249.
18. Статистические данные // Горнозаводское дело. – 1915. – № 3. – С. 10309.
19. Материалы Совета съезда горнопромышленников Юга России (23 мая 1914 г.) // Горнозаводское дело. – 1914. – № 21–22. – С. 9001–9004.
20. **Тимирязев, В. И.** О синдикатах / В. И. Тимирязев // Горнозаводское дело. – 1910. – № 12. – С. 430–437.
21. Клеветникам // Горнозаводское дело. – 1914. – № 5. – С. 8450–8453.
22. Законопроект о синдикатах и трестах // Горнозаводское дело. – 1914. – № 25. – С. 9139–9145.
23. **Шполянский, Д. И.** Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX века / Д. И. Шполянский. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 148 с.
24. Совещание горнопромышленников Юга России с министром торговли и промышленности (март 1915 г.) // Горнозаводское дело. – 1915. – № 10. – С. 10611–10613.

25. Статистические данные // Горнозаводское дело. – 1910. – № 46. – С. 1367.
26. Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 463. Оп. 1. Д. 17. 56 л.
27. Горнозаводское дело. – 1915. – № 3. – С. 10309.
28. Горнозаводское дело. – 1915. – № 4. – С. 10329–10333.

References

1. Strumilin S. G. *Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i SSSR* [Essays on economic history]. Moscow: Nauka, 1966, 515 p.
2. Khromov P. A. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia]. Moscow: Nauka, 1967, 535 p.
3. Nesterenko O. O. *Rozvitok promislovosti na Ukraïni* [Industrial development in Ukraine]. Kiev: Nauk. dumka, 1959, part 1, 496 p.; 1962, part 2, 576 p.
4. Derev'yankin T. I. *Promisloviy perevorot na Ukraïni: Pitannya teorii ta istorii* [Industrial revolution in Ukraine: Problems of theory and history]. Kiev: Nauk. dumka, 1975, 279 p.
5. Krutikov V. V. *Burzhuaziya Ukraïni ta ekonomichna politika tsarizmu v poreformeniy period* [Ukrainian bourgeoisie and economic policy of tsarism in the reformation period]. Dnipropetrovsk: Vid-vo DDU, 1992, 172 p.
6. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperializma (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.* [Social history of Russia during imperialism (XVIII – early XX centuries)]: in 2 volumes. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003, vol. 1, 548 p.
7. Turchenko F., Turchenko G. *Pivdenna Ukraïna: modernizatsiya, svitova viyna, revolyutsiya* [South Ukraine: modernization, world war, revolution]. Kiev: Geneza, 2003, 304 p.
8. Shlyakhov O. B. *Ukraïna na shlyakhu do industrial'nogo suspil'stva (druga polovina XIX – pochatok XX st.): monogr.* [Ukraine on its way to the industrial society (second half of XIX – early XX centuries): monograph]. Dnipropetrovsk: Vid-vo Dnipropetr. nats. un-tu, 2010, 244 p.
9. Dovzhuk I. V. *Rol' vazhkoï promislovosti Donbasu v rozvitku ekonomiki Naddnipyrians'koï Ukraïni (druga polovina XIX – pochatok XX st.): avtoref. dis. d-ra ist. nauk: 07.00.01 "Istoriya Ukraïni"* [Role of Donbas heavy industry in development of Ukrainian Dniester region (second half of XIX – early XX centuries): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Donetsk, 2004, 40 p.
10. *Gornozavodskoe delo* [Journal "Gornozavodskoe delo" (Mining)]. 1913, no. 52, pp. 8298–8303.
11. *O sovremennom polozhenii kamennougol'noy promyshlennosti Donetskogo basseyna i o vozmozhnom razvitii Donetskoy promyshlennosti v blizhayshee pyatiletie: doklad komissii 38 s'ezdu gornopromyshlennikov Yuga Rossii* [On current situation in the coal-mining industry of the Donetsk basin and on possible development of the Donetsk industry in the upcoming 5 years: commission's report on the 38th congress of the coal-miners of the South of Russia]. Kharkov, 1914, 41 p.
12. *Gornozavodskoe delo* [Journal "Gornozavodskoe delo" (Mining)]. 1914, no. 21–22, pp. 9001–9004.
13. *Gornozavodskoe delo* [Journal "Gornozavodskoe delo" (Mining)]. 1913, no. 13–14, pp. 7071–7074.
14. *Gornozavodskoe delo* [Journal "Gornozavodskoe delo" (Mining)]. 1914, no. 2, p. 9027.
15. *Gornozavodskoe delo* [Journal "Gornozavodskoe delo" (Mining)]. 1914, no. 3, p. 9081.
16. *Gornozavodskoe delo* [Journal "Gornozavodskoe delo" (Mining)]. 1914, no. 24, p. 9093.
17. *Gornozavodskoe delo* [Journal "Gornozavodskoe delo" (Mining)]. 1913, no. 51, pp. 8245–8249.
18. *Gornozavodskoe delo* [Journal "Gornozavodskoe delo" (Mining)]. 1915, no. 3, p. 10309.

19. *Gornozavodskoe delo* [Journal “Gornozavodskoe delo” (Mining)]. 1914, no. 21–22, pp. 9001–9004.
 20. Timiryazev V. I. *Gornozavodskoe delo* [Journal “Gornozavodskoe delo” (Mining)]. 1910, no. 12, pp. 430–437.
 21. *Gornozavodskoe delo* [Journal “Gornozavodskoe delo” (Mining)]. 1914, no. 5, pp. 8450–8453.
 22. *Gornozavodskoe delo* [Journal “Gornozavodskoe delo” (Mining)]. 1914, no. 25, pp. 9139–9145.
 23. Shpolyanskiy D. I. *Monopolii ugol'no-metallurgicheskoy promyshlennosti Yuga Rossii v nachale XX veka* [Monopolies of the coal-mining industry of the South of Russia in the early XX century]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953, 148 p.
 24. *Gornozavodskoe delo* [Journal “Gornozavodskoe delo” (Mining)]. 1915, no. 10, pp. 10611–10613.
 25. *Gornozavodskoe delo* [Journal “Gornozavodskoe delo” (Mining)]. 1910, no. 46, p. 1367.
 26. *Gosudarstvennyy arkhiv Dnepropetrovskoy oblasti* [State Archive of Dnepropetrovsk region]. F. 463. Op. 1. D. 17. 56 l.
 27. *Gornozavodskoe delo* [Journal “Gornozavodskoe delo” (Mining)]. 1915, no. 3, p. 10309.
 28. *Gornozavodskoe delo* [Journal “Gornozavodskoe delo” (Mining)]. 1915, no. 4, pp. 10329–10333.
-

Перетокин Андрей Геннадиевич

кандидат исторических наук,
доцент, кафедра украиноведения,
Приднепровская государственная
академия строительства и архитектуры
(Украина, г. Днепропетровск,
ул. Чернышевского, 24А)

E-mail: peretok@ukr.net

Peretokin Andrey Gennadievich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of study
of Ukraine, Transdnipr State Academy
of Architecture and Construction
(24A Chernyshevskogo street,
Dnepropetrovsk, Ukraine)

УДК 94: 622 (477.6) „1904/1917”

Перетокин, А. Г.

Горная и металлургическая отрасли промышленности на Юге России в 1904–1917 гг. / А. Г. Перетокин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 25–34.

О. А. Сухова

**СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИИ В СССР В 1920-е гг.: УТОПИЯ
ИЛИ ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ?¹****Аннотация.**

Актуальность и цели. В силу возникновения новых вызовов и угроз национальной безопасности обращение к изучению исторического опыта развития российской нации выступает сегодня необходимым условием социально-политической стабильности и относится к числу основных приоритетов государственной национальной политики. Цель исследования – проанализировать содержание, методы и инструментарий национальной политики советского государства в период 1920-х гг., выявить факторы трансформации и характерные особенности курса.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Пензенской области, а также анализа историографических источников по проблеме. Методологический потенциал включает: базисные принципы научного познания – историзм и объективность, герменевтику как метод интерпретации текста, историко-ситуационный метод, что предполагает оценку события и явления, исходя из реальной конкретно-исторической ситуации, что в известной степени абстрагирует исследователя от влияния научных стереотипов и методологических штампов. Применяется метод междисциплинарного синтеза, в частности использование концепции социального конструкционизма или теории конструирования социальной реальности.

Результаты. Исследована динамика трансформации национальной идентичности под воздействием последовательных усилий со стороны государства на примере Пензенской губернии. Выявлена специфика научных трактовок национальной политики в СССР в период 1920-х гг. Доказана эффективность применения теории конструирования социальной реальности для решения исследовательских задач. Рассмотрены основные направления и результаты национального строительства в Советской России и СССР.

Выводы. Анализ историографии рассматриваемой проблемы выявил необходимость обращения к локальной истории, к использованию материалов региональных архивов. В российской глубинке курс на формирование национальных волостей, на коренизацию управления последовательно осуществлялся на протяжении всех 1920-х гг. Объяснить сложившуюся ситуацию можно, в том числе, и прагматизмом местных властей в выработке конкретных механизмов и инструментов конструирования модели социально-политического взаимодействия.

Ключевые слова: нация, национальное строительство, СССР, Пензенская губерния, коренизация.

О. А. Sukhova

**BUILDING OF THE NATION IN USSR IN 1920s: UTOPIA
OR AND EFFICIENT MODEL OF SOCIAL ENGINEERING?****Abstract.**

Background. By virtue of the emergence of new challenges and threats to the national security the address to the study of the historical experience of the Russian na-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Региональные аспекты формирования российской нации» № 15-31-14003.

tion stands today as a prerequisite of social and political stability, and it is one of the main priorities of the state national policy. The aim is to study the content, methods and tools of the national policy of the Soviet state during 1920s, to identify the transformation factors and the characteristic features of the course.

Materials and methods. Realization of research tasks was achieved through the use of documents extracted from the funds of the State Archive of Penza region, as well as through the analysis of historiographical sources on the issue. The methodological potential included basic principles of scientific knowledge – historicism and objectivity, hermeneutics as a method of interpreting a text, micro-historical approaches and methods of local history. The method of interdisciplinary synthesis, in particular, the concept of social constructionist theory and construction of social reality was used.

Results. The dynamics of the national identity transformation under the influence of serial efforts by the government by the example of the Penza province was investigated. The author identified the specificity of scientific interpretations of the national policy in USSR during the 1920s, proved the efficiency of application of the theory of social construction of reality to address the research problems, reviewed the main directions and results of nation-building in Soviet Russia and the Soviet Union.

Conclusions. After studying the historiography of the problem, the author has identified the need to address to the local history, the use of materials of the regional archives. In the Russian province the course on the ethnic townships formation, on the indigenization management was implemented successively throughout 1920s. The situation can be as well explained by the pragmatism of the local authorities in development of concrete tools and instruments for designing a model of social and political interaction.

Key words: nation, nation-building, USSR, Penza province, indigenization.

Современное толкование понятия «нация» охватывает процессы формирования всех важнейших параметров социокультурной динамики, а не только проблемы этногенеза. В частности, в отечественном общественном сознании весьма активно разрабатывается теория гражданской или политической нации [1, с. 94], под которой принято понимать сообщества людей, объединенных осознанием своей принадлежности к единому для всех государству, единства гражданских прав и ответственности за всю страну. Понятие «гражданская (политическая) нация» обычно ассоциируют с понятием «согражданство», а ее формирование рассматривают как переход от «этноса» к «демосу». Необходимость формирования самоидентификации российских граждан по принципу принадлежности к единой нации, общегражданского национального самосознания населения России, имеющего доминирующий характер по отношению к локальным этнокультурным различиям, указывает на научную новизну данной проблемы и придает ей огромное практическое значение.

Вместе с тем ориентация нациестроительства на полную доминанту гражданско-территориального аспекта над этническим чревата утратой представления об этническом единстве и может быть использована в целях насаждения любой искусственно созданной идеологической конструкции. Самым кричащим примером выступает процесс рождения независимых государств на постсоветском пространстве. Попытки формирования новой политической идентичности на основе отрицания общей этнической основы в Украине обернулись национальной трагедией и гражданской войной. Среди совре-

менных исследователей насаждение подобных идей именуется интегральным национализмом или неоязычеством [2].

При этом и те, и другие первооснову негативных тенденций ищут в практике решения национального вопроса в СССР (либо в контексте борьбы с шовинизмом, либо в политике коренизации 1920–1930-х гг. и ее частичной реинкарнации во второй половине XX в.). Сказанное выше формирует настоящую необходимость в проведении исследований советской национальной политики с целью выявления опосредованных связей между опытом в деле конструирования нации и представлениями об этнической и политической принадлежности. Возможности ретроспективного анализа позволят расширить сферу прогноза и повысить эффективность проводимой политики, не создавая угрозы для воспроизводства этнической идентичности.

При изучении процесса формирования российской нации весьма продуктивным будет применение категорий «идентичность», «репрезентация» и «самопрезентация», читаемых в контексте конструкционистского подхода. Коллективная идентичность (национальная, имперская, региональная и пр.) не выступает изначально заданной, а формируется в результате взаимодействия множества социальных акторов (власти, элит, интеллигенции). В этом отношении особое значение приобретает изучение механизмов и инструментария конструирования структур идентичности.

Важно отметить, что в условиях распада российской империи и революционной трансформации общества утрата прежней социальной идентичности, крах целостности образа мира в сознании индивида станут основными мотивами по формированию стремления обратного свойства – стремления обрести утраченное. Сущность такого тяготения к самоконструированию в свое время выразил Ж.-П. Сартр: «Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать... и после этого прорыва к существованию, он есть лишь то, что сам из себя делает... Человек – это, прежде всего, проект, который переживается субъективно...» [3, с. 320]. Это доказывает возможность формирования эффективной политики противодействия национализму и одновременно нациестроительства в гражданском (политическом) смысле.

Между тем в период «межблокового» противостояния в западной историографии сформировалась устойчивая объяснительная модель, характеризующая СССР как империю. В числе основных признаков имперской сущности, «похоронивших» в конечном счете Советский Союз, назывались множество заключенных в его границах народов, их неравноправное положение, дискриминация по национальному признаку, ограничение гражданских прав и свобод, подавление инакомыслия. Так, весьма критично оценивала эффективность советской национальной политики Э. Каррер д'Анкосс, опубликовавшая в 1978 г. работу об этнических проблемах в СССР – «Распадающаяся империя». Распад СССР воспринимался лишь как подтверждение прежних аргументов автора. Монография, увидевшая свет в 1993 г., вышла под громким названием «Триумф наций» [4].

В 2007 г. в России выходит еще одна работа Э. Каррер д'Анкосс, четко зафиксировавшая гибель и возрождение имперской формы правления, по меньшей мере дважды в российской истории после ее появления в 1552 г.

Небезынтересно будет отметить, что, по словам автора, после падения Кучума упрочение власти России продолжалось без перерыва, «несмотря на тяжелый внутренний кризис в Смутное время». И это единственная реплика Э. Каррера д'Анкосса, посвященная Смуте. После вторичного краха в 1992 г., как отмечает автор, Российская империя была восстановлена практически в прежней форме. Основным же фактором распада называется нежелание имперских властей пойти навстречу чаяниям наций [5, с. 133].

Подобное концептуальное видение проблемы изменилось самым кардинальным образом после выхода работы Терри Мартина [6]. Первым из исследователей, он указал на результативность активной упреждающей политики содействия национальному строительству, назвав Советский Союз первой в мире империей положительной деятельности. Главная идея автора заключается в определении курса национальной политики в СССР как позитивной дискриминации, выражавшейся в предоставлении определенных преференций ранее притеснявшимся национальным меньшинствам. По мнению Мартина, замысел большевиков заключался в том, чтобы «...взять под свой контроль процесс деколонизации, которая казалось неизбежной, и осуществить ее так, чтобы сохранить территориальную целостность бывшей Российской империи» [7, с. 1–11].

Их поддержка осуществлялась за счет державообразующей нации, поэтому в 1920-е гг. статус нерусского в СССР гарантировал определенные политические и социокультурные преимущества. Важно отметить и тот факт, что повторить советский опыт не удалось ни одному из современных многонациональных государств.

Парадокс советской национальной политики имел под собой прочную теоретическую основу: неизбежное слияние наций в коммунистическую эпоху могло осуществиться только через выравнивание цивилизационного развития всех этносов, входивших в СССР, что, объективно, соответствовало задачам модернизации в целом и демократизации общественных отношений в частности. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что руководство СССР, осознавая опасность политики лавирования между двух огней (унитарной сущностью государства и декларацией права наций на самоопределение), рассчитывало удержать политику позитивной дискриминации исключительно в инструментальных рамках, используя ее лишь как способ решения задач властно-политического регулирования¹. Поэтому вплоть до апреля 1923 г. национальная политика неоднократно обсуждалась на важнейших партийных форумах, после чего ее публичное обсуждение прекратилось. В 1930-х гг. происходит дальнейшая эволюция национальной политики. Новая концепция «дружба народов» была воздвигнута на прочном основании примордиальной этничности и русоцентризма [7, с. 22, 616–617]. Это проявилось, в частности, в институционализации наследуемой национальности: паспортная реформа 1932 г. оставляла возможность выбора национальности по желанию гражданина, в то время как в 1938 г. появилось постановление

¹ Впрочем, исследователи отмечают формирование двух противоборствующих тенденций в процессе нациестроительства уже во второй половине XIX в.: стремление к ликвидации окраинной обособленности, унификация управления империи (как следствие модернизационных процессов) блокировались сопротивлением национальных окраин.

НКВД о введении нового исключительного критерия – национальности родителей.

Конечным этапом трансляции общей стратегии национальной политики выступали не только республики, но и советские регионы: губернии (области), автономные области и республики – уезды (районы) – волости. Возможность анализа действий местной управленческой вертикали дают документы местных архивохранилищ. Попробуем проследить динамику трансформации национальной идентичности под воздействием социального конструирования со стороны государства на примере Пензенской губернии.

Первоначально важнейшим фактором постреволюционной гражданской либерализации рассматривалось активное партийное строительство. Общая логика решения пресловутого «национального вопроса» диктовала необходимость формирования национальных же структурных подразделений, ответственных за реализацию задач «коммунистического воспитания» в отношении национальных меньшинств.

Так, при Пензенском губкоме РКП(б) в первые же годы после прихода большевиков к власти была организована деятельность специального бюро «татарских коммунистов-большевиков» (Губернское бюро татарской организации РКП(б)), аналогичные подразделения появились и в уездах. В общей сложности удалось создать до 25 ячеек в сельской местности и два самостоятельных бюро в уездах: Краснослободском и Керенском [9, л. 54]. Так, в Краснослободском уезде Бюро мусульманских коммунистических организаций приступило к работе с 20 января 1919 г., объединив ячейки численностью до 198 коммунистов и 18 сочувствовавших. Всю организационную работу осуществляли освобожденные сотрудники в составе: секретаря, писца и двух агитаторов [10, л. 81 – 81 об.]. Начало формирования низовой сети первичных партийных организаций относится к осени 1918 г.: судя по анкетам членов РКП(б), их партийный стаж начинает свой отсчет с октября–декабря 1918 г., т.е. с момента образования ячеек. К началу 1919 г. в одной только Мочалейской волости Чембарского уезда было создано семь партийных ячеек, а общая численность «коммунистов-большевиков» достигла 156 человек [10, л. 1]. В Инсарском уезде к февралю 1919 г. действовали лишь две мусульманские ячейки общей численностью 11 коммунистов и 20 сочувствовавших (по другим данным, одна – Больше-Полянская – 13 человек при 10 сочувствовавших), и одна ячейка была распущена из-за коррупционного скандала. Вердикт укома был неутешительным: «Полагаем самостоятельно-мусульманской работы вести нет необходимости» [10, л. 134, 139]. Выражал сомнение в обоснованности формирования сети мусульманских ячеек и комитет РКП(б) Городищенского уезда ввиду того, что «мусульманских сел имеются три, в которых по-русски говорить могут все, также и читают...» [10, л. 146]. Ряд уездных комитетов и вовсе ограничивался формулировкой: «татарских коммунистических ячеек в введении... уезда не имеется» [10, л. 149–151].

Отсутствие каких бы то ни было источников финансирования вынуждало уездные мусульманские бюро обращаться напрямую в Центральное мусульманское бюро с просьбами о материальной поддержке. Так, из Краснослободска 26 мая 1919 г. в Москву была направлена телеграмма следующего содержания: «...денег нет нужно минимум семь тысяч рублей точка просим

эту сумму срочно выслать...» [9, л. 40]. Хотя, согласно циркулярному предписанию ЦК РКП(б) от 13 мая 1919 г., финансирование мусульманских организаций должно было производиться исключительно за счет местного бюджета [9, л. 38].

Таким образом, первые попытки формирования новой гражданской идентичности (на общей платформе строительства коммунистической утопии) закончились провалом. Современники отмечали: в Краснослободском уезде «первые инициаторы: организаторы-агитаторы, как бюро, так и в селениях Мусульманских Коммунистических ячеек, прибывших с Центра и с местов, из-за недоверчивого отношения местной Власти разъехались кто куда...». В итоге коммунисты уезда индифферентно отнеслись к проведению 20 % мобилизации коммунистов и провалили кампанию (отказались «идти добровольно на мобилизацию»), что и привело к роспуску низовых ячеек и переизбранию бюро на I конференции коммунистов-мусульман 27 марта 1919 г. Согласно постановлению I очередного заседания бюро, основными направлениями деятельности были заявлены: формирование низовых ячеек, агитация и распространение идей коммунизма среди мусульманского населения. Новый состав уездной организации во главе с председателем И. Ишмаметовым сразу же включился в работу, направив двух членов бюро в мусульманские села для проведения агитационной кампании по популяризации коллективной обработки земли. Традиционно ориентированная ментальность населения стала первым серьезным препятствием на пути «строительства Новой жизни», не помогали даже призывы к классовой солидарности: «...крестьянская беднота приняла наших командированных тов.[арищей] очень холодным приемом и категорически отказалась от агитации и т.п., благодаря такому положению вещей не удалось привлечь крестьянскую массу на свою сторону, даже местные коммунисты отмахивались и старались под разными предлогами оставаться на стороне кулаков и несознательных крестьян...» [10, л. 81 – 81 об.]. Кооперативное движение, несмотря на идеологическую поддержку вопроса (наиболее передовая форма коммунистического воспитания масс), с трудом приживалось в национальных районах. Так, к середине 1920-х гг. в составе Пензенского райсельсоюза из 12 коммун действовала одна – смешанная – Николаевская им. Н. К. Крупской (появилась в 1925 г.), объединившая семь семей (взрослые члены: 15 – представителей мордовской национальности и 2 – русских) [11, л. 49]. В целом на территории Пензенского уезда располагались лишь одно национальное село – Селикса Чемодановской волости с населением до 5000 человек и два хутора – Васильевский и Лопатка с населением около 150 человек. Основное занятие населения – земледелие, но ввиду низкого плодородия почв были развиты и кустарные промыслы: производство валяной обуви. Крестьяне Васильевского хутора осуществляли коллективную машинную обработку земли [11, л. 54]. Для сравнения: в Городищенском уезде в это время действовало шесть потребительских обществ и три сельскохозяйственные артели [11, л. 68 об.].

В Краснослободском уезде из девяти волисполкомов «нацменским» (мордовским) считался только Рыбкинский, объединявший 19 мордовских и восемь русских сельсоветов. В остальных восьми волисполкомах числилось на момент конца 1925 г. 68 мордовских сельсоветов, 25 – татарских и 147 – русских (т.е. из 267 сельсоветов 155 – русские, 87 – мордовские и 25 – татарские) [11, л. 21].

Одним из самых национальных в губернии считался Городищенский уезд, в котором из 56 096 человек населения мордвы-эрзи насчитывалось 54 617, татар – 1479 человек, было создано пять нацменовских волисполкомов, объединивших 50 сельских советов. «Позитивная дискриминация» на этих территориях проявилась в процессе формирования административного кадрового состава, за редким исключением полностью национального, в то время как технические должности (по причине отсутствия квалифицированного персонала из нацмен) были заняты русскими [11, л. 67].

На примере Городищенского уезда можно получить самое масштабное представление о строительстве национальных районов в Пензенской губернии. В материалах делопроизводственной документации фиксируется как идеологические основания необходимых усилий («Нацменнаселение в сравнении с остальным населением беднее и ввиду своей некультурности на обработку земли мало уделяет внимания, в большинстве случаев занимается побочными заработками...»), так и особенности процесса [11, л. 67–69]. Одной из ключевых проблем признавалось отсутствие достаточного количества подготовленных национальных кадров, прежде всего для занятия административных должностей. Особую тревогу вызывала эффективность агитационно-пропагандистской работы среди женского населения национальных районов. Результатами вовлечения женщин в советское строительство в 1925 г. стало участие в перевыборных кампаниях в советы 730 женщин. В итоге оказались избранными в сельсоветы всего лишь 25 женщин; в двух волостных беспартийных конференциях приняли участие 100 женщин; к обучению в ликвидационных пунктах были привлечены 150 женщин. Празднование Международного женского дня в 1925 г. было отмечено проведением собраний женщин в каждом селе (общее количество участниц – до 400 человек). Формирование же партийного актива осуществлялось с трудом: в уезде насчитывалось всего две ячейки РКП(б) в составе девяти членов и 10 кандидатов и девять ячеек комсомольской организации. Добиться поступательного роста партийных ячеек, а также «управиться» со стремительным ростом комсомольцев не представлялось возможным опять же по причине острейшего кадрового голода. То же можно сказать и относительно национальных школ: всего в уезде действовали 21 школа и 20 пунктов по ликвидации неграмотности, однако из учителей лишь восемь человек соответствовали необходимым требованиям («знали быт и язык мордвы»), компетентность же 21 работника подвергалась сомнению. Это осложняло переход на преподавание на родном языке: текущий учебный год был объявлен годом перехода к использованию мордовского языка, но реализовать задуманное не удалось по причине отсутствия подготовленных работников и необходимой учебной литературы.

Регулярно осуществлялся мониторинг выдвижения представителей коренных национальностей на партийные и советские должности. Так, в 1925 г. в Городищенском уезде было учтено работающих: в уездных партийных и советских органах – четыре человека (из них членов партии – 4); в судебных органах – один; административных работников волостного масштаба – шесть человек (из них членов партии – 5); технических работников – 27; работников просвещения, трудившихся в уездном аппарате, в сельских школах и волостных избах-читальнях, – 16 человек; в лесничествах: на должности объездчиков – шесть человек, лесников – 49 человек. В целях решения

кадровой проблемы в начале 1925 г. было направлено 10 человек на полугодовые курсы избачей, две женщины – на краткосрочные курсы волорганизаторов, один представитель – на курсы секретарей волостных комитетов РКП(б), два – на курсы начволмилиции и два – на курсы волостных финработников [11, л. 68–69]. При оценке тщетности усилий на этом направлении уездным исполкомом было принято решение срочно осуществить «переброску» всех нацмен работников из упраздняемых волостных исполнительных комитетов во вновь созданные после укрупнения волысполкомы, увеличить школьную сеть и сеть ликпунктов, увеличить количество ячеек РКП(б) и, соответственно, усилить контроль за ростом комсомольских организаций. Как следует заметить, инициатива создания и укрепления национальных волостей исходила от «русских» уездных и губернских властей и к середине 1920-х гг. отнюдь не сбавила своих оборотов.

При этом термин «коренизация» в 1920-х гг. в делопроизводственной документации региональных властей не встречается, хотя такое направление работы, как подготовка национальных кадров, прежде всего для партийного строительства, имело первостепенное значение. Самым скоростным социальным лифтом для национальной молодежи выступало обучение в коммунистических вузах. Действовали специальные квоты на подготовку партийных кадров: местные партийные организации регулярно обращались в АПО ЦК ВКП(б) с просьбой о бронировании мест в комвузах для представителей национальных меньшинств. Так, в 1928 г. партийное руководство Пензенской губернии зарезервировало по одному месту в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской (г. Москва), в Ленинградском и Саратовском комвузах, три места в Татарском коммунистическом университете и одно место на курсах уездных работников при ЦК [12, л. 19].

Не носило оскорбительной или уничижительной окраски и понятие «нацмен», которое скорее демонстрировало привилегированное положение «жертв» имперского режима, «тюрьмы народов». Рожденная исключительно в представлениях революционного сознания посылка в зеркальном отражении формировала новую модель социального конструирования, имеющую своей целью создание освобожденной социалистической нации. На первых этапах лежавшая в основе национального строительства в СССР идея федерализации задавала особую логику работы с представителями малых этнических общностей.

Анализ содержания отчетной документации в целом и действовавших схем мониторинга подразделов нацмен позволяет реконструировать восприятие национального строительства в оценках местной партийно-государственной элиты. Важнейшими направлениями работы признавались в первую очередь формирование аппарата нацмен губкома на местах, актива нацмен работников, «выдвижение новых сил»; не менее значимыми представлялись состояние политпросвещения на местах (в отчетной документации требовалось указать количество школ, изб-читален, народных домов, библиотек на родном языке, школ, передвижек, клубов, нацклубов и нацуголков в клубах), а также агитационно-пропагандистская работа среди призываемых и территориальных частей из национальных меньшинств, женщин (собрания делегатов) и молодежи и пр. [11, л. 2].

Подготовка педагогических кадров национальных секций Пензенского педтехникума становится самой массовой формой выдвиженчества, обеспе-

чивая выходцам из самых низов возможность кардинальным образом изменить свой социальный статус. Так, к 1 декабря 1924 г. в мордовской секции педтехникума обучалось более 89 человек, из них крестьянского происхождения – 73 человека [11, л. 16]. При секции действовали опытно-показательная школа из детей мордвы при школе-коммуне и читальня, выписывалось до 20 периодических изданий на трех языках. Коммунистическое воспитание будущих учителей реализовывалось посредством участия в демонстрациях, проведения «общественных революционных празднеств», пения революционных песен, постановки спектаклей и концертных отделений. Однако условия проживания будущих учителей оставляли желать много лучшего. Фиксировались случаи отказа от продолжения обучения из-за недостатка продовольствия, более 20 человек нуждались в обуви, многие – в верхней одежде. В ходе проверки общежития были выявлены большая скученность учащихся, недостаток постельного и носильного белья. Чтобы минимизировать негативные факторы, было решено стипендию учащихся, выделяемую от ГИКа, направить на закупку обуви и одежды нуждающимся [11, л. 16–17].

Важнейшим каналом поступления новой информации, а следовательно, и вовлечения населения в грандиозный социальный проект, становится библиотечная сеть в селах и деревнях региона. Уездные бюро постоянно обращались в губком партии с ходатайствами об «отпуске политической литературы для раздачи партийным библиотекам уезда» [10, л. 84]. Постепенно шло комплектование фондов Пензенской центральной губернской библиотеки национальных меньшинств. К середине 1925 г. общее количество книг на национальных языках составляло уже 4868 экземпляров, в том числе: на татарском языке – 916, на мордовском – 200, еврейских книг – 1750, русских – 1015 [11, л. 1].

Формирование национальных волостей требовало регламентации использования в делопроизводстве местного уровня родного языка. В частности, 16 мая 1928 г. Президиум ГИКа утвердил инструкцию, предусматривавшую ведение документации ВИК на родном языке для Козловской, Чамзинской, Дубенко-Породимовской, Атяшевской волостей Ардатовского уезда и Богдашкинской волости Ульяновского уезда, в случае, если бумаги предназначаются для использования внутри волости: «Всякого рода свидетельства, договора, удостоверения, когда они по своему характеру не выходят за пределы волости в момент их совершения, пишутся на языке большинства (мордовский и чувашский)» и т.д. [12, л. 30].

Формы вовлечения нацменов в массовое социалистическое строительство в конце 1920-х гг. варьировались от организационной (в том числе решение кадрового обеспечения – подготовка советского, судебно-следственного и кооперативного мордовского и татарского активов) до низовой пропагандистской работы (массовая работа по военизации обучения и воспитания, работа кружков, делегатских собраний, радиовещание) [12, л. 32–33].

Апогеем политики «коренизации» в пределах Пензенской губернии становится создание Мордовской автономной области. В течение 1925–1928 гг. на территории Пензенской и ряда соседних губерний было создано до 30 национальных волостей с преимущественно мордовским населением. Следующий этап административной реформы создает Саранский, затем Мордовский округ, который в свою очередь в 1930 г. был преобразован в Мордовскую автономную область (с 1934 г. – МАССР).

Таким образом, несмотря на эволюцию концептуальных основ советской национальной политики в 1920-е – середине 1930-х гг. в российской глубинке последовательно осуществлялся курс «позитивной дискриминации». Объяснить это исключительно инерционностью политики местных властей не представляется возможным. Скорее главным фактором эффективного решения национального вопроса в одном отдельно взятом регионе станет прагматизм в выработке конкретных механизмов и инструментов конструирования модели социально-политического взаимодействия.

Список литературы

1. **Мартьянов, В.** Строительство политической нации и этнонационализм / В. Мартьянов // Логос. – 2006. – № 2 (53). – С. 94–109. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/53/07.pdf> (дата обращения: 10.05.2015).
2. **Элпиадис, А.** Украинский кризис глазами грека / А. Элпиадис. – URL: <http://athos.elpiadis.com/istoriya-gretsii/item/34-ukrainskij-krizis-glazami-greka.html> (дата обращения: 10.05.2015).
3. **Сартр, Ж.-П.** Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
4. **Carrere d'Encausse, H.** The End of the Soviet Empire: the Triumph of the Nations / H. Carrere d'Encausse. – N. Y., 1993.
5. **Каррер д'Анкосс, Э.** Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Э. Каррер д'Анкосс. – М.: РОССПЭН, 2007. – 367 с.
6. **Martin, T.** The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939 / T. Martin. – Ithaca, 2001.
7. **Мартин, Т.** Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. – М.: РОССПЭН, 2011. – 855 с.
8. **Карнишина, Н. Г.** Национальные окраины Российской империи в середине XIX – начале XX в. / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 22–28.
9. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 102.
10. ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 162.
11. ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1167.
12. ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1735.

References

1. Mart'yanov V. *Logos*. 2006, no. 2 (53), pp. 94–109. Available at: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/53/07.pdf> (accessed May 10, 2015).
2. Elpiadis A. *Ukrainskiy krizis glazami greka* [Ukrainian crisis through the eyes of a Greek]. Available at: <http://athos.elpiadis.com/istoriya-gretsii/item/34-ukrainskij-krizis-glazami-greka.html> (accessed May 10, 2015).
3. Sartre Zh.-P. *Sumerki bogov* [Gods' twilight]. Moscow: Politizdat, 1989, pp. 319–344.
4. Carrere d'Encausse H. *The End of the Soviet Empire: the Triumph of the Nations*. New York, 1993.
5. Karrer d'Ankoss E. *Evrasiyskaya imperiya: Istoriya Rossiyskoy imperii s 1552 g. do nashikh dney* [Eurasian empire: History of the Russian Empire from 1552 to the present day]. Moscow: ROSSPEN, 2007, 367 p.
6. Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001.
7. Martin T. *Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti»*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*. [The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939] Moscow: ROSSPEN, 2011, 855 p.
8. Karnishina N. G. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2011, no. 2, pp. 22–28.

9. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (dalee – GAO)* [State Archive of Penza region (hereinafter referred to as GAO)]. F. 36. Op. 1. D. 102.
10. *GAO*. F. 36. Op. 1. D. 162.
11. *GAO*. F. 36. Op. 1. D. 1167.
12. *GAO*. F. 36. Op. 1. D. 1735.

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой
истории России, краеведения и методики
преподавания истории, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: suhhov747@yandex.ru

Sukhova Olga Aleksandrovna

Doctor of historical sciences, professor,
deputy head of sub-department of Russian
history, local history and history teaching
technique, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 947.084.5

Сухова, О. А.

Строительство нации в СССР в 1920-е гг.: утопия или эффективная модель социальной инженерии? / О. А. Сухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 35–45.

**ОСТАРБАЙТЕРЫ И СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ
ЭТНИЧЕСКОЙ СЕГРЕГАЦИИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация.

Актуальность и цели. Рассматривается проблема специфики ранжирования национал-социалистами остарбайтеров с точки зрения их принадлежности к различным этническим группам. Акцент был сделан на апробировании нацистами системы разобщения народов не только на срок пребывания их в пределах лагерного пространства и трудового коллектива, но на внушении глубинных конфликтных разломов между народами с общим историческим прошлым, конфессиональным и социокультурным пространством.

Материалы и методы. В работе применен дискурсивный (семиотический) метод, который предоставил возможность понимания коннотативного смысла документов (официальных и личного происхождения), т.е. действительного содержания и значения стереотипов, ценностных ориентаций, представлений их авторов.

Результаты. Определенные деструктивные маятники политики Третьего рейха получили свою пролонгацию и в послевоенное время. В этой связи важен анализ как сильных, так и слабых сторон нацистской программы этнического ранжирования. Также особый интерес представляет исследование мотивов противостояния подобной практике сегрегации: какое место в нем занимают принципы интернационализма, человечности или же случайного выбора.

Выводы. Обоснование и внедрение тезиса об интеллектуальном, психосоциальном и физиологическом превосходстве одних народов над другими как естественном, более того – как моральной нормы, в пределах трудового лагеря имело в большей степени пропагандистский характер разобщения людей в целях облегчения управления ими и извлечения максимальной отдачи от труда.

Ключевые слова: восточные рабочие, остарбайтеры, военнопленные, Третий рейх, Великая Отечественная война, трудоустройство, этническая сегрегация.

N. A. Garazha

**OSTARBEITERS AND SOVIET PRISONERS OF WAR
IN THE NAZI IDEOLOGY AND IN THE PRACTICE
OF ETHNIC SEGREGATION DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract.

Background. The article considers a problem of the specificity of ostarbeiters' ranking by national socialists in terms of their belonging to different ethnic groups. The particular attention of the work was turned to approbation of the Nazi system of separation of peoples not only by a term of stay within the camp space and in labor groups, but to suggestion of deep faults conflict between nations with a common historical background, religious and socio-cultural space.

Materials and methods. In the study the author applied the discursive (semiotic) method, which provided an opportunity to understand the connotative meaning of

documents (official and personal origin), that is, the actual content and significance of stereotypes, values, views of their authors.

Results. Unfortunately, the authors note that certain destructive pendulums of the policy of the Third Reich received its prolongation in the postwar period. In this regard, it is important to analyze both strengths and weaknesses of the Nazi program of ethnic ranking. Also of particular interest is the study of the motives of opposition to such practices of segregation: what place in the study is occupied by the principles of internationalism, humanity or random selection.

Conclusions. Rationale and implementation of the thesis about the intellectual, psychosocial and physiological superiority of one people over the other as a natural one, moreover as a moral norm, within the labor camp was rather devoted to propagandistic dissociation of peoples to facilitate the management and to maximize the returns to labor.

Key words: eastern workers, ostarbeiters, prisoners of war, Third Reich, Great Patriotic War, use of labour, ethnic segregation.

Идеология нацизма целенаправленно формировала комплекс необходимых ей установок в массовом сознании на основе создания социальных и национальных стереотипов. Наиболее распространенным видом предрассудков, внушаемых нацистами, были этнические. Как исследователи, так и дилетанты разных мастей, придавая ореол пророчества своим философским и политическим изысканиям, выдвигали агрессивные постулаты: Россия – это центр славянской угрозы (Ж.-А. Гобино); чистая германская кровь есть мерило важности нации (Х.-С. Чемберлен) [1, с. 57, 120–121]. Ж.-А. Гобино утверждал, что «на Западе славяне могут занимать только подчиненное социальное положение и вряд ли будут играть заметную роль в будущей истории» [2, с. 687].

В той или иной степени эти идеи оказали влияние на формирование взглядов А. Гитлера и А. Розенберга и легли в основу социологической модели германского нацизма. Ее творцы, идеологически настроенные относительно стройной машины для завоевания жизненного пространства немцев, остро нуждающейся в ресурсах, и демографическом в том числе, обосновывали источник рабочей силы и характер обращения с ней. И уже с 1933 г. работники из других стран считались гражданами второго сорта в Германии, когда наем и практически все виды контроля над иностранной рабочей силой были централизованы и находились в руках Министерства труда.

Первоначально большую часть такой рабочей силы составляли польские сезонные рабочие и итальянцы. «Для поляков должен существовать только один господин – немец... Генерал-губернаторство является польским резервом, большим польским рабочим лагерем» [3, л. 1–5].

С каждым годом количество иностранных рабочих увеличивалось, что отвечало потребностям растущей военной экономики Германии. Но, с другой стороны, раздражающим фактором становилась утечка столь необходимой валюты. Поэтому к 1938–1939 гг. стало вызревать и оформляться в конкретные мероприятия решение о принудительном использовании труда военнопленных и граждан завоеванных государств. «Во время войны правила должны были стать просто драконовскими» [4, с. 401] во всех сферах и для всех субъектов, тем или иным образом вовлеченных в событийную сферу войны, особенно для военнопленных, жителей оккупированных районов Европы,

в целом – неграждан Германии. Иностранным рабочим в Германии было запрещено вступать с немцами в любые тесные контакты и отношения, приходилось жить в рабочих лагерях, запрещено было посещать церкви и пользоваться общественным транспортом без специального разрешения, также было предписано носить на одежде опознавательный знак, показывающий этническую принадлежность, что более всего оскорбляло национальное достоинство [5]. Положения германской юстиции не распространялись на судопроизводство по делам восточных рабочих [6, л. 535]. Это обусловило тот факт, что, например, процент польских рабочих, выезжающих в Германию даже на добровольных началах, упал до 5 % [7].

В целом в промышленном и сельском хозяйстве Германии были представлены около 30 национальностей [8, с. 41]. При пролонгации сроков военных действий острый дефицит в промышленной и сельскохозяйственной продукции и рабочих руках могло покрыть только принудительное трудоустройство. «Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях...», – проговаривалось в документах немецкой инспекции хозяйственной части «Мите», – сможет разрешить неотложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Германии» [9, л. 14].

Поскольку СССР представлял собой многонациональное и поликонфессиональное государство, соответственно, эта этническая и религиозная неоднородность наблюдалась среди военнопленных и гражданских лиц. «Смесь рас и народов» – так охарактеризовал Г. Гиммлер народы Советского Союза в 1941 г.; «славяне – смешанный народ на основе низшей расы», смешанный уже до состояния расового «низкокачественного человеческого материала» – в 1943 г. [10].

Обратим внимание на то, что в качестве доминирующего, в смысле численности, исторического и политического влияния выступал именно русский народ. Поэтому подрыв доверия к нему со стороны остальных народов СССР был одной из стратегических задач рейха. При этом именно с русскими ассоциировалась коммунистическая идеология. И одним из ключевых стал посыл об отрицательном отношении к большевизму народов, проживающих в советских национальных республиках и автономиях, в связи с особенностями их исторического развития и религий. «Умелое обращение с этими антибольшевистскими настроениями будет способствовать подрыву сил русской армии и советского строя... Следует стараться... по мере возможности изолировать этих военнопленных, чтобы подчеркнуть, таким образом, их противоречия по отношению к великороссам, так, например: создавать из них особые рабочие команды, особые группы при проверках, при раздаче пищи...» [11, л. 26–28].

Одним из первых «реалистов», призвавших к корректировке политики Германии в отношении к нерусским национальностям СССР, был чиновник министерства оккупированных восточных областей О. Бротигам, имевший многолетний опыт консульской работы на Кавказе [12, с. 79–80]. В основу отношения к представителям народов Советского Союза был положен принцип лояльности/нелояльности к большевистской власти и отношение к русским – с одной стороны, а с другой – отношение их к Третьему рейху.

Были и огрехи в этой, на первый взгляд, четкой и понятной концепции. Смысл их – в недостаточном проникновении в суть проблемы, вызванном нежеланием или отсутствием возможности запомнить и усвоить основные специфики этнического многообразия советского государства, а также определенной идейной косности и пропагандистской неповоротливости, когда подвижки в политических схемах опережали корректировки в изначальных концептуальных положениях национал-социалистов.

Так, переводчик Х. Тушинский, судя по его рассказу, выполнявший и роль пропагандиста в добровольческих соединениях вермахта – Северо-Кавказском легионе, свидетельствовал о представителях 20 национальностей в легионе: осетины, кабардинцы, лезгины и т.д. При выделении ошибок в отношении легионеров он переходит на определение их русскими: «русским особенно импонирует сам факт оказания им доверия», «не следует проявлять и мягкотелость», «в общем и целом русские гораздо примитивнее нас (люди природы)» [13, с. 131–134].

Здесь уместно отметить, что как советские земли рассматривались в качестве необходимого «жизненного пространства» германской нации, так и все народы СССР, без различия занимаемого местоположения в изоэтичной пропагандистской структуре, рассматривались с точки зрения возможности их использования в целях рейха: на производстве вооружения или с оружием в руках в легионе. При этом если армян или казахов называли русскими, то в этом случае «русский» выступал в качестве феномена социокультурной, политической и мировоззренческой общности людей, принимаемой таковой и властями нацистской Германии.

Ключевой фигурой и целевой ценностью всегда выступал только немец, поэтому все остальное имело подчиненное, маловажное местоположение, как в официозе, так и в быту. Например, в инструкции эсэсовца (ключевая фигура на всех этапах доставки и охраны военнопленных и остарбайтеров) подчеркивалось: «Каково положение русских, каково положение чехов... совершенно все равно... Погибнут или нет от истощения при создании противотанкового рва 10 тысяч русских баб, интересует... лишь в том отношении, готовы ли для Германии противотанковые рвы» [6, л. 541].

В практике пленения, насильственного труда, изоляции и уничтожения целых народов следующие высказывания становились приемлемыми, более того, естественными в своей повседневности: «При нашем обходе по лагерю нам бросилась в глаза смесь наций, настоящий людской зверинец, невероятной пестроты, только разговор в нем не такой, как в настоящем зверинце с хорошо содержащимися животными. Это является как бы частью из многообразия огромного государства большевиков, и его смесь народов, рас, сосредоточения низкого человечества – настоящих подонков человечества – то, что нужно Сталину!» [14, л. 36].

Политика этнической сегрегации распространялась и в пределах тюремного заключения. Георгий Сатиров, находившийся в тюрьме гестапо в 1944 г., вспоминал: «По признаку чистоты нордической крови заключенные делятся на четыре категории: первая – немцы, вторая – голландцы, датчане, норвежцы, третья – французы, бельгийцы, итальянцы, четвертая – русские, поляки, чехи» [15, с. 70].

Каждая прибывающая в лагерь для военнопленных партия проверялась для выявления лиц, принадлежащих к следующим национальностям, причем они должны быть отделены от остальных военнопленных: немцы, являющиеся подданными других государств, украинцы, белорусы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, румыны, финны, кавказцы. Отделяли и проверяли в лагерях и казаков.

В самом начале войны имело место массовое «увольнение» военнопленных вышеперечисленных этнических групп из плена, перевод их в гражданский статус для последующего трудоустройства [16, с. 199]. Это характерно было и для выходцев из Западной Европы (Франция) [17].

В целях самосохранения, облегчения условий жизни в лагере некоторые выдавали себя за представителей выделяемых и поощряемых этнических групп. Например, еврейка Софья Анваер представлялась грузинкой Анджапаридзе, придумав целую легенду, почему не знает грузинского и очень боялась встретить бывшего знакомого, кто бы мог ее выдать [18].

Представители национальных меньшинств из советских военнопленных привлекались в состав рабочих команд, но использовать их разрешалось «только на тех работах, где могла быть полная уверенность хорошего с ними обращения» [19, с. 281]. Ш. А. Хузин свидетельствовал, что среди его блока из пленных набралось 49 нацменов (татары, грузины, армяне, узбеки и т.д.), размещенных в специальном блоке «М». Из них комплектовались команды работать в шахтах, но отдельно от русских¹.

Литовцев, латышей и эстонцев подвергали особой проверке комиссии. К. Штрайт [21, с. 217–219] утверждает, что прибалты имели «льготы» – их самый высокий заработок должен был равняться заработку работавшего по принуждению поляка², который в свою очередь был гораздо ниже средней зарплаты немца.

Финны, карелы, ингерманландцы подлежали отправке на родину по просьбе правительства [11, с. 26–28]. В Финляндии же привилегии в плену имели карелы и украинцы. Их содержали лучше, они имели относительно большую свободу передвижения по лагерю, для них устраивались курсы финского языка и лекции по истории и культуре Финляндии [22, с. 145].

Белорусы и украинцы в Германии также должны были использоваться на работе в составе особых рабочих команд, сформированных по национальному признаку, что было часто крайне сложно и не только по причине проблематичности национальной идентификации представителей народов-братьев, но и несбалансированности нацистской политики и практики в данном направлении.

В силу того, что территория Беларуси в период нацистской оккупации входила в состав нескольких территориально-административных единиц, это обусловило определенные различия в формах и методах осуществления нацистами оккупационного режима. Если на территории Генерального округа

¹ Протокол допроса 26.12.1945 Хузина Шарифа Ахендовича, 1915 г. р. Татарин из Азербайджана, 5 классов образования, рабочий, в плену с 11.05.1942 [20, л. 94–95].

² Гитлер А.: «Я не хочу, чтобы в общем немецкий рабочий работал более 8 часов, когда у нас снова будут нормальные условия; однако если поляк будет работать 14 часов, то, несмотря на это, он должен зарабатывать меньше, чем немецкий рабочий» [3, л. 2].

Беларусь генеральные комиссары В. Кубе и К. Готтберг делали ставку на белорусский национализм, то военные власти тыловой зоны группы армий Центр рассматривали все оккупированные районы СССР как русские: дело-производство велось местной вспомогательной администрацией исключительно по-русски; на русском языке издавались периодические издания; в распоряжениях всегда использовались термины «русские жители», «русские территории» [23, с. 92–100].

На Украине массированная насильственная депортация рабочих в Германию была введена в начале 1942 г. Т. Пастушенко, детально исследуя проблему численности депортированных украинцев на территорию Третьего рейха, считает, что официальная цифра в 2 400 342 человека нуждается в серьезной проверке [24].

Первые украинцы оказались на работах в Германии еще летом 1939 г. Это были жители Закарпатья, которых вывозили в Австрию. По словам М. Меленчук, население Западной Украины добровольно выезжало на работу в Германию, чтобы заработать немного денег и улучшить свои жилищные условия. Всего автор насчитывает 350 тыс. рабочих из Западной Украины в Германии в период Великой Отечественной войны [25].

Поток добровольцев исчерпал себя при складывании личного негативного опыта в Германии, несовпадений пропаганды с действительностью. От восточных рабочих требовался только труд – тяжелый, изнуряющий, продуктивный труд. Все остальное в виде пропаганды, внутригрупповых манипуляций было средством добавочной мотивации на труд. При этом рабский принудительный труд и недостаточное питание, массовые расстрелы удерживали производительность труда на низком уровне.

Так, примечателен и без дополнительных наших сентенций диалог А. Розенберга и Э. Коха 1942 г. о работоспособности украинцев. На слова Розенберга о «снижении желания работать» у украинцев Кох возражал, что они «всегда не любили работать»¹ [6, л. 405]. Но в целях интенсификации дальнейшей вербовки Кох протестует против того, чтобы эти рабочие по приезду в Германию помещались в лагерях за колючей проволокой, а 18.04.1942 особым указом запрещает производить порку украинцев [26, л. 5].

А. Розенберг, будучи убежден, что в каждой области (комиссариате) отношение к населению должно быть дифференцированным, призывал на Украине выступать с обещаниями в области культуры: «...мы должны были бы пробудить историческое самосознание украинцев, должны были бы открыть университет в Киеве и т.п.». Но не мог оставаться до конца последовательным: «...побочный вопрос: имеется ли вообще еще культурная прослойка на Украине?» [27, л. 3].

Естественно, понимание после подобных слов, а более действий, – что это было только обольщение об особом привилегированном отношении национал-социалистов к отдельным этническим группам. «Германии не нужны азиаты, если они даже владеют немецким языком» (Р. Гейдрих) – это, навер-

¹ Подобное отношение наблюдалось ко всем трудоиспользуемым рейхом народам. Гитлер в 1940 г. говорил: «Нельзя вложить в славянина ничего другого, кроме того, что он представляет собою по природе. В то время как наши немецкие рабочие являются, как правило, усердными и трудолюбивыми по природе, поляки ленивы и их приходится заставлять работать...» [3, л. 2].

ное, квинтэссенция подлинного отношения нацистов к советским народам [28, с. 37]. Россия же – в большей степени азиатская держава, нежели европейская [29, с. 42], во всем своем этническом и конфессиональном многообразии, по мнению определенной части европейской политической и научной элиты.

Необходимо упомянуть об общем количестве граждан СССР, угнанных в немецкое рабство. Всего число советских граждан, оказавшихся вследствие войны за границей и вернувшихся впоследствии в СССР, равняется 4,5 млн человек [30, с. 37–38]. На Нюрнбергском процессе приводилась цифра 4978 тыс. человек. В материалах Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий говорится о 4 млн 829 тыс. гражданских лиц, вывезенных за годы войны в рейх и 4 млн 559 тыс. советских военнослужащих, попавших в плен и большей частью используемых на работах [31, с. 417].

Активно эксплуатировались Третьим рейхом, с оговоркой – только на физических работах, и евреи – гражданские лица и военнопленные. Согласно «Энциклопедии Холокоста», в немецкий плен в годы войны попало в общей сложности 200 тыс. военнослужащих евреев. Практиковалась дискриминация евреев в плену, как, например, своего рода «геттоизация» лагерей – содержание евреев-военнопленных в обособленных бараках в пределах лагеря или назначение им особенно грязных работ [32, с. 45–49]. Э. Кальтенбрунер, обнаружив, что различные учреждения привлекают евреев для работ и поручений, связанных, по его словам, с секретным характером, издал специальный документ с подробным разъяснением смысла и характера запретительных и допустимых мероприятий в эксплуатации евреев [33, л. 2–4]. Но для многих евреев возможность работать – это был разве что не единственный шанс выжить.

Очевидными предстают действительные аргументы этнической сегрегации: управление разделенными народами, манипулирование их чувствами и убеждениями было расценено идеологами Третьего рейха как эффективное средство в стиле постулата «разделяй и властвуй», что было остро необходимо при удовлетворении потребности в максимально дешевой и столь же непритязательной рабочей силе, притом практически в неограниченных количествах.

Список литературы

1. **Лепетухин, Н. В.** Теории расизма в общественно-политической жизни Западной Европы второй половины XIX – начала XX в.: Ж.-А. Гобино, Г. Лебон, Х.-С. Чемберлен / Н. В. Лепетухин. – Иваново : ПресСто, 2013. – 146 с.
2. **Гобино, Ж. А.** Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж. А. Гобино. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 768 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 235.
4. **Эванс, Р.** Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939 / Р. Эванс. – Екатеринбург : Фактор, 2010. – 964 с.
5. **Müller, W.** Utländer in Sülldorf – ausländische Zivil- und Zwangsarbeiter in der Sülldorfer Landwirtschaft zwischen 1939 und 1945 / W. Müller. – URL: <http://www.geschichtswerkstatt.lurup.de/suellldorf.htm> (дата обращения: 27.08.2014).
6. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256.
7. **Мааß, В.** Zwangsarbeit von polinnen im Dritten reich / В. Мааß. – URL: <http://www.expolis.de/schlesien/texte/maas.html> (дата обращения: 27.08.2014).

8. **Woock, J.** Zwangsarbeit ausländischer Arbeitskräfte im Regionalbereich Verden/Aller (1939–1945) Arbeits- und Lebenssituationen im Spiegel von Archivalien und Erinnerungsberichten ausländischer Zeitzeugen : Dis. ... Dr. phil. Hannover / Woock J. – 2004.
9. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 198.
10. **Родионов, В.** Идеологические истоки расовой дискриминации славян в Третьем рейхе / В. Родионов. – URL: http://actualhistory.ru/race_theory_origins
11. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 84.
12. **Маринченко, А. А.** «Внести раздоры между народами...»: расовая политика немецких властей в отношении советских военнопленных, 1941 – начало 1942 года / А. А. Маринченко // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 59–91.
13. Хайнрих Тушинский. Зондерфюрер, 21-я рота переводчиков. Сообщение о переезде. 04.12.1942 – 04.08.1943 гг. // Коллаборационизм в Советском Союзе, 1941–1945 : справочник по фондам РГВА. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 166 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 38.
15. **Сатиров, Г. Н.** В следственной тюрьме гестапо. Дармштадт, 1944 г. / Г. Н. Сатиров // «Русский человек и перед лицом смерти не пасует»: Из воспоминаний военнопленного Г. Н. Сатирова / публ. подг. М. Г. Николаев // Отечественные архивы. – 2003. – № 6. – С. 70.
16. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы : в 2 кн. Кн. 1. 1941–1942. – Минск : НАРБ, 1996.
17. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1367. Оп. 1. Д. 214.
18. **Анвaер, С.** Кровоточит моя память. Из записок студентки-медики / С. Анвaер. – М. : РОССПЭН, 2005. – 208 с.
19. Трагедия и героизм: (Советские военнопленные. 1941–1945 годы) / редкол.: А. А. Крупенков и др. – М., 1999. – 343 с. – (Трагедия войны – трагедия плена : в 2 кн. ; кн. 1).
20. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 102. Д. 2 а.
21. **Штрайт, К.** «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / К. Штрайт. – М. : Русское историческое общество – Русская панорама, 2009. – 480 с.
22. **Фролов, Д. Д.** Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки / Д. Д. Фролов. – Хельсинки, Финляндия : RME Group Oy ; СПб. : Алетейя, 2009. – 640 с.
23. **Гребень, Е.** Русская национальная идея как элемент режима террора коллаборационных властей / Е. Гребень // Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект : материалы Междунар. науч. конф. (г. Псков, 10–11 декабря 2009 г.). – М. : Фонд «Историческая память», 2010. – С. 92–100.
24. **Пастушенко, Т.** Украинцы на принудительных работах в Третьем рейхе. Сколько их было? / Т. Пастушенко. – URL: <http://argumentua.com/stati/ukraintsy-na-prinuditelnykh-rabotakh-v-tretem-reikhe-skolko-ikh-bylo-0>
25. **Melenchuk, M.** Ukrainian Ostarbeiters in Canada: Individual and Collective Remembering: A Thesis Submitted to the College of Graduate Studies and Research in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts in the Department of History University of Saskatchewan / M. Melenchuk. – Saskatoon, 2012. – 113 p.
26. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 217.
27. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 226. Л. 3.
28. Копия приказа Главного имперского управления безопасности (РСХА) № 8 от 17.07.1941 // Военно-исторический журнал. – 1997. – № 5.

29. Фуллер, Дж. Ф. С. Вторая мировая война. 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор / Дж. Ф. С. Фуллер. – М. : Издательство иностранной литературы, 1956. – 550 с.
30. Земсков, В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан в 1944–1951 годы / В. Н. Земсков // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 26–41.
31. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 1. Основные события войны. – М. : Воениздат, 2011. – 848 с.
32. Полян, П. М. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе / П. М. Полян. – М. : РОССПЭН, 2010. – 583 с.
33. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 196. Л. 2–4.

References

1. Lepetukhin N. V. *Teorii rasizma v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Zapadnoy Evropy vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: Zh.-A. Gobino, G. Lebon, Kh.-S. Chamberlen* [Theories of racism in the sociopolitical life of Western Europe in the second half of XIX – early XX centuries Zh.-A. Gobino, G. Lebon, Kh.-S. Chamberlen]. Ivanovo: PresSto, 2013, 146 p.
2. Gobino Zh. A. *Opyt o neravenstve chelovecheskikh ras* [Experience on human races inequality]. Moscow: OLMA-PRESS, 2001, 768 p.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R-7021. Op. 148. D. 235.
4. Evans R. *Tretiy reyk. Dni triumfa: 1933–1939* [Third Reich]. Ekaterinburg: Faktor, 2010, 964 p.
5. Müller W. *Utländers in Sülldorf – ausländische Zivil- und Zwangsarbeiter in der Sülldorfer Landwirtschaft zwischen 1939 und 1945* [Foreigners in Sulldorf – foreign civil and forced workers in Sulldorf agriculture in 1939 and 1945]. Available at: <http://www.geschichtswerkstatt.lurup.de/suelldorf.htm> (accessed August 27, 2014).
6. GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 256.
7. Maaß B. *Zwangsarbeit von polinnen im Dritten reich* [Forced labor of polish women in Third Reich]. Available at: <http://www.expolis.de/schlesien/texte/maas.html> (accessed August 27, 2014).
8. Woock J. *Zwangsarbeit ausländischer Arbeitskräfte im Regionalbereich Verden/Aller (1939–1945) Arbeits- und Lebenssituationen im Spiegel von Archivalien und Erinnerungsberichten ausländischer Zeitzeugen: Dis. Dr. phil.* [Forced labor of foreigners in Verden/Aller regions (1939–1945); life and work reflected in archives and memories of foreign witnesses: dissertation to apply for Ph. D.]. Hannover, 2004.
9. GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 198.
10. Rodionov V. *Ideologicheskie istoki rasovoy diskriminatsii slavyan v Tret'em reykhe* [Ideological origins of racial discrimination of slavs in Third Reich]. Available at: http://actualhistory.ru/race_theory_origins
11. GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 84.
12. Marinchenko A. A. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and contemporary history]. 2014, no. 2, pp. 59–91.
13. *Kollaboratsionizm v Sovetskom Soyuze, 1941–1945: spravochnik po fondam RGVA* [Collaboration in the Soviet Union, 1941–1945: RGVA foundations reference book]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014, 166 p.
14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Sociopolitical History]. F. 17. Op. 125. D. 38.
15. Satirov G. N. *Otechestvennye arkhivy* [National archives]. 2003, no. 6, p. 70.
16. *Belorusskie ostarbaytery. Ugon naseleniya Belarusi na prinuditel'nye raboty v Germaniyu (1941–1944): Dokumenty i materialy: v 2 kn. Kn. 1. 1941–1942* [Belorussian ostarbayters. Capture of Belorussian population for forced labor in Germany (1941–1944): Documents and materials: in 2 books. Book 1. 1941–1942]. Minsk: NARB, 1996.

17. Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RGVA)]. F. 1367. Op. 1. D. 214.
18. Anvaer S. *Krovotochit moya pamyat'. Iz zapisok studentki-medichki* [My memory is bleeding. Notes of a medical student]. Moscow: ROSSPEN, 2005, 208 p.
19. *Tragediya i geroizm: (Sovetskie voennoplennye. 1941–1945 gody)* [Tragedy and heroism: (Soviet war prisoners. 1941–1945)]. Moscow, 1999, 343 p. (Tragedy of war – tragedy of captivity: in 2 books; Book 1).
20. GARF. F. R-7021. Op. 102. D. 2 a.
21. Shtrayt K. «Oni nam ne tovarishchi...»: *Vermakht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.* [“They are not our comrades...”: Wehrmacht and soviet war prisoners in 1941–1945]. Moscow: Russkoe istoricheskoe obshchestvo – Russkaya panorama, 2009, 480 p.
22. Frolov D. D. *Sovetsko-finskiy plen. 1939–1944 gg. Po obe storony kolyuchey provoloki* [Soviet-finnish captivity. 1939–1944. On both sides of barbed wire]. Khelsinki, Finlyandiya: RME Group Ouh; Saint-Petersburg: Aleteya, 2009, 640 p.
23. Greben' E. *Natsistskaya voyna na unichtozhenie na severo-zapade SSSR: regional'nyy aspekt: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Pskov, 10–11 dekabrya 2009 g.)* [Nazi war of extermination in the North-West of USSR: regional aspect: proceedings of the International scientific conference (Pskov, 10–11 December 2009)]. Moscow: Fond «Istoricheskaya pamyat'», 2010, pp. 92–100.
24. Pastushenko T. *Ukraintsy na prinuditel'nykh rabotakh v Tret'em reykh. Skol'ko ikh bylo?* [Ukrainians at forced labor in Third Reich. How many were there?]. Available at: <http://argumentua.com/stati/ukraintsy-na-prinuditelnykh-rabotakh-v-tretem-reikhe-skolko-ikh-bylo-0>
25. Melenchuk M. *Ukrainian Ostarbeiters in Canada: Individual and Collective Remembering: A Thesis Submitted to the College of Graduate Studies and Research in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts in the Department of History University of Saskatchewan*. Saskatoon, 2012, 113 p.
26. GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 217.
27. GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 226. L. 3.
28. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military-historical journal]. 1997, no. 5.
29. Fuller Dzh. F. S. *Vtoraya mirovaya voyna. 1939–1945 gg. Strategicheskii i takticheskii obzor* [World War II. 1939–1945. Strategic and tactical review]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1956, 550 p.
30. Zemskov V. N. *Istoriya SSSR* [USSR history]. 1990, no. 4, pp. 26–41.
31. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov: v 12 t. T. 1. Osnovnye sobytiya voyny* [The Great Patriotic War of 1941–1945: in 12 volumes. Vol. 1. Main events of the war]. Moscow: Voenizdat, 2011, 848 p.
32. Polyan P. M. *Mezhdue Aushvitsem i Bab'im Yarom. Razmyshleniya i issledovaniya o Katastrofe* [Between Auschwitz and Babiy Yar. Reflections and research of the catastrophe]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 583 p.
33. GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 196. L. 2–4.

Гаража Наталья Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра философии, истории и права,
Новороссийский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации
(Россия, Краснодарский край,
г. Новороссийск, ул. Видова, 56)

E-mail: ngarazha@yandex.ru

Garazha Natalia Alekseevna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of philosophy,
history and law, Novorossiysk branch
of the Financial University under
the Government of the Russian Federation
(56 Vidova street, Novorossiysk, Krasnodar
region, Russia)

УДК 94(430).086 «1941/1945»

Гаража, Н. А.

Остарбайтеры и советские военнопленные в нацистской идеологии и практике этнической сегрегации в период Великой Отечественной войны / Н. А. Гаража // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 46–56.

**ПОСЛЕВОЕННАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СССР
В 1940–1950-е гг.: КУРС НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

Аннотация.

Актуальность и цели. Изучение развития народного хозяйства страны и ее регионов в период Великой Отечественной войны и в послевоенные десятилетия представляет интерес с точки зрения осмысления итогов и результатов социально-экономической политики государства, которое смогло в кратчайшие сроки реализовать задачи восстановления экономики. Изучение проблем социально-экономической и аграрной политики в локальном измерении вызывает интерес для установления специфики развития региона в непростых условиях послевоенного периода – 1940–1950-х гг. Цель работы – проанализировать специфику послевоенного восстановления сельскохозяйственного потенциала Краснодарского края как элемента аграрной политики СССР в 1940–1950-е гг.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе всестороннего анализа научных исследований, статистических и архивных материалов. Методологическую основу работы составили современные представления о гносеологических возможностях применения принципов и методов проведения исторического исследования. Основопологающее значение имело следование принципу *научности*, реализовать который стало возможным за счет привлечения обширной многоплановой источниковой базы и специально организованного исследовательского процесса. Важное значение для организации структуры работы имел *принцип историзма*, позволивший рассмотреть социально-экономическое положение и развитие сельского хозяйства в послевоенные годы как явление, вписанное в конкретную среду, обусловленную социально-политическими, экономическими и аграрно-культурными особенностями региона. Комплексное применение методов позволило адекватно отразить общую направленность и региональные особенности и закономерности функционирования сельскохозяйственного производства и обеспечения его силы – сельских тружеников в период восстановительных мероприятий послевоенного периода.

Результаты. Автором обобщены научные исследования по изучению специфики процесса восстановления и развития сельскохозяйственной отрасли экономики в послевоенное время на материалах Краснодарского края, а также выявлены основные трудности и успехи в развитии сельскохозяйственного производства региона.

Выводы. Изучение проблем Великой Отечественной войны является актуальным для исторической науки. История Великой Отечественной войны и Победы в коллективной исторической памяти остается одним из краеугольных камней национальной идентичности, символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. Осознание этого обстоятельства вызывает необходимость обращения к историческому опыту того трагического и героического периода, а также выявления методики и специфики определения экономических и социально-политических ресурсов восстановления разрушенного хозяйства, перевода его на мирные рельсы и устройства модернизации в сжатые сроки при минимальных финансовых и материальных ресурсах.

Ключевые слова: аграрная политика, Великая Отечественная война, Краснодарский край, послевоенный период 1940–1950-х гг.

POSTWAR AGRICULTURAL POLICY OF USSR IN 1940–1950s: AGRICULTURAL POTENTIAL RESTORATION AND DEVELOPMENT COURSE IN KRASNODAR REGION

Abstract.

Background. The study of country and regional national economy development during the Great Patriotic War and in postwar decades is of interest in terms of understanding the results of the socioeconomic policy of the state that managed to realize the economic restoration objectives within the shortest possible period. The study of problems of the socioeconomic and agricultural policy at the local level provokes interest in determining the specificity of regional development in complicated conditions of the postwar period of 1940–1950s. The aim of the work is to analyze the specificity of postwar restoration of the agricultural potential in Krasnodar region as an element of the agricultural policy of USSR in 1940–1950s.

Materials and methods. Realization of the research objectives was achieved on the basis of a comprehensive analysis of researches, statistical materials and archives. The methodological basis included modern ideas on epistemological possibilities of application of historical research methods and principles. Of fundamental importance was to follow the principle of scientific character, realization of which became possible due to formation of a large multiprofile source base and a specially organized research process. For organization of the work structure of great importance was the principle of historicism, allowing to consider the socioeconomic condition and agricultural development in the postwar period as a phenomenon, inserted into a concrete environment, determined by the sociopolitical, economic and agricultural features of the region. Complex application of the methods allowed to adequately reflect the general direction and regional features and regularities of agricultural production functioning, as well as the providing means – agricultural workers in the period of postwar restoration.

Results. The author generalized scientific works devoted to the specificity of restoration and development of the agricultural sector of the economy in the postwar period by the example of Krasnodar region. The researcher also revealed main difficulties and success in development of the regional agricultural production.

Conclusions. Research of the problems of the Great Patriotic War is topical for the historical science. The history of the Great Patriotic War in the collective historical memory remains one of the cornerstones of the national identity, a symbol of peoples, social and age groups unity. Understanding of this circumstance causes a necessity to address the historical experience of such a tragic and heroic period, as well as to reveal the technique and specificity of determining economic and sociopolitical resources of restoration of the destroyed economy, of its transition to peace time and of modernization in short term with minimal financial and material resources.

Key words: agricultural policy, the Great Patriotic War, Krasnodar region, postwar period of 1940–1950s.

Изучение влияния Великой Отечественной войны на российское общество сохраняет свою научную, социальную и политическую актуальность. Необходимость комплексного исследования истории крестьянства в послевоенное время определяется в контексте взаимодействия со всеми сторонами социальной действительности – демографическими, бытовыми, культурными.

ми, политическими условиями жизни людей, углубленным изучением миропонимания, умонастроений и порождаемого ими поведения рабочих и крестьян, их трансформации в условиях войны при необходимом сохранении таких традиционных установок, как любовь к Родине, неприятие захватчиков, ратный труд во имя Победы [1].

После освобождения оккупированных немецко-фашистскими захватчиками территорий Краснодарского края и Адыгеи перед советским народом встала первоочередная задача по воссозданию и восстановлению разрушенных хозяйств как в городах, так и в сельском секторе региона. Колхозы и совхозы Краснодарского края к концу января 1943 г. фактически находились в состоянии полной разрухи. По всем показателям их деятельности ситуацию можно было охарактеризовать как весьма критическую. Отступая под ударами Красной Армии, оккупанты, следуя приказу Гитлера, оставляли после себя «выжженную землю». Поэтому уничтожению подвергалось все, что хоть в малейшей степени потенциально могло быть использовано для снабжения армии и мирного населения продовольственными ресурсами.

Масштаб материального ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству СССР и отдельным гражданам, был велик. Если эти данные переводить в цифры 1941 г., то потери от прямого уничтожения и разграбления имущества всего по стране составили 679 млрд руб., в том числе государственным предприятиям и учреждениям был нанесен ущерб в размере 287 млрд руб., колхозам – 181 млрд руб., сельским и городским жителям – 192 млрд руб., кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям – 19 млрд руб. [2]. Приведенные цифры не показывают всего ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками Советскому Союзу. Они охватывают только потери от прямого уничтожения имущества граждан, колхозов, общественных организаций, государственных предприятий и учреждений. В сумму ущерба не включены такие потери, как снижение национального дохода от прекращения или сокращения работы государственных предприятий, колхозов и граждан, стоимость конфискованных германскими оккупационными войсками предметов продовольствия и снабжения, военные расходы СССР, а также потери от замедления темпов общего хозяйственного развития страны в результате действия врага на протяжении 1941–1945 гг. Все указанные расходы достигли за период войны громадной суммы и составили не менее 1890 млрд руб. Таким образом, весь ущерб, нанесенный народному хозяйству СССР за годы Великой Отечественной войны, вместе с военными расходами и временной потерей доходов от промышленности и сельского хозяйства в районах, подвергшихся оккупации, составил 2 трлн 569 млрд руб. [2, инв. № 32, л. 53].

Для полной оценки учета ущерба в Краснодарском крае было создано 10 300 комиссий по составлению актов. В докладе «Об итогах работы по учету ущерба...» от 15 января 1945 г. было отмечено, что работа краевой комиссии по учету ущерба и злодеяний закончена в мае 1944 г. Краснодарской краевой комиссией было представлено в Чрезвычайную государственную комиссию СССР 43 692 акта на сумму 11 473 561,1 тыс. руб., в том числе 2085 актов по колхозам на сумму 7 324 135,0 тыс. руб., 2298 актов от учреждений культуры, искусства и здравоохранения на 494 009,0 тыс. руб., 1429 актов от государст-

венных предприятий и учреждений на 1 001 988,1 тыс. руб., 37 880 актов об ущербе, причиненном гражданам, на сумму 2 653 429,0 тыс. руб. Однако о дате подведения итогов по учету нанесенного оккупацией ущерба заявили явно поспешно. Работа краевой комиссии и комиссий на местах продолжалась включительно до 1949 г. [3, с. 23].

О масштабах ущерба отдельных районов свидетельствуют обобщенные сведения Тульского райисполкома Краснодарского края (табл. 1). Примерные цены при вычислении ущерба определялись следующим образом: корова – 1 голова – 30 000 руб., телка – 5000 руб., 1 ц кукурузы – 1020 руб., 1 ц муки пшеничной – 3500 руб., 1 ц картофеля – 600 руб., 1 ц соли – 3200 руб. и т.д. [4, л. 35].

Таблица 1

Виды уничтоженного, разрушенного и поврежденного имущества	Восстановительная стоимость полностью уничтоженного, разрушенного, разграбленного имущества, тыс. руб.	Размер затрат, необходимых для восстановления частично поврежденного имущества, тыс. руб.	Общий размер ущерба, тыс. руб.
Здания хозяйственного назначения	720 650	–	720 650
Жилые здания	759 469	311 530	1 070 999
Прочие здания и постройки	887 609	–	887 609
Сооружения	1 629 269	111 608	1 740 877
Оборудование и транспортные средства	672 439	–	672 439
Многолетние насаждения	8000	–	8000
Здания культурно-бытового назначения	–	16 380	16 380
Рабочий и продуктивный скот	15 689 181	–	15 689 181
Топливо, материалы и готовые продукты	239 280	–	239 280
Сырье, сельскохозяйственные продукты	6 216 465	–	6 216 465
Посевы и незавершенное производство в сельском хозяйстве	9 286 890	–	9 286 890
ИТОГО	36 109 252	439 518	36 548 770

Источник: составлено автором по [4, л. 36].

Наиболее тяжелое положение в сельскохозяйственном комплексе складывалось с наличием машинно-тракторного парка МТС, совхозов и колхозов. Значительная часть тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной

техники была потеряна еще в период неудачно проходившей эвакуации в августе 1942 г. Оставшаяся в сельских районах техника в период оккупации была либо вывезена немцами в Германию, либо уничтожена ими при отступлении.

Столь же катастрофическое положение складывалось с наличием всех видов поголовья общественного скота и птицы. Его практически не осталось в колхозах и совхозах. Тяжесть потерь усугублялась гибелью элитных, племенных видов лошадей и овец, которыми Кубань славилась в 1930-е гг. Аналогичная ситуация имела место и в подсобных хозяйствах сельских труженников. Оккупанты в крестьянских подворьях изъяли или истребили почти полностью коров, свиней, овец и все виды птиц.

Серьезный ущерб был нанесен также зерновому хозяйству Краснодарского края. Значительная часть полей, ранее использовавшихся для выращивания хлеба, оказалась заброшенной, и в первые годы после освобождения Кубань не была включена в хозяйственный оборот. Сев озимых культур осенью 1942 г., т.е. при оккупантах, проходил без соблюдения соответствующих агротехнических и агрономических правил, и поэтому урожай 1943 г. ожидался в незначительном размере. Огромные разрушения были нанесены врагом жилищному фонду сельских населенных пунктов. Десятки тысяч семей колхозников и рабочих совхозов и МТС оказались без крыши над головой и вынуждены были жить в землянках и других не приспособленных для нормального проживания местах.

И все же, наряду с многочисленными трудностями, имел место и главный положительный фактор: захватчики были изгнаны с территории Краснодарского края. А это означало, что началось возрождение сельского хозяйства в освобожденных районах.

Большие людские и материальные потери предопределили крайне тяжелый процесс восстановления производительных сил. Послевоенное возрождение экономической жизни проходило в сложных общественно-политических условиях, которые были характерны для всего Советского Союза. Материальной помощи извне ждать не приходилось, рассчитывать можно было только на собственные ресурсы, в том числе и трудовые. Материальная помощь деревне в послевоенные годы была предельно сокращена. Капитальные вложения в сельское хозяйство за годы войны были в 4,3 раза меньше, чем в предвоенные годы, и колхозы в послевоенное время были сильно ослаблены. Следует отметить, что восстановлению хозяйства Краснодарского края и Адыгейской автономной области с начала их освобождения от гитлеровских захватчиков союзное, краевое и областное правительства уделяли пристальное внимание. Задачи восстановления экономического потенциала региона были сформулированы в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Для выполнения данного постановления создавался специальный Комитет при СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от временной фашистской оккупации. Вопросам возрождения сельского хозяйства Краснодарского края было посвящено три пленума крайкома ВКП(б), которые состоялись в 1943 г. Данный факт свидетельствует о приоритетности отрасли в развитии всего народного хозяйства Кубани.

Главным направлением в процессе восстановления разрушенного сельскохозяйственного потенциала Краснодарского края и Адыгейской автономной области стала прежде всего борьба за вывоз хлеба в фонд Красной Армии. Стремясь своевременно выполнить государственные поставки в фонд действующей армии, только комсомольские организации Краснодарского края организовали свыше 80 районных обозов по доставке зерна на заготовительные пункты. Лишь за один краевой субботник 22 августа 1943 г. на элеваторы было вывезено 857,2 т и погружено 116 т зерна [5, с. 284]. В ряде районов Адыгеи были организованы «красные обозы» в честь побед Красной Армии [6, с. 70].

Общая площадь Краснодарского края составляла 8 357 739 га. Данная цифра значительно выше показателя 1 ноября 1943 г. и объясняется передачей в состав края 143 834 га земли Карачаевской автономной области в соответствии с Постановлением СНК СССР и на 236 га за счет уточнения данных прошлых лет [7, л. 19]. На рис. 1 представлено соотношение в распределении земель по землепользователям в Краснодарском крае, где наблюдаем в пользовании колхозов и совхозов почти 70 % всего земельного фонда.

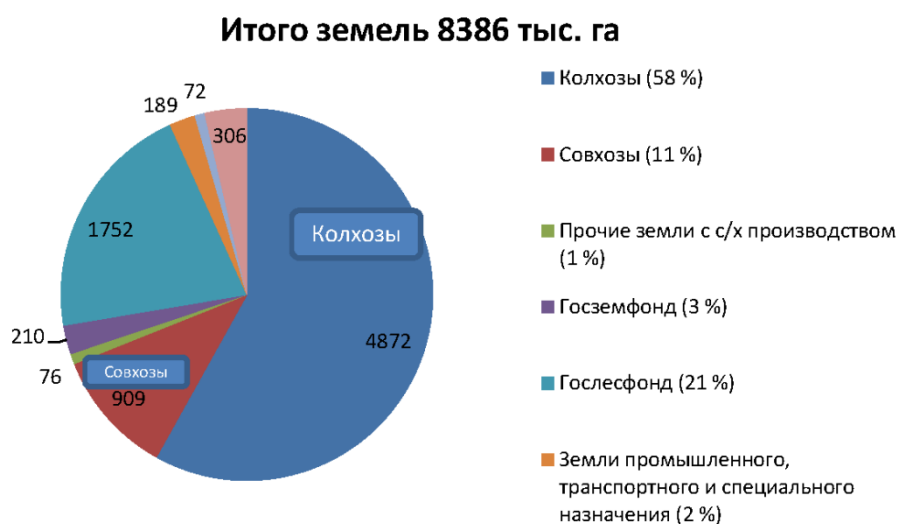

Рис. 1. Распределение земель по землепользователям по Краснодарскому краю на 1 ноября 1945 г. (тыс. га) [8, л. 83]

Кроме того, и данные по видовым разнообразиям земельных угодий края также были изменены. Точные данные по всем видам земель способствовали более четкому и выверенному планированию будущих урожаев, а соответственно, и поставок в фонд обеспечения продовольствия государственного сектора экономики. Изменения в земельных угодьях по сравнению с данными 1943 г. представлены в табл. 2.

Поскольку специфика народного хозяйства Краснодарского края заключалась в его аграрной составляющей и край всегда выступал житницей Юга СССР, наряду с соседними Ставропольским краем и Ростовской областью, неудивительно, что почти половина всех земель была занята пашней (рис. 2).

Таблица 2

Наименование угодий	1944 г.	1943 г.	Разница
Пахотные	4 289 318	4 329 577	–40 259
Сенокосные	181 6445	176 982	+4 363
Выгонно-пастбищные	463 497	444 444	+19 053
Огородные	271 295	276 335	–5 040
Виноградники	16 357	17 289	–932
Тутовые насаждения	1759	1054	+705

Источник: составлено автором по [7, л. 10, 20, 21].

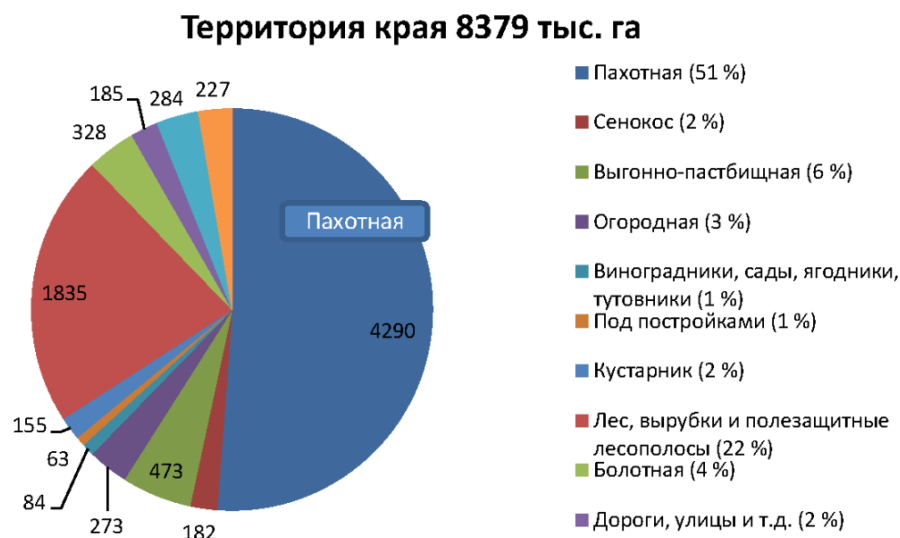

Рис. 2. Состав земель по основным видам угодий по Краснодарскому краю на 1 ноября 1945 г. (тыс. га) [8, л. 84]

Изменения в составе земельных угодий (по основным угодиям – пахотные, сенокосные, выгонно-пастбищные, огородные) за обозначенный период объясняются в основном следующими причинами:

- разрушением обваловательской системы по реке Кубань и гидротехнических сооружений, подтоплением земель и изменением состава угодий;
- изменениями состава угодий вследствие нахождения их вблизи оборонных сооружений, противотанковых рвов, окопов;
- изъятием земель для специальных целей, например для строительства военных аэродромов;
- частичной гибелью насаждений, садов, виноградников, ягодников за период военных действий на реке Кубань.

По колхозному сектору изменения в составе земельных угодий, по сравнению с 1943 г., на 1 ноября 1944 г. сводятся к показателям, представленным в табл. 3.

Таблица 3

Наименование угодий	1944 г.	1943 г.	Разница
Всего	4 867 758	4 906 729	–38 971
Пахотные	3 421 365	3 497 886	–76 471
Сенокосные	136 755	135 377	+3378
Выгонно-пастбищные	340 033	327 024	+13 009
Огородные	232 788	233 554	–566
Виноградники	11 779	13 348	–1569
Тутовые насаждения	1759	1051	+708

Источник: составлено автором по [7, л. 10, 20 об., 21].

Изменения в общей площади, а также в составе угодий, представленные в табл. 3, в свою очередь объясняются следующими причинами:

– переводом неиспользуемых земель колхозами в земли госфондов, главным образом за счет колхозов с немецким населением, которое переселено за пределы края, и за счет колхозов, население которых было угнано в период оккупации в Германию и к этому времени еще не возвратилось (районы Крыловский, Н. Титаровский, Успенский, Крымский и др.);

– передачей земель для вновь организованных совхозов и под расширение существующих в соответствии с Постановлением СНК СССР по районам: Архангельскому, Гулькевичскому, Штейнгардтовскому, Успенскому, Ново-Кубанскому, и в земли госфонда по районам: Крымскому, Славянскому, Н. Титаровскому, Крыловскому и др., которые в основном были переданы в постоянное пользование для подсобных хозяйств учреждений и предприятий;

– уточнением земельных угодий при восстановлении земельно-учетных документов колхозов. Значительное уменьшение площади пахотных земель объяснялось переводом их в другие виды угодий в связи с подтоплением по пойме реки Кубань, вследствие разрушений обваловательской системы и других гидротехнических сооружений за период военных действий, а также в связи с зарослью пахотных земель сплошными кустарниками вследствие их неполного использования за годы Великой Отечественной войны. Перевод пашни в другие виды угодий произведен на основании решений Краснодарского крайисполкома и постановлений СНК СССР, причем по некоторым районам этот перевод носил временный характер, определенный в один-два года.

В основном большое уменьшение пахотных земель произошло в Красноармейском, Крымском, Варениковском, Горяче-Ключевском, Славянском и других районах [7, л. 21].

В целом колхозы, ориентированные на заготовку в первую очередь зерна, стремились восстановить и порой приумножить посевные площади. Так, по состоянию на 1 ноября 1945 г. колхозы Краснодарского края, занимая общую площадь 4658 тыс. га земель, 3425 тыс. га отводили под пахотные угодья (73 %) (рис. 3).

По численности колхозы Краснодарского края можно условно разделить на несколько групп, большинство из них (32 %) насчитывали от 201 до 300 дворов, 28 % от общего количества колхозов состояли из 101–200 дворов.

Незначительно представлены колхозы, насчитывающие 301–400 дворов, – 14 %, 401–500 дворов – 5 %, свыше 500 дворов – 2 % (рис. 4).

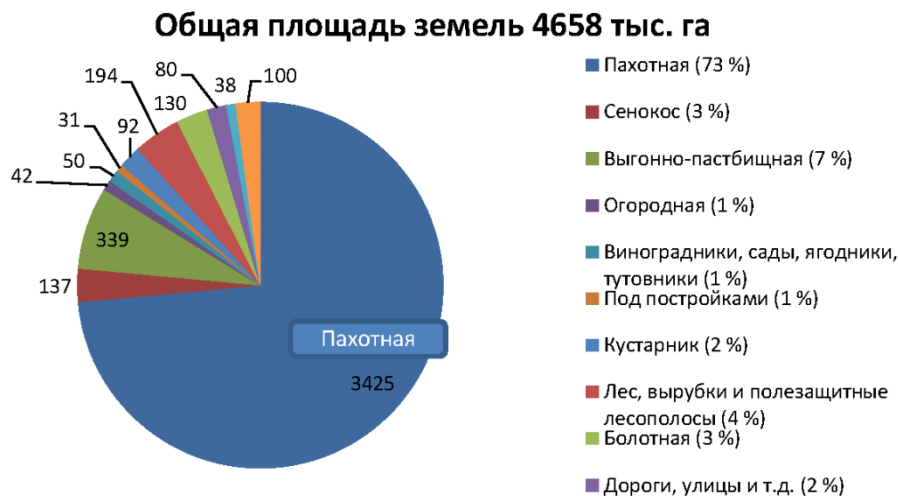

Рис. 3. Состав обществственных земель колхозов по основным видам угодий Краснодарского края на 1 ноября 1945 г. (тыс. га) [8, л. 85]

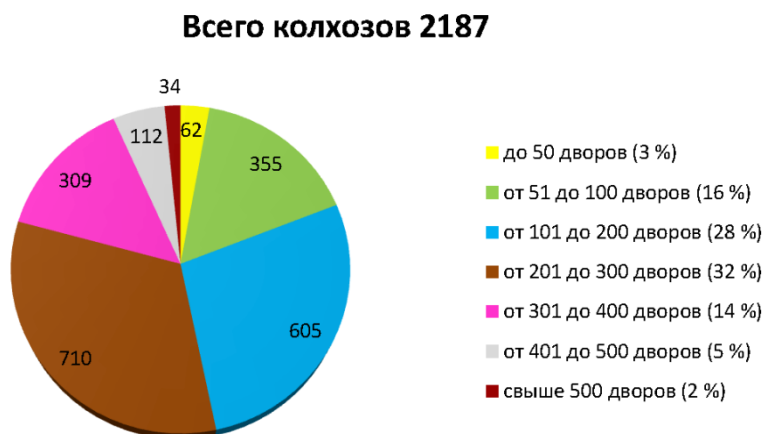

Рис. 4. Количество колхозов по количеству дворов по Краснодарскому краю на 1 ноября 1945 г. [8, л. 86]

Своевременная поставка зерна в фонд продовольствия государства требовала от сельского хозяйства Краснодарского края в первую очередь восстановления всего фонда земельных угодий (рис. 5). На 1 ноября 1944 г. в состав Краснодарского края входило 72 района, пять городов с самостоятельными административными управлениями и Адыгейская автономная область с семью районами и одним городом. Кроме того, по постановлению СНК СССР на территории края был образован новый Псебайский район, выделенный из состава земель Мостовского района. Однако поскольку организация данного района и его территория еще не были до конца оформлены, то во всех отчетах о состоянии дел по восстановлению сельского хозяйства края данный район был показан в составе Мостовского района.

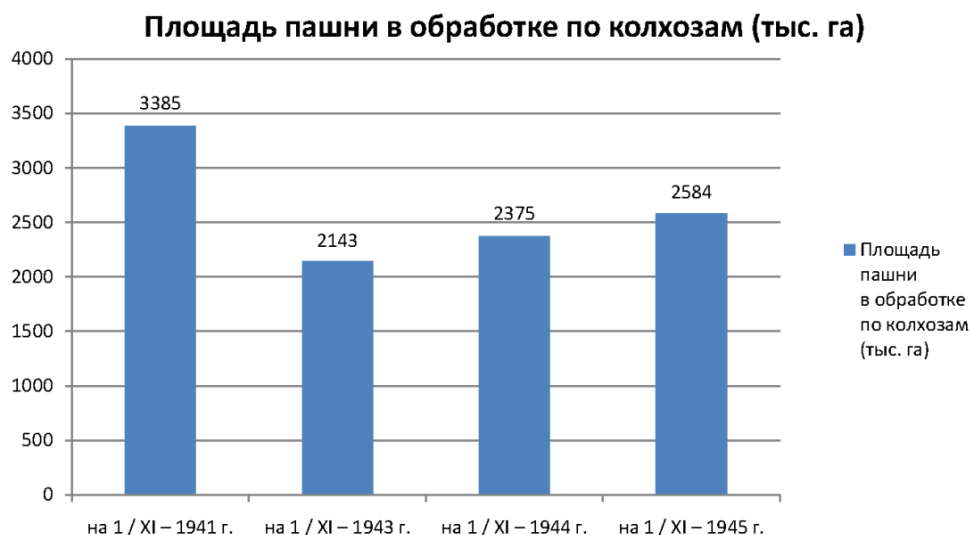

Рис. 5. Изменение площади пашни в обработке по колхозам Краснодарского края (тыс. га) [8, л. 88]

Посевные площади всех сельскохозяйственных культур (млн га) в СССР во все предвоенные и военные годы существенно менялись, и связано это было в первую очередь с тем фактом, что многие аграрные регионы попадали под нацистскую оккупацию. Таким образом, эти показатели были следующими: 1940 г. – 150,4 млн га, 1941 г. – 108,1 млн га, 1942 г. – 87,7 млн га, 1943 г. – 94,1 млн га, 1944 г. – 109,9 млн га, 1945 г. – 113,6 млн га, 1948 г. – 133,7 млн га [9, инв. № 32, л. 10–11]. Очевиден тот факт, что уменьшение, по сравнению с довоенным уровнем, посевных площадей в 1940 г. было вызвано рядом причин, в числе которых можно назвать не только оккупацию, но и уменьшение рабочих рук в сельском хозяйстве страны, отсутствие механизации аграрного производства. Довоенный уровень (1940 г.) был почти достигнут лишь в 1950 г. – 146,3 млн га [9, инв. № 32, л. 11].

Такая же картина наблюдалась и при сравнении показателей валового сбора (амбарного урожая) во всех категориях хозяйств по сбору зерновых культур: 1940 г. – 95,5 млн т, 1941 г. – 55,9 млн т, 1942 г. – 29,7 млн т, 1943 г. – 29,4 млн т, 1944 г. – 49,1 млн т, 1945 г. – 47,2 млн т, 1948 г. – 67,2 млн т [9, инв. № 32, л. 10–11]. Как мы видим, самыми трудными в обеспечении страны необходимым зерном были 1942 и 1943 гг. Это еще раз подтверждает тот факт, насколько в тяжелом положении находились колхозы и совхозы в экстремальное для страны время. И тем не менее сдавали зерно. Довоенный уровень (1940 г.) был достигнут лишь в 1955 г. – 106,8 млн т.

Кадровое обеспечение колхозов и совхозов Краснодарского края в период восстановления сельскохозяйственной производительности оставалось в весьма сложном положении. Местные органы власти стремились максимально использовать опыт всех сельских жителей на всех уровнях создания необходимой продукции для фронта и промышленности.

Огромные убытки понесло сельское хозяйство Адыгейской автономной области. Оказались разоренными 220 колхозов, все совхозы и МТС, разрушены больницы, культурно-просветительные учреждения, школы [10, л. 46].

Невосполнимы были людские потери. Только в Майкопе было уничтожено более 3 тыс. советских людей. Были замучены и расстреляны 400 человек в Кошехабльском районе, свыше 300 – в Гиагинском районе, около 200 – в Майкопском районе. Сотни людей были повешены и расстреляны в Теучежском, Шовгеновском и Тахтамукайском районах [10, л. 48].

Потери аграрного сектора Адыгеи также были велики. Председатель колхоза «Свободный путь» Кошехабльского района П. Кузнецова отмечала: «...проклятые немецкие мародеры разорили богатства нашего колхоза. Они забрали 37 лошадей, 106 голов крупного рогатого скота, 45 тонн колхозного первосортного зерна, сожрали свыше 200 голов свиней, 670 овец, 115 штук птицы. Оккупанты уничтожили и общественный транспорт» [11]. Аналогичными были и потери других колхозов и совхозов области. Все эти потери требовалось в кратчайший срок восстановить.

Важной особенностью 1943 г. стала ускоренная подготовка новых отрядов кадров рабочих профессий. Подготовка квалифицированных специалистов из числа молодежи и женщин Адыгейской автономной области проводилась достаточно успешно. Несмотря на тот факт, что укомплектованность колхозов оставалась крайне низкой, сельские труженики участвовали в восстановлении промышленных объектов достаточно активно в разные периоды восстановительных работ. В связи с тем, что в 1944 г. численность работников промышленности Адыгеи составляла 7594 человека, в том числе рабочих – 4116, а фактически имелось – 7465, из них рабочих – 3904 (т.е. 94 %), бюро обкома в мае 1944 г. было вынуждено принять решение о выделении для Майкопгэсстроя 1000 колхозников Адыгеи [12, л. 67].

Следует отметить, что в 1944–1945 гг. ряды колхозников и совхозников увеличились за счет возвращавшихся из госпиталей инвалидов войны. Их опыт и знания максимально использовались на местах. Руководство Краснодарского края рекомендовало прикреплять к каждой тракторной бригаде в качестве консультанта инвалида Великой Отечественной войны, «...не могущего самостоятельно работать на тракторе, но хорошо знающего его...». Это, по мнению крайкома, позволило бы повысить уровень подготовки молодых трактористов. Работники органов социального обеспечения учитывали состояние здоровья бывших воинов при их трудоустройстве. Они стремились поместить как можно больше своих подопечных либо на руководящие должности, либо на такие работы, где уровень физических нагрузок был бы невысок.

К осени 1944 г. на Кубани 15,4 % работающих инвалидов, или около 4,4 тыс. человек, занимали руководящие должности. Из этой группы более половины бывших участников Великой Отечественной войны стали председателями колхозов и сельсоветов, бригадирами полеводческих, животноводческих и тракторных бригад. В первой половине 1945 г. 143 инвалида – жителя Краснодарского края, были обучены новым профессиям. Из них 127 человек стали колхозными счетоводами, а 16 – пчеловодами [13, л. 129; 14, л. 1 об.]. Следует добавить, что государство предоставляло инвалидам преимущественное право поступления на работу и защищало их интересы в данном вопросе. В частности, инструкция наркомата социального обеспечения СССР «О порядке трудового устройства инвалидов Великой Отечественной войны» от 11 апреля 1944 г. обязывала заведующих отделами соцобеспечения лично

знакомить своих подопечных с вакантными должностями и рекомендовать подходящий им род деятельности. Собес должен был проверять правильность профессионального использования инвалида на местах.

Одним из важнейших инструментов в мобилизации труда сельских тружеников на восстановление экономики Краснодарского края и Адыгейской автономной области стало социалистическое соревнование. Уже в марте 1943 г. во всех трудовых коллективах на освобожденных от временной нацистской оккупации территориях прошли собрания, где обсуждались вопросы совершенствования организации социалистического соревнования.

Подводя итоги, необходимо в первую очередь отметить, что фашистская оккупация нанесла тяжелейший урон сельскому хозяйству Краснодарского края и Адыгейской автономной области. Огромные разрушения и убытки, ставшие ее следствием, отбросили на несколько десятилетий назад все отрасли сельскохозяйственного производства. Достаточно сказать, что только к концу 1950-х гг. Кубань достигла предвоенного уровня развития этой отрасли [15]. По отдельным видам поголовья скота восстановить прежние показатели удалось уже значительно позже.

Отличительной чертой аграрной политики в 1940–1950-е гг. стали комплексные мероприятия, направленные на модернизацию и интенсификацию сельскохозяйственного производства, основные элементы которых были потеряны за годы Великой Отечественной войны. К концу войны колхозы Краснодарского края были до крайней степени ослабленными и обессиленными – с разрушенными производственными силами, запущенной землей, отброшенным на десятки лет назад животноводством. Деревня работала на износ, и это была цена, которую заплатило крестьянство за Победу в войне. Трудом на пределе человеческих сил, самопожертвованием крестьян удалось снабдить страну необходимым минимумом продовольствия, спасти от голода. И эта жертвенность крестьянства характерна и для послевоенного времени, когда в кратчайшие сроки необходимо было не только восстановить, укрепить, но и развить аграрный комплекс.

Список литературы

1. **Лохова, Т. В.** Сельское хозяйство Краснодарского края и Адыгейской автономной области в условиях временной нацистской оккупации / Т. В. Лохова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 36.
2. Материальный ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству СССР и отдельным гражданам // Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : стат. сб. / ИВИ МО РФ. – М. : Инф.-изд. центр, 1990.
3. **Степаненко, С. Г.** Некоторые аспекты деятельности ЧГК СССР в Краснодарском крае (1943–1949 гг.) / С. Г. Степаненко // Вклад кубанцев в Великую Победу : материалы Пятой краевой науч.-практ. конф. архивистов, историков, краеведов. – Краснодар, 2010.
4. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р.-1049. Оп. 1. Д. 4.
5. **Ибрагимов, М. М.** Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (на примере национальных республик Северного Кавказа) : дис. ... д-ра ист. наук / Ибрагимов М. М. – М., 1999.

6. **Азашиков, Г. Х.** Адыгея в годы Великой Отечественной войны / Г. Х. Азашиков. – Майкоп, 1998.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 10. Д. 1618.
8. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 10. Д. 1900.
9. Основные показатели развития народного хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : стат. сб. / ИВИ МО РФ. – М. : Инф.-изд. центр, 1990.
10. НАРА. Ф. 1. Оп. 13. Д. 8.
11. Адыгейская правда. – 1943. – 16 июня.
12. НАРА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 78.
13. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 1774 А. Оп. 2. Д. 1094.
14. ЦДНИ КК. Ф. 1774 А. Оп. 2. Д. 1573.
15. **Лохова, Т. В.** Трудности восстановительного периода сельскохозяйственного потенциала Краснодарского края после временной нацистской оккупации (1943–1945 гг.) // Казанская наука. – 2012. – № 3. – С. 18.

References

1. Lokhova T. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2012, no. 2, p. 36.
2. *Narodnoe khozyaystvo SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: stat. sb.* [National economy of USSR in the Great Patriotic War of 1941–1945: collected papers]. IVI MO RF. Moscow: Inf.-izd. tsentr, 1990.
3. Stepanenko S. G. *Vklad kubantsev v Velikuyu Pobedu: materialy Pyatoy kraevoy nauch.-prakt. konf. arkhivistov, istorikov, kraevedov* [Contribution of Kuban residents into the Great Victory: proceedings of 5th regional scientific and practical conference of archivists, historians, regional ethnographers]. Krasnodar, 2010.
4. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Adygeya (NARA)* [National Archive of the Republic of Adygeya (NARA)]. F. R.-1049. Op. 1. D. 4.
5. Ibragimov M. M. *Vlast' i obshchestvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere natsional'nykh respublik Severnogo Kavkaza): dis. d-ra ist. nauk* [Authority and society in the period of the Great Patriotic War (by the example of the republics of the North Caucasus): dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Moscow, 1999.
6. Azashikov G. Kh. *Adygeya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Adygei during the Great Patriotic War]. Maykop, 1998.
7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State Economic Archive (RGAE)]. F. 7486. Op. 10. D. 1618.
8. RGAE. F. 7486. Op. 10. D. 1900.
9. *Narodnoe khozyaystvo SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: stat. sb.* [National economy of USSR in the Great Patriotic War of 1941–1945: collected papers]. IVI MO RF. Moscow: Inf.-izd. tsentr, 1990.
10. NARA. F. 1. Op. 13. D. 8.
11. *Adygeyskaya pravda* [Adygei truth]. 1943, 16 June.
12. NARA. F. 1. Op. 3. D. 78.
13. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya (TsDNI KK)* [Documentation center of the contemporary history of Krasnodar region]. F. 1774 А. Op. 2. D. 1094.
14. *TsDNI KK*. [Documentation center of the contemporary history of Krasnodar region]. F. 1774 А. Op. 2. D. 1573.
15. Lokhova T. V. *Kazanskaya nauka* [Kazan science]. 2012, no. 3, p. 18.

Лохова Татьяна Владимировна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра философии, истории и права,
заместитель директора по науке,
Новороссийский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации
(Россия, Краснодарский край,
г. Новороссийск, ул. Видова, 56)

E-mail: 324548@mail.ru

Lohova Tatiana Vladimirovna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of philosophy,
history and law, deputy director
for research, Novorossiysk branch of the
Financial University under the Government
of the Russian Federation
(56 Vidova street, Novorossiysk,
Krasnodar region, Russia)

УДК 94

Лохова, Т. В.

Послевоенная аграрная политика СССР в 1940–1950-е гг.: курс на восстановление и развитие сельскохозяйственного потенциала Краснодарского края / Т. В. Лохова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 57–70.

А. Ю. Ильин

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ В КОНЦЕ XVIII –
НАЧАЛЕ XXI в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЫ И ТАМБОВА)****Аннотация.**

Актуальность и цели. Изучение истории городского хозяйства России позволяет увидеть корни многих современных проблем ЖКХ. Цель работы – проанализировать исторические перемены в структуре, функциях и конкретной деятельности органов городского хозяйства Пензы и Тамбова в течение двух столетий.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива, государственных архивов Пензенской и Тамбовской областей, Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области. Особое место в работе занимают опубликованные нормативно-правовые акты, газетные материалы, воспоминания современников. Методологический потенциал включает: системно-структурный метод, который дал возможность определить степень согласованности в деятельности государственных, муниципальных, частных структур в области городского хозяйства; сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить сходство и специфику организационных основ городского хозяйства Пензы и Тамбова в разные периоды истории.

Результаты. Определен круг государственных, муниципальных, общественных, частных организаций, учреждений и предприятий, которые занимались вопросами ведения городского хозяйства Пензы и Тамбова на разных этапах истории этих городов. Проведено сопоставление их функций и механизмов взаимодействия между собой в ходе реализации своих функций.

Выводы. Изучение структуры и функций организаций и учреждений, занимавшихся городскими хозяйствами Пензы и Тамбова, показало бессистемность организационных основ городского хозяйства, избыточное разветвление и ненужное переплетение в его институциональных основах. В роли контролеров и непосредственных участников решения коммунальных вопросов выступали губернские (областные) органы. В деятельности этих региональных структур большое место занимала показуха. Забота о создании нормальных условий для жизнедеятельности «рядовых» горожан всегда была на втором месте. Исторический опыт свидетельствует, что создаваемые населением муниципальные законодательные и управленческие институты в состоянии самостоятельно решать вопросы городского хозяйства и со временем стать жизнеспособными институтами гражданского общества.

Ключевые слова: городское хозяйство, организационные основы и структура, региональные центры, Пенза, Тамбов.

А. Yu. Ilyin

**ORGANIZATIONAL BASIS OF MUNICIPAL FACILITIES
OF RUSSIAN REGIONAL CENTERS IN LATE XVIII – EARLY
XX CENTURIES (BY MATERIALS OF PENZA AND TAMBOV)****Abstract.**

Background. Studying the history of the city economy in Russia allows to see the roots of many of today's housing problems. The purpose of the article is to analyze

historical changes in the structure, functions and specific activities of the municipal economy of Penza and Tambov within two centuries.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was achieved through the use of documents obtained in the Russian State Historical Archives, National Archives of Penza and Tambov regions, the State Archive of Socio-Political History of Tambov region. A special place in the work is taken by the published regulations, news stories, memoirs of contemporaries. The methodological potential includes the system-structural method, which made it possible to determine the degree of consistency in the activities of state, municipal and private institutions in the area of municipal services; the comparative historical method, the use of which allowed to compare similarities and the specificity of the organizational bases of municipal services of Penza and Tambov in different periods of history.

Results. The author determined a circle of state, municipal, public and private organizations, institutions and enterprises that dealt with urban management in Penza and Tambov at different stages in the history of these cities and compared their functions and mechanisms of interaction in the course of their duties.

Conclusions. The study of the structure and functions of organizations and institutions involved in the municipal economy of Penza and Tambov showed unsystematic organizational bases of municipal economy, excessive branching and unnecessary interlacing in the institutional framework of municipal services. The provincial (regional) authorities acted as supervisors and direct participants in municipal issues settlement. Many activities, performed by these regional structures, were made just for show. Creation of normal conditions for the "ordinary" citizens' life was always in the second place. The historical experience shows that the population created municipal legislative and administrative institutions able to decide questions of municipal economy, and eventually to become viable civil society institutions.

Key words: municipal economy, institutional framework and structure, regional centers, Penza, Tambov.

Попытка выяснить функции по управлению городским хозяйством тех государственных и общественных институтов, которые так или иначе занимались соответствующими вопросами в российских региональных центрах на разных этапах истории конца XVIII – начала XXI в. на примере Тамбова, была уже проведена [1]. Конечно, объявление какого-либо города типичным на основе общеисторических представлений является, мягко скажем, априорным. Поэтому необходимо конкретно-историческое сравнение отдельно взятого города с другими городскими поселениями. В качестве первого шага в этом направлении предполагаем провести сравнение тамбовских и пензенских органов власти и управления, различных государственных, общественных, частных учреждений и предприятий, которые в той или иной мере занимались городским хозяйством. Выбор Пензы обусловлен не только ее территориальной близостью к Тамбову, общностью исторических судеб двух региональных центров, но и тем, что в последнее время появилось несколько специальных исследований по истории взаимодействия государственных властей и городского самоуправления Пензы, в том числе и в вопросах городского хозяйства [2–4].

В качестве источников по дореформенному периоду были привлечены составленные по единой методике некоторые справочные издания общероссийского характера (соответствующие тома «Военно-статистического обозрения Российской империи», «Экономического состояния городских посе-

лений Европейской России в 1861–1862 гг.», «Городских поселений в Российской империи»). Во всех этих изданиях содержались материалы об обязанностях городских дум по ведению городского хозяйства. Данные источники показывают, что эти обязанности были весьма ограничены и, судя по всему, мало выполнялись именно городскими обществами.

Так, в «Штатах городской полиции», принятых и в Пензе, и в Тамбове в 1805 г., полицейским властям предписывалось следить за выполнением обывателями натуральной повинности по освещению улиц [5, с. 585; 6, с. 42]. Но мы не выявили ни одного источника, свидетельствующего о наличии какого-либо освещения до установки городских фонарей по указанию губернаторов.

По военно-статистическому обозрению Тамбовской губернии можно только косвенно установить, что городское общество обязано было содержать проезжую часть городских дорог, мосты, мостики, гати, тротуары. Но нет ясности с общественным или городским садом Тамбова, который назывался также губернаторским. Поскольку он находился на усадьбе начальника губернии, вероятнее всего, его основали не городские, а губернские власти [7, с. 121, 125–126].

В аналогичной публикации по Пензенской губернии о губернском центре неопределенно сказано: «Город чист и опрятен. Главные улицы мощены» [8, с. 71]. Чьей обязанностью было поддержание города в чистоте и опрятности, сведения данного источника выявить не позволяют.

Значительно большее число фактов говорит о том, что в соответствии с российскими бюрократическими традициями городское хозяйство губернских и областных центров находилось под контролем региональных администраций. Сравнение пензенских и тамбовских данных показало, что в конце XVIII – первой половине XIX в. канцелярии губернаторов и губернские правления контролировали строительство некоторых хозяйственных объектов в городе, утверждали росписи городских доходов и расходов, зачастую непосредственно ведали вопросами благоустройства [9; 10, с. 31–35].

В работах историков приведено немало фактов о деятельности административных губернских органов, вплоть до личного участия губернаторов, конца XVIII – первой половины XIX в. в организации мощения городских улиц, устройства их освещения, поддержания в городе санитарного порядка, озеленения губернского центра [4, 11–15].

Подобное участие продолжалось и в пореформенный период. В частности, в период эпидемии холеры 1871 г. пензенский губернатор дал поручение губернскому врачебному инспектору разобраться с причиной высокой заболеваемости в одном из районов города. Губернский врач выявил там грубейшие нарушения санитарных норм. В итоге губернатор справедливо объявил выговор полиции и городской управе за бездеятельность в охране общественного здоровья [4, с. 144].

В. А. Тюрин привел несколько фактов о том, что в начале 1870-х гг. пензенский губернатор А. А. Татищев (1872–1887) не раз инициировал меры по благоустройству губернского города, но сталкивался с инертностью Городской думы. Так, в 1873 г. он передал городским органам самоуправления 15 тыс. саженцев, купленных на его личные средства, для высадки горожанам вдоль улиц, напротив домов. Столь полезная инициатива губернатора не

встретила отклика у городского населения. Полицмейстер вынужден был просить думу издать обязательное постановление по означенному поводу. В этой ситуации Городская дума не нашла возможности пойти навстречу, так как это мероприятие являлось личным делом каждого домохозяина, а не важнейшим вопросом городской жизни. В апреле того же года, в разгар весенней распутицы, пензенский губернатор указал на затруднительный проезд по улицам из-за грязи и просил думу проложить на некоторых улицах деревянные рельсы, а между ними насыпать песок и щебень. Дума решила в качестве эксперимента воплотить проект на одной из улиц. Полицмейстер предложил свой проект устройства мостовых, но думе он не понравился [4, с. 160].

На заметную роль А. А. Татищева в проведении мероприятий по благоустройству губернского города обратил внимание и пензенский историк А. В. Борисов [2].

Контрольные функции над состоянием городского хозяйства в пределах своих компетенций осуществляло Министерство внутренних дел. Так, в 1840-е гг. министерская ревизия установила факт безобразного состояния мощения базарной площади в Тамбове и предписало провести перемощение [14, с. 110].

В 1878 г. МВД поручило пензенскому губернатору выяснить, что за водопровод функционирует в Пензе, почему о нем ничего не известно министерству, которое выдает разрешение на устройство водопроводов. Министерство также интересовалось, как используется водопровод для тушения пожаров. Информация о водопроводе была получена министерством из журнала заседаний Пензенской городской думы, где наблюдение за ним поручили одному из городских инженеров. Курьез объяснялся довольно просто: словом «водопровод» в Пензе издавна называли несколько желобов, которые самотеком доставляли воду из городского пруда в пожарные чаны на центральной площади города [4, с. 83]. Это замечательный пример оторванности российских центральных органов управления от реальной жизни в стране, бестолковости в работе громоздкого государственного аппарата.

На основании «Городового положения» 1870 г. в Пензе и Тамбове были образованы специальные губернские по городским делам присутствия для надзора за деятельностью учреждений городского самоуправления. В 1892 г. они вошли в состав единых губернских по земским и городским делам присутствий. Статус этих учреждений соответствовал духу реформ второй половины XIX в. Они не контролировали повседневную деятельность органов городского самоуправления, осуществляя только общий надзор. И все же присутствия следили за журналами заседаний, постановлениями городских дум и управ, готовили эти документы на утверждение губернаторам. В частности, к совместному ведению городских дум и губернских властных структур относились такие вопросы городского хозяйства, как пожарная безопасность, санитарный порядок, градостроительство, устройство электроосвещения, строительство трамвая, расширение и расчистка русла рек, протекавших в черте городов. По этим вопросам думы и управы направляли все документы в городской стол канцелярии губернатора, который проверял их законность и переадресовывал по назначению [9, 16].

Значительно большим административное участие губернских, а затем областных властных институтов в городских делах стало при советской власти.

Не случайно сразу после роспуска Тамбовской городской думы в марте 1918 г. был создан городской муниципальный комиссариат при губернском исполкоме Советов [17, с. 41]. В Пензе в 1918 г. губернская советская власть отстранила последнего городского голову, очень авторитетного железнодорожного рабочего Н. С. Степанова, социал-демократа (меньшевика), депутата 2-й Государственной думы, а в 1917 г. председателя Пензенского городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [18]. «Соглашателю» не доверяли столь ответственное дело, как городское хозяйство.

В самые первые послереволюционные годы при губернских управлениях НКВД были созданы отделы местного хозяйства, которые в первую очередь занимались поддержанием «революционного порядка» на местах. В такой обстановке советские учреждения вопросы городского хозяйства, как почти и все другие вопросы, стремились решать революционными методами. Образцом можно признать постановление Тамбовского горисполкома, которым отделу городского хозяйства поручалось привлечь городскую буржуазию к общественным работам [17, с. 102]. Под такими работами понималось элементарное метение улиц или расчистка их от снега. Эти работы имели не столько реальный хозяйственный смысл, сколько были формой унижения бывших господ.

В 1920 г. при всех губернских, уездных и городских исполкомах Советов были созданы самостоятельные коммунальные отделы [19, с. 188–189]. Функциями коммунотделов являлись: муниципализация городской недвижимости; заведование ремонтно-строительными работами в муниципализированных домовладениях; эксплуатация земель, отводимых коммунотделам; заведование коммунальными предприятиями общегородского значения (водопровод, электростанции, канализация, уборка мусора, бани, прачечные и т.п.); благоустройство населенных пунктов; организация местного транспорта; распределение топлива жителям и советским учреждениям.

В середине 1920-х гг. были образованы губернские отделы местного хозяйства (ГОМХ), которые являлись исполнительными органами губисполкомов по делам промышленности и коммунального хозяйства. Ясно, что при таких функциональных обязанностях внимание к коммунальным вопросам было у этого органа на втором месте.

В соответствии с декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 20 декабря 1924 г. «О коммунальных предприятиях, действующих на началах хозяйственного расчета (трестах), находящихся в ведении исполнительных комитетов» под общим наблюдением и руководством ГОМХов, в Пензе и Тамбове создавались тресты, объединившие ряд коммунальных предприятий с целью управления данными предприятиями и извлечения прибыли [20]. Такой рыночный подход соответствовал эпохе новой экономической политики.

После ликвидации губернии на протяжении недолгого времени (1928–1931 гг.) действовали отделы местного хозяйства Пензенского и Тамбовского окружных исполкомов [21, Ф. Р-735]. В соответствии с духом времени одной из важнейших обязанностей отделов была разработка планов работы подведомственных учреждений и предприятий, в частности пятилетнего плана коммунального хозяйства на 1928–1933 гг.

Большую часть 1930-х гг. (период отсутствия Тамбовской области) городское хозяйство Тамбова находилось в ведении Воронежского облисполкома. Тамбов для тогдашнего областного центра был одним из районных цент-

ров, которому явно уделялось недостаточное внимание, о чем свидетельствуют факты убогого состояния коммунального хозяйства города [22, с. 179–185]. Примерно такая же ситуация была и в Пензе, которая в этот период входила в состав Средневолжского, затем Куйбышевского края и даже некоторое время в состав Тамбовской области. Здесь также в 1930-е гг. не решались многие вопросы городского хозяйства ввиду нехватки средств для районного центра [23, с. 48; 24, с. 51–53].

С образованием в 1937 г. самостоятельной Тамбовской области был организован отдел коммунального хозяйства (облкомхоз) для руководства работой коммунальных предприятий области [10, с. 491]. В Пензе такой отдел создан двумя годами позже при образовании самостоятельной области [9, Ф. Р-2207]. В 1967 г. областные отделы коммунального хозяйства были преобразованы в областные управления коммунального хозяйства. Система подведомственных учреждений управлений включала облводоканал, облкоммунэнерго, облгаз, горкомхозы, городские комбинаты коммунальных предприятий и благоустройства, некоторые другие структурные подразделения.

Управления контролировали сохранность и благоустройство жилищно-коммунального фонда, обеспечивали пропорциональное развитие всех отраслей подведомственных им жилищного и коммунального хозяйства на основе установленных норм обслуживания; осуществляли контроль над строительством, восстановлением, реконструкцией и эксплуатацией жилищно-коммунального хозяйства своих областей. Небольшое отличие Пензы было в том, что здесь в 1972–1987 гг. самостоятельно действовало областное производственное управление водопроводно-канализационного хозяйства [9, Ф. Р-2481].

В 1980-е гг. в Пензе и Тамбове, как и в других регионах страны, были созданы территориальные производственные объединения жилищно-коммунального хозяйства. Будучи типичной структурой советской плановой экономики, объединения главным образом занимались контролем над составлением и исполнением коммунальными службами производственных планов, планов и титульных списков по благоустройству, планов капитальных вложений. Большое значение придавалось проверке годовых технико-эксплуатационных отчетов коммунальных предприятий, статистических отчетов о выполнении планов ввода в действие мощностей, основных фондов и т.д. [10, с. 491].

Специфическую роль в развитии городского хозяйства в советский период играли областные партийные (коммунистические) и комсомольские организации.

Партийное руководство сферой городского хозяйства институционально выражалось в создании партийных организаций в различных подразделениях коммунального хозяйства. В Тамбове в 1930–1980-е гг. действовали организации ВКП(б) – КПСС Тамбовского городского отдела коммунального хозяйства, Тамбовского областного управления жилищно-коммунального хозяйства, производственного управления «Водоканал», предприятия объединенных котельных и тепловых сетей, Тамбовского производственно-энергетического объединения «Тамбовоблкоммунэнерго», тамбовских городских жилищно-эксплуатационных участков, Тамбовского треста зеленого хозяйства [25, с. 134–135]. В Пензе отдельные парторганизации действовали в отделе коммунального хозяйства облисполкома, Пензенских горэлектросетей, Пензенского управления троллейбуса и др. [26, с. 313].

Для Тамбова наиболее ярким примером прямого партийного руководства коммунальной деятельностью областного центра стало принятие по инициативе первого секретаря Тамбовского обкома КПСС А. А. Хомякова Постановления Совета министров РСФСР № 317 от 27 июня 1978 г. «О мерах по дальнейшему развитию в 1979–1985 гг. городского хозяйства г. Тамбова». Выполнение этого постановления на протяжении конца 1970-х – начала 1980-х гг. было одной из важнейших забот областной и тамбовской городской организаций КПСС [27].

Особый партийный контроль над выполнением постановления привел к подключению республиканских институтов власти. Так, в феврале 1979 г. Министерство финансов РСФСР выделило Тамбовскому облисполкому денежные средства для укрепления берегов реки Цна в черте Тамбова, строительства магистральных дорог и ливневой канализации [28, с. 190].

Применительно к Пензе, может быть, менее крупным, но весьма заметным явился факт того, что 6 февраля 1944 г., несмотря на военное время, Совнарком СССР принял Постановление № 124 «О мероприятиях по улучшению городского хозяйства в городах Пензе и Кузнецке», предусматривающее, в частности, пуск в Пензе троллейбуса [23, с. 48]. Совершенно ясно, что без участия обкома ВКП(б) такой документ вряд ли бы появился.

Участие комсомольских и даже пионерских организаций в решении задач городского хозяйства, с одной стороны, было вполне прагматическим делом, связанным с возможностью использовать бесплатный труд молодежи и юношества по уборке улиц, сбору металлолома, озеленению городов и т.п. С другой стороны, все эти виды хозяйственных работ облекались идеологической оболочкой коммунистического воспитания молодежи. Та же уборка улиц от мусора, пыли, грязи, снега, льда проходила под маркой коммунистических субботников. Сбор металлолома многие годы был одной из важнейших воспитательных задач пионерии. Разбитый во многом усилиями молодежи 1960-х гг. парк в заречной части Тамбова был назван значимым для молодых людей словом «Дружба».

В Пензе при активном участии комсомольцев был возведен фонтан в честь Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 г. [29, с. 16].

Интересное объяснение неэффективности «добровольно-принудительного» труда по благоустройству города оставил в своей дневниковой записи 25 апреля 1969 г. бывший секретарь Пензенского обкома ВКП(б) Г. В. Мясников: «Утром поехал по городу. Медленно раскачиваются пензяки, нехотя перекапывают газоны, убирают сухие листья и пропавшую траву. Народу мало на благоустройстве... Сколько надо еще лет, чтобы приучить без понукания делать простые вещи по уборке города? А все это оттого, что есть своеобразие историческое в формировании населения города. До революции Пенза – небольшой, хотя и губернский, город, заполненный в основном осколками дворян, мещанами, кустарями. Пролетариата в истинном смысле этого слова нет. Идеал мещанина – уют своего семейного гнезда, до остального ему дела нет. Страсти, волнения – не его удел. После революции, особенно в годы Великой Отечественной войны, за счет эвакуации начинается бурный рост промышленности. Готовых кадров рабочих нет. Их завозят из сел области. Вместе с желанием работать в промышленности они привозят и свои дере-

венские привычки: равнодушие к грязи на улице, во дворе, в избе. Все это переплетается и дает сейчас мучительные отрывки равнодушия к внешнему облику города, его благоустройству» [30]. Судя по дневнику, умный проницательный человек, видевший и понимавший многие недостатки советского общества, Г. В. Мясников в вопросах, связанных с «Великим почином», оставался истинным большевиком, надеялся перевоспитать отношение обывателя к вопросам городского хозяйства.

Решению некоторых производственных и социальных вопросов работников коммунального хозяйства в определенной мере способствовали областные отраслевые профсоюзные организации. В Тамбове с 1940 г. существовал областной комитет профсоюзов рабочих местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий [21, Ф. Р-3609]. На протяжении нескольких десятилетий работал отдельный областной комитет рабочих жилищного хозяйства, реорганизованный в 1990-е гг. в областной профсовет работников жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания [21, Ф. Р-3691]. В Пензе в разные годы функционировали губернский отдел профессионального союза рабочих и служащих коммунального хозяйства, окружной отдел профсоюза работников коммунального хозяйства, областной комитет профсоюза работников местной промышленности и коммунальных услуг, профкомы автотранспортной конторы Пензенского городского отдела коммунального хозяйства, Пензенской автогужевой базы № 3 [26, с. 152, 156, 158, 161].

Если губернские и областные административные и общественные институты в большей мере контролировали, направляли, в меньшей мере конкретно содействовали решению вопросов городского хозяйства областного центра, то органы городского самоуправления и управления занимались этой работой непосредственно.

Как мы уже писали, учрежденные на основании «Жалованной грамоты городам» 1785 г. городские думы и управы имели немногочисленные и расплывчатые полномочия в области городского хозяйства.

«Городовое положение» 1870 г. предоставило органам городского общественного самоуправления значительно большие полномочия, в том числе в ведении городского хозяйства (благоустройство города, проведение телеграфных и телефонных линий, улучшение уличного освещения, устройство водопровода и электростанций, мостов, дорог, колодцев) [31].

Небольшая специфика в деятельности Пензенской городской думы была связана с особенностями географического положения города. Эти особенности требовали от городского самоуправления решения вопросов об исправлении подземных канав, изменении течения р. Пензы, о строительстве временных мостов через реки Суру, Пензу, Мойку, Саксонку [9, Ф. 108].

Хотя городские думы и управы постепенно формировались как институты гражданского общества, государство пыталось сохранить административный контроль над органами городского самоуправления. Мы согласны с пензенским историком А. В. Борисовым, который отмечает, что давление, которое городские думы испытывали со стороны администрации при решении вопросов, связанных с благоустройством и оздоровлением городов, являлось вполне обоснованным [2].

Как уже отмечалось, еще больший контроль государства и его «руководящей и направляющей силы» Коммунистической партии испытывали город-

ские Советы депутатов и их исполнительные комитеты. Собственно они были частью советского государства [21, Ф. Р-6].

Практически изначально в составе исполнительных комитетов Пензенского и Тамбовского городских Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов был создан отдел коммунального хозяйства (горкомхозы), который пережил целый ряд структурных перестроек [9, Ф. Р-877].

Постановлением Тамбовского губисполкома от 24 мая 1918 г. была утверждена Коллегия по делам местного городского хозяйства, состоявшая из заведующих отделами городского хозяйства. В соответствии с решением горисполкома от 27 сентября 1918 г. коллегия прекратила деятельность с передачей функций отделам городского хозяйства. В 1924 г. горкомхоз реорганизовался в Управление Тамбовским городским хозяйством с подчинением его губернскому отделу местного хозяйства. Управление имело свою сравнительно разветвленную структуру, состоявшую из секций: общего делопроизводства, хозяйственной, финансово-отчетной и налоговой, жилищно-земельной, строительной и благоустройства. К концу 1930-х гг. структура Управления коммунальным хозяйством Тамбова еще больше усложнилась. В нее входили: жилищное управление (при нем Горжилснаб и Ремстройконтора), гостиница, электростанция, трест «Водоканализация», баня, контора парикмахерских, трест зеленого строительства, трест очистки города, трест мелких предприятий, трест «Дормостстрой».

Система управления городским хозяйством постоянно менялась и во второй половине XX в. При этом низкую эффективность и большое количество хронических проблем чаще всего пытались компенсировать непрерывными организационными переменами. В 1970–1980-е гг. подразделения, непосредственно обеспечивавшие содержание жилищного фонда, неоднократно меняли свой статус. Жилищно-коммунальные конторы (ЖКК) становились жилищно-эксплуатационными участками (ЖЭУ), потом реорганизовывались в домоуправления (ДУ), в муниципальные предприятия жилищного хозяйства (МПЖХ) и уже в начале нынешнего века приобрели форму управляющих компаний.

В истории городского хозяйства Тамбова помимо постоянных подразделений возникали и временные структуры (секция городского лесного и топливного хозяйства – 1920-е гг., планировочная комиссия по благоустройству и планировке города – 1930-е гг. и т.д.). В Пензе таковыми были Управление электрохозяйства «Электросвет», Лесопарковое хозяйство [9, Ф. Р-2405, Р-946]. Каждое подразделение имело свое положение как определяющий действительность документ; коммунальные предприятия горкомхоза действовали в соответствии с уставами.

Особым периодом в истории городского хозяйства были 1990-е гг. Именно тогда в результате начавшейся реформы местного самоуправления разрушались централизованные вертикали управления и складывалась современная структура управления. В Тамбове появились новые институты городского хозяйства (управление дорожного хозяйства и благоустройства, управление пассажирских перевозок, городская аварийно-диспетчерская служба). В Пензе в этот период функционировали такие муниципальные коммунальные предприятия, как Департамент строительства и дорожного хозяйств, «Теплоснабжение», «Горэлектротранс», дорожно-эксплуатацион-

ное предприятие, «Пензагорсвет», несколько обществ Пензенских пассажирских перевозок и др. Как и в «стародумские» времена, городские власти Пензы, памятуя о повышенной сырости в городе, способствовали созданию особой организации – ОАО «Подземстрой» [32].

Совершенно очевидно, что даже в 1990-е гг., в условиях выхода из административно-командной системы и появления возможностей для «вольного» организационного творчества, различия в институционных основах городского хозяйства Пензы и Тамбова оставались незначительными. И дело было даже не в однотипности задач этих институтов, но и в неких общероссийских тенденциях, которые в тот период проявились в сугубо формальном создании коммунальных предприятий как акционерных обществ. Фактически эти предприятия в силу российских традиций создавались в централизованной системе муниципального управления, имея реальную самостоятельность только в некоторых оперативных делах.

В этот период продолжала действовать другая российская традиция – связанная со стремлением государственных, а теперь и муниципальных, органов к постоянной организационной перестройке подведомственных структур. Так, в Пензе можно насчитать около десятка предприятий городского хозяйства, которые возникли в 1990–2000-е гг. и тогда же прекратили свое существование [32].

Изучение структуры и функций организаций и учреждений, так или иначе занимавшихся городским хозяйством Пензы и Тамбова, прежде всего показало бессистемность его организационных основ. Помимо городских управ и городских комитетов коммунального хозяйства, на всех этапах истории городов в ведении их хозяйства постоянно участвовали самые разнообразные административные, общественные, «хозрасчетные» организации и предприятия, что вело, скажем так, к избыточному разветвлению и зачастую ненужному переплетению в институциональных основах городского хозяйства.

В роли контролеров, нередко и непосредственных участников решения коммунальных вопросов, выступали губернские (областные) органы, российские управленческие структуры. В деятельности этих региональных и более высоких структур большое место занимали показуха, стремление придать благолепный вид губернскому или областному центру. Забота о создании нормальных условий для жизнедеятельности «рядовых» горожан всегда была на втором месте (печально знаменитый остаточный принцип).

Наконец, отметим и то, что на протяжении всего рассматриваемого длительного исторического периода сложно сочетались опора государства на свои собственные бюрократические структуры и опора на органы городского самоуправления. Исторический опыт свидетельствует, что создаваемые населением (пусть и во многом формально) муниципальные законодательные и управленческие институты (городские думы с управами дореволюционного времени или современные городские думы с мэриями либо администрациями городов) вполне в состоянии самостоятельно решать вопросы городского хозяйства и тем самым со временем стать жизнеспособными институтами гражданского общества.

Список литературы

1. **Ильин, А. Ю.** Институциональные основы городского хозяйства регионально-го центра России в конце XVIII – начале XXI вв. (на материалах Тамбова) /

- А. Ю. Ильин // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – Вып. 1 (117). – С. 272–279.
2. **Борисов, А. В.** Городское управление провинциальной России в 1870–1905 гг.: на материалах Пензенской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Борисов А. В. – Пенза, 2006.
 3. Пензенская городская Дума: история и современность / В. А. Власов, А. В. Комплеев, А. В. Первушкин, О. А. Сухова ; под общ. ред. А. Ю. Казакова, О. А. Суховой, О. В. Ягова. – Пенза : ГУМНИЦ ПГУ, 2013. – 280 с.
 4. **Тюрин, В. А.** Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков / В. А. Тюрин. – Самара : Самарский университет, 2007. – 202 с.
 5. Городские поселения в Российской империи. – СПб., 1863. – Т. 3. – 699 с.
 6. Городские поселения в Российской империи. – СПб., 1865. – Т. 5, ч. 1. – 1040 с.
 7. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1851. – Т. XIII, ч. 1. Тамбовская губерния. – 291 с.
 8. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1851. – Т. XIII, ч. 4. Пензенская губерния. – 145 с.
 9. Государственный архив Пензенской области. – URL: http://arhiv-pnz.ru/before_1917/government/executive
 10. Государственный архив Тамбовской области : путеводитель. – Тамбов, 2006. – 888 с.
 11. **Дубасов, И. И.** Очерки из истории Тамбовского края / И. И. Дубасов. – Тамбов, 1993. – 466 с.
 12. **Кученкова, В. А.** Неизвестный Тамбов / В. А. Кученкова. – Тамбов, 1993. – 221 с.
 13. **Мещеряков, Ю. В.** Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786–1788) / Ю. В. Мещеряков. – Тамбов, 2006. – 442 с.
 14. **Черменский, П. Н.** Прошлое Тамбовского края / П. Н. Черменский. – Тамбов, 1961. – 199 с.
 15. **Чернов, А. С.** Нобели: взгляд из старого Тамбова / А. С. Чернов. – Тамбов, 2005. – 318 с.
 16. **Ильин, А. Ю.** Очерки истории городского самоуправления в Тамбове (конец XVIII – начало XX в.) / А. Ю. Ильин, В. В. Канищев. – Тамбов, 2014. – 164 с.
 17. Советы Тамбовской губернии в годы Гражданской войны. 1918–1921 гг. : сб. документов и материалов. – Воронеж, 1989. – 378 с.
 18. **Тюстин, А. В.** История Пензы. Причастны... / А. В. Тюстин. – Пенза, 2009. – 326 с.
 19. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1943. – 818 с.
 20. О коммунальных предприятиях, действующих на началах хозяйственного расчета (трестах), находящихся в ведении исполнительных комитетов : Декрет СНК РСФСР от 20.12.1924. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=18976&req=doc>
 21. Государственный архив Тамбовской области. – URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=127&sid=146459>
 22. **Муравьева, И. И.** Город Тамбов в 30-е годы XX века (по материалам Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области) / И. И. Муравьева // Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем : сб. материалов науч.-практ. конф. (г. Тамбов, 19 апреля 2011 г.). – Тамбов, 2011. – С. 179–185.
 23. **Кашаев, П. В.** Пенза: от пролетки до троллейбуса / П. В. Кашаев // Городское пространство в исторической ретроспективе : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 350-летию основания города Пензы (г. Пенза, 12 февраля 2013 г.) / под общ. ред. О. А. Суховой. – Пенза : ГУМНИЦ ПГУ, 2013. – С. 46–48.

24. **Кирюшина, Т. А.** «Квартирный вопрос» и его решение в городе Пензе в 1930-е гг. / Т. А. Кирюшина // Городское пространство в исторической ретроспективе : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 350-летию основания города Пензы / под общ. ред. О. А. Суховой. – Пенза : ГУМНИЦ ПГУ, 2013. – С. 51–53.
25. Центр документации новейшей истории Тамбовской области : путеводитель. – М., 2002. – 439 с.
26. Государственный архив Пензенской области : краткий справочник. – Пенза, 2001. – 362 с.
27. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. 735. Оп. 14. Д. 19. Л. 9–34, 124–127; Ф. 1045. Оп. 20. Д. 139. Л. 1–131; Оп. 44. Д. 223. Л. 35–40.
28. Советы Тамбовской области в 1956–1985 гг. : сб. документов и материалов. – Тамбов, 1992. – 235 с.
29. Пенза. Листая старинный альбом... Фотографии 1940–1960-х гг. / И. Шишкин. – Пенза : Управление культуры и архива Пензенской области, 2012. – 219 с.
30. **Мясников, Г. В.** Душа моя спокойна... / Г. В. Мясников. – URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6012.php>
31. Городовое Положение // Свод законов Российской Империи. – М., 1910. – Т. 2, кн. 1. – С. 281–304.
32. Государственный архив Пензенской области. Список фондов, ликвидированных организаций и предприятий по личному составу, переданных на хранение в ГБУ «Государственный архив Пензенской области». – URL: http://arhiv-pnz.ru/liquid_org

References

1. Il'in A. Yu. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities]. 2013, iss. 1 (117), pp. 272–279.
2. Borisov A. V. *Gorodskoe upravlenie provintsial'noy Rossii v 1870–1905 gg.: na materialakh Penzenskoy gubernii: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Municipal administration in provincial Russia in 1870–1905: by materials of Penza province: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Penza, 2006.
3. Vlasov V. A., Kompleev A. V., Pervushkin A. V., Sukhova O. A. *Penzenskaya gorodskaya Duma: istoriya i sovremennost'* [Penza State Duma: history and modern times]. Penza: GUMNITs PGU, 2013, 280 p.
4. Tyurin V. A. *Vlast' i gorodskoe samoupravlenie v Srednem Povolzh'e: opyt vzaimodeystviya na rubezhe XIX–XX vekov* [Authority and municipal self-government in Middle Volga region: interaction experience at the turn of XIX–XX centuries]. Samara: Samarskiy universitet, 2007, 202 p.
5. *Gorodskie poseleniya v Rossiyskoy imperii* [Urban settlements in the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1863, vol. 3, 699 p.
6. *Gorodskie poseleniya v Rossiyskoy imperii* [Urban settlements in the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1865, vol. 5, part 1, 1040 p.
7. *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii* [Military statistical review of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1851, vol. XIII, part 1. Tambov province. 291 p.
8. *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii* [Military statistical review of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1851, vol. XIII, part 4. Penza province. 145 p.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti* [State Archive of Penza region]. Available at: http://arhiv-pnz.ru/before_1917/government/executive
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti: putevoditel'* [State Archive of Tambov region: guide]. Tambov, 2006, 888 p.
11. Dubasov I. I. *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja* [Essays on Tambov region history]. Tambov, 1993, 466 p.
12. Kuchenkova V. A. *Neizvestnyy Tambov* [Unknown Tambov]. Tambov, 1993, 221 p.

13. Meshcheryakov Yu. V. *Gavriil Romanovich Derzhavin. Tambovskiy period deyatel'nosti (1786–1788)* [Gavriil Romanovich Derzhavin. Working in Tambov (1786–1788)]. Tambov, 2006, 442 p.
14. Chermenskiy P. N. *Proshloe Tambovskogo kraya* [Tambov region's past]. Tambov, 1961, 199 p.
15. Chernov A. S. *Nobeli: vzglyad iz starogo Tambova* [Nobels: a glance from old Tambov]. Tambov, 2005, 318 p.
16. Il'in A. Yu., Kanishchev V. V. *Ocherki istorii gorodskogo samoupravleniya v Tambove (konets XVIII – nachalo XX v.)* [Essays on the history of municipal self-government in Tambov (late XVIII – early XX centuries)]. Tambov, 2014, 164 p.
17. *Sovety Tambovskoy gubernii v gody Grazhdanskoy voyny. 1918–1921 gg.: sb. dokumentov i materialov* [Councils of Tambov province during the Civil War of 1918–1921: collected documents and materials]. Voronezh, 1989, 378 p.
18. Tyustin A. V. *Istoriya Penzy. Prichastny...* [Penza history. The involved...]. Penza, 2009, 326 p.
19. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Pravitel'stva za 1920 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [Collection of orders and directions of the Government in 1920. Executive office of the Soviet people's commissariat of USSR]. Moscow, 1943, 818 p.
20. *O kommunal'nykh predpriyatiyakh, deystvuyushchikh na nachalakh khozyaystvennogo rascheta (trestakh), nakhodyashchikhsya v vedenii ispolnitel'nykh komitetov: Dekret SNK RSFSR ot 20.12.1924* [On communal enterprises, functioning on self-supporting basis (trusts), under the authority of executive committees: Decree of the Soviet people's commissariat of RSFSR from 20.12.1924]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=18976&req=doc>
21. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [State Archive of Tambov region]. Available at: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=127&sid=146459>
22. Murav'eva I. I. *Gorod Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem: sb. materialov nauch.-prakt. konf. (g. Tambov, 19 aprelya 2011 g.)* [The town of Tambov in the past, present and future: collected articles of the scientific and practical conference (Tambov, 19 April 2011)]. Tambov, 2011, pp. 179–185.
23. Kashaev P. V. *Gorodskoe prostranstvo v istoricheskoy retrospektive: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 350-letiyu osnovaniya goroda Penzy (g. Penza, 12 fevralya 2013 g.)* [Municipal space in historical retrospective: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference devoted to 350th anniversary of Penza city foundation (Penza, 12 February 2013)]. Penza: GUMNITs PGU, 2013, pp. 46–48.
24. Kiryushina T. A. *Gorodskoe prostranstvo v istoricheskoy retrospektive: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 350-letiyu osnovaniya goroda Penzy* [Municipal space in historical retrospective: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference devoted to 350th anniversary of Penza city foundation]. Penza: GUMNITs PGU, 2013, pp. 51–53.
25. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tambovskoy oblasti: putevoditel'* [Documentation center of the contemporary history of Tambov region: guide]. Moscow, 2002, 439 p.
26. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti: kratkiy spravochnik* [State Archive of Penza region: brief reference book]. Penza, 2001, 362 p.
27. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti* [State Archive of Sociopolitical History of Tambov region]. F. 735. Op. 14. D. 19. L. 9–34, 124–127; F. 1045. Op. 20. D. 139. L. 1–131; Op. 44. D. 223. L. 35–40.
28. *Sovety Tambovskoy oblasti v 1956–1985 gg.: sb. dokumentov i materialov* [Councils of Tambov region in 1956–1985: collected documents and materials]. Tambov, 1992, 235 p.
29. Shishkin I. *Penza. Listaya starinnyy al'bom... Fotografii 1940–1960-kh gg.* [Penza. Leafing over an old album... Photographs of 1940–1960]. Penza: Upravlenie kul'tury i arkhiva Penzenskoy oblasti, 2012, 219 p.

30. Myasnikov G. V. *Dusha moya spokojna...* [My soul is at peace...]. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6012.php>
31. *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii* [Code of laws of the Russian Empire]. Moscow, 1910, vol. 2, bk. 1, pp. 281–304.
32. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti. Spisok fondov, likvidirovannykh organizatsiy i predpriyatiy po lichnomu sostavu, peredannykh na khranenie v GBU «Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti»* [State Archive of Penza region of personnel n. List of foundations, terminated organizations and enterprises handed over to the State Archive of Penza region]. Available at: http://arhiv-pnz.ru/liquid_org

Ильин Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук, профессор,
директор Тамбовского филиала
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Россия, г. Тамбов, ул. Бастионная, 16)

E-mail: auilyin@yandex.ru

Ilyin Alexey Yuryevich

Candidate of historical sciences, professor,
director of the Tambov branch
of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration under
the President of the Russian Federation
(16 Bastionnaya street, Tambov, Russia)

УДК 930.2(082)"311"(1-35)

Ильин, А. Ю.

Организационные основы городского хозяйства региональных центров России в конце XVIII – начале XXI в. (по материалам Пензы и Тамбова) / А. Ю. Ильин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 71–84.

КООПЕРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СССР 1985–1990-х гг. В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. На протяжении более 20 лет в нашей стране идет процесс трансформации отношений собственности. Экономическая и социально-политические модели развития общества не могут сформировать институтов устойчивого развития в современных реалиях. Развитие кооперативного сектора экономики в СССР в период «перестройки» являлось ключевым методом в трансформации социально-экономического института собственности. В этом контексте изучение опыта кооперативного законодательства в СССР позволяет понять причины неполноценности и изменчивости социально-экономического развития нашей страны. Цель работы – проанализировать основополагающие законодательные акты СССР в сфере кооперации в рассматриваемый период.

Материалы и методы. Кооперация органично совмещает в себе возможности реализации как экономической функции (в этом смысле кооперация рассматривается как субъект хозяйственно-экономической деятельности), так и социальной (как способ и возможность «сглаживания» и решения социальных задач и проблем). Поэтому эта сфера традиционно вызывала неподдельный исследовательский интерес. В работах ученых начала XX в. (А. Н. Анцыферов, Н. П. Макаров, С. Л. Маслов, А. В. Меркулов, А. В. Чаянов, С. Н. Прокопович, Н. Н. Соколов, В. Ф. Тотомианц, М. И. Туган-Барановский, М. Л. Хейсин и др.) был накоплен значительный фактический материал, в известной мере объективно отражающий процесс зарождения и развития кооперации, ее основные количественные параметры и структурно-хозяйственные механизмы. В советский период внимание исследователей было привлечено к изучению кооперации в условиях НЭПа. Однако советские исследователи под давлением догматов марксистско-ленинской методологии, как правило, не выходили за рамки анализа кустарно-промысловой кооперации как заведомо заданного направления политики коммунистической партии, в таком же ключе освещались и общий ход реализации ленинского кооперативного плана, а также вовлечение кооперативной сети в социалистическое хозяйственное строительство. С началом реализации программы Перестройки кооперация стала методом реальной социально-экономической трансформации советского общества, а следовательно, произошла реактуализация проблемы. К современным исследователям экономических вопросов кооперации в условиях Перестройки следует отнести В. Домье, И. Н. Захарова, А. Г. Соболева, Л. И. Ильину, В. В. Каширина. Историческая динамика потребительской кооперации, в том числе периода Перестройки, была прослежена в работе К. И. Вахитова «История потребительской кооперации в России». Вопросам криминализации кооперативной сферы посвящены работы Б. Я. Петелина, С. В. Богданова, В. Н. Орлова. По-прежнему дискуссионной в современной историографии остается проблема определения роли и места кооперации в системе реформирования советской экономической модели во второй половине 1980-х гг., формирования правовых условий частнохозяйственной кооперативной деятельности. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе исследования нормативно-правовых актов СССР. При их анализе использовался принцип историзма, а также формально-юридический подход к рассмотрению государственно-правовой политики в сфере развития кооперации.

Результаты. Исследована государственно-правовая политика в сфере кооперации. Выявлены противоречия между реальными потребностями развития кооперации и пропагандируемыми идеологемами.

Выводы. Изучение кооперативного законодательства позволяет понять тенденции и основные направления социально-экономического развития СССР во второй половине 1980-х гг.

Ключевые слова: Советский Союз, кооперация, собственность.

A. A. Kiryukhin

COOPERATIVE LEGISLATION OF USSR IN 1985–1990s IN THE CONTEXT OF PROPERTY RELATIONS TRANSFORMATION

Abstract.

Background. Over 20 years our country is going through a process of property transformation. The economic and sociopolitical models of society development are not able to form institutions of stable development in modern conditions. Development of the cooperative sector of economy in USSR during Perestroika was a key method of transformation of the socioeconomic institution of property. In this context, the study of the cooperative legislation experience of USSR allows to understand the causes of insufficiency and changeability of our country's socioeconomic development. The aim of the work is to analyze the fundamental legislative acts of USSR in the field of cooperation in the considered period.

Materials and methods. Cooperation organically combines opportunities to realize both an economic function (here cooperation is considered as a subject of socioeconomic activity) and a social one (as a means and opportunity to "smooth" and solve social problems). Therefore this field has traditionally caused a true research interest. The works by scientists of early XXth century (A. N. Antsyferov, N. P. Makarov, S. L. Maslov, A. V. Merkulov, A. V. Chayanov, S. N. Prokopovich, N. N. Sokolov, V. F. Totomians, M. I. Tugan-Baranovsky, M. L. Heysin etc.) accumulated significant factual materials that reflect to a certain extent the process of cooperation origin and development, its main quantitative variables and structural-economic mechanisms. In the Soviet period researchers were interested in researching cooperation in conditions of the New Economic Policy. However, being pushed by Marxisms-Leninism doctrines, soviet researchers, as a rule, stayed within the limits of the analysis of domestic enterprise cooperation as a wittingly set direction of the communistic party's policy. In the same vein one dealt with the general course of realization of the Lenin's cooperative plan, as well as attraction of the cooperative network into socialistic economic construction. With the beginning of Perestroika realization cooperation became a method of real socioeconomic transformation of the soviet society, and therefore, the problem was reactualized. A list of contemporary researchers of Perestroika's economic problems should include V. Domye, I. N. Zakharov, A. G. Sobolev, L. I. Ilyina, V. V. Kashirin. Historical dynamics of consumer cooperation, including the Perestroika period, is traced back in the work by K. I. Vakhitov «History of consumer cooperation in Russia». The works by B. Y. Petelin, S. V. Bogdanov, V. N. Orlov are devoted to problems of criminalization of the cooperative field. Some problems still remain debatable in the modern historiography, for example the importance and position of cooperation in the system of soviet economic model reformation in late 1980s, formation of legal conditions for private economic cooperation. The research objectives were realized on the basis of investigation of normative legal acts of USSR. At the analysis thereof

the author used the principle of historicism and the formal juridical approach to consideration of the state legal policy in the field of cooperation.

Results. The author researched the state legal policy in the field of cooperation and revealed contradictions between real needs of cooperation development and the ones propagandized by the ideology.

Conclusions. The study of cooperative legislation allows to understand trends and main direction of socioeconomic development of USSR in late 1980s.

Ключевые слова: the Soviet Union, cooperation, property.

К началу 1980-х гг. стало очевидным, что Советский Союз находится в преддверии системного кризиса. Проявилась устойчивая тенденция к снижению темпов роста как в промышленности (с 8,4 % во второй половине 1960-х гг. до 3,5 % в 1970–1985 гг.), так и в сельском хозяйстве (с 4,3 до 1,4 %), в производительности труда (с 6,3 до 3 %), в объемах капиталовложений (с 7,5 до 1,8 %). Начиная со второй половины 1970-х гг. экономика исчерпала резервы свободной рабочей силы. Прирост работоспособного населения упал с 2 до 0,25 % в год [1]. Все более неэффективной отраслью советской экономики становилось сельское хозяйство. Несмотря на крупномасштабные инвестиции, делавшие сельское хозяйство тяжелым бременем для государства, приходилось закупать до 40 млн тонн зерновых в год. Чрезмерная централизация, жесткое директивное планирование, отсутствие рыночного ценообразования, низкая материальная заинтересованность работников в результатах своего труда, запрет всех видов частнохозяйственной деятельности в производстве, сфере услуг, торговле дополняли корзину угрожающих факторов.

Руководство страны понимало неизбежность и необходимость структурных изменений в экономике, которые могли бы обеспечить стране устойчивое развитие. С 1985 г. по инициативе М. С. Горбачева начинается разработка научной концепции экономической реформы в СССР. Ставка была сделана на развитие кооперативных форм производства. Вместе с тем развитие кооперации могло проходить только на пути усиления отношений частного присвоения отчужденного труда, т.е. отношений частной собственности. Поэтому юридическое оформление социального института отношений частной собственности встретило серьезное сопротивление со стороны существовавшей «системы социалистического права». Дальнейшее развитие частной инициативы более не могло регулироваться прежними идеологизированными предписаниями государства. Это противоречие наиболее ярко проявилось в Законе СССР «О кооперации» 1988 г.

При рассмотрении вопроса о развитии кооперативного законодательства в СССР следует выделить два этапа. Первый этап ограничивается рамками 1985–1987 гг. и характеризуется консервативностью и инертностью законодательства. На втором этапе (1988–1990 гг.) в качестве тенденции оформляется трансформация прежнего содержания государственной кооперативной политики.

Первым нормативным документом, ознаменовавшим начало нового экономического курса, стало Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12.07.1985 за № 669 «О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса» [2, с. 32]. В постановлении отмечалось, что внедрение в практику новых

методов хозяйствования, прошедших проверку в ходе проведения экономического эксперимента, представляет собой важный шаг на пути создания целостной системы управления народным хозяйством, обеспечивающей в органическом единстве улучшение планирования, усиление действенности экономических рычагов и стимулов, совершенствование организационной структуры управления. В этом акте вопросы кооперации не затрагиваются, но отмечается, что меры по улучшению хозяйствования, заложенные в экономическом эксперименте, осуществляются недостаточно эффективно.

Закон фактически зафиксировал положение, сложившееся в структуре народного хозяйства. Даже в условиях проведенного эксперимента выявились серьезные проблемы в системе государственного регулирования. Это положение стало толчком к поиску нового выхода из экономического тупика. Тогда и обратили внимание на возможности кооперации.

Началом реализации первого направления этой политики можно считать принятие Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования, экономического стимулирования и управления в государственной торговле и потребительской кооперации» от 17 июля 1986 г. [3, с. 430]. В этом постановлении признавалась необходимость осуществить меры по совершенствованию планирования, экономического стимулирования и управления в государственной торговле и потребительской кооперации, расширить самостоятельность, укрепить хозяйственный расчет предприятий и организаций на основе самофинансирования, повысить заинтересованность и ответственность трудовых коллективов за конечные результаты работы. Постановление возлагало на кооперацию следующие задачи: удовлетворение возрастающего спроса населения на разнообразные и высококачественные товары народного потребления, активное воздействие на промышленность и другие отрасли в увеличении производства товаров, существенное улучшение качества и культуры обслуживания советских людей, всемерное развитие прогрессивных форм и методов организации торговли. Анализ содержания данной нормы позволяет сделать вывод, что государство сделало решающую ставку на кооперацию, которая должна была стать локомотивом всего процесса «перестройки» народного хозяйства.

Постановление устанавливало, что в потребительской кооперации оплата труда, производственное и социальное развитие предприятий (организаций) будут осуществляться за счет доходов при сохранении действующего порядка взаимоотношений с бюджетом. На практике это означало, что фонд оплаты труда, после налогового расчета с государством, будет определяться членами кооператива. Диспозитивный характер этой нормы в отношении формирования фонда заработной платы устанавливал самостоятельный характер, что подчеркивало особое правовое положение кооперации в системе народного хозяйства. Такое признание означало легализацию форм частной хозяйственной деятельности.

При относительной внутренней самостоятельности кооперативы были обязаны выполнять плановые задания, которые спускались через Центрсоюз. Об этом говорит п. 14 рассматриваемого постановления.

Эта норма заложила тенденцию, которая была характерна для всех последующих нормативно-правовых актов, касавшихся кооперации. В одной

и той же норме признавалась самостоятельность кооперативов и в ней же детально регламентировалась их хозяйственная деятельность. Это означало, что государство стремилось трансформировать социальный институт собственности под своим контролем и в нужном ему русле.

С 1 января 1987 г. многие министерства и ведомства СССР, крупнейшие объединения и предприятия получили право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций. В их структурах могли создаваться хозрасчетные внешнеторговые фирмы. Деятельность этих фирм регулировалась «Положением о хозрасчетной внешнеторговой организации (объединении) министерства, ведомства» и «Типовым положением о хозрасчетной внешнеторговой фирме научно-производственного, производственного объединения, предприятия, организации» [4, с. 78], принятыми Советом Министров СССР 22 декабря 1986 г. Получали развитие новые формы экономических отношений с фирмами зарубежных государств, в том числе научно-техническая, производственная кооперация, создание совместных предприятий. Совместные предприятия признавались хозяйственно самостоятельными организациями, наделялись широкими правами в области экспортных и импортных операций, согласования цен, заключения контрактов и т.д. Положение предоставляло кооперативам, объединившимся и создавшим с государственным предприятием и учреждением внешнеторговую организацию, участвовать во внешнеторговых отношениях.

Закон СССР «О Государственном предприятии (объединении)» [5, с. 6] провозглашал, что государственные предприятия и кооперативы признавались основным звеном единого народнохозяйственного комплекса. Фактически закон устанавливал равное положение кооперативов и государственных предприятий.

Развитие второго направления законотворческой деятельности началось с принятия Закона СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности» [6, с. 974]. Преамбула закона гласила, что «индивидуальная трудовая деятельность в СССР использовалась для более полного удовлетворения общественных потребностей в товарах и услугах, повышения занятости граждан общественно-полезной деятельностью, предоставления им возможности получения дополнительных доходов в соответствии с затратами своего труда». В ст. 1 Закона говорилось, что индивидуальной трудовой деятельностью признавалась общественно полезная деятельность граждан по производству товаров и оказанию платных услуг, не связанная с их трудовыми отношениями с государственными, кооперативными, другими общественными предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами, а также с внутриколхозными трудовыми отношениями. Государство поощряло вступление граждан, занимавшихся индивидуальной трудовой деятельностью, в кооперативы. При этом закон запрещал осуществление такой деятельности с использованием наемного труда. Фактически действовала формула «либо работаешь на себя, либо вступаешь в кооператив». Показательно, что после принятия в 1988 г. Закона СССР «О кооперации в СССР», использование наемного труда было легализовано, причем вне каких-либо ограничений.

5 февраля 1987 г. появилось Постановление Совета Министров СССР № 160 «О создании кооперативов общественного питания» [7, с. 41] и

«О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» [8, с. 586]. Постановление признавало целесообразным создание кооперативов общественного питания при управлениях (отделах) торговли (общественного питания) исполкомов местных Советов народных депутатов, предприятиях (организациях) торговли и общественного питания. Кооперативы создавались по инициативе вступающих в них граждан и исполкомов местных Советов народных депутатов. Из этой нормы видно, что государство пока еще стремилось всячески опекать и контролировать кооперацию. На самом низовом уровне эти нормы были включены в функционал исполкомов местных Советов.

В указанном постановлении специально отмечалось, что в кооперативы следует принимать в основном граждан, не занятых в общественном производстве: пенсионеров, домашних хозяек, студентов, учащихся. Норма ст. 5 устанавливала, что кооперативы общественного питания:

- а) действуют на основе самокупаемости и самофинансирования в соответствии с принятым на общем собрании членов кооператива уставом;
- б) самостоятельно разрабатывают и утверждают планы хозяйственной деятельности и направляют их органу управления, предприятию (организации), при котором они созданы;
- в) самостоятельно определяют цены на производимую и реализуемую кооперативом продукцию общественного питания на основе составляемой ими калькуляции.

Вводимые принципы носили откровенно коммерческий характер, что свидетельствует о следующем шаге государства в вопросе либерализации рыночных механизмов.

Первый этап законотворчества в отношении кооперации можно охарактеризовать как консервативный. Провозглашалось, что кооперация должна сыграть значительную роль в народном хозяйстве, а на практике даже ту небольшую самостоятельность, которую государство позволяло кооперативам, оно всячески стремилось поставить под свой жесткий контроль. Необходимость развития кооперативного движения потребовала разработки соответствующей правовой базы.

26 мая 1988 г. Верховный Совет СССР принимает Закон «О кооперации в СССР» [9, с. 34], который существенно повлиял на развитие всего гражданского права. Он являлся логическим продолжением курса, определенного Законом «О государственном предприятии».

В ст. 1 данного нормативного акта законодатель, выражая свою волю, говорит, что в условиях политической и экономической систем СССР, при ведущей роли государственной (общенародной) формы собственности повсеместное развитие получает кооперативная форма собственности, способствующая более полному использованию возможностей и преимуществ социализма, приумножению общественного богатства, насыщению рынка высококачественными товарами и услугами, их удешевлению и все более полному удовлетворению материальных и духовных потребностей советских людей.

Существовавшая административная система контроля качества при возрастающем количестве выпускаемой продукции не могла эффективно вы-

полнять свои функции. Кооперация с присущей ей демократичностью, мобильностью, наличием конкуренции могла решать вопросы удовлетворения спроса на качественные товары и услуги лучше существовавшей государственной монополии. На деле это привело к перемещению государственных ресурсов в кооперацию. Скупая за бесценок сырье и материалы у государства, кооператоры активно стали на этом спекулировать. Сложившаяся система «ножниц цен» позволяла быстро богатеть отдельным кооперативам, но это приводило к стагнации в развитии кооперации. Зачем расширять и развивать производство, если на имеющихся мощностях можно получать огромную прибыль. Государственный сектор уже не мог решать стоявшие перед экономикой задачи, но и развитие кооперации из-за названных проблем вскоре замедлилось. Поэтому стало очевидным, что существование государственного и кооперативного секторов противоречит развитию одного из них.

Большое значение имел вводимый принцип обеспечения охраны имущественных интересов. Решение имущественных споров между государственными предприятиями в формально-юридическом смысле не содержало в себе принципиального значения. Права собственности на все имущество в стране принадлежали государству. Поэтому любое решение имущественных споров между хозяйствующими субъектами в формально-юридическом смысле представляло собой «перекладывание имущества из одного кармана собственника в другой». С возрождением кооперации на экономической сцене дебютировал новый субъект хозяйственных отношений – кооператив. Этот субъект отделял свое имущество от имущества государства, возникали отношения между кооперативами и государственными предприятиями. Необходимо была защита этих отношений в целом и участвовавших в них кооперативов в частности.

В нормативно-правовом акте упоминалось, что кооперативом признается организация граждан СССР, добровольно объединившихся на основе членства для совместного ведения хозяйственной и иной деятельности на базе принадлежавшего ему на праве собственности, арендованного или предоставленного в бесплатное пользование имущества, самостоятельности, самоуправления и самофинансирования, а также материальной заинтересованности членов кооператива и наиболее полного сочетания их интересов с интересами коллектива и общества. Неопределенность и неоднозначность данной статьи заключается в отсутствии легального определения собственности в советской правовой системе. В этом отношении статья предлагала следующее определение: «...принадлежащего ему на праве собственности», но частной собственности советское законодательство не знало, а теоретическое определение индивидуальной собственности имело узкий правовой контур, поэтому средства производства не могли принадлежать субъекту на праве индивидуальной собственности. Определение данной статьи наглядно показывает сложившиеся противоречия между новыми элементами экономической жизни и существовавшими юридическими институтами и механизмами.

Кооператив признавался юридическим лицом, соответственно, имел самостоятельный баланс. До принятия этого закона советская система права не знала такого субъекта права, как юридическое лицо, поскольку важным признаком юридического лица является наличие обособленного имущества,

а советская экономико-правовая модель государства отношения собственности рассматривала только как собственность государства на все средства производства, т.е. на весь хозяйственный комплекс. Поэтому кооператив представлял собой нетипичную правовую модель субъекта хозяйственной деятельности. При возникновении хозяйственного или имущественного споров между кооперативом и государственным предприятием решение вопроса в арбитраже не имело законных оснований, не было легальных инструментов разрешения противоречий. Арбитраж накладывал взыскание на имущество кооператива, но не существовало законного определения, на каком праве собственности взыскиваемое имущество принадлежало кооперативу. Кооператив приобретал имущество, на которое не имел права ни частной, ни государственной, ни личной собственности. На момент принятия закона право собственности кооператива на имущество в теоретическом отношении не относилось ни к одной из существовавших категорий прав собственности, а как самостоятельную категорию право кооперативной собственности законодатель не выделял, поэтому с формальной точки зрения собственность кооператива находилась в «подвешенном состоянии».

В практическом плане законотворческая деятельность решала проблему прав собственности кооператива. Так, в ст. 7 Закона «О кооперации в СССР» собственностью кооператива признавались принадлежавшие ему средства производства и иное имущество, необходимое для осуществления уставных задач. Кооперативу могли принадлежать здания, сооружения, машины, оборудование, транспортные средства, продуктивный и рабочий скот, произведенная продукция, товары, денежные средства и иное имущество в соответствии с целями его деятельности. Но это не снимало всех практических и теоретических проблем. Так, в ч. 2 ст. 7 государственным, кооперативным и иным общественным предприятиям (организациям), а также гражданам, не являвшимся членами данного кооператива, но работавшим в нем по трудовому договору, предоставлялось право участвовать в формировании имущества кооператива на договорных началах путем денежных и материальных взносов. Норма приобретала противоречивый характер. Государственное предприятие, делая взнос в имущество кооператива, по сути, отчуждало внесенное имущество от государства. Но мы видим не пробел в законодательстве, позволяющий отчуждать имущество государственных предприятий в пользу кооперативов, создавая криминогенное поле для махинаций с государственным имуществом, перед нами – целенаправленная политика государства по разгосударствлению народного хозяйства, выраженная в норме права. В дальнейшем трудовым коллективам, объединившимся в кооператив, позволят, выплатив балансовую стоимость производственного имущества, переводить его в собственность кооператива. В ч. 3 ст. 7 законодатель делает оговорку, что имущество объединений, в состав которых входят кооперативы, иные общественные и государственные предприятия и организации, является общей собственностью государства, кооперативов и других общественных организаций. Исследуемый объем материалов не выявил ни одного случая требований возврата имущества, предоставленного государственным предприятием кооперативу.

На основании приведенного материала можно сделать вывод, что кооперация выступала средством «мягкой» трансформации сложившейся систе-

мы социальной и хозяйственной жизни. Но существовавшие противоречия между имевшимися формами государственного управления и новыми формами кооперативного взаимодействия могли быть разрешены только путем отрицания первого. Принятие в 1990 г. Закона «О собственности в РСФСР» ознаменовало переход к новым социальным институтам, основанным на частной собственности.

Список литературы

1. **Чистяков, О. И.** Государство и право СССР в период Перестройки / О. И. Чистяков. – URL: <http://studentu-vuza.ru/istoriya-otechestvennogo-gosudarstva-i-prava/lektsii/gosudarstvo-i-pravo-sssr-v-period-perestroyki.html>.
2. О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса : Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12.07.1985 № 669 (ред. от 18.11.1987) // Свод законов СССР. – М. : Юрид. лит., 1990. – Т. 5.
3. О совершенствовании планирования, экономического стимулирования и управления в государственной торговле и потребительской кооперации : Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 17.07.1986 № 842 (ред. от 03.08.1988) // Свод законов СССР. – М. : Юрид. лит., 1990. – Т. 8.
4. Об утверждении положений о хозрасчетных внешнеторговых организациях (объединениях) и Типового положения о хозрасчетной внешнеторговой фирме научно-производственного, производственного объединения, предприятия, организации : Постановление Совмина СССР от 22.12.1986 № 1526 // Свод законов СССР. – М. : Юрид. лит., 1990. – Т. 9.
5. О государственном предприятии (объединении) : Закон СССР от 30.06.1987 // Свод законов СССР. – М. : Юрид. лит., 1990. – Т. 5.
6. Об индивидуальной трудовой деятельности : Закон СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 47. – Ст. 964.
7. О создании кооперативов общественного питания (вместе с Примерным уставом кооператива общественного питания) : Постановление Совмина СССР от 05.02.1987 № 160 // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1987. – № 10.
8. О создании кооперативов по производству товаров народного потребления : Постановление Совмина СССР от 05.02.1987 № 162 // Свод законов СССР. – М. : Юрид. лит., 1990. – Т. 6.
9. О кооперации в СССР : Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) // Свод законов СССР. – М. : Юрид. лит., 1988. – Т. 5.

References

1. Chistyakov O. I. *Gosudarstvo i pravo SSSR v period Perestroyki* [State and law of USSR during Perestroika]. Available at: <http://studentu-vuza.ru/istoriya-otechestvennogo-gosudarstva-i-prava/lektsii/gosudarstvo-i-pravo-sssr-v-period-perestroyki.html>.
2. *Svod zakonov SSSR* [Code of laws of USSR]. Moscow: Yurid. lit., 1990, vol. 5.
3. *Svod zakonov SSSR* [Code of laws of USSR]. Moscow: Yurid. lit., 1990, vol. 8.
4. *Svod zakonov SSSR* [Code of laws of USSR]. Moscow: Yurid. lit., 1990, vol. 9.
5. *Svod zakonov SSSR* [Code of laws of USSR]. Moscow: Yurid. lit., 1990, vol. 5.
6. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Council of USSR]. 1986, no. 47, art. 964.
7. *Sobranie postanovleniy Pravitel'stva SSSR* [Collection of USSR Government decrees]. 1987, no. 10.
8. *Svod zakonov SSSR* [Code of laws of USSR]. Moscow: Yurid. lit., 1990, vol. 6.
9. *Svod zakonov SSSR* [Code of laws of USSR]. Moscow: Yurid. lit., 1988, vol. 5.

Кириухин Анатолий Алексеевич
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: hitrovanisrail@gmail.com

Kiryukhin Anatoly Alekseevich
Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 947

Кириухин, А. А.

Кооперативное законодательство СССР 1985–1990-х гг. в контексте трансформации отношений собственности / А. А. Кириухин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 85–94.

УДК 81

С. Н. Соскина, Е. А. Осинцева-Раевская

ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ КОЛОРОНИМОВ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Аннотация.

Актуальность и цели. Несмотря на огромное количество работ, посвященных творчеству А. С. Пушкина, принципы использования парадигмы, восходящей к лексико-семантическому полю «цвет», в эстетической системе поэта до сих пор не получили глубокого лингвистического осмысления. В статье с точки зрения когнитивного подхода к исследованию языковых фактов рассматриваются особенности функционирования слов-цветообозначений и специфика их репрезентации в художественном пространстве романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили произведения А. С. Пушкина. Основным методом стал имманентный анализ мотивной структуры текста.

Результаты. Сплошная выборка слов-цветообозначений из романа А. С. Пушкина позволяет говорить о насыщенности текста колористическими словами и определяет наиболее употребительные из них. Представлена классификация колористической лексики с целью раскрытия субъективной авторской системы расчленения реального мира на основе лексических и семантических критериев и совместной встречаемости. Исходя из принципов построения ассоциативно-вербальной сети, рассмотрению подвергаются наиболее частотные лексемы.

Выводы. На примере анализа особенностей использования цветовой символики в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» устанавливается, что здесь одновременно раскрываются и основные значения цветов, и их вторичные значения, что придает повествованию глубину и экспрессивность.

Ключевые слова: цветообозначение, цветобраз, колороним, аксиологическая категория.

S. N. Soskina, E. A. Osintseva-Raevskaya

EVALUATION FUNCTION OF COLOURONIMS IN A. S. PUSHKIN'S NOVEL "EUGENE ONEGIN"

Abstract.

Background. Despite a great number of works devoted to the study of A. S. Pushkin's literary activities, the principles of the use of the lexico-semantic field "colour" in the poet's aesthetic system have not gained due recognition and understanding. In the article from the perspective of the cognitive approach to the study of linguistic facts the authors consider the functioning of colour terms and the specificity of their representation in the artistic space of A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin".

Materials and methods. The research material were the works by A. S. Pushkin. The methodological potential included the immanent analysis of the motive's structure of works.

Results. A solid selection of colour terms used in the novel demonstrates the poet's wide range of expressive means and distinguishes the most common ones. The authors presented a classification of colouronims aimed at revealing the poet's individual system of dividing the real world on the basis of lexical and semantic criteria and co-occurrence. The most frequently used colouronims were considered according to the principle of constructing a verbal associative network.

Conclusions. The analysis of the specificity of the writer's colour symbolism in A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin" has revealed that the simultaneous use of primary and secondary meanings of colouronims adds profundity and expressiveness to the narrative.

Key words: colour term, colour image, colouronim, axiological category.

Как объект когнитивной лингвистики различные картины мира, в том числе и художественные, в их языковой репрезентации все чаще привлекают внимание ученых. И здесь нельзя не учитывать тот факт, что чем значимее личность писателя в духовной культуре народа, тем больший интерес вызывает отраженная в его творчестве художественная картина мира. Непосредственным объектом анализа в данной статье является один из фрагментов языковой картины мира А. С. Пушкина, отражающий специфику цветописи поэта в романе «Евгений Онегин».

Несмотря на огромное количество работ, посвященных творчеству великого писателя, вся сущность его стройной, гармонической системы до сих пор остается до конца не познанной. Так, не получили глубокого лингвистического осмысления принципы использования в эстетической системе А. С. Пушкина компонентов отдельных лексико-семантических парадигм, в частности парадигм, восходящих к лексико-семантическому полю «цвет». И это, как представляется, должно привлечь самое пристальное внимание как лингвистов, так и литературоведов, ибо одним из важных элементов стиля и мышления писателя являются, несомненно, цветообозначения. Отражая наш цветовой мир, находясь с ним в непосредственной соотнесенности, цветковые слова, естественно, становятся носителями колоссального эмоционально-образного потенциала. И эти скрытые возможности соответствующих языковых единиц получают законченное воплощение в структуре истинно художественного произведения. Тем интересней проследить закономерности использования данного языкового материала у А. С. Пушкина как основоположника русского литературного языка. Определяя его общепризнанный статус, необходимо исходить из того, что вклад писателя и поэта в историю русской культуры состоит отнюдь не в том, что он создал какой-то принципиально новый русский язык, а в том, что, находясь всегда в русле уже устоявшихся языковых традиций, он в то же время смело изменял традиционное отношение к словам и формам, утверждая новые формы словоупотребления и вместе с тем создавая благоприятные условия для полного выявления скрытых образных возможностей слова. Утрачивая свое прямое значение, слово у А. С. Пушкина, как отмечает В. В. Виноградов, «становится многозначным и многоплановым», что и определяет суть его уникальной «живописной выразительности» [1, с. 27, 31].

Все сказанное выше непосредственно отражается и на специфике использования А. С. Пушкиным такого действенного средства художественной выразительности, каким являются цветообозначения. И определяющими в этом творческом процессе должны были стать традиция и новаторство.

Отличительная особенность колорита А. С. Пушкина – разнообразие цветовых решений в разных жанрах. Лирика, поэмы, сказки, драматические произведения находят у него своеобразные и мало схожие между собой цветовые решения. Каждый из жанров, разрабатываемых А. С. Пушкиным, решен им своеобразно: цветовой спектр одного жанра резко отличается от цветового спектра другого. Его колористические изыскания отличаются необычайной многосторонностью. Такой широкой амплитуды в использовании цвета не встречается ни у кого из крупных русских писателей XIX в. В своем творчестве А. С. Пушкин наметил глубокие цветовые решения фактически всем основным жанрам литературы.

В рамках данной статьи проводится анализ колоронимов в романе «Евгений Онегин» с целью выявления особенностей их функционирования в художественном пространстве романа и специфики цветовой картины мира поэта в целом.

Роман «Евгений Онегин» можно назвать одним из «окрашенных» произведений поэта. А. С. Пушкин использует цвет в его назывной функции, лаконично и четко изображает его. Автора не привлекают яркие колориты, созданные за счет смешивания тончайших оттенков разных цветов, он создает простое и понятное цветовое описание. В пушкинской особенности изображения цветов – в предельном цветовом лаконизме – просматривается стремление к особой ясности и логической точности описаний.

«Евгений Онегин» отличается от романов того времени своей изобразительностью: в нем нет той эстетической игры цветов, которая была столь притягательна для Г. Р. Державина, яркие цветовые пятна накладываются друг на друга. А. С. Пушкин в описании предмета часто расцвечивал лишь одну деталь, например: «облатка розовая», «уголь золотой», «красные каблуки», «на небе синем», «рыжий парик» и т.п. И тем не менее мы ярко представляем себе всю картину. Автор, используя цвет, хочет показать само его наличие, т.е. естественную выразительность описываемого предмета. Цветовые обозначения предметов, созданные А. С. Пушкиным, имеют свое эмоциональное воздействие на читателя. Цветовые вкрапления, созданные на нейтральном фоне, воспринимаются особенно ярко.

О значимости цветообозначений в поэтической системе романа «Евгений Онегин» свидетельствует и частотность их употребления. Слова, так или иначе обозначающие цвет, используются автором 57 раз, из них: *золотой* – 8 раз, *пестрый* – 4 раза, *бледный* – 5 раз, *черный* – 4 раза, *красный* – 8 раз, *голубой* – 3 раза, *зеленый* – 3 раза, *белый* – 2 раза, *багряный* – 2 раза, *розовый* – 2 раза. Остальные цвета: *румяный*, *маковый*, *радужный*, *чалый*, *рыжий*, *желтый*, *малиновый* – по одному разу.

Представляется интересным проследить функционирование самых показательных групп цветowych прилагательных в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Золотой – это наиболее часто встречающееся в тексте романа цветообозначение. В первой же главе «Евгения Онегина»: «...*Меж сыром лимбургским живым / И ананасом золотым*» (III, 15)¹. А. С. Пушкину с помощью

¹ Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 9 т. / А. С. Пушкин. – М., 1936 (все цитаты даются по указанному собранию сочинений А. С. Пушкина, первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу).

колоронима *золотой* в этом фрагменте удалось красочно передать читателю, насколько был богат и роскошен стол у Talon.

Указанный колороним поэт использует также при описании Италии: «*Ночей Италии златой / Я негой наслажусь на воле*» (III, 21). Слово «златой» здесь означает то, что для русского дворянина первой половины XIX в. Италия была страной, где сохранились многие образцы античной культуры, так называемого «золотого века» культуры.

Еще один пример: «*Простите, игры золотые! / Он роиц полюбил густые*» (III, 32) – золото символизирует то, что уже нельзя вернуть. С помощью аллюзий на различные источники – от детских воспоминаний Онегина до понятия «золотой век человечества» – выражается идея тоски по утраченному.

Однако самой устойчивой для цветообозначения *золотой* оказалась реалья «осень». В соответствии с русской поэтической традицией при обозначении цвета осенних листьев и соотнесенных с соответствующим цветообразом чувств и настроений используются лексемы группы «золотой». Ср.: «*Настала осень золотая, / Природа трепетна, бледна, / Как жертва, пышно убрана*» (III, 35); «*Вдали / Пред ним пестрели и цвели / Луга и нивы золотые*» (III, 27).

Можно говорить о том, что *золотой* у А. С. Пушкина – это цветообраз, несущий в себе положительный эмоциональный заряд. И что бы то ни было: ряды облаков золотые или золотое яблочко – они излучают приятный для глаз блеск, дают представление о прекрасном в природе. Ср.: «*Куда, куда вы удалились, / Весны моей златые дни?*» (III, 98), «*Перед ним / Уж белокаменной Москвы, / Как жар, крестами золотыми / Горят старинные главы*» (III, 120).

А. С. Пушкин часто использует различные колоронимы в портретных описаниях. Однако главного героя – Евгения Онегина – можно отнести к «неокрашенным» образам, ибо при его описании цвет не используется вовсе.

При описании Владимира Ленского в краткой характеристике героя даются лишь конкретные описания внешности, без использования колоронимов. Ср.: «*Красавец, в полном цвете лет*» (III, 29), «*Богат, хорош собою, Ленский / Везде был принят как жених*» (III, 31).

Художественный портрет внешнего облика Ольги представляет собой более подробное описание внешности. Отношение поэта к героине прослеживается в критическом взгляде Онегина. «*В чертах у Ольги жизни нет, – заявляет Онегин обескураженному Ленскому, – Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне: / Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна / На этом глупом небосклоне*» (III, 10). Отчетливо наметившаяся тенденция к соотнесенности лексемы *румяный* при ее реализации в зоне «человек» с насыщенными оттенками красного (а точнее – *светло-красного*) тона обуславливает ее семантическое пересечение с синонимическим микрорядом *красный – багровый*, включающим в свой состав лексемы собственно красного тона. Эта аллюзия проведена поэтом с целью показать, что Ленский любит не реальную Ольгу, а придуманный им романтический образ. Как утверждает поэт в романе, этот образ уже стал типичным и использовался во многих романах. Вряд ли Онегин объективно воссоздал портрет героини, но он подчеркнул существенный в его представлении недостаток, искажавший впечатление от безупречной

внешности Ольги: отсутствие гармонии между прекрасной внешностью и узостью внутреннего мира, бедностью духовной жизни, освещающей внешний облик светом душевного огня, своеобразия личности, мучительно и неутомимо ищущей свое место в жизни. Отсутствие жизни в чертах Ольги – следствие бездуховности, бесконфликтности, самодовольства и ограниченности.

Самый «окрашенный» персонаж во всем романе – сестра Ольги Татьяна. Для составления ее портрета поэт использует уже иные приемы и краски, не прибегая к употреблению колоронимов. Ср.: «Дика, печальна, молчалива, / Как лань лесная боязлива...» (III, 36), «И между тем луна сияла / И томным светом озаряла / Татьяна бледные красы, / И распущенные власы» (III, 49). Татьяна изображается в тесном единении с природой. А. С. Пушкину удалось сочетать облик Татьяны с идиллическим настроением романа.

Рассматриваемый нами фрагмент языковой картины мира А. С. Пушкина значительно обогащают цветовые репрезентации, соотнесенные с семантической зоной «одежда» (предметы одежды, ткань). Целый ряд таких репрезентаций представляет лексема *красный*. Согласно словарям, *красный* – «имеющий окраску одного из цветов радуги, цвета крови и его близких оттенков» (БАС)¹; «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым, цвета крови» (МАС)²; «имеющий окраску одного из основных цветов радуги, ряда оттенков от розового до коричневого» (СУ)³. Указанное цветообозначение используется в романе восемь раз. Например, в строке «на красных лапках гусь тяжелый» (III, 72) цвет используется как яркое цветовое пятно, т.е. красный цвет выделяется на фоне белого снега. Ср. также: «Ямщик сидит на облучке, / В тулупе, в красном кушачке» (III, 65); «Вот череп на гусяной ножке / Вертится в красном колпаке» (III, 67); «На руках золотые перстни, / На ногах красные сапожки» (III, 210).

Однако материалы этимологических словарей свидетельствуют о том, что цветовое значение данной лексемы является вторичным по отношению к ее более раннему значению «красивый», «прекрасный» (словарь Фасмера, словарь Шанского). Именно в этом значении, как отмечает Н. Б. Бахилина, «прилагательное *красный* известно всем славянским языкам» [2, с. 162]. Однако только в структуре русского языка лексема с данным значением утвердилась в качестве основного номинатора соответствующего цветового представления, т.е. в качестве доминанты семантической парадигмы, объединенной тематической семьей «красный». В романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» цветообозначение *красный* в данном значении употребляется лишь единожды: «Красных летних дней / В беспечной неге не считая» (III, 71).

Что же касается лексемы, номинирующей светлые оттенки красного тона, – *розовый*, то в ее реализации в исследуемом романе отражаются не столько краски самой зари, сколько отсветы этих красок. Ср.: «На солнце иней в день морозный, / И сани, / И зарю поздней / Сиянье розовых снегов» (III, 76). Окраска, репрезентируемая данным контекстом, лишь оттеняет цве-

¹ Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л., 1948–1965. – Т. I–XVII (далее – БАС).

² Словарь русского языка. – М., 1957–1961. – Т. I–IV (далее – МАС).

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940 (далее – СУ).

товую выразительность вышеприведенной лексико-семантической парадигмы, тем самым еще более подчеркивая ее эстетическую значимость в картине мира, отраженной в текстах А. С. Пушкина.

Единичным примером в качестве номинатора цвета (с соответствующей эстетической заданностью) одной из деталей нарядной одежды представлена лексема *малиновый*. Речь идет о малиновом берете княгини Татьяны, привлечшем внимание Онегина на светском балу. Ср.: «Скажи мне, князь, не знаешь ты, / Кто там в малиновом берете / С послом испанским говорит?» (III, 117).

Белый и голубой – цвета, которые являются особо значимыми. Они совершенно привычны для русского глаза. Ср.: «Почуя мертвого, храпят / И бьются кони, пеной белой / Стальные мочат удила» (III, 104). Роман изобилует изображениями русской зимы, и поэтому неслучайно в нем преобладают цветообозначения спящего *белого* цвета. «Снежный» цвет в произведении – это выразительный классический фон, благодаря белизне и чистоте которого обретают особую значимость монохромные тона: «И мягко устланные горы / Зимы блистательным ковром. / Все ярко, все бело кругом» (III, 76).

В строке «Открыты ставни, трубный дым / Столбом восходит голубым...» (III, 103) употребление эпитета *голубой* автором связано с его целью показать красоту и свежесть утра по контрасту с утомленным и «полусонным» Евгением.

Высокочастотная реализация в текстах А. С. Пушкина лексем *синий* и *голубой* соответственно с зонами «водные пространства» и «небо» предопределяет то, что в подобных контекстах данные лексемы могут выступать в роли постоянных эпитетов по отношению к тем реалиям, цвет которых они обозначают, например: «Поэта память пронеслась / Как дым по небу голубому» (III, 27), «Но ярче всех подруг небесных / Луна в воздушной синеве» (III, 126). Представляется, что именно такое распределение функций между двумя наиболее частотными лексемами в языковой системе А. С. Пушкина определяется не только спецификой их словарных значений (ср.: *синий* – «средний между голубым и фиолетовым» (БАС, МАС), «ярко-небесный» (СД)¹), но и теми семантическими потенциями данных лексем, которые в значительной степени обусловлены их внутренней формой, а также культурными традициями носителей русского языка.

Через образ голубого неба автор передает тоску о хороших днях, этот образ сопутствует приятным воспоминаниям, о несбывшихся мечтах.

Цветообозначение *голубой* становится также и основным средством передачи соответствующего цвета глаз героев в произведениях А. С. Пушкина. При этом в текстах поэта, как и в текстах его предшественников, цветообраз голубых глаз выявляется в непосредственной соотнесенности с цветообразом голубого неба. Ср. у писателей XVIII – начала XIX в.: «Очи голубые цвета и света небесного» (В. К. Тредиаковский «Тилемахида»), «Где я очи голубые / Небесам подобны зрел», «Как небо – голубые взоры» (Г. Р. Державин «Водомет»), «В очах небесный свод» (В. Майков «Уж побелели неба своды...») – и у Пушкина: «Глаза, как небо, голубые» (III, 75).

¹ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М., 1991 (далее – СД).

Колороним *голубой* в данном романе соотносится с зоной «уходящие вдаль пространства». Семантическая специфика данного цветообозначения выявляется здесь в том, что оно фиксируется для обозначения цвета реальных действительности, характеризующихся крайне низкой степенью плотности. В исследуемом романе данное цветообозначение употребляется в сочетании со словом *дым*. Ср.: «Открыты ставни; трубный дым / Столбом восходит голубым...» (III, 85).

Что же касается лексемы *синий*, то она в противоположность лексеме *голубой* в соответствии со своей исконной заданностью на выражение более темных, а следовательно, и более насыщенных оттенков синего тона [2, с. 35] в текстах А. С. Пушкина в равной степени реализуется при обозначении цвета не только дневного, но и ночного неба. Ср.: «На небе синем и прозрачном / Сияли груди ваших гор» (III, 67).

Зеленый – один из основных цветов спектра, «средний между голубым и желтым, имеющий окраску свежих листьев, травы» (БАС). Как было указано выше, колороним *зеленый* упоминается в романе «Евгений Онегин» трижды, из них один раз – при цветовой характеристике предметов: «Столы зеленые раскрыты / Зовут задорных игроков» (III, 89), дважды – в соотносительности с реалией «растительность». Ср.: «Как в лес зеленый из тюрьмы / Перенесен колодник сонный» (III, 22), «Пойдем туда, где ручеек, / Виясь, бежит зеленым лугом» (III, 110).

В романе «Евгений Онегин» не встречается ни одного упоминания таких ахроматических оттенков, как *черный* и *серый*, что позволяет говорить об общем цветовом тоне произведения, несущем положительную коннотацию. Эти тона используются А. С. Пушкиным в основном в драматических произведениях и составляют очень высокий процент – 62,7 %. Можно предположить, что цветообозначения *черный* и *серый* в произведениях поэта – цвета, создающие безнадежно-трагический колорит, который отсутствует в исследуемом романе.

На примере анализа особенностей использования цветовой символики в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» было установлено, что здесь одновременно раскрываются и основные значения цветов, и их вторичные значения, что придает повествованию глубину и экспрессивность. С помощью богатой цветовой палитры автор создает емкие, оценочно богатые эпитеты, а также яркие символы, без которых невозможно в полной мере понять героев и произведение в целом.

Список литературы

1. **Виноградов, В. В.** Стиль А. С. Пушкина / В. В. Виноградов. – М. : Гос. изд-во худ. лит., 1941. – 323 с.
2. **Бахилина, Н. Б.** История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М., 1975. – 288 с.

References

1. Vinogradov V. V. *Stil' A. S. Pushkina* [A. S. Pushkin's style]. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit., 1941, 323 p.
2. Bakhilina N. B. *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [History of color symbolism in Russian language]. Moscow, 1975, 288 p.

Соскина Светлана Николаевна

кандидат филологических наук,
профессор, кафедра лингвистики
и межкультурной коммуникации,
Институт социально-гуманитарных
технологий и коммуникации, Балтийский
федеральный университет им. И. Канта
(Россия, г. Калининград,
ул. А. Невского, 14)

E-mail: soskinasn@mail.ru

Soskina Svetlana Nikolaevna

Candidate of philological sciences,
professor, sub-department of linguistics
and intercultural communication, Institute
of Sociohumanitarian technologies
and communications, I. Kant Baltic
Federal University
(14 A. Nevskogo street, Kaliningrad,
Russia)

Осинцева-Раевская

Екатерина Анатольевна

аспирант, Институт социально-
гуманитарных технологий
и коммуникации, Балтийский
федеральный университет им. И. Канта
(Россия, г. Калининград,
ул. А. Невского, 14)

E-mail: solom_ka@mail.ru

Osintseva-Raevskaya

Ekaterina Anatol'evna

Postgraduate student, Institute
of Sociohumanitarian technologies
and communications, I. Kant Baltic
Federal University
(14 A. Nevskogo street, Kaliningrad,
Russia)

УДК 81

Соскина, С. Н.

Оценочная функция колоронимов в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / С. Н. Соскина, Е. А. Осинцева-Раевская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 95–102.

А. И. Черемисина

НАТУРФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЖ. МАКДОНАЛЬДА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблема художественного воплощения философских идей в литературных произведениях остается актуальной для современного литературоведения. Кроме того, творчество самобытного шотландского писателя Дж. Макдональда нуждается в глубоком изучении. Целью работы является анализ натурфилософских взглядов Дж. Макдональда и их реализации в произведениях писателя в контексте его религиозно-философской концепции.

Материалы и методы. Материалом исследования стали художественные («Phantastes», «Sir Gibbie», «Lilith») и публицистические («Wordsworth's Poetry», «The Fantastic Imagination», «Unspoken Sermons») произведения Дж. Макдональда. В работе использованы историко-литературный и сравнительно-типологический методы исследования.

Результаты. Рассмотрены философские взгляды Дж. Макдональда на мироустройство (осмысление категорий материи и движения, времени и пространства, понятия природы), отмечено влияние философских идей предшественников. Проанализирован образ природы в произведениях писателя, исследованы авторское понимание сущности и предназначения природы, идея интуитивного, нерационального познания природы.

Выводы. Натурфилософские взгляды Дж. Макдональда представляют собой синтез христианского и панентеистического мировосприятия и реализуются в произведениях писателя в архетипе Великой Матери, в музыкальных и поэтических образах. В религиозно-философской концепции Дж. Макдональда человек посредством воображения может почувствовать самовыражение Бога в природе и мире в целом и тем самым приблизиться к пониманию божественной истины.

Ключевые слова: Джордж Макдональд, натурфилософия, христианский романтизм, панентеизм, воображение, архетип, миф, хронотоп.

А. I. Cheremisina

G. MACDONALD'S VIEWS ON PHILOSOPHY OF NATURE (BASED ON THE WRITER'S CREATIVE ACTIVITY)

Abstract.

Background. The problem of artistic realization of philosophic ideas in literary works is of current importance in modern philology. Besides, the works by an original Scottish writer G. MacDonald require deep analysis. The aim of the research is to analyze G. MacDonald's philosophy of nature and its realization in his works in the context of his religious and philosophical conception.

Materials and methods. The materials of the research were fiction («Phantastes», «Sir Gibbie», «Lilith») and publicistic («Wordsworth's Poetry», «The Fantastic Imagination», «Unspoken Sermons») works by G. MacDonald. Historical-literary and comparative-typological methods were used in the research.

Results. The article considers G. MacDonald's philosophical views on the world order (comprehension of the categories of matter and motion, time and space, con-

cept of nature). The researcher pointed out the influence of predecessors' philosophical ideas. The image of nature in G. MacDonald's works was analyzed. The author's comprehension of the nature's essence and mission and the idea of intuitive, irrational cognition of nature are researched in this article.

Conclusions. G. MacDonald's philosophy of nature is a synthesis of Christian and panentheistic worldviews. It is expressed in the archetype of the Great Mother, in musical and poetic images in the writer's works. According to G. MacDonald's religious and philosophical conception, the man by means of his/her imagination can feel God's self-expression in the nature and in the whole world and thereby he/she can approach to understanding of God's truth.

Key words: George MacDonald, philosophy of nature, Christian romanticism, panentheism, imagination, archetype, myth, chronotope.

Джордж Макдональд (George MacDonald, 1824–1905) – шотландский писатель и проповедник, в произведениях которого творчески осмысляются философские понятия материи и движения, времени и пространства, природы и человека. Значительное влияние на мировоззрение и творчество Дж. Макдональда оказали философские идеи немецких и английских авторов: натурфилософский мистицизм Я. Бёме, магический идеализм Новалиса (Ф. фон Гарденберга), романтическая поэзия У. Вордсворта. Дж. Макдональда считают одним из основателей христианского романтизма [1, с. 36]. По мнению исследователей, он проявил себя как самобытный писатель и мыслитель, которому удалось художественно выразить философские идеи в литературных произведениях. Особое место в системе религиозно-философских взглядов Дж. Макдональда занимает натурфилософия как представление о наиболее общих законах природы.

Для начала необходимо сказать об особенностях понимания Дж. Макдональдом мироустройства, в частности философских категорий материи и движения, времени и пространства. Как известно, движение является атрибутом материи, которая существует в бесконечной совокупности взаимодействующих вещей и явлений. Дж. Макдональд – христианин, а в теогонических системах движение придается миру извне – Богом, первопричиной всего. Бог приводит в движение мертвый космос, вдвухает частицу святого духа в человека. Я. Бёме сравнивает Бога с гигантским вращающимся колесом, источником жизни [2, с. 313]. В философии романтизма реализуется представление о движении как о развитии мира, природы и человека в диалектических противоречиях (Г. Гегель, Ф. Шеллинг, И. Гёте, Ф. Шлегель, Новалис). Для эстетики романтизма характерна принципиальная незавершённость: мир воспринимается в динамике, герой находится в процессе духовного развития. Художественный мир Дж. Макдональда – «a world of becoming» («мир становления») [3, с. 4], изменяющийся в соответствии с божественным замыслом. Герои Дж. Макдональда проходят путь духовного познания и развития, приобщаясь к постижению божественной истины.

Время и пространство в религиозно-философской концепции Дж. Макдональда подвергаются символическому осмыслению. В христианском мировосприятии историческое время «осевое», так как разделяется на две эпохи: до рождения Христова и после него. Это время векторное, линейное, необратимое: история движется от акта божественного творения к Страшному суду. Однако, как отмечает А. Я. Гуревич, «при всей своей “векторности” время

в христианстве не избавилось от циклизма; коренным образом изменилось лишь его понимание... Земная история, взятая в целом, в рамках, образуемых сотворением мира и концом его, представляет собой завершённый цикл: человек и мир возвращаются к Творцу, время возвращается в вечность» [4, с. 100]. Действительно, в мифопоэтической модели мира Дж. Макдональда время циклично, смерть воспринимается как возвращение «домой» и начало новой жизни. В романе «Лилит» Вейн описывает своё ощущение времени: «Мне снилось, как времена сменяют друг друга, но, по-моему, на самом деле то было торжественное, бесконечное шествие единого мгновения, в чреве которого таилась вечность» [5, с. 288].

В христианском мировосприятии и космическое, и социальное пространства иерархизируются. Символом иерархически упорядоченной вселенной представляется собор. Пространство имеет два яруса: «поднебесный» и «занебесный» миры, и поскольку они оба созданы Богом, то воспринимаются в оппозиции «священное – священнейшее». В модели мира Дж. Макдональда пространство также двухъярусно, но два мира накладываются друг на друга, и оказывается возможным перемещение между мирами. Кроме того, пространство преобразуется, подчиняясь божественному замыслу: так, в романе «Лилит» пустыня превращается в райский сад. Хронотоп в романе «Лилит» расширяет образ восприятия божественной истины: не только герой обретает надежду на высшее откровение, но и весь мир. Концепция времени и пространства Дж. Макдональда имеет философское значение: она отражает идею духовного взросления отдельной личности и целого мира.

Природный мир в религиозно-философской концепции Дж. Макдональда занимает особое место, что подтверждается написанием слова «природа» в значении окружающего мира с прописной буквы («Nature»). Писатель родился и вырос в Шотландии и в своих произведениях воспевал живописные вересковые поля и величественные горы своей родины. Герои «шотландских» романов Дж. Макдональда («David Elginbrod», «Alec Forbes of Howglen», «Robert Falconer», «Malcolm», «Sir Gibbie»), тонко чувствующие природу, отличаются духовной и физической силой. Природный, естественный мир противопоставляется городу, цивилизации. Оказавшись на лоне природы, герой чувствует её живительную силу, исцеляющую тело и душу: «Природа уже начала понемногу исцелять его сердце. Её просторы, открытость, красота, переменчивость и дружное единение всего мира в этих переменах уже начали приносить малышу утешение...» [6, с. 92]. Для Дж. Макдональда характерно восторженное восприятие природы, трепетное отношение к малейшим её явлениям. Например, так он описывает впечатление от цветка, увиденного в лесу впервые после зимы: «You feel almost as if you had found a child. You know in yourself that you have found a new beauty and a new joy, though you have seen it a thousand times before» («Вы чувствуете, будто нашли ребёнка. Вы понимаете, что нашли новую красоту и новую радость, хотя до этого видели цветок тысячи раз») [7, с. 192].

В произведениях Дж. Макдональда часто возникает образ «Матушки Природы» («Mother Nature»), заботящейся о главном герое: «Я заснул в своей речной люльке, где Матушка Природа качала свое уставшее дитя» [8, с. 76]; «Впервые Гибби почувствовал ласку и понял её, когда его приласкала сама Матушка Природа» [6, с. 84]. Антропоморфный образ природы тесно связан

с архетипом Великой Матери. В романе «Фантастес» Анодос оказывается на цветущем острове посреди моря, где живёт странная пожилая женщина, которая начинает ухаживать за ним, как за ребёнком. В финале романа Анодос, находясь в состоянии символической смерти, лежит в земле и ощущает материнскую энергию природы: «Я чувствовал, как в мое сердце стучится великое сердце Матери, кормящей меня собственной жизнью, всей глубиной своего естества и бытия» [8, с. 206].

Природа вызывает у человека определённое настроение, будит чувства и мысли, что, по мнению Дж. Макдональда, роднит её с музыкой и сказкой: «Nature is mood-engendering, thought-provoking: such ought the sonata, such ought the fairytale to be» («Природа порождает настроение, вызывает мысли: такой должна быть соната, такой должна быть сказка») [9, с. 236]. Художественный мир Дж. Макдональда очень музыкален (см. по этой проблеме также [10]), притом образы природы и музыки неразрывно связаны: «Живой душой, воплощением самой Природы песня влетела в мою темницу, и каждая её нотка ласковой птичкой ложилась прямо ко мне на сердце» [8, с. 185]. В качестве эпиграфа к роману «Фантастес» Дж. Макдональд цитирует слова Новалиса о том, что «в истинной сказке всё должно быть чудесным, таинственным, бессвязным и оживлённым», должно изображаться «природное состояние самой природы» [8, с. 5]. Таким образом, природа воплощает собой естественное состояние мира, которое стремятся выразить и музыка, и сказка. В свою очередь «природа, как сказка, – это текст, который нужно прочитать» [3, с. 3].

Большое влияние на натурфилософские взгляды Дж. Макдональда оказали идеи английского поэта-романтика У. Вордсворта о божественной сущности природы. Дж. Макдональд восхищался У. Вордсвортом, написал эссе о его поэзии («Wordsworth's Poetry»), где изложил, в том числе, и своё понимание природы. По мнению Дж. Макдональда, У. Вордсворт во всём видел божественное присутствие: «To Wordsworth, God, as the Spirit of Truth, was manifested through the forms of the external world» («По Вордсворту, Бог, как Дух Истины, проявлял себя через формы внешнего мира») [7, с. 183]. У. Вордсворт понимал природу как духовного наставника («a world of teaching» – «мир обучения» [7, с. 186]) и стремился донести до читателя радостное восприятие природы.

Согласно религиозно-философской концепции Дж. Макдональда, природа и внешний мир в целом возникли из воображения Бога («the world proceeded from the imagination of God» [7, с. 189]). Дж. Макдональд пишет: «God is in everything, and showing himself in everything» («Бог есть во всём и проявляет себя во всём») [7, с. 182]. Как отмечают исследователи [11, с. 49], данное понимание природы близко идее неоплатонической эманации: природа имеет божественную сущность благодаря имманентности единого Бога в мироздании. Вслед за У. Вордсвортом Дж. Макдональд называет свою веру «христианским пантеизмом» («Christian Pantheism» [7, с. 182]). Однако в авторской концепции Бог не растворяется полностью в мире, мир не тождественен Богу, поэтому исследователи говорят о системе взглядов писателя как о панентеизме. Панентеизм (от греч. *πᾶν ἐν θεῷ* – «всё в Боге») – религиозно-философское учение, согласно которому Бог имманентно присутствует во всех вещах, включает в себя Вселенную, но также находится вне её как трансцендентность.

Природный мир, по Дж. Макдональду, подчиняется божественному замыслу. Не только человек имеет своё предназначение, но и животное, и суть его состоит в поддержании мирового порядка: «...Человек, не делающий в мире того, что должен бы делать, не сравнится не то что с китом, даже с пескарём! Потому что эти-то малые твари как раз и творят волю Того, Кто их сотворил... Смысл тут один – держать море в чистоте и порядке» [6, с. 438]. Более того, природный мир готовится в определённое время превратиться в сакральный, согласно эсхатологическому пророчеству Божьего Царства. Так, в романе «Фантастес» ручей, родившийся в пустыне, говорит: «Я всё равно буду сверкать и петь, и омывать свои берега, пока моя пустыня не превратится в райский сад» [8, с. 75]. В романе «Лилит» птица поёт «о блаженстве, которое вот-вот должно было приблизиться» [5, с. 308].

В мировосприятии Дж. Макдональда человек возник из любви Бога («man proceeded from the love of God»), и задача природы – пробудить лучшие мысли («should rouse the best thoughts») у человека [7, с. 189]. Бог-художник наделил природу красотой для того, чтобы она затронула чувства человека, вложил в природу свои великие помыслы, чтобы человек смог осознать их. Природа, в силу её божественного происхождения, сама по себе символ истины: «...Ведь ни в природе, ни в простых, безыскусственных движениях души обмана не бывает. Тут непременно должна быть какая-то истина, даже если мы не способны полностью постичь ее» [8, с. 77]. Созерцание природы повергает человека в состояние, в котором мысли приходят сами по себе, а не внушается определённый набор идей, как при стандартном интеллектуальном обучении.

По Дж. Макдональду, человек воспринимает природу через воображение: «Разве, обращаясь к воображению, обитающему в совсем иных пределах, оно не открывает нам Природу такой, какая она есть на самом деле.?» [8, с. 102]. В воображении человек создаёт свой мир, символически интерпретируя явления природы: «flower is... growing out of the heart of God» («цветок... вырастает из сердца Бога») [7, с. 193]. Таким образом, в процессе восприятия природы человек может приблизиться к Богу. Природа – это символ возможностей человека, его развития и самосовершенствования. Но для истинного понимания природы и мира человек должен быть подготовлен христианским учением: «When we understand the Word of God, then we understand the works of God; when we know the nature...» («Когда мы понимаем Слово Божие, тогда мы пониманием творения Бога, тогда мы понимаем природу...») [7, с. 191].

Дж. Макдональд акцентирует важность познания природы иррациональным путём, через воображение, а не при помощи науки. Ещё Новалис, любимый писатель Дж. Макдональда, в философской повести «Ученики в Саисе» поднимает вопрос о двух путях познания природы: научном, эмпирическом и интуитивном, мистическом [12]. Противопоставляются позиции естествоиспытателя (Учителя) и поэта (Ученика). Первый приводит научные гипотезы о возникновении мироздания, второй рассказывает о рождении мира посредством сказок и поэм. Но лишь интуитивный путь познания позволяет человеку не только почувствовать природу во всей её целостности, но и познать себя.

По мнению Дж. Макдональда, наука «убивает» природу: «The science itself is dead, and kills what it touches» («Наука сама по себе мертва, и убивает

то, к чему прикасается») [7, с. 192]. Природа «доверяет» человеку, а он расчленяет, разрушает её, чтобы посмотреть, как она устроена. Однако бесконечное разложение явления на элементы ничего не даёт для постижения истинной сути явления. Понимание божественной истины возможно лишь через целостное восприятие природы, а не анализ её составных частей. «The idea of God is the flower» («Идея Бога – это цветок») [13, с. 317]. «To know a primrose is a higher thing than to know all the botany of it – just as to know Christ is an infinitely higher thing than to know all theology» («Знание первоцвета выше, чем знание всей его ботаники, – так же, как знание Христа бесконечно выше знания всей теологии») [13, с. 239].

Дж. Макдональд сравнивает человека с ребёнком, а процесс познания – с игрой. Писатель проводит следующую параллель: Бог огорчается, когда человек разрушает созданную для него природу, как огорчается отец, когда ребёнок ломает подаренную игрушку [13, с. 318]. Природа создана для того, чтобы своей красотой воздействовать на сердце и воображение человека, а не для того, чтобы человек раскрывал её тайны и использовал их в своих практических целях. Дж. Макдональд не обесценивает полностью труд учёного, но, по его мнению, научные открытия дают человеку несоизмеримо меньше, чем даёт непосредственное восприятие природы. Мирская наука отдаляет человека от Бога, от понимания божественного замысла, «словно распускает гобелен, сотканный Богом» [13, с. 315]. Только находясь в состоянии единения с природой, человек может приблизиться к Богу.

Таким образом, натурфилософские взгляды Дж. Макдональда представляют собой синтез христианского и панентеистического мировосприятия. В религиозно-философской концепции писателя мироустройство (материя, движение, время, пространство) подчинено божественному замыслу и способствует приближению человека к постижению божественной истины. В панентеистической концепции Дж. Макдональда мир возник из воображения Бога, а человек – из любви Бога. Предназначение природы – пробудить мысли и чувства человека, чтобы он смог приблизиться к пониманию Бога. Писатель предостерегает человека от рационального познания мира, поскольку целостное восприятие природы и, следовательно, приближение к Богу возможно лишь через воображение. «This world is not merely a thing which God hath made, subjecting it to laws; but it is an expression of the thought, the feeling, the heart of God himself» («Этот мир не просто вещь, которую Бог создал, подчинив её законам, но это выражение мысли, чувства, сердца самого Бога») [7, с. 182]. Натурфилософские взгляды автора реализуются в его произведениях в архетипе Великой Матери, в музыкальных и поэтических образах. Ключевая идея натурфилософии Дж. Макдональда – человек посредством воображения может почувствовать самовыражение Бога в природе и мире в целом и тем самым приблизиться к пониманию божественной истины.

Список литературы

1. **Protero, J.** The Flash and the Grandeur: A Short Study of the Relation Among MacDonald, Lewis, and Wordsworth / J. Protero // North Wind. – 1998. – № 17. – P. 35–39.
2. **Бёме, Я.** Аврора, или Утренняя звезда в восхождении / Я. Бёме. – М.: Изд-во полит. лит., 1990. – 416 с.
3. **Pridmore, J.** Nature and Fantasy / J. Pridmore // North Wind. – 2000. – № 19. – P. 2–8.

4. **Гуревич, А. Я.** Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 318 с.
5. **Макдональд, Дж.** Лилит / Дж. Макдональд ; пер. с англ. О. Лукмановой. – Н. Новгород : Агапе, 2004. – 320 с.
6. **Макдональд, Дж.** Сэр Гибби / Дж. Макдональд ; пер. с англ. О. Лукмановой. – Н. Новгород : Агапе, 2002. – 544 с.
7. **MacDonald, G.** Wordsworth's Poetry / G. MacDonald // A Dish of Orts. – Hazleton, PA : The Electronic Classic Series Publication, 2012. – P. 182–197.
8. **Макдональд, Дж.** Фантастес / Дж. Макдональд ; пер. с англ. О. Лукмановой. – Н. Новгород : Агапе, 2005. – 240 с.
9. **MacDonald, G.** The Fantastic Imagination / G. MacDonald // A Dish of Orts. – Hazleton, PA : The Electronic Classic Series Publication, 2012. – P. 232–237.
10. **Шарыпина, Т. А.** Проблема взаимодействия видов искусств в немецкой философско-эстетической мысли на рубеже XIX–XX вв. / Т. А. Шарыпина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4. – С. 993–997.
11. **Roukema, A.** The Shadow of Anodos: Alchemical Symbolism in Phantastes / A. Roukema // North Wind. – 2012. – № 31. – P. 48–63.
12. **Новалис.** Ученики в Саисе / Новалис // Гимны к ночи : сб. – М. : Энигма, 1996. – С. 70–127.
13. **MacDonald, G.** Unspoken Sermons / G. MacDonald. – Hazleton, PA : The Electronic Classic Series Publication, 2012. – 420 p.

References

1. Protero J. *North Wind*. 1998, no. 17, pp. 35–39.
2. Beme Ya. *Aurora, ili Utrennyaya zvezda v voskhozhdenii* [Aurora, or a rising morning star]. Moscow: Izd-vo polit. lit., 1990, 416 p.
3. Pridmore J. *North Wind*. 2000, no. 19, pp. 2–8.
4. Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of the middle age culture]. Moscow: Iskustvo, 1972, 318 p.
5. Makdonal'd Dzh. *Lilit: per. s angl. O. Lukmanovoy*. [Lilith: translation from English by O. Lukmanova]. Nizhny Novgorod: Agape, 2004, 320 p.
6. Makdonal'd Dzh. *Ser Gibbi: per. s angl. O. Lukmanovoy*. [Sir Gibbie: translation from English by O. Lukmanova]. Nizhny Novgorod: Agape, 2002, 544 p.
7. MacDonald G. *A Dish of Orts*. Hazleton, PA: The Electronic Classic Series Publication, 2012, pp. 182–197.
8. Makdonal'd Dzh. *Fantastes: per. s angl. O. Lukmanovoy*. [Phantastes: translation from English by O. Lukmanova]. Nizhny. Novgorod: Agape, 2005, 240 p.
9. MacDonald G. *A Dish of Orts*. Hazleton, PA: The Electronic Classic Series Publication, 2012, pp. 232–237.
10. Sharypina T. A. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]. 2010, no. 4, pp. 993–997.
11. Roukema A. *North Wind*. 2012, no. 31, pp. 48–63.
12. *Gimny k nochi: sb.* [Anthems to night]. Moscow: Enigma, 1996, pp. 70–127.
13. MacDonald G. *Unspoken Sermons*. Hazleton, PA : The Electronic Classic Series Publication, 2012, 420 p.

Черемисина Анна Ивановна
аспирант, Нижегородский
государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород,
ул. Большая Покровская, 37)

Cheremisina Anna Ivanovna
Postgraduate student, Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
(37 B. Pokrovskaya street, Nizhny
Novgorod, Russia)

E-mail: trina_des@mail.ru

УДК 82-312.1

Черемисина, А. И.

Натурфилософские взгляды Дж. Макдональда (на материале художественного творчества писателя) / А. И. Черемисина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 103–110.

Н. С. Футляев, Д. Н. Жаткин

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД «ОТЕЛЛО» ШЕКСПИРА¹**Аннотация.**

Актуальность и цели. В статье впервые осуществлен анализ хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства перевода «Отелло» Шекспира, выполненного И. А. Аксеновым и отредактированного для сцены Ю. П. Анисимовым. Данный перевод, относящийся к 1930-м гг., рассмотрен в контексте литературной и театральной жизни этой эпохи, характеризовавшейся усилением внимания к шекспировскому «Отелло», проявившимся в появлении нового перевода А. Д. Радловой, подготовке режиссерского плана «Отелло» К. С. Станиславским, постановках «Отелло» во МХАТ (И. Я. Судаков) и Малом театре (С. Э. Радлов), создании эталонного образа Отелло А. А. Остужевым и др. Целью исследования является установление значения перевода И. А. Аксенова под редакцией Ю. П. Анисимова для русской рецепции «Отелло» 1930-х гг.

Материалы и методы. Материалом для анализа стали машинопись перевода И. А. Аксенова под редакцией Ю. П. Анисимова, хранящаяся в РГАЛИ, режиссерский план «Отелло» К. С. Станиславского, перевод А. Д. Радловой, литературно-критические статьи, дневниковые, эпистолярные, мемуарные и документальные источники. В работе использовались сравнительно-исторический, сравнительно-типологический и биографический методы исследования.

Результаты. Проанализированы обстоятельства литературной и театральной жизни России 1930-х гг., предшествовавшие появлению перевода И. А. Аксенова под редакцией Ю. П. Анисимова. Выявлена специфика интерпретации И. А. Аксеновым и Ю. П. Анисимовым отдельных эпизодов шекспировского произведения в сравнении с их прочтениями, предложенными предшественниками и современниками. Многие факты впервые соотнесены между собой, что позволило представить в комплексной взаимосвязи значимые события в русской рецепции «Отелло» в рассматриваемый период.

Выводы. Анализ показал, что при всей посредственности творческой реализации И. А. Аксеновым и Ю. П. Анисимовым замысла перевода шекспировского «Отелло», этот перевод не был маргинальным явлением, ибо отвечал настроениям эпохи, в частности, соответствовал усилившемуся интересу к шекспировскому наследию, установке на создание новых переводов произведений великого драматурга взамен дореволюционных переводов, не выдерживавших критики на новом историческом этапе. Наряду с опущениями отдельных эпизодов, обусловленными ориентацией на театральную постановку, в переводе И. А. Аксенова под редакцией Ю. П. Анисимова присутствует и ряд купюр, вызванных идеологическими соображениями, несоответствием некоторых реплик умонастроениям эпохи.

Ключевые слова: И. А. Аксенов, перевод, реминисценция, традиция, сценическая редакция, режиссерский план, рецепция, межкультурная коммуникация.

¹ Исследование осуществлено в рамках реализации проекта № 2232 «Междисциплинарные социально-гуманитарные исследования в контексте инновационного развития и международных связей» базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ.

THE UNKNOWN INTERPRETATION OF «OTHELLO» BY SHAKESPEARE

Abstract.

Background. The article firstly deals with the analysis of the interpretation of «Othello» by Shakespeare kept in the Russian state record office of literature and art made by I. A. Aksenov and corrected by Y. P. Anisimov for the performance. This interpretation, dated in 1930, was analyzed in the context of literature and theatre life of this period, which was characterized by strong attention to Shakespeare's «Othello» which can be proved by appearance of a new interpretation made by A. D. Radlova, preparation of the editor's plan for «Othello» by K. S. Stanislavsky, representations of «Othello» performances in Moscow theatres «MHAT» (I. Y. Sudakov) and Maly Theatre (S. A. Radlov), creation of an ideal image of «Othello» by A. A. Ostuzhev etc. The aim of the research is to define the significance of I. A. Aksenov's interpretation under the editorship of Y. P. Anisimov for the Russian reception of «Othello» in 1930.

Materials and methods. The material for the analysis was the typescript of the I. A. Aksenov's translation under the editorship of Y. P. Anisimov kept in the Russian State Library, the editor's plan of «Othello» by K. S. Stanislavsky, A. D. Radlova's interpretation, literature-critical articles, diaries, letters, memoirs, documents. Historical-comparative, typological-comparative, biographical methods of investigation were used in the study.

Results. The authors analyzed the circumstances of literary and theatre life of Russia in 1930, preceding the appearance of I. A. Aksenov's interpretation under the editorship of Y. P. Anisimov. The researchers also defined the specific features of Aksenov's and Anisimov's interpretation of some episodes of the Shakespeare's work in comparison with their representations, suggested by predecessors and contemporaries. Many facts were compared, which helped to evaluate significant events of the Russian reception of «Othello» in the complex interconnection at the period of time under consideration.

Conclusions. The analysis showed that in spite the fact that I. A. Aksenov and Y. P. Anisimov tried to realize the Shakespeare's main aims with the help of their creativity, their translation was not a marginal phenomenon because it responded to the views of that time, corresponded to the strong interest to the Shakespeare's legacy, the wish to create new translations of the great drama poet instead of the ones made before the revolution, which were criticized during the modern period of time. With omissions of some episodes, which were intentionally done for the theatre performance, one can find some features in the I. A. Aksenov's interpretation under the editorship of Y. P. Anisimov provoked by ideological thoughts, as well as false translations of some speeches provoked by the epoch's mental assumptions.

Key words: I. A. Aksenov, translation, reminiscence, tradition, scene reaction, reception, director's plan, intercultural communication.

В фонде Юлиана Павловича Анисимова в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 1013, оп. 1, ед. хр. 11) сохранился неопубликованный перевод трагедии Шекспира «Отелло», выполненный И. А. Аксеновым. Материалы архивного дела включают в себя три машинописи, одна из которых является чистой, две других содержат различного рода правки. На л. 1–141 находится чистовая машинопись перевода И. А. Аксенова под редакцией Ю. П. Анисимова; от первоначального текста И. А. Аксенова со-

хранились лишь небольшие фрагменты: на л. 142–150 – начало второго акта, на л. 151–157 – черновые варианты начала первого акта. Эти фрагменты не авторизованы, перепечатаны неизвестным лицом, причем во втором случае небрежно, с механической разбивкой строк. Правки, внесенные Ю. П. Анисимовым, достаточно значительны и, в подавляющем большинстве случаев, улучшают качество перевода, а также устраняют допущенные И. А. Аксеновым лакуны при прочтении шекспировского текста; вместе с тем отдельные эпизоды кардинально сокращались в угоду их сценической постановке.

Учитывая целый ряд обстоятельств – утрату полного текста перевода И. А. Аксенова (сохранились крайне незначительные фрагменты), несомненную предпочтительность варианта с правкой Ю. П. Анисимова в сравнении с изначальным вариантом, имеет смысл рассмотрение не черновиков И. А. Аксенова, а его итогового перевода под редакцией Ю. П. Анисимова, имеющего самостоятельную эстетическую ценность и интересного для историков русского поэтического перевода. Первоначальные варианты И. А. Аксенова все же могут привлечь внимание теоретиков перевода при текстологических разысканиях, а также при решении целого ряда вопросов – что именно и почему правил Ю. П. Анисимов, совершенствуя рукопись И. А. Аксенова, можно ли каким-то образом обобщить вносимые им правки в какие-то группы, чтобы осмыслить направление проделанной работы, и т.д.

В частности, при редактировании реплики Яго, сообщающей об утверждении лейтенантом флорентийца Кассио («Чего мне врать. Ведь трое знатных граждан, / Ломая шапки перед ним, просили / Меня назначить лейтенантом. Честью / Клянусь, достоин этой чести я, / Но он из гордости и самодурства / Им прочитал возвышенный доклад, / Напичканный пустою дребеденью / Военных терминов. И в заключение / Им просто отказал. «Я, – говорит, – / Себе уже наметил офицера. / Но кто же он? Великий математик / Микеле Кассьо, некий флорентиец, / До черта в женщину влюбленный <...> [1, л. 2–3]), Ю. П. Анисимов либо выбирал один из предложенных И. А. Аксеновым вариантов прочтения отдельных стихов оригинала (см. [1, л. 151]), либо отказывался от всех вариантов, предлагая свой (например, «До черта в женщину одну влюбленный» вместо «Влюбленный по уши в одну красотку – / в свою жену»). Во втором акте правки Ю. П. Анисимова были более значительными, причем во многих случаях снималась нарочитая грубость. Например, у И. А. Аксенова: «Яго. Святая подстилка! Ее, должно быть, на мавра со святости и потянуло. Святая! Знает, где раки зимуют. Ты сам видел, как она ему щекотала ладонь. Видел?» [1, л. 144]; в итоговом тексте: «Яго. Святая фига! Вино, которое она пьет, тоже из винограда сделано. От святости не потянет на мавра. А ты видел, как она гладила ладонь Кассио» [1, л. 38].

Несмотря на то, что машинопись черновых редакций И. А. Аксенова не датирована, можно предполагать, что переводчик обратился к шекспировской трагедии на рубеже 1920–1930-х гг., когда в литературных и театральных кругах усилилось понимание того, что созданный еще в конце 1850-х гг. и долгое время господствовавший на сцене перевод П. И. Вейнберга (см. [2, с. 264–270; 3, с. 1–160; 4]) не подлежит редактированию и что в новую советскую эпоху необходим новый перевод «Отелло». Этому предшествовали длительные попытки представить отечественному читателю и зрите-

лю «усовершенствованного» П. И. Вейнберга, начатые еще А. А. Блоком, который в 1919 г. отредактировал перевод по изданию, вышедшему незадолго до смерти переводчика в «Библиотеке великих писателей» под редакцией С. А. Венгерова (см. [5, с. 288–362]). Если П. И. Вейнберг, формулировавший в своих трудах по теории перевода (см., например, [6, с. 437–451; 7, с. 57–62]) требования к точности воспроизведения подлинников, все же позволял себе некоторые вольности, в частности неуместные дополнения, использование лексики, нарушавшей языковые нормы, то А. А. Блок стремился к лаконичности и благозвучности, уделял особое внимание художественным деталям, уточнял отдельные слова, позволявшие скорректировать понимание некоторых эпизодов (текст правок А. А. Блока см. в [8, кн. 2, с. 380–388]; анализ перевода П. И. Вейнберга и его редакции, осуществленной А. А. Блоком, см. в [9, с. 204–210]). В 1923 г. Госиздатом был напечатан вариант вейнберговского перевода, подготовленный к печати В. К. Мюллером (см. [10]); именно на его основе К. С. Станиславским в период с конца 1929 г. по март 1930 г. был подготовлен режиссерский план «Отелло»¹, переправленный из Ниццы, где режиссер оказался по настоянию врачей, работникам МХАТ (его публикацию см. в [12]). На сцене МХАТ «Отелло» Шекспира был поставлен режиссером И. Я. Судаковым; премьера состоялась 14 марта 1930 г., в главных ролях были заняты ведущие артисты театра – Л. М. Леонидов (Отелло), А. К. Тарасова (Дездемона), В. А. Сینیцын (Яго), Б. Н. Ливанов (Кассио). Спектакль не получил достаточного освещения в прессе², так как прошел всего десять раз и был остановлен из-за трагической гибели В. А. Сینیцына³

¹ Интерес к трагедии «Отелло» К. С. Станиславский проявлял еще в конце XIX в. Премьера «Отелло», в котором К. С. Станиславский предстал не только режиссером, но и исполнителем роли Отелло, состоялась в Обществе искусства и литературы на сцене Охотничьего клуба 19 января 1896 г. Замысел новой постановки трагедии относится к середине 1920-х гг. Роли в спектакле «Отелло» были распределены 26 июня 1926 г., репетиции начались 23 декабря 1926 г.; 10 марта 1927 г., на 51 репетиции, состоялся показ спектакля К. С. Станиславскому, однако вскоре работа над постановкой была прекращена, а предпочтение отдано выпуску советских пьес. Вместе с тем это решение оставалось неизвестным читательской публике, тщетно ожидавшей премьеры «Отелло», о чем свидетельствует, в частности, суждение Садко <В. И. Блюма> в острополюемической статье «Начало конца МХАТ» в № 43 «Жизни искусства» за 1927 г.: «А этот совершенно невозможный темп работы МХАТ!.. Где обещанный давным-давно “Отелло”, который начерно был уже приготовлен, а потом отложен в сторонку?» [11, ч. 1, с. 234].

² Известно три отклика на спектакль – рецензии В. И. Блюма «Театр и кино. За китайской стеной классицизма. “Отелло” в МХТ Первом» в газете «Вечерняя Москва» от 22 апреля 1930 г.; Уриэля <О. С. Литовского> «Кипр – турецкий остров. По поводу “Отелло”» в № 3–4 журнала «Советский театр» за 1930 г.; М. Б. Загорского «Классики на советской сцене. “Отелло” в МХТ Первом» в «Литературной газете» от 12 мая 1930 г. (републикацию рецензий см. в [11, ч. 1, с. 315–320]).

³ Успех В. А. Сینیцына в роли Яго был во многом связан с особенностями его мироощущения последних месяцев жизни. Будучи человеком неустойчивого настроения и поведения, В. А. Сینیцын испытывал одиночество в театре, что отразилось на его интерпретации образа Яго как одинокого человека. По наблюдению Б. И. Зингермана, В. А. Сینیцын создал образ, который «по глубине исторической характеристики <...> не уступал режиссерскому плану Станиславского» [13, с. 366].

28 мая 1930 г. и непреодолимых для Л. М. Леонидова психологических нагрузок в роли (см. об этом: [11, ч. 1, с. 303])¹. Видимо, в это время задумывался и осуществлялся перевод И. А. Аксенова, так и оставшийся не востребуемым при жизни переводчика.

В год смерти И. А. Аксенова (1935) увидел свет перевод «Отелло», осуществленный А. Д. Радловой (см. [14; 15]) и поставленный на ленинградской и московской сценах ее мужем, режиссером С. Э. Радловым; наибольший успех имела постановка в Малом театре², где роль Отелло исполнил блистательный А. А. Остужев (см. [17; 18, с. 16–21]). Казалось бы, судьба перевода И. А. Аксенова в такой ситуации была предрешена, но, несмотря на феерический успех спектакля С. Э. Радлова в целом и А. А. Остужева как Отелло в частности, общественное отношение к результатам работы А. Д. Радловой осталось неоднозначным. Свое неприятие этого перевода, не только не превзошедшего перевод П. И. Вейнберга, но и заметно уступавшего ему, сделанного с характерной небрежностью, невнятного и несуразного, огрублявшего синтаксис, интонацию и звучание шекспировских строк, высказал К. И. Чуковский в статьях на страницах газеты «Правда» (см. [19, с. 4]; полемический ответ А. А. Остужева К. И. Чуковскому см. в [20, с. 4]) и журнала «Театр» (см. [21, с. 98–109]). Входящий в круг близких знакомых И. А. Аксенова еще со времен футуристического объединения «Центрифуга» Ю. П. Анисимов, активно занимаясь переводческой деятельностью по заказам различных издательств, решил доработать для сцены сохранившийся у него аксеновский перевод «Отелло», что и сделал в 1939 г.; перевод прошел экспертизу, о чем сообщает помета на титульном листе машинописи, сохранившейся в РГАЛИ, – «разр. ГУРК № 424/39/т от 25.VII.1939 года», подтверждающая, что пьеса была разрешена к постановке в советских театрах. Однако последующие события (смерть Ю. П. Анисимова в мае 1940 г., затем – Великая Отечественная война, появление переводов Б. Л. Пастернака, М. Л. Лозинского) привели к тому, что потенциальная постановка так и не состоялась.

В целом для постановок «Отелло» 1930-х гг. оказалось характерно отсутствие ансамблевой целостности, слаженно взаимодействующего актерского состава, в результате чего спектакли превращались в бенефисы отдельных актеров, существенно превосходивших своих партнеров по уровню профессионального мастерства. Особенно ярко это проявилось в спектакле «Отелло» в Малом театре, где выходящий на сцену «в состоянии полной творческой

¹ Вместе с тем выступление Л. М. Леонидова в роли Отелло запомнилось современникам. В частности, П. А. Марков так вспоминал об этом в газете «Советское искусство» от 14 августа 1941 г. в статье «Вдохновенный актер», ставшей непосредственным откликом на смерть Л. М. Леонидова от сердечного приступа 6 августа 1941 г.: «Когда в верхнем фойе Леонидов сыграл без грима “в пиджаке” последние три акта “Отелло”, заплаканный и потрясенный Станиславский сказал: “Леонидов в “Отелло” не ниже Сальвини”» (см. [11, ч. 2, с. 500]).

² По словам самого С. Э. Радлова, спектакль в Малом театре был поставлен «в исключительно сжатые сроки»: «Театр поставил мне очень близкую, предельную дату премьеры, и я был вынужден всемерно содействовать этой быстроте работы <...>. В Малый театр я пришел после трех вариантов постановки “Отелло”, смысл спектакля мне был ясен, текст известен почти наизусть, и это, конечно, помогало нормальному ускорению работы» [16, с. 39–40].

разгоряченности» [16, с. 40] А. А. Остужев оттеснял на второй план всех прочих актеров, терявшихся на фоне исполнителя роли мавра. А. А. Остужеву удалось поднять «даже частные мотивы пьесы на высоту больших социально-философских обобщений» [22, с. 177], тогда как исполнители прочих ролей не достигали необходимой глубины во многом потому, что не отстаивали своих героев, их представления о жизни. «Отелло» Малого театра так и остался спектаклем одного актера-звезды, способного скорректировать представления режиссера и представлявшего свою роль во всем многообразии деталей. По наблюдению А. А. Аникста, игра А. А. Остужева, воспринимавшего Шекспира «всеми пятью чувствами», представлявшего героя лишенным бытовой реалистичности, но при этом абсолютно реальным, не опускавшимся до фальшивых жестов и условно-театральной интонации, противоречила «существовавшим тогда системам – как мхатовской, так и мейерхольдовской» [23, с. 90]. Благодаря А. А. Остужеву С. Э. Радлов скорректировал многие нюансы своей театральной постановки, что способствовало ее финальной отточенности¹. В этой связи нельзя согласиться с К. Л. Рудницким, который не увидел внутреннего единства режиссера и актера, заявив, что «с Радловым и со спектаклем Остужев был связан только формально, только тем, что в данном спектакле играл», «мог бы играть и в другом» [25, с. 35].

Указывая на общие черты в игре исполнителей роли Отелло, которые не могли вызвать симпатий у публики, А. А. Остужев отмечал, что традиционно весь его образ прорисовывался крупными штрихами: «<...> все в нем было большое, тяжелое, массивное: движения, голос, костюм, самые страсти тоже были большие и пышные» [26, с. 23]. А. А. Остужев создал совершенно иной образ мавра, в котором, как указывал Б. И. Зингерман, не было ни черт грубых и властных итальянских кондотьеров, ни особенностей наемных «профессиональных» полководцев того времени, ни даже подчеркнутой африканской экзотики, от которой осталась лишь белая чалма, оттенявшая бронзовый цвет лица: «Гибкая, юношески стройная фигура, гордо поднятая голова и спокойно соединенные руки. Небольшая борода смягчает овал тонкого лица, которому придают глубокую одухотворенность задумчивые, устремленные куда-то далеко глаза» [27, с. 26].

Сохранившаяся в полном виде сценическая редакция Ю. П. Анисимова представляет интерес в плане сопоставления с относящимися к тому же хронологическому периоду сценическими редакциями «Отелло», созданными К. С. Станиславским и С. Э. Радловым (при участии А. А. Остужева). К. С. Станиславский далек от канонической традиции истолкования Шекспира, в частности, поднимая вопрос о силах, пробуждающих в сознании Отелло те или иные душевные процессы, он утверждает, что ревность не лежит в основе поступков героя: «Я утверждаю, что Отелло совсем не ревнивец. Мел-

¹ Например: «Радлов <...> (Остужеву). Когда вы думаете выпить бокал с прохладительным напитком? Остужев. Отелло так увлечен тем, что, вернее – как говорит Дездемона... Он весь поглощен этим, дорогим для него, зрелищем: вот шевелятся ее губы, вот она откинула голову... Он не может от этого оторваться... Может быть, выпить этот бокал в самом начале? Радлов соглашается с этим. Остужев. Разрешите, выпив бокал, не ставить его обратно на столик, а налево или сзади себя; иначе мне приходится левой рукой тянуться направо к столику и получается напряженная некрасивая фигура; так же будет свободное открытое движение» [24, с. 60].

кий ревнивец, каким обыкновенно изображают Отелло, это сам Яго. Оказывается, я теперь разглядел, что Яго действительно ревнует мелко и пошло Эмилию. Отелло – исключительно благородная душа» [12, с. 265]. А. А. Остужев в постановке С. Э. Радлова также отказывается от трактовки Отелло как ревнивца, способной «обеднить, сузить образ, убить в нем самое привлекательное и большую проблему превратить в частный случай, интересный разве лишь для детектива» [17, с. 33]. Он выдвигает в качестве основополагающей тему одиночества Отелло, возникающего вследствие обманутого доверия, а также выделяет четыре наиболее значимые черты Отелло – «огромную любовь к человеку, проистекающую из характера его гуманизма, безграничную доверчивость, как следствие этой любви, подлинное благородство, как проявление внутренней чистоты самого Отелло, и глубокий демократизм, как философию его социального поведения» [17, с. 27]. В трактовке А. А. Остужева Отелло предстал полезным для Венеции мавром, сумевшим своими недюжинными способностями «заставить патрициев Венецианского сената заглушить в себе презрение к представителю презираемой, “низшей” расы» [26, с. 26]. Такая трактовка закрепилась в отечественном литературоведении в последующие десятилетия, главным образом благодаря работам Н. Я. Берковского, акцентировавшего завуалированные в пристойное обличье «отношения платности», когда Венеция идет навстречу мавру в трудную для себя минуту, не интересуясь на деле ни его человеческими особенностями, ни его гражданской позицией; далее же, когда победа над врагом одержана, Отелло получает своеобразный «гонорар»: «В нем видят стратега, профессионального солдата, и это все. Отелло живет во внешнем мире не под условием своей личности, а под условием своего типа – по массовому типу он кондотьер и слывет кондотьером, пусть и весьма добропорядочным» [28, с. 72].

В отличие от режиссерских планов К. С. Станиславского и С. Э. Радлова сценическая редакция Ю. П. Анисимова все-таки акцентирует ревность Отелло в эпизодах, следующих за коварными намеками Яго на неверность Дездемоны. Если прежде Отелло предстал подлинным титаном Возрождения, мужественным и храбрым воином, далеким от любовных эмоций, сосредоточенным исключительно на битвах и штурмах, то внезапно в его сознании происходит перелом. Привычный к военным баталиям, в которых сразу очевидны враги и друзья, Отелло оказывается у Ю. П. Анисимова не приспособленным к тому, чтобы сопротивляться подковерным играм и интригам мнимых друзей. Отелло у Ю. П. Анисимова не одинок, о чем свидетельствуют реплики Кассио, остающегося до конца верным мавру, и заключительные реплики Эмилии, подчеркнута осуждающей мужа и встающей на сторону обманутого ревнивца.

У К. С. Станиславского конфликт заранее обострен, поскольку максимально подчеркнуты не только принадлежность Дездемоны к знатному роду, но и ее внешняя привлекательность, обаяние, даже невероятная красота, совершенно не соотносимые с портретом мавра. Из разговора Кассио с Яго во второй сцене второго акта Дездемона предстает перед читателями как высшее «совершенство», «самое свежее и нежное создание», «изящная дама», пригодная не столько для людей, сколько для божества (см. [29, с. 149]). И К. С. Станиславский, и Ю. П. Анисимов принимают двоякий образ главной героини. С одной стороны, для Брабанцио, няни и всех домашних тихая Дез-

демона оказывается всего лишь ребенком (см. в сценической редакции Ю. П. Анисимова: «<...> нежная, счастливая девица, / Все время отвергавшая исканья / Кудрявых, знатных баловней страны» [1, л. 11]; «Была она / Не дерзкою и тихою девицей, / Красневшею от собственных движений» [1, л. 15]). Но, с другой стороны, возникает образ иной Дездемоны, которая «не хочет, сидя дома, оставаться “мирным мотыльком”» [30, с. 190] и способна заявить перед лицом всего сената об открытом нарушении отцовской воли, о своей любви к мавру и желании быть с ним: «Отец мой, здесь / Двоится долг. Меня вы породили, / Вы жизнь и воспитанье дали мне. / И жизнь, и воспитанье мне велят / Повиноваться вам. Вы – рыцарь долга, / Но вот мой муж. / И долг, который мать мою заставил / Вас предпочесть ее отцу, меня / Сегодня заставляет выбрать мавра, / Супруга моего» [1, л. 19]. Мечтательная Дездемона как «дитя гуманистической Венеции» [13, с. 395] не просто ждет сказочного принца, но и испытывает желание бороться за свою мечту, смело противиться заурядному счастью. В своем режиссерском плане К. С. Станиславский избегал непосредственных характеристик Дездемоны, предпочитая раскрывать образ героини исключительно через ее реплики. Только однажды, поясняя слова Дездемоны перед сенатом, он счел необходимым охарактеризовать ее как «венецианку, которая сильно отличается от Офелии, какою обыкновенно играют Дездемону ее исполнительницы» [12, с. 95].

Различным представляется понимание того, как относилась Дездемона к Отелло, была ли на самом деле любовь между нею и мавром. В частности, в тексте записи репетиционной работы С. Э. Радлова, сделанной А. Д. Готлибом, можно видеть, как режиссер неизменно акцентировал внимание исполнительницы роли Дездемоны Л. Н. Назаровой, избыточно кокетливой и суетливой в движениях, на «безграничной любви» Отелло и Дездемоны друг к другу, на том, что «Кассио для нее <Дездемоны> – только внешний предлог любовной игры с Отелло, в которой она чувствует себя его хозяйкой» [24, с. 59]. Впоследствии Л. Н. Назарова была заменена О. Е. Малышевой, в игре которой было больше искренности, но вместе с тем и больше бытовизмов, элементов русификации образа.

В режиссерском плане К. С. Станиславского поначалу (во второй сцене первого действия) та же мысль выражается не столь явно, посредством намека: согласно замыслу режиссера, Дездемона бросает из окна цветок, чтобы его поднял уходящий от нее Отелло (см. [12, с. 57]). Более конкретно режиссер высказывается об отношениях Отелло и Дездемоны в пояснениях к монологу Дездемоны перед дождем в третьей сцене первого действия: «В нем <монологе> много любви, но и ума, логики какой-то, не бабьей, но твердой логики любящей женщины» [12, с. 101]. И даже прося Отелло в третьей сцене третьего действия вернуть Кассио на службу, Дездемона у К. С. Станиславского не ощущает тревоги; это повод для милого кокетства: «Дездемона как будто бы говорит, что это еще все пустяки: ты не подумай, что делаешь мне милость, потому что если я захочу испытать тебя, то тогда – ого! Держись. Все это – игра возлюбленных» [12, с. 223].

Судя по сценической редакции Ю. П. Анисимова, у Дездемоны есть все – сочувствие, жалость, презрение, гордость, тревога, но отнюдь не любовь; героиня даже ни разу не упоминает о своей любви к мавру. Сходная трактовка несколько лет спустя (1948) была предложена режиссером

Ю. А. Завадским на сцене Московского драматического театра им. Моссовета¹: не удовлетворившись игрой З. М. Шигаевой, не сумевшей передать смелость чувства Дездемоны, представившей ее прелестной, слабой женщиной, ищущей заступничества Отелло, режиссер заменил ее другой актрисой – И. П. Карташевой, в исполнении которой Дездемона занимает самостоятельную нишу: более уверенно и решительно защищает Кассио; надеется, что муж отдалится от нее временно, в силу случайных обстоятельств; переносит трудности с большим достоинством (см. об этом в [22, с. 197–198]). Такая расстановка акцентов, по мнению С. М. Нельс, обусловлена исторической конкретностью, значимой для Ю. М. Завадского, выдвигавшего на первый план конкретную эпоху в жизни конкретной страны, определенные социальные условия, но при этом сумевшего, в силу своего дарования, сохранить «единство временного и вечного в трагедии» [22, с. 194]. У Ю. П. Анисимова стремление к воссозданию богатой натуры человека эпохи Возрождения и характерный дух эпохи существенно ослабили мотив вечного, вневременного, сделали Отелло, Дездемону, других героев трагедии людьми своего времени.

Трактуя образ Яго, режиссеры стремились увидеть в нем Мефистофеля, символ зла и исчадие ада, что соответствовало «инфернальным» представлениям о нем отечественного и зарубежного литературоведения того времени (см. [31, с. 41]), однако полностью справиться с этой задачей не могли. Яго в сценической редакции Ю. П. Анисимова – жестоко обманутый, обиженный человек, не получивший объяснения причин назначения Кассио заместителем, в обход старшинства, дружбы, реальных военных заслуг. Поставленный в неловкое положение перед офицерами, считавшими его близким лицом к генералу, Яго не менее возмущен и тем обстоятельством, что тайна похищения Дездемоны была доверена не ему, а Кассио, и распространившимися слухами о близости генерала с Эмилией; грубый и двуличный Яго готов отомстить за нанесенные ему оскорбления. Однако Яго у Ю. П. Анисимова не жаждет крови своих противников («В боях я многих убивал людей, / Но вне войны мне запрещает совесть / Убить кого-нибудь» [1, л. 8]), ему важна лишь справедливость, заключающаяся в том, что его заслуги должны быть учтены. Яго умен, но окружающие постоянно это отрицают, в частности, Кассио говорит Дездемоне: «Синьора, он [Яго] говорит попросту. Увидите, что он лучше служит, чем философствует» [1, л. 35]. Кассио по-своему прав, поскольку ум для него – это наличие больших познаний в разных научных сферах; Яго не обладает и малой толикой тех познаний, что есть у Кассио, но предстает на протяжении всей пьесы мастером изощренной интриги, способным ломать судьбы людей ради реализации своих карьерных амбиций: «Ну, а теперь буди ее отца. / Пусть он отравит наслаждение мавра, / Потом расславь повсюду. Натрави / На черного всю белую родню» [1, л. 3]; «Позвольте вас покинуть. / Неловко мне по должности моей / Свидетелем являться против мавра, / К тому же мало вижу толку в том: / Сейчас война, а равного ему / Сенат нигде не сыщет полководца. / Ему объявят выговор и только. / Нам

¹ В Московском драматическом театре им. Моссовета «Отелло» Шекспира был поставлен в обработке и переводе В. Э. Морица; до настоящего времени это прочтение шекспировской трагедии остается неопубликованным.

хватит этого пока» [1, л. 6–7]; «Он может тебя стукнуть: постарайся, чтоб стукнул. За это я подниму на него местных жителей, и кончится этот бунт отставкой Кассио» [1, л. 39].

Яго у К. С. Станиславского деспотичен и груб, по-солдатски бесцеремонен, тогда как в мхатовской постановке в исполнении В. А. Синецкого он предстает своеобразным философом буржуазной Венеции, напоминая «тонких и коварных итальянских политиков, дышавших не пылью походов, а сырým воздухом дворцовых залов, тайных покоев, подземелий для пыток» [13, с. 366]. Вариант режиссерского плана К. С. Станиславского оказался внутренне близок представлениям А. В. Луначарского, который характеризовал Яго как злодея, осознающего свою огромную силу, человека «твердой воли и ясного разума», «не ограниченного никакими предрассудками, не являющегося рабом никаких вне его лежащих законов», не обремененного моральными переживаниями, чувствовавшего себя «богатырем» [32, с. 466].

В постановке С. Э. Радлова исполнитель роли Яго В. Э. Мейер представил своего героя тщеславным злодеем, стремившимся к власти и чуждым величии души главного героя: «Служа ему <Отелло>, служу и сам себе / И видимостью долга и любви / Я собственные цели прикрываю» [33, с. 182]. Яго здесь сознательно преступен, циничен, жесток, уверен в том, что если б он внешне выдал свои помыслы, то уже никогда не смог бы их осуществить: «Ведь если внешним знаком показать / Природу и лицо моей души, / Наружно проявив их, скоро сердце / В руках таскать я буду, чтобы галки / Его клевали. Я тогда – не я» [33, с. 182]. В английском языке слово *галка* используется, в числе прочего, в переносном значении – *глупец*, на что обратил внимание М. М. Морозов, который, признавая, что Яго «сплошь говорит двусмысленными словами», так разъяснил эту реплику: «Если бы он был честным человеком, – такова мысль Яго, – любой глупец заклевал бы его» [34, с. 14]. Стремление В. Э. Мейера показать силу отрицательных качеств Яго, не уступающую достоинствам Отелло, не получило достойного воплощения, ибо Яго так и не предстал настоящим соперником мавра; на сцене возникал «довольно трафаретный образ низкого человека, который любит виртуозностью своих грязных проделок и испытывает удовольствие, играя со своей жертвой» [22, с. 175].

Отказываясь от представлений о Яго в исключительно черных, мрачных тонах, Ю. П. Анисимов подчеркивал многоплановость образа шекспировского героя, представавшего во всей совокупности противоречий. В целом в его сценической редакции вольно трактовались многие эпизоды, причем к вольности в большинстве случаев вели значительные текстовые опущения. В частности, полностью оказался исключен образ Простофили¹, в том числе и примечательный диалог Простофили с 1-м Музыкантом в начале первой сцены третьего действия, становившийся прелюдией к разговору Кассио, рас-

¹ Так называет шекспировского героя М. М. Морозов, сообщая, что слово *clown* происходит от древнескандинавского *клубни* и в эпоху Шекспира употреблялось в значении *деревенщина*, *простота*. У других переводчиков герой действует под другим именем – *Шут*, основанном на омонимии понятий *клоун* и *профессиональный шут*. Обосновывая отказ от подобной трактовки, М. М. Морозов подчеркивал, что в таком случае была бы использована лексема *fool*; по его мнению, *clown* в «Отелло» – комический слуга, входивший «в число челяди знатных господ» [35, с. 560].

считывавшего оправдаться перед Отелло, с Дездемоной. Исключая весь текст, предшествовавший разговору Кассио и Дездемоны, Ю. П. Анисимов стремился к концентрированному воссозданию событий на сцене. По тем же причинам им опущены конец первой сцены второго акта, начало четвертой сцены третьего акта, нарушена последовательность сцен во втором акте. В сценической редакции Ю. П. Анисимова, в отличие от режиссерских планов К. С. Станиславского и С. Э. Радлова, отсутствует упоминание о смерти Брабанцио. Также Ю. П. Анисимовым опущена вторая сцена второго акта, состоящая из пафосной реплики Герольда, обращенной к народу по случаю полной гибели турецкого флота.

Как видим, Ю. П. Анисимов, с одной стороны, пытался уйти от шаблонности в понимании конкретных образов, а с другой – допускал много пропусков, часть из которых может быть объяснена не только стремлением к большей сценичности, но и господствовавшей в России 1930-х гг. коммунистической идеологией¹. В частности, опускались фрагменты, воздававшие должное боевым заслугам Отелло как участника экспансионистских походов эпохи раннего Возрождения, когда капиталистические отношения сменяли собой феодальные, воспринимаясь как движение вперед, а захватничество являлось одной из особенностей нового времени. Чем больше внимания переводчики уделяли описанию военных подвигов Отелло, тем выпуклее формировался его образ как титана раннего Возрождения, чуждый режиссерским прочтениям 1930-х гг. и пониманию этого образа А. А. Остужевым. В этой связи сценическая редакция Ю. П. Анисимова, пожалуй, более других испытала на себе воздействие того времени, в которое она была создана; апология капиталистических отношений, даже в опосредованном и утрированном виде, представлялась не только неуместной, но и опасной. Перевод А. Д. Радловой, использованный для постановки С. Э. Радловой, был в этом плане более точным, ибо нарочитых отклонений и опущений переводчица не допускала.

Список литературы

1. **Шекспир, В.** Отелло / В. Шекспир [перевод И. А. Аксенова под редакцией Ю. П. Анисимова (машинопись); черновые варианты перевода И. А. Аксеновым начала первого акта трагедии (машинопись с правками); перевод И. А. Аксеновым начала второго акта трагедии (машинопись)] // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1013. Оп. 1. Ед. хр. 11.
2. **Шекспир, В.** Отелло : [отрывок] / В. Шекспир ; пер. П. И. Вейнберга // Современник. – 1858. – Т. LXXII, № 12. Петербургская жизнь. – С. 264–270.
3. **Шекспир, В.** Отелло, венецианский мавр : трагедия в 5 действиях / В. Шекспир ; пер. П. И. Вейнберга // Библиотека для чтения. – 1864. – Т. CLXXXII, № 4–5. – С. 1–160 (6-я паг.).
4. **Шекспир, В.** Отелло : трагедия / В. Шекспир ; пер. П. И. Вейнберга. – СПб. : тип. П. А. Кулиша, 1864. – 160 с.
5. **Шекспир, В.** Отелло / В. Шекспир ; пер. П. И. Вейнберга // Шекспир В. Полное собрание сочинений : в 5 т. / под ред. С. А. Венгерова. – СПб. : Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1902. – Т. III. – С. 288–362.
6. **Вейнберг, П. И.** [Рец. на кн.: Дон Жуан. Поэма лорда Байрона. Перевод П. А. Козлова. Две части. СПб., 1889] / П. И. Вейнберг // Журнал Министерства народного просвещения. – 1889. – Ч. CCLXIV, № 8. – С. 437–451.

¹ О тех же тенденциях при интерпретации творчества Кристофера Марло нам приходилось писать ранее (см. [36, с. 361; 37, с. 59]).

7. **Вейнберг, П. И.** Трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» и «Ричард II» в переводах Д. Л. Михаловского. Разбор / П. И. Вейнберг // Журнал Министерства народного просвещения. – 1889. – Ч. ССLXXII, № 12. – С. 57–62.
8. Библиотека А. А. Блока. Описание : в 3 кн. / сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина ; под ред. К. П. Лукарской. – Л. : Библиотека АН СССР, 1984–1986. – Кн. 1–3.
9. **Корнаухова, Т. В.** Творчество П. И. Вейнберга в контексте русско-английских литературных связей XIX – начала XX века : дис. ... канд. филол. наук / Корнаухова Т. В. ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2014. – 377 с.
10. **Шекспир, В.** Отелло : трагедия в 5 действиях / В. Шекспир ; пер. П. И. Вейнберга ; подг. к печати В. К. Мюллером. – М. ; Л. : Госиздат, 1923. – 152 с.
11. Московский художественный театр в русской театральной критике. 1919–1943 : в 2 ч. / сост.: О. А. Радищева, Е. А. Шингарева. – М. : Артист. Режиссер. Театр, 2009. – Ч. 1. – 440 с. ; Ч. 2. – 656 с.
12. **Станиславский, К. С.** Режиссерский план «Отелло» / К. С. Станиславский. – М. ; Л. : Искусство, 1945. – 392 с.
13. **Зингерман, Б. И.** Анализ режиссерского плана «Отелло» К. Станиславского / Б. И. Зингерман // Шекспировский сборник. 1958. – М. : Всероссийское театральное общество, 1958. – С. 364–396.
14. **Шекспир, В.** Отелло : драма в 5 актах / В. Шекспир ; пер. А. Д. Радловой. – М. : Цедрам, 1935. – 102 с.
15. **Шекспир, В.** Отелло : трагедия в 5 актах / В. Шекспир ; пер. А. Д. Радловой. – М. : Цедрам, 1935. – 79 с.
16. **Радлов, С. Э.** Моя встреча с Остужевым / С. Э. Радлов // Остужев – Отелло : сб. / Всероссийское театральное общество ; Кабинет Шекспира. – Л. ; М. : [б. и.], 1938. – С. 37–41.
17. Остужев-Отелло : сб. / Всероссийское театральное общество ; Кабинет Шекспира. – Л. ; М. : [б. и.], 1938. – 72 с.
18. **Нельс, С. М.** «Отелло» на московской сцене [Малого и Реалистического театров] / С. М. Нельс // Советский театр. – 1936. – № 4–5. – С. 16–21.
19. **Чуковский, К. И.** Искалеченный Шекспир / К. И. Чуковский // Правда. – 1939. – 25 нояб. – С. 4.
20. **Остужев, А. А.** О правилах грамматики и о законах театра / А. А. Остужев // Правда. – 1940. – 19 янв. – С. 4.
21. **Чуковский, К. И.** Астма у Дездемоны / К. И. Чуковский // Театр. – 1940. – № 2. – С. 98–109.
22. **Нельс, С. М.** Шекспир на советской сцене / С. М. Нельс. – М. : Искусство, 1960. – 508 с.
23. **Аникст, А. А.** Отелло / А. А. Аникст // Спектакли и годы : статьи о спектаклях русского советского театра. – М. : Искусство, 1969. – С. 189–198.
24. Работа <А. А. Остужева> над образом <Отелло> / Запись репетиционной работы А. Д. Готлиба // Остужев – Отелло : сб. / Всероссийское театральное общество ; Кабинет Шекспира. – Л. ; М. : [б. и.], 1938. – С. 43–70.
25. **Рудницкий, К. Л.** Михоэлс – мысли и образы / К. Л. Рудницкий // Михоэлс: Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе / ред.-сост. К. Л. Рудницкий. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Искусство, 1981. – С. 5–48.
26. Остужев об Отелло / запись и обработка В. Д. Тизенгаузена // Остужев – Отелло : сб. / Всероссийское театральное общество ; Кабинет Шекспира. – Л. ; М. : [б. и.], 1938. – С. 19–36.
27. **Зингерман, Б. И.** Шекспир на советской сцене / Б. И. Зингерман. – М. : Знание, 1956. – 40 с.
28. **Берковский, Н. Я.** «Отелло», трагедия Шекспира / Н. Я. Берковский // Берковский Н. Я. Статьи о литературе. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1962. – С. 64–106.

29. **Комарова, В. П.** Творчество Шекспира / В. П. Комарова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – 256 с.
30. **Морозов, М. М.** Метафоры Шекспира как выражение характеров действующих лиц / М. М. Морозов // Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. – М. : ГИХЛ, 1954. – С. 179–222.
31. **Шведов, Ю. Ф.** Трагедия Шекспира «Отелло» / Ю. Ф. Шведов. – М. : Высшая школа, 1969. – 104 с.
32. **Луначарский, А. В.** О театре и драматургии : в 2 т. / А. В. Луначарский. – М. : Искусство, 1958. – Т. 2. Западноевропейский театр. – 708 с.
33. **Шекспир, В.** Отелло / В. Шекспир ; пер. А. Д. Радловой // Шекспир В. Полное собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. С. С. Динамова, А. А. Смирнова. – М. : Academia, 1936. – Т. 5. – С. 177–340.
34. **Морозов, М. М.** Отелло / М. М. Морозов // Остужев – Отелло : сб. / Всероссийское театральное общество ; Кабинет Шекспира. – Л. ; М. : [б. и.], 1938. – С. 1–18.
35. **Морозов, М. М.** Отелло, венецианский мавр (подстрочный перевод и комментарии) / М. М. Морозов // Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. – М. : ГИХЛ, 1954. – С. 465–579.
36. **Рябова, А. А.** Осмысление творчества Кристофера Марло в литературоведческих и искусствоведческих трудах А. А. Аникста / А. А. Рябова, Д. Н. Жаткин // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6. – С. 359–362.
37. **Жаткин, Д. Н.** Н. В. Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» / Д. Н. Жаткин, Н. Ю. Орлова // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 3. – С. 58–60.

References

1. Shekspir V. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 1013. Op. 1. Ed. khr. 11.
2. Shekspir V. *Sovremennik* [The Contemporary]. 1858, vol. LXXII, no. 12, St. Peterburg life, pp. 264–270.
3. Shekspir V. *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading]. 1864, vol. CLXXXII, no. 4–5, pp. 1–160 (6-ya pag.).
4. Shekspir V. *Otello : tragediya* [Othello: tragedy]. Saint-Petersburg: tip. P. A. Kulisha, 1864, 160 p.
5. Shekspir V. *Shekspir V. Polnoe sobranie sochineniy: v 5 t.* [Complete works: in 5 volumes]. Saint-Petersburg: F. A. Brokgauz – I. A. Efron, 1902, vol. III, pp. 288–362.
6. Veynberg P. I. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of public education]. 1889, part CCLXIV, no. 8, pp. 437–451.
7. Veynberg P. I. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of public education]. 1889, part CCLXXII, no. 12, pp. 57–62.
8. *Biblioteka A. A. Bloka. Opisanie: v 3 kn.* [A. A. Blok's library: description: in 3 books]. Comp. by O. V. Miller, N. A. Kolobova, S. Ya. Vovina ; pod red. K. P. Lukarskoy. Leningrad: Biblioteka AN SSSR, 1984–1986, bk. 1–3.
9. Kornaukhova T. V. *Tvorchestvo P. I. Veynberga v kontekste russko-angliyskikh literaturnykh svyazey XIX – nachala XX veka: dis. kand. filol. nauk* [P. I. Weinberg's works in the context of Russian-English literary relations of XIX – early XX century: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Saratov, 2014, 377 p.
10. Shekspir V. *Otello: tragediya v 5 deystviyakh* [Othello: tragedy in 5 acts]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1923, 152 p.
11. *Moskovskiy khudozhestvennyy teatr v russkoy teatral'noy kritike. 1919–1943: v 2 ch.* [Moscow artistic theatre in Russian theatric critics]. Comp. by O. A. Radishcheva, E. A. Shingareva. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2009, part 1, 440 p.; part 2, 656 p.

12. Stanislavskiy K. S. *Rezhisserskiy plan «Otello»* [Editor's plan of Othello]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1945, 392 p.
13. Zingerman B. I. *Shekspirovskiy sbornik* [Shakespeare's collection]. Moscow: Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo, 1958, pp. 364–396.
14. Shekspir V. *Otello: drama v 5 aktakh* [Othello: drama in 5 acts]. Moscow: Tsedram, 1935, 102 p.
15. Shekspir V. *Otello: tragediya v 5 aktakh* [Othello: tragedy in 5 acts]. Moscow: Tsedram, 1935, 79 p.
16. Radlov S. E. *Ostuzhev – Otello: sb.* [Ostuzhev – Othello: collection]. Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo; Kabinet Shekspira. Leningrad; Moscow: [b. i.], 1938, pp. 37–41.
17. *Ostuzhev-Otello: sb.* [Ostuzhev – Othello: collection]. Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo; Kabinet Shekspira. Leningrad; Moscow: [b. i.], 1938, 72 p.
18. Nel's S. M. *Sovetskiy teatr* [Soviet theatre]. 1936, no. 4–5, pp. 16–21.
19. Chukovskiy K. I. *Pravda* [Truth]. 1939, 25 Nov., p. 4.
20. Ostuzhev A. A. *Pravda* [Truth]. 1940, 19 Jan., p. 4.
21. Chukovskiy K. I. *Teatr* [Theatre]. 1940, no. 2, pp. 98–109.
22. Nel's S. M. *Shekspir na sovetskoy stsene* [Shakespeare on the soviet stage]. Moscow: Iskusstvo, 1960, 508 p.
23. Anikst A. A. *Spektakli i gody: stat'i o spektaklyakh russkogo sovetskogo teatra* [Plays and years: articles on performance of the Russian soviet theatre]. Moscow: Iskusstvo, 1969, pp. 189–198.
24. *Ostuzhev – Otello: sb.* [Ostuzhev – Othello: collection]. Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo; Kabinet Shekspira. – Leningrad; Moscow: [b. i.], 1938, pp. 43–70.
25. Rudnitskiy K. L. *Mikhoels: Stat'i, besedy, rechi. Stat'i i vospominaniya o Mikhoelse* [Mikhoels: Articles, conversation, speeches. Articles and memoirs about Mikhoels]. Moscow: Iskusstvo, 1981, pp. 5–48.
26. *Ostuzhev – Otello: sb.* [Ostuzhev – Othello: collection]. Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo; Kabinet Shekspira. Leningrad; Moscow: [b. i.], 1938, pp. 19–36.
27. Zingerman B. I. *Shekspir na sovetskoy stsene* [Shakespeares on the soviet stage]. Moscow: Znanie, 1956, 40 p.
28. Berkovskiy N. Ya. *Berkovskiy N. Ya. Stat'i o literature* [Berkovsky N. Ya. Articles about literature]. Moscow; Leningrad: GIKhL, 1962, pp. 64–106.
29. Komarova V. P. *Tvorchestvo Shekspira* [Shakespeare's works]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2001, 256 p.
30. Morozov M. M. *Morozov M. M. Izbrannye stat'i i perevody* [Morozov M. M. Selected articles and translations]. Moscow: GIKhL, 1954, pp. 179–222.
31. Shvedov Yu. F. *Tragediya Shekspira «Otello»* [Shakespeare's tragedy “Othello”]. Moscow: Vysshaya shkola, 1969, 104 p.
32. Lunacharskiy A. V. *O teatre i dramaturgii : v 2 t.* [On theatre and dramaturgy: in 2 volumes]. Moscow: Iskusstvo, 1958, vol. 2, West European theatre. 708 p.
33. Shekspir V. *Shekspir V. Polnoe sobranie sochineniy: v 8 t.* [W. Shakespeare. Complete works: in 6 volumes]. Eds. by S. S. Dinamov, A. A. Smirnov. Moscow: Academia, 1936, vol. 5, pp. 177–340.
34. Morozov M. M. *Ostuzhev – Otello : sb.* [Ostuzhev – Othello: collection]. / Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo ; Kabinet Shekspira. – L. ; M. : [b. i.], 1938. – S. 1–18.
35. Morozov M. M. *Morozov M. M. Izbrannye stat'i i perevody* [Morozov M. M. Selected articles and translations]. Moscow: GIKhL, 1954, pp. 465–579.
36. Ryabova A. A., Zhatkin D. N. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. 2013, no. 6, pp. 359–362.
37. Zhatkin D. N., Orlova N. Yu. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia]. 2010, no. 3, pp. 58–60.

Футляев Никита Сергеевич

соискатель, кафедра истории русской литературы и фольклора, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: futljaew.n@mail.ru

Futlyev Nikita Sergeevich

Applicant, sub-department of Russian literature and folklore history, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky (83 Astrahanskay street, Saratov, Russia)

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет (Россия, г. Пенза, проезд Байдукова, 1а); академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitriy Nikolayevich

Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological University (1a Baydukova lane, Penza, Russia); Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, honoured research worker of higher professional education of the Russian Federation, honoured research worker of science and technology of the Russian Federation, Member of the Union of Writers of Russia, Member of the Union of Journalists of Russia

УДК 820

Футляев, Н. С.

Неизвестный перевод «Отелло» Шекспира / Н. С. Футляев, Д. Н. Жаткин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 111–125.

СУБСТАНТИВИРОВАННЫЕ ФОРМЫ В ПОЗИЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИЧАСТИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО СТАТУСА

Аннотация.

Актуальность и цели. Субстантивированные причастия порождают дискуссии, связанные с их грамматическим статусом и семантической структурой. Целью работы является выявление специфики категориального значения числа и реализации семантических компонентов полной причастной формы в позиции синтаксического актанта.

Материалы и методы. Материалом статьи послужили современные словари и данные Национального корпуса русского языка. Основные методы исследования – наблюдение и анализ.

Результаты. Выявлена специфика употребления множественного числа субстантивированных причастий в неразличении родовой принадлежности исходной формы, что квалифицировано как сема «собирательности». Единичные случаи полной субстантивации причастных форм связываются авторами статьи с полной утратой глагольной семантики, а многочисленное употребление причастий в позиции синтаксических актантов свидетельствует о способности данных языковых единиц реализовать универсальную семантическую природу, включающую как глагольное, так и именное (адъективное и субстантивное) значение.

Выводы. Полные причастные формы, занимая позиции синтаксических актантов, реализуют субстантивный компонент своей семантической природы, не выходя за рамки глагольного слова.

Ключевые слова: причастие, субстантивность полного причастия, грамматический статус, семантическая структура.

I. V. Zamyatina, G. Yu. Syzranova

SUBSTANTIVIZED FORMS IN POSITION SPACE OF A PARTICIPLE: ON THE PROBLEM OF GRAMMATICAL AND SEMANTIC STATUS

Abstract.

Background. Substantivized participles generate the discussions connected with their grammatical status and semantic structure. The purpose of the work is to detect the specificity of the number semantics and realization of semantic components of a full form in a position of a syntactic actant.

Materials and methods. Modern dictionaries and data from the National Framework of the Russian Language served as the research material. The main research methods are the supervision and the analysis.

Results. The authors revealed the specificity of using plural substantivized participles with an undistinguished gender accessory of the initial form that is qualified as a “collective” seme. Isolated cases of full substantivization of participle forms are associated by the authors with a complete loss of verbal semantics, and many cases of using participles in the position of a syntactic actant are evidences of the ability of these language units to incarnate the universal semantic nature, which includes both verbal and nominal (adjective and substantive) meanings.

Conclusions. Full forms, taking positions of syntactic actants, realize a substantivized component of the semantic nature, without going beyond the verbal word.

Key words: participle, substantivity of a complete participle, grammatical status, semantic structure.

*Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.*

А. Твардовский

Причастие – уникальное образование в грамматике русского языка. Место его в языковой системе, грамматический статус, соотношение семантических составляющих, проблемы обретения статуса имени прилагательного или имени существительного – все эти вопросы образуют настоящий клубок противоречивых мнений, и эти противоречия отражаются в словарях и учебниках, как школьных, так и вузовских.

Причастие – неустойчивый элемент грамматической системы любого языка, эта неустойчивость – следствие его универсальной семантики. Универсальная семантика причастия определяет его двойственную грамматическую природу и способность занимать разные синтаксические позиции.

В системе русского причастия идут интенсивные процессы, обусловленные гибридной его категориальной сущности. Универсальная семантика причастия влияет на его морфологические свойства и способность занимать синтаксическую позицию, но мы предполагаем, что может происходить и обратный процесс – та или иная синтаксическая позиция причастной формы актуализирует грамматическую и семантическую валентность причастия и, как следствие, влияет на содержание его морфологических категорий.

В разных синтаксических позициях валентностные связи причастия реализуются неодинаково, и морфологические категории проявляются тоже неодинаково. Систему причастия наполняют формы, исторически связанные, но в процессе развития в разных формах могли усилиться именные или глагольные морфологические компоненты (например, развитие грамматической категории деепричастия), в результате чего причастные формы могли разойтись на разные полюса системы. Отдельные словоформы утрачивают глагольную валентность, в них усиливаются адъективные и субстантивные семантические составляющие, в отдельных (немногочисленных) случаях происходит распад причастных форм на омонимы.

Причастные формы обладают широким валентностным диапазоном и способны вступать в разнообразные синтагматические отношения – они могут быть управляющим словом, зависимым компонентом при согласовании, вступать в предикативные и полупредикативные отношения и сочинительную связь, а также занимать позицию зависимого компонента при управлении или грамматически независимую позицию подлежащего.

Если рассматривать все возможные позиции причастных форм в синтаксических структурах, то становится очевидным – они составляют некую сово-

купность, которая подчиняется своим внутренним закономерностям. Совокупность причастных форм с точки зрения возможных синтаксических позиций можно определить как позиционное пространство причастия [1, с. 19–27].

Позиции, в которых в полной причастной форме акцентируются именные семантические составляющие, – это позиция препозитивного согласованного определения и позиция синтаксического актанта.

Позиция препозитивного определения, первичная для имени прилагательного, акцентирует значения признаковости, и, по мнению многих исследователей, именно в этой позиции причастие в наибольшей мере подвергается адъективации, или «окачествлению». В свою очередь, способность причастной формы реализовать субстантивную семантику в позиции синтаксического актанта позволяет говорить о параллелизме процессов адъективации и субстантивации, базирующихся, на наш взгляд, на универсальном характере семантической природы причастия.

В причастных формах переплелись разные значения – именные и глагольные. На это свойство причастий обратил внимание А. А. Потебня, связав универсальность причастных форм с их происхождением. Так, в своей оригинальной концепции о происхождении частей речи учёный высказал мысль о соотношении глагола, имени и причастия. По мнению А. А. Потебни, первоначальное слово было лишено всяких формальных признаков и не являлось ни существительным, ни прилагательным, ни глаголом. Он называет такие слова «первообразными причастиями», в которых были свойства современных имён (А. А. Потебня имеет в виду единство существительного и прилагательного) и глаголов. Такое первоначальное слово было более похоже на имя, чем на глагол, но впоследствии, выделив из себя имя, стало ближе по значению к глаголу [2, с. 108].

Современное причастие – универсальная форма по своей природе, и с точки зрения семантики, и с точки зрения грамматики, поэтому любые попытки дать ему однозначную дефиницию заведомо неудачны. Развилось ли причастие из глагола, возникло вместе с ним, или глагол развился из первообразного причастия (согласно концепции А. А. Потебни) – очевидно одно: на протяжении всей истории своего развития причастие развивалось параллельно глаголу и вместе с ним. Причастие обладает полной парадигмой имени прилагательного, но его семантическая и грамматическая сущность связана с глаголом, и эта связь не исчезает, она присутствует в любой синтаксической позиции, которую способно занимать причастие.

Итак, мы предполагаем, что причастие по причине своей имманентной универсальной семантики сохраняет глагольные значения даже в синтаксических позициях, более характерных для прилагательных и существительных, – позициях препозитивных согласованных определений и синтаксических актантов.

Подтверждением мысли об универсальной природе семантики полной причастной формы служат многочисленные факты функционирования субстантивированных причастий в современном русском языке. Данное явление неоднозначно представлено в лексикографии [3].

Так, в результате анализа пяти словарей современного русского языка (Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [4] (*далее – ТСОШ*), Малый академический словарь русского языка [5] (*далее – МАС*), Новый тол-

ково-словообразовательный словарь Т. Ф. Ефремовой [6] (далее – НТС), Грамматический словарь А. А. Зализняка [7] (далее – ГС) и Словарь грамматических омонимов О. М. Ким и И. Е. Островкиной [8] (далее – СГО)) нами было выделено следующее количество субстантивированных причастий:

МАС – 13 лексем (в том числе 3 пары по грамматическому роду);

ТСОШ – 26 лексем (из них 15 имеют парные образования муж. и жен. рода, не выносимые отдельной словарной статьей);

ГС – 124 лексемы (в том числе 28 пар по грамматическому роду);

СГО – 174 лексемы в 106 рядах омонимов, включающих субстантивированные причастия (в том числе 23 пары муж. и жен. рода, 1 – все образования по роду);

НТС – 539 лексем (в том числе 196 пар по жен. и муж. роду).

В то же время круг отпричастных субстантивов расширяется за счет представленности данных единиц в качестве одного из значений многозначного слова либо в качестве примера употребления адъектива в значении существительного:

ВХОДЯЩИЙ, -ая, -ее.

1. Прич. наст. от входить.

2. В знач. прил. Получаемый, поступающий в учреждение (о документах, корреспонденции и т.п.); противоп. исходящий. – Входящая почта. Входящая бумага.

3. В знач. сущ. **входящая**, -ей, ж. Офиц.-дел. Бумага, получаемая учреждением, поступающая в учреждение; противоп. исходящая. – Должность секретаря справляет субъект... едва отличающий входящую от исходящей. Чехов, Один из многих [5].

ВЕДОМЫЙ, -ая, -ое.

1. Прич. страд. наст. от вести.

2. В знач. прил. Такой, который следует за ведущим (во 2 знач.). Ведомый самолет. | **В знач. сущ. ведомый**, -ого, м. Ведомый шел за ним [Мересьевым] справа, вися в бескрайной небесной голубизне, над слоем облаков. Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке [5].

Таким образом, неоднозначность позиционирования отпричастных субстантивов в современных словарях выдвигает на повестку дня вопрос о возможных критериях их лексикографирования и необходимости пересмотра взгляда на грамматическую и семантическую природу полных причастных форм. На наш взгляд, широкая распространенность употребления данных единиц в позиции синтаксических актантов свидетельствует о заложенном в их семантической природе потенциале выражения субстантивности при несомненном сохранении глагольного значения.

По мнению исследователей, в случае субстантивации причастных форм их грамматическая структура видоизменяется, приобретая качества субстантивного характера: грамматический род как классифицирующий признак и формообразование по числу при конкретной семантике лексемы.

Исследователи субстантивированных причастий обращали внимание на факт функционирования некоторых лексем в качестве субстантивов *pluralia tantum*. Данная грамматическая специфика субстантивов, по нашему мнению, связана с особенностями реализации компонентов семантической структуры причастия в позиции синтаксического актанта.

Нами были изучены с точки зрения грамматического значения субстантиваты, представленные в словарях (646 единиц). Из них было отобрано 86 единиц (13 %), представленных в словарях только в форме множественно-

го числа: *бастующие, бегущие, бывшие, верующие* и т.п. Следует отметить, что для этой группы лексем характерно представление в 1–2 словарях. Только две единицы позиционируются большинством лексикографических изданий: *окружающие* (5 словарей), *пресмыкающиеся* (5 словарей). Разница в семантике лексемы множественного и единственного числа в первом случае очевидна: личный характер субстантивата в форме множественного числа определяет различие данных лексем. Во втором случае по словарям имеются разногласия в соотношении лексем множественного и единственного числа: МАС, СГО – только в форме мн. ч., ТСОШ – начальная форма – мн. ч., но есть и форма ед. ч. (ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ, -ихся, ед. -щеется, -щегося, ср. Класс позвоночных животных, передвигающихся преимущественно ползком или волоча брюхо по земле (змеи, ящерицы, крокодилы, черепахи), рептилии), ГС – форма ед. ч. с возможностью образования мн. ч., НТС – две лексемы с толкованием значения единицы ед. ч. посредством определения единицы мн. ч. (*пресмыкающееся* – ср. см. *пресмыкающиеся*; мн. Класс позвоночных животных, передвигающихся преимущественно ползком, волоча брюхо по земле (змеи, ящерицы, крокодилы, черепахи и т.п.)).

Данное соотношение лексем единственного и множественного числа позволяет предположить выражение субстантиватами в форме множественного числа семантики собирательности, отсюда толкование значения возможной лексемы единственного числа через определение собирательного значения лексемы в форме множественного числа (*пресмыкающееся* – «отдельный представитель класса пресмыкающихся»). Подобное соотношение можно предположить и у субстантиватов *лазящие, прыгающие* (прыгающие, мн. Группа прямокрылых насекомых (кузнечики, сверчки и т.п.), передвигающихся скачками), хотя соотносительные лексемы в форме единственного числа нами не выявлены.

Предполагаемая нами сема собирательности у лексем в форме множественного числа обнаруживается и в других случаях, не связанных с единицами специального терминологического значения. Мы имеем в виду такие выделяемые словарями субстантиваты множественного числа, как *выздоравливающие, голодающие, желающие, избранные, присутствующие* и др. Эти лексемы с личным значением соотносятся с единицами в форме единственного числа как мужского, так и женского рода, в чем нам видится принципиальное отличие от субстантивного формообразования по числу, где форма множественного числа соотнесена с определенным морфологическим признаком рода в единственном числе. Более того, здесь форма множественного числа предполагает одновременно и ту и другую родовую лексему в форме единственного числа. Таким образом, на наш взгляд, грамматическое значение числа субстантиватов с личной семантикой имеет специфику, выражающуюся в приобретении семы собирательности формой множественного числа.

Кроме того, подобное своеобразие отмечено нами и у лексемы неличной семантики *входящие*. Так, представленная как единица в форме единственного числа женского рода в МАС и ГС, данная лексема выступает в виде парных по роду субстантиватов в СГО и НТС. Более того, параллельно в СГО дана и лексема в форме множественного числа, что, на наш взгляд, обусловлено особенностями её функционирования, так как в обычном употреблении она чаще представлена именно в форме множественного числа, причем эта форма может соотноситься как с единицами мужского рода (*входящие* – *звон-*

ки, документы), так и с формой женского и среднего рода единственного числа (*входящие – бумаги, письма, сообщения*). Выявляется тенденция своеобразной спецификации формы множественного числа субстантивата в отношении форм единственного числа. Выражается это, по нашему мнению, в указанном выше факте приобретения оттенка собирательности субстантивированным причастием в форме множественного числа.

Таким образом, анализ грамматических особенностей субстантивированных причастий, представленных в словарях, позволяет нам высказать предположение о специфике грамматического значения категории числа.

С целью анализа функционирования субстантивированных причастий в узусе (в общепринятом носителями языка употреблении) нами была предпринята попытка изучения отпричастных субстантиватов по данным Национального корпуса русского языка [9] (*далее – НКРЯ*). Данная информационно-справочная система характеризуется представительностью, или сбалансированным составом текстов, охватывающих период от середины XVIII до начала XXI в. и включающих оригинальные произведения художественной литературы, а также другие образцы письменного языка: мемуары, эссеистика, публицистика, научно-популярная и научная литература, частная переписка, дневники, документы и т.п.

Подобно анализу грамматической категории числа у субстантивированных причастий, представленных в словарях, было проведено исследование грамматических особенностей лексем, имеющих примеры употребления в НКРЯ (126 единиц, 3418 примеров).

Примеры функционирования форм множественного числа явственно показывают правомерность их соотнесения с формой единственного числа как мужского, так и женского рода:

Все присутствующие улыбались, а некоторые даже откровенно фыркали, заранее предвкушая предстоящее им наслаждение (М. Е. Салтыков-Щедрин «Святочный рассказ», 1858).

По городу были расклеены афиши, приглашающие всех желающих (В. Ф. Ходасевич «Брюсов», 1924).

Обращает на себя внимание значительное число согласований подобных субстантиватов в форме множественного числа с определением *все*, что, на наш взгляд, соответствует предполагаемой семе собирательности данных единиц, усиливая и подчеркивая её:

Когда-то они, живя в Гаспре, поехали в Ялту, выпили много вина в магазинчике винторга, пришли в гаспринскую столовую с пением неприличной песни, переполошив персонал, насмешив всех отдыхающих (Василий Гроссман «Жизнь и судьба», ч. 2, 1960).

В обоих домах даже выработались на этот счёт свои правила: всем играющим раздавались поровну костяные жетончики определённой цены, и игра длилась до тех пор, пока все костяшки не переходили в одни руки, – тогда игра на этот вечер прекращалась, как бы партнёры ни настаивали на продолжении (А. И. Куприн «Гранатовый браслет», 1911).

Количество употреблений в форме множественного числа преобладает у субстантивированных лексем мужского рода (56 %). При этом у лексем с преобладающим употреблением в форме множественного числа количество примеров достигает 75 % общего числа употреблений субстантиватов мужского рода. Обращает на себя внимание функционирование либо только

в форме единственного числа, либо преобладание употребления данной формы у большинства субстантиватов специального, терминологического значения (*разводящий, замыкающий, ведомый, командующий* и др.).

Рассмотрено нами и соотношение форм единственного и множественного числа у субстантивированных причастий женского рода. В первую очередь, нами отмечен факт совсем небольшого количества (7 % примеров) употребления форм множественного числа, соотносимых исключительно с лексемами женского рода:

Я мало видел в цирке женщин-ведущих (И. Э. Кио «Иллюзии без иллюзий», 1995–1999).

Импортные багажники элегантны, дороги, но в качестве опоры для груза имеют лишь две направляющие, что удобно только для перевозки жёстких предметов – например, плоской «икеевской» коробки или лыж (да и то для последних желательны специальные крепления) (Навыки: Как правильно перевозить груз на крыше // Автопилот. – 2002. – 15 апреля).

Такое же количество (7 % примеров) представленных в НКРЯ как формы множественного числа субстантиватов женского рода имеет семантику родовой общности, относясь как с единицами женского, так и мужского рода:

Впервые в России независимая консалтинговая структура попытается подойти к разработке комментария к ФЗ «О рекламе», учитывая специфику рынка, понимая её немного лучше, чем государственные служащие (Постатейному комментарию быть! // Рекламный мир. – 2003. – 28 апреля).

Максимальное количество баллов (но не очень много, твёрдое «четыре») получали те учащиеся, которые поняли, что название – метафора, и автор рассказа трактует эту кость как послание, исполненное некоего морального смысла (Арапов М. Когда текст обретает смысл // Знание – сила. – 2003. – № 1).

Отмечается преобладание употребления форм единственного числа у субстантивированных причастий женского рода: только единственное число – 38 % употреблений, большое количество форм единственного числа – 52 % примеров. Из пяти лексем женского рода с преобладающим употреблением во множественном числе две (*направляющая* и *образующая*) являются непарными по роду единицами, две лексемы (*учащаяся*, *служащая*), как уже было отмечено, в форме множественного числа объединяются с единицами мужского рода (в этом случае форма множественного числа приобретает собирательный характер).

Таким образом, выявляется относительность форм множественного числа у субстантивированных причастий женского рода: лишь у непарных субстантиватов с неличной семантикой возможно констатировать определенную однозначность формообразования по числу (*образующая*, *направляющая*). Ограниченное количество субстантиватов мужского рода с личной и неличной семантикой, фактически не имеющих парных лексем женского рода, также можно однозначно охарактеризовать с точки зрения числовой парадигмы (*доверенный, шипящий, учёный, командующий* и др.). Большинство же субстантивированных причастий с личной семантикой, на практике или потенциально имеющих родовую пару, имеют специфику грамматического значения у формы множественного числа: как правило, данная форма выражает значение общности, собирательности и соотносится одновременно как с формой мужского, так и женского рода в единственном числе. Именно в данной среде субстантивированных причастий формируется подгруппа лек-

сем, имеющих тенденцию к функционированию в форме множественного числа: *играющие, входящие, присутствующие, желающие, бастующие, избранные* и т.п., – что, на наш взгляд, обусловлено выражением семы собирательности, поддерживаемой спецификой обобщенного грамматического значения формы множественного числа подобных субстантивов.

Подытоживая результаты исследования грамматической природы причастных форм в позиции синтаксических актантов, возможно сделать вывод о специфике проявления грамматического значения числа у подавляющего большинства причастий в позиции синтаксических актантов. Так, субстантиваты с личной семантикой, как правило, имеют общую для единиц мужского и женского рода форму множественного числа, тяготеющую к выражению семы собирательности. Данное значение может распространяться и на лексемы неличной семантики (например, *входящие*). На этом основании нами отмечена группа субстантиватов, имеющих тенденцию к преимущественному функционированию в форме множественного числа.

Однозначность числового формообразования присуща лишь большинству лексем неличной семантики, а также непарным образованиям личного значения, характеризующимся специальным, терминологическим употреблением (*командующий, разводящий, заряжающий, ведомый*), где характеристика по роду тесно взаимодействует с семой общности, общего рода.

Отмечая широту употребления причастных субстантиватов в позиции синтаксического актанта, исследователи, к сожалению, не соотносят данное явление с семантической природой причастия. Проявление универсальной семантической природы причастия возможно видеть в реализации синтаксических связей, свойственных выражению глагольной или именной семантики. Соотношение данных компонентов, на наш взгляд, зависит от выражения конкретных коммуникативных заданий высказывания, определяющих синтаксическую позицию причастной формы.

При анализе реализации синтаксических связей у причастных субстантиватов с преобладающим употреблением в форме множественного числа нами были выделены две лексемы – *окружающие* и *входящие*. Как уже отмечалось нами ранее, данные единицы не имеют соотносительных форм единственного числа в примерах, отобранных из НКРЯ, даже для лексемы *входящие*, позиционируемой в некоторых словарях в форме единственного числа женского рода, данных случаев употребления нами не обнаружено.

Реализация глагольной валентности для лексемы *окружающие* отсутствует. Как правило, данный субстантиват функционирует в синтаксической позиции субъекта либо объекта. Зато обращают на себя внимание, хотя и немногочисленные (5 % от общего числа употреблений данной лексемы), но закономерные, на наш взгляд, случаи согласования с местоимением *все*, а также единственный пример связи данного субстантива с определением *его*:

Он обрисовал покойного как человека, который везде и всегда благодаря своему хорошему сердцу, большому уму и честной мысли являлся центром, притягивающим к себе всех окружающих...» (К. И. Чуковский «Короленко в кругу друзей», 1940–1969);

Я себе так его представляю... он не играет... он вибрирует... он даже сам не знает, что и как он скажет... он вдумывается в свою роль, пока её говорит; напротив, все окружающие должны быть яркие, жизненны и чтобы он двигался среди этих людей, как лунатик, небрежно роняя слова, но прислушиваясь к голосам, звучащим для него

одного и где-то там, за теми, которые ему отвечают (И. Ф. Анненский «Вторая книга отражений», 1909);

Войдя в них извне и уже готовая, в виде слов, эта идея мало-помалу выжигает из их сердец всё, что ей в помеху, чтобы через самого человека стать кошмаром и наваждением для его окружающих (И. Ф. Анненский «Вторая книга отражений», 1909).

В последнем примере для нас очевиден «сдвиг» семантической составляющей в сторону предметности (ср.: *его окружающие* и *окружающие его*). Случаи же употребления с местоимением *все* соотносят семантику данной лексемы с указанной нами ранее тенденцией причастных субстантиватов в форме множественного числа к выражению значения собирательности, общности.

Таким образом, для данной единицы мы можем констатировать отсутствие реализации глагольных связей, что позволяет нам предположить наличие полной субстантивации и факт возникновения омонимов – причастия от глагола *окружать* и субстантивата *окружающие*, имеющего неполную именную парадигму, представленную формами множественного числа.

В отношении лексемы *входящие* анализ проходил, во-первых, в соответствии с различиями выражаемых значений, во-вторых – в сравнении с употреблением противопоставленного по исходной категории времени субстантивата *входившие*.

Анализируя синтаксические связи данных групп единиц, мы отметили отсутствие реализации глагольной валентности только в последней группе, а именно у субстантивов со значением «входящие бумаги, звонки и т.п.». Единственный пример, который может быть оценен как случай реализации глагольной валентности, хотя и относится к сфере публицистики, но, на наш взгляд, отражает современную тенденцию к просторечному характеру высказываний, выражающемуся в их неполноте:

Абоненты живут ожиданиями предложений, аналогичных столичным – «входящие со всех мобильных бесплатно», «500 минут бесплатно» и так далее (Мамаев Ю. Ставят новые рекорды // Дело. – 2002. – 2 июня).

Следует обратить внимание на сочетаемость лексемы *входящие* в данном значении с уже отмеченным нами местоимением *все*, а также случаи определения данного субстантивата как адъективными лексемами, так и субстантивами:

Постоянно учитывались все новые входящие: и внешние, и внутренние, в частности, и события 11 сентября в США, наши макроэкономические показатели (Чуйков А. Совет безопасности принял основы // Известия. – 2002 – 31 мая).

Вздев очки, Бенкендорф приступал к занятиям; они требовали куда большего интеллектуального напряжения, нежели входящие-исходящие и Третьего отделения, и штаба Отдельного корпуса жандармов, и Главной императорской квартиры, и канцелярии Собственного его величества конвоя (Юрий Давыдов «Синие тюльпаны», 1988–1989).

В данном значении у лексемы *входящие* мы можем констатировать факт полной субстантивации, факт перехода в разряд имени существительного, что подтверждается как полным отсутствием случаев реализации глагольной валентности, так и особым лексическим наполнением данного субстантивата, поддерживаемым системными лексическими отношениями (тесная связанность с субстантиватом *исходящие*).

В то же время употребление лексемы *входящие* в прямом значении представляет немало примеров (около 30 %) реализации глагольной валентности:

Входящие в собор непременно проходили бы под этой картиной-образом и кланялись бы Царю (Б. Л. Модзалевский «Дневник моей поездки в Париж и Веймар в 1908 году, по делам Пушкинского дома, к А. Ф. Онегину и П. В. Жуковскому», 1908).

Входящие туда также держали руки в карманах; но разница в том, что на лицах выходящих вместо печали видна была радость, а иные даже припрыгивали от удовольствия и весело вскрикивали (В. Т. Нарезный «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», 1814).

Входящие в него не озираются беспрестанно, стен самих ужасаясь, ниже трепещущия стопы сомнительно простирают, но предвещающему их веселию едва в след успевая, в священные Ея чертоги светлым лицом шествуют (М. В. Ломоносов «Слово похвальное Ея величеству Государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, говоренное ноября 26 дня 1749 года», 1749).

Имеются и случаи согласования с местоимением *все*:

Мы стоим, одетые матросами, с винтовками, как перед Смольным, у входа в театр – вместо контролеров, и все входящие накалывают свои билеты нам на штыки (Александр Городницкий «И жить еще надежде», 2001).

Из разреза торчал кончик синего картонного билетика. Все входящие дергали за такой кончик. Дернули и мы (Илья Ильф, Евгений Петров «Одноэтажная Америка», 1936).

Все входящие сюда разделялись на три неравные части (Семен Данилюк «Рублевая зона», 2004).

Примечателен тот факт, что в переносном значении (12 % употреблений) данный субстантиват реализует во всех случаях глагольную валентность:

...Хотя входящие в комиссию совершенно точно знают, что полный... Без улыбки вспоминать невозможно: это был грандиозный ГОН (Аниме-Форум «Школа или универ: где легче?», 2006);

Без излишней скромности группа наименовала будущий театр Блестящим Театром, а все входящие в него назвали себя «Дети Семьи», из чего можно заключить, что между новыми служителями муз царствовало то самое согласие, благодаря которому, по мнению Аристотеля, держится вся вселенная (М. А. Булгаков «Жизнь господина де Мольера», 1932–1933).

Последний пример демонстрирует возможность данного субстантивата реализовать одновременно глагольные и субстантивные синтаксические связи (*входящие в него* и *все входящие*).

Таким образом, анализ употреблений причастного субстантивата *входящие* в прямом и переносном значениях позволяет нам говорить как о частичном «сдвиге» в сторону предметности значения, так и о сохранении глагольной семантики, реализуемой в глагольных синтаксических связях. Данная «глагольность» причастного субстантивата, на наш взгляд, хорошо выявляется при сравнении с употреблением противопоставленного по исходной категории времени субстантивата *входившие*.

подавляющее большинство примеров представляет реализацию глагольной валентности:

Фигуры эти были выполнены настолько правдоподобно, что выглядели живыми, и входившие в гостиную впервые часто здоровались с ними, к общему смеху присутствующих (Артем Тарасов «Миллионер», 2004).

Естественно, что входившие в класс сразу обращали внимание на меня (К. С. Станиславский «Моя жизнь в искусстве», 1925–1928).

Так же как и у субстантивата *входящие*, мы обнаруживаем случаи одновременной реализации глагольных и субстантивных синтаксических связей:

Пышный красный занавес разделял её на две половины: все входившие в неё били челом, и никто не смел оборачиваться задом (О. И. Сенковский «Антар», 1833).

В целом данное сравнение употребления субстантиватов *входящие* и *входившие* позволяет нам сделать предположение об определенном тождестве в функционировании представленной в словарях лексемы *входящие* и не позиционируемой по словарям в качестве субстантивата лексемы *входившие*. По нашему мнению, две формы действительного причастия входят в парадигму одной глагольной лексемы и могут в равной степени реализовать субстантивный компонент семантики причастной формы. На наш взгляд, лексикографированию в качестве субстантива подлежит лишь лексема *входящие* в значении «входящие бумаги, звонки и т.п.», перешедшая в разряд имен существительных и характеризующаяся, возможно, неполной именной парадигмой (употребления форм единственного числа нами не зафиксировано).

Следовательно, возможно предположить тенденцию к сдвигу в сторону выражения субстантивной семантики у субстантиватов, имеющих преобладающее употребление в форме множественного числа. Закономерным итогом данного «сдвига» выступают подвергшиеся полной субстантивации лексемы *окружающие* и *входящие* (в значении «звонки, бумаги, письма»), утратившие способность к реализации глагольных синтаксических связей. В то же время основная группа субстантиватов, употребляющихся преимущественно в форме множественного числа, способна сохранять универсальную семантическую природу, реализуя как глагольные, так и субстантивные синтаксические связи в позиции синтаксических актантов.

Опираясь на результаты анализа грамматического и семантического статуса субстантивированных причастий в форме множественного числа, мы можем аргументировать сделанные выводы оценкой их употребления в приведённом отрывке из поэмы А. Твардовского «Василий Тёркин».

Все представленные формы возможно соотнести в числовом отношении как с формой мужского, так и женского рода в единственном числе: нет никаких оснований говорить об однозначности формообразования в данном отношении (*павшие – павший и павшая, отступавшие – отступавший и отступавшая* и т.д.). Грамматическое значение числа в контексте родовой принадлежности соотносится с семантикой общности, собирательности, что может быть поддержано возможностью согласования с определением *все (всех павших, всех без вести пропавших* и т.п.).

Реализация глагольной валентности присутствует у большинства субстантивированных причастных форм данного текста: *с нами отступавших, воевавших год иль час, без вести пропавших, вновь встречающих, нам воды подавших, помолвившихся за нас*. Тем самым, на наш взгляд, выражается актуализация глагольного компонента семантической структуры субстантивата в рассматриваемом контексте: указание на «лицо» осуществляется посредством его характеристики через действие. Глагольная сема является консолидирующим ядром, удерживающим данные формы в рамках глагольной лексемы.

Кроме того, важной деталью как в грамматическом, так и семантическом отношении является временная составляющая данных причастных форм: признаковая характеристика лица по действию в прошлом явно прослеживается в данном контексте, соотнося эти формы с категорией времени предикатива (*вспомним*), а также включая их в систему глагольной парадигмы.

Таким образом, полные причастные формы, занимая позиции синтаксических актантов, реализуют субстантивный компонент своей семантической природы, не выходя за рамки глагольного слова. Единичные случаи перехода в разряд субстантивов причастных форм типа *окружающие*, *входящие* либо утрачивают глагольное значение, либо, при формальном сохранении глагольной валентности (*командующий армией*, *заведующий кафедрой*), значение процессуальности замещается приращением семы терминологического характера.

Список литературы

1. **Замятина, И. В.** Грамматика русского причастия / И. В. Замятина. – Пенза : ПГПУ, 2009. – 264 с.
2. **Потебня, А. А.** Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня ; под ред. В. И. Борковского. – М. : Просвещение, 1968. – Т. 3. – 670 с.
3. **Сызранова, Г. Ю.** Субстантивированные причастные формы и проблема их лексикографирования / Г. Ю. Сызранова // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 4 (22). – С. 325–327.
4. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ИТИ Технологии, 2004. – 944 с.
5. Словарь русского языка : в 4 т. (Малый академический словарь русского языка, МАС) / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – 1999. – Т. 1. А–Й. – 702 с.
6. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Дрофа ; Русский язык, 2000. – 1088 с.
7. **Зализняк, А. А.** Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / А. А. Зализняк. – Изд. 3-е. – М. : Русский язык, 1987. – 880 с.
8. **Ким, О. М.** Словарь грамматических омонимов русского языка / О. М. Ким, И. Е. Островкина. – М. : Астрель ; АСТ ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 842 с.
9. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 25.06.14).

References

1. Zamyatina I. V. *Grammatika russkogo prichastiya* [Grammar of the Russian participle]. Penza: PGPU, 2009, 264 p.
2. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From the notes on the Russian grammar]. Moscow: Prosveshchenie, 1968, vol. 3, 670 p.
3. Syzranova G. Yu. *Vektor nauki TGU* [Scientific vector of TSU]. 2012, no. 4 (22), pp. 325–327.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Russian language explanatory dictionary]. Moscow: ITI Tekhnologii, 2004, 944 p.
5. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. (Malyy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka, MAS)* [Russian language dictionary: in 4 volumes (Brief academic dictionary of the Russian language, MAS)]. Ed. by A. P. Evgen'eva. 1999, vol. 1, A–Y, 702 p.
6. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Russian language dictionary. Explanatory and word-forming]. Moscow: Drofa ; Russkiy yazyk, 2000, 1088 p.
7. Zaliznyak A. A. *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. Moscow: Russkiy yazyk, 1987, 880 p.

8. Kim O. M., Ostrovkina I. E. *Slovar' grammaticheskikh omonimov russkogo yazyka* [Russian language grammatical homonyms dictionary]. Moscow: Astrel'; AST; ZAO NPP «Ermak», 2004, 842 p.
9. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed June 25, 2014).

Замятина Ирина Викторовна

доктор филологических наук, профессор,
кафедра русского языка и методики
его преподавания в начальных классах,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: zamyat-irina@yandex.ru

Zamyatina Irina Viktorovna

Doctor of philological sciences, professor,
sub-department of Russian language
and Russian language teaching technique
at primary school, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Сызранова Галина Юрьевна

доцент, кафедра русского языка
и литературы, Тольяттинский
государственный университет
(Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14)

E-mail: optima.60@mail.ru

Syzranova Galina Yur'evna

Associate professor, sub-department
of Russian language and literature,
Togliatti State University
(14 Belorusskaya street, Togliatti, Russia)

УДК 811.163.1

Замятина, И. В.

Субстантивированные формы в позиционном пространстве причастия: к проблеме грамматического и семантического статуса / И. В. Замятина, Г. Ю. Сызранова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 126–138.

О. С. Родионова, Н. В. Абрамова

ФУНКЦИИ И ТИПЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена исследованию проблемы переключения кодов в современной лингвистике. Рассматриваются основные положения теории переключения кодов. Актуальность определяется необходимостью описания современных процессов развития немецкого языка в традиционных и новых стилях, характеризующихся выбором необходимой лексики для коммуникации при различных межъязыковых контактах. Выделяются наиболее распространенные ситуации переключений кода, описываются функциональные и языковые особенности кодовых переключений, анализируются различные классификации переключения кода в немецком языке.

Материалы и методы. Исследование опирается на основные положения общей разработки вопросов современной лингвистики, изложенные в трудах таких зарубежных ученых, как Ш. Поплак, Ян-Петтер Блум и Дж. Гамперц, Петр Ауэр и др. В ходе работы были использованы следующие методы: компонентный и контекстуальный анализ, сравнительный метод, количественные методы обработки материала и методы интерпретации материала.

Результаты. Проведенное исследование показало, что явление переключения кодов зависит от различных факторов. Анализ языкового материала позволяет сделать заключение о том, комбинации каких языков участвуют в переключении кодов, с какой целью происходит переключение кодов в коммуникативном процессе, какова их языковая специфика, а также выделить типы и классификации переключений кода.

Выводы. Изучение проблемы переключения кодов представляется перспективным. Способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком и об коммуникативной и общей культуре человека. Механизмы переключений кода обеспечивают взаимопонимание между людьми и комфортность коммуникативного процесса.

Ключевые слова: языковая специфика, функции и типы кодовых переключений, языковой контакт, немецкий язык, коммуникация.

O. S. Rodionova, N. V. Abramova

FUNCTIONS AND TYPES OF CODE SWITCHING IN GERMAN: A THEORETICAL ASPECT

Abstract.

Background. This article is devoted to the research of the problem of code-switching in modern linguistics. The article deals with the main provisions of the theory of code-switching. Actuality is determined by the need to describe the modern processes of development of the German language in both traditional and new characteristics, characterized by the selection of the necessary vocabulary for communication with various interlingual contacts. The article highlights the most common combinations of code-switching, the functional and linguistic features of code-switching are described, different classifications of code-switching are analyzed in German.

Materials and methods. The study relies on the basic provisions of the general development questions in modern linguistics, described in the works by such foreign scientists as Sh. Poplack, Jan-Petter Blom and J. Gumperz, Peter Auer and others. In the course of the research the following methods were used: the component and contextual analysis, the comparative method, quantitative methods of material processing and interpretation methods.

Results. The study showed that the phenomenon of code-switching depends on various factors. The analysis of the linguistic material allows to conclude about a combination of languages involved in code-switching, a purpose of code-switching in the communication process, language specificity, while also highlighting the types and classification of code-switching.

Conclusions. The study of the problems of code-switching is a prospective one. The ability to switch codes indicates a relatively high degree of language proficiency and communicative and general culture of a person. Mechanisms of code switching provide comfort in the communication process and understanding between people.

Key words: language specificity, function and types of code switching, language contact, German, communication.

Проблема переключения кодов – одна из самых актуальных и часто обсуждаемых в зарубежной лингвистике последних десятилетий. Развитие и расширение межрегионального и межнационального взаимодействия, усиленная миграция, влияние местных и официальных языков в бывших колониальных странах, современные процессы интеграции – эти и многие другие факторы приводят к росту языковых контактов и расширению сферы взаимодействия языковых кодов.

Термин «переключение кодов» (также «смешение кодов») обозначает в языкознании случай, когда в процессе разговора, а также в предложении или речевой составляющей, происходит неожиданное, спонтанное переключение говорящего с одного языка на другой язык или на диалект и обратно. То есть люди, знающие два или более языков, иногда переходят в середине разговора или в середине высказывания с одного языка на другой: с турецкого на немецкий, с английского на французский, с немецкого на английский и т.п. [1].

Переключение кодов нередко зависит от контекста. Этот феномен может проявлять себя как в письменной, так и в устной речи. При переключении кодов язык меняется полностью. Например, в сложном предложении основное предложение может быть произнесено на одном языке, а придаточное – на другом. Переключение кодов часто встречается в смешанных этноязыковых регионах.

Феномен переключения кода (Code-Switching, в немецком языке – Kode-Wechsel) – «переключение между различными языками или разновидностями языковой системы у билингвальных/многоязычных носителей языка в разговоре» – обуславливается ситуативными факторами, такими как специализация, тема разговора, отношение собеседников к друг другу» [2]. Переключение кода изучается в таких областях исследования, как, например, социология и психология.

До 1970-х гг. большинство исследователей полностью игнорировали переключение кода как объект исследования, потому что они думали, что переключение кодов связано с отсутствием языковой культуры и не представляет большого интереса [3, p. 106–109]. Вайнрайх обобщил мысли своего

времени и утверждал, что в идеальном случае человек, владеющий двумя и более языками, во время беседы на одном языке не должен переключаться на другой язык.

Из-за негативного отношения к переключению кода только в 50-е и 60-е гг. XX в. несколько ученых заинтересовались этой проблемой, поэтому она была малоизученной и малопривлекательной для исследований в лингвистике [4, р. 1–24]. Переключение кода как предмет исследования все больше начал привлекать внимание ученых с 1970-х гг. Так, например, исследования Ш. Поплака в сфере синтаксического переключения кода, а также Яна-Петтера Блума и Дж. Гамперца, которые изучали социолингвистические аспекты переключений кода, имели большое значение, потому что вызвали интерес многих других лингвистов к этой проблеме. Исследования в области проблемы переключения кода проходили в трех направлениях: синтаксическом, социолингвистическом и интерактивном. Пионером в изучении синтаксического направления была Ш. Поплак, в то время как Ян-Петтер Блум и Дж. Гамперц разработали социолингвистическое направление. А основателем интерактивного направления является Петр Ауэр.

Явление «переключение кода» исследователи интерпретируют по-разному. С одной стороны, переключение кода рассматривается как лингвистическая ошибка (билингв – человек, владеющий двумя и более языками, плохо выучил языки и не может их различать). С другой стороны, они также утверждают, что переключение кода представляет собой один из самых разносторонних и творческих аспектов двуязычия. (То, что переключение кода рассматривалось как признак отсутствия языковой компетенции и культуры, было основной точкой зрения по данной проблеме до 70-х гг. XX в. Однако позже, лучше изучив ее, мнения лингвистов о проблеме переключения кода стали более позитивными).

Переключение кода изучалось как в двуязычных, так и в одноязычных сообществах, для того чтобы как можно точнее его исследовать [5, р. 368]. Хотя переключение кода обычно связано с двуязычием, оно может также происходить у говорящих на одном языке, между людьми, владеющими различными языками и диалектами.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что переключение кода имеет место быть между различными языками и в одноязычных сообществах, когда у людей в них есть знания по нескольким языкам, например в преподавании языков.

Рассмотрим основные типы классификаций переключения кодов.

1. Социолингвистическая классификация.

Ян-Петтер Блум и Дж. Гамперц, которые разработали социолингвистическое направление переключения кода, исследовали переключение кода в Hemnesberget в Норвегии, где люди одновременно используют два варианта норвежского языка (Bokmål und Rannamål). С помощью этого исследования была выявлена разница между ситуативным, метафорическим и разговорным переключением кода. Различные языки или коды связаны с различными социальными ситуациями, и классификация Яна-Петтера Блума и Дж. Гамперца имела целью точнее определить использование этих двух языков или диалектов в различных социальных контекстах.

В данной классификации можно выделить следующие типы переключения кода.

Ситуативный тип переключения кода

В случае ситуативного переключения кода есть прямая связь между языком и социальной ситуацией. Это означает, что один из языков всегда используется в определенных ситуациях, и отклонение от этой нормы полностью меняет картину общения. Ситуативное переключение кода имеет место, например, когда меняются участники дискуссии [6]. Майерс-Скоттон интерпретировал значение этого понятия и предположил, что использование переключения кода мотивировано внешними факторами: помимо самих участников на выбор языка или языкового варианта влияют также место и тема беседы. В качестве примера можно привести дискуссию в аудитории, если предлагается новое задание, меняется тема или на занятие приходят новые участники.

Метафорический тип переключения кода

О метафорическом переключении кода речь идет, если переключение кода вызывают не изменения в социальной ситуации, а определенные темы беседы или субъективные обстоятельства. Оратор во время обсуждения может использовать некоторые фразы на другом языке, чтобы выразить различные социальные отношения, такие как доверие или личные чувства [6].

Майерс-Скоттон считает, что метафорическое переключение кода подчеркивает внутреннюю мотивацию говорящего. По ее словам, при метафорическом переключении кода не тема разговора является главной в беседе, а то, каким образом участники видят тему, а также изменения в отношениях между участниками дискуссии [3].

Метафорическое переключение кода также встречается на занятиях, если обучающиеся во время коммуникативного задания переходят на свой родной язык, когда они хотят обсудить личные вопросы, не связанные с заданием. Кроме того, это может происходить, когда преподаватель иностранного языка разговаривает с обучающимся и переходит на родной для обучающегося язык в том случае, если он хочет подчеркнуть свою роль больше как воспитателя, чем преподавателя иностранного языка, либо когда хочет выразить солидарность.

Дж. Гамперц позже начал использовать термин «разговорное переключение кода» вместо «метафорического переключения кода», чтобы выделить эту особенность речи. Он описал в своем исследовании несколько функций, которые рассматриваются как подтипы разговорного переключения кода:

1) упоминание в речи / цитата. Здесь переключение кода часто встречается в речи, если используются упоминания или цитаты. В этом случае переключение кода означает, что высказывание происходит на родном языке, хотя сама дискуссия ведется на другом языке. Например, подобная ситуация может встретиться на занятии по иностранному языку в случае, если языковая компетенция обучающегося ограничена и он не может процитировать фразу на иностранном языке, поэтому использует родной язык. Кроме того, этот подтип встречается в свободной речевой практике;

2) спецификация получателя. Здесь переключение кода имеет место, если сообщение адресуется одному получателю в присутствии нескольких возможных адресатов. Использование переключения кода позволяет быстрее определить, к кому обращаются, и сделать общение более быстрым и неприкрытым;

3) междометия/восклицания. Эта функция связана с символическим типом переключения кода, потому что в обоих случаях речь идет о междометиях, которые не вредят структуре предложения, а только содержат короткие высказывания;

4) повторение. Здесь функция переключения кода не очень часто встречается на занятиях по иностранному языку, поскольку обучающиеся обычно редко свободно владеют подобной лексикой, чтобы использовать ее в речи, и преподаватели, как правило, избегают таких ситуаций;

5) оценка сообщения (сообщение часто повторяется на другом языке по буквам или в измененном виде). Эта функция нацелена на уточнение высказывания, объяснение или акцентирование внимания на каком-либо моменте. В данном случае переключение кода такого типа применяется и на занятиях по иностранному языку. «Оценка сообщения» играет важную роль как одна из функций переключения кода. Это выражение означает, что ранее упомянутая информация оценивается с помощью переключения кода. Например, как это переключение кода между английским и немецким языками: *The oldest one, der größte, der elf jahre alt ist*. Таким образом, высказывание уточняется, чтобы все слушатели понимали, о чем идет речь;

6) персонализация-объективация, которая образует свою подгруппу в разговорном переключении кода. Дж. Гамперц различает речь о деятельности и речь как деятельность. Это играет большую роль в том случае, рассматривается ли высказывание как личное мнение или как объективное знание. Переключение кода имеет место, если, например, в течение того же обсуждения собственные мнения высказываются на одном языке, а объективную информацию говорят на другом языке. Использование переключения кода позволяет получить больше веса для высказывания или подчеркнуть личное мнение [7, p. 240].

Сравнивая ситуационные, метафорические и разговорные переключения кода, можно заметить, что ситуационное переключение кода в большей степени предполагает изменение в языковой ситуации. При метафорическом переключении кода, напротив, ситуация остается неизменной и речь больше идет о внутренних мотивах говорящего.

Теория Д. Гамперца подвергалась критике. Например, К. Майерс-Скоттон указывает на неясность того, какими и насколько различными могут быть мотивации, подпадающие под категорию «метафорическое переключение кода» [3].

2. Интеракциональная функция переключения кода.

Дж. Гамперц исследовал разговорные функции переключений кода и разработал связанное с ними понятие *Kontextualisierungshinweis* (указание на контекстуализацию).

Указания на контекстуализацию позволяют выступающему выразить свои внутренние коммуникативные мотивы так, что слушатели могут интерпретировать его высказывания с помощью этих указаний. Например, улыбкой выступающий сигнализирует слушателю, что беседа проходит в дружественной обстановке. Также в повседневных обсуждениях применяются и другие формы невербальной коммуникации, которая означает общение без слов (например, выражение лица, взгляд, тон и т.д.). Наряду с невербальной коммуникацией переключение кода рассматривается как способ контекстуализации.

3. Социальные функции переключения кода.

Р. Аппель и П. Муйскен разработали с помощью классификации Дж. Гамперца, Ш. Поплак, К. Майерса-Скоттона социальную модель функций переключения кода.

Р. Аппель и П. Муйскен различают шесть различных социальных функций в переключении кода:

- 1) референциальную;
- 2) функцию-директиву;
- 3) экспрессивную;
- 4) фатическую;
- 5) металингвистическую;
- 6) поэтическую.

Переключение кода имеет референциальную функцию, когда владение языком у оратора недостаточно хорошее и выступающий может использовать отдельные слова из других языков, если он не знает нужное слово или не может вспомнить его [8]. Кроме того, оратор может использовать отдельные слова другого языка, если нужное слово отсутствует в лексике какого-либо языка [9].

О директивной функции переключения кода речь идет, когда слушатель непосредственно исключен из-за переключения кода из обсуждения или, наоборот, приглашен к речевой ситуации. Часто, например, билингвы выбирают язык слушателя, который владеет одним языком, если они хотят с ним общаться. Либо билингвы могут поменять язык, если они обсуждают личные вопросы и хотят исключить из беседы лиц, которые владеют одним языком [8, p. 403–406].

Ш. Поплак исследовала экспрессивную функцию переключения кода. Она выяснила, что путем использования двух языков в речевой ситуации выражается смешанная идентичность [10]. Р. Аппель и П. Муйскен утверждают, однако, что эта функция переключения кода существует не во всех сообществах. Например, эта функция не проявляется на занятиях по иностранному языку, поскольку преподаватель и обучающиеся, как правило, изначально одноязычны и не обладают смешанной идентичностью.

Фатическая функция формирует четвертую группу социальных функций переключения кода. Она меняет тон дискуссии так, что определенная часть высказывания подчеркивается, когда, например, изюминка шутки выражается на другом языке. Говорящий, используя это переключение кода, влияет на точку зрения слушателя. Таким образом, фатическая функция применяется в тех случаях, когда говорящий использует переключения на другой язык для поддержания, установления или завершения контакта с иноязычным или двуязычным собеседником [11].

Металингвистическая функция находит применение в комментариях о языках общения, также о самой коммуникации, ее компонентах, о многоязычной или одноязычной стратегии общения, о лингвистической компетенции собеседников. Такие комментарии могут осуществляться на ином языке, чем язык обсуждения основного предмета разговора.

Последний тип в классификации Р. Аппеля и П. Муйскена составляет поэтическая функция переключения кода. Она выражается в шутках и игре слов [11]. Поэты могут использовать одновременно два языка, чтобы изменить настрой стихотворения.

Таким образом, переключение кода в общении выполняет несколько функций, которые могут быть как сознательными, так и бессознательными.

Примером переключения кода с немецкого на английский язык служит следующий диалог между двумя учениками с родным немецким языком:

A: Lässt du mich die heutige Chemie-Aufgabe abschreiben?

B: Das kannst du vergessen. Forget it!

Благодаря повторению сказанного на другом языке ответу уделяется особое внимание. Переключение кода в каждом разговоре имеет особое значение и рассматривается многими лингвистами как креативная стратегия.

Приведем еще несколько примеров переключения кодов на немецком языке:

Beispiel 1:

A: Ich habe dir Frühstück mitgebracht.

B: Das ist aber *nice*.

Beispiel 2:

A: Lass uns *chillen*. (Lass uns *entspannen*.)

Beispiel 3:

A: Habe es gerade *gedownloadet*. (Habe es gerade *heruntergeladen*.)

Beispiel 4:

A: Can you *mal* help me, *bitte*? (Kannst du mir *mal* helfen, *bitte*?)

4. Функции переключения кода в беседе.

Дж. Гамперц (1982) выделяет следующие функции:

- 1) цитирование прямой речи;
- 2) включение в беседу или исключение коммуникантов из беседы;
- 3) тематизация;
- 4) выделение основных частей, комментарии;
- 5) акцентирование сказанного через повторение на другом языке;
- 6) переход от официальной речи к неформальной;
- 7) языковая игра.

Эмоции, проявляющиеся в разговоре, через переход к другому языку могут усиливаться или подавляться. В многоязычных обществах проявляется самобытность человека. Например, в Танзании, где суахили и английский язык являются доминирующими и официальными языками, большая часть населения владеет другим, этническим, менее престижным родным языком. Этим подтверждается принадлежность к народу, к этносу, но, с другой стороны, второй язык создает дополнительные языковые барьеры в стране.

В зависимости от наличия различных участников и ситуаций общения ораторы довольно часто в середине высказывания переходят на другой язык, чтобы таким образом объяснить содержание сказанного. Например, члены австрийских языковых меньшинств (цыгане или словенцы в Каринтии и др.) узнавали друг друга по их родному языку, и это укрепляло их национальную принадлежность.

Но переключение кода нельзя путать с копированием кода. Существует разница между переключением кода и использованием отдельных заимствованных слов с английского, французского и других языков (они особенно распространены в компьютерной сфере, например *downloaden*, *Homepage*, *Provider*, *Server*, *Chance*, *Saison* usw.).

Это является результатом языкового контакта и называется копированием кода. Примером может выступить часто употребляемое слово *Baby*

в немецком языке. Точно соответствующего этому значению слова в немецком литературном языке нет. Слово *Butzerl* является диалектом, *Neugeborenes* («новорожденный») лишь отчасти соответствует этому значению, слово *Kleinkind* («маленький ребенок») так же не соответствует значению, как и *Säugling* («грудной ребенок»). Уже редко можно встретить такую фразу: *Meine Frau hat einen Säugling bekommen*. Слово *Kind* («ребенок») обозначает детей более старшего возраста.

Таким образом, некоторые слова из других языков используются в течение долгого времени, и к ним настолько привыкают, что не считают их иностранными. Поэтому смена языка показывает связь языка и социального отношения (друг с другом в беседе) или отношения к тем, о ком идет речь. Однако для этой цели всем участникам общения должны быть известны социальные рамки, т.е. переключение будет эффективным и успешным тогда, если все владеют одинаковыми фоновыми знаниями и интерпретируют его равным образом, иначе возникает недопонимание и цель беседы не будет достигнута.

Стиль, управление беседой и социальная значимость связаны друг с другом [12]. Применение необходимого переключения кода к конкретной ситуации требует не только лингвистических знаний, но и высокой коммуникативности. Социальное положение субъектов общения (например, врач – пациент, начальник – сотрудник и т.д.) определяет соответствующие права и обязанности говорящего. Выбор языка демонстрирует это социальное отношение.

Любой языковой выбор – это своего рода переговоры между участниками беседы относительно ситуационно обусловленных факторов. Определенный язык или диалект указывают в конкретной ситуации с определенными субъектами общения на определенные социальные отношения. То есть выступающий выражает свою личность в актуальной беседе по отношению к другим участникам определенным образом и способом. Неожиданное переключение кода само по себе является сообщением и показывает коммуникативное намерение. Социальная дистанция при этом рассматривается по-новому.

С другой стороны, переключение кода может и не иметь специального значения. Например, у администратора гостиницы, который обращается к посетителю на его языке, нет никакого социального намерения, кроме как этим способом поприветствовать и помочь гостю.

Коммуникативное намерение осуществляется посредством выбора соответствующего языка. На основе существенных знаний о культуре и языковой ситуации коммуниканты знают, будет ли лингвистический выбор неожиданным или значимым и что он означает в текущем социальном контексте [13].

В принципе, следует отметить, что выбор языка, так же как и само переключение на другой язык, может иметь эффект только тогда, когда слушатели его правильно понимают и интерпретируют [13].

Список литературы

1. **Абрамова, Н. В.** Инновационные стратегии в билингвальном обучении / Н. В. Абрамова, И. Ю. Ессина // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 6, ч. 2. – С. 345–349.

2. **Bussmann, Hadumod (Hg.).** *Lexikon der Sprachwissenschaft* / Hadumod (Hg.) Bussmann. – Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 2002. – 783 s.
3. **Myers-Scotton, C.** *Duelling Language. Grammatical Structure in Codeswitching* / C. Myers-Scotton. – Oxford : Clarendon Press, 1993.
4. **Auer, P.** *Code-switching in conversation: language, interaction and identity* / P. Auer // *Bilingual Conversation Revisited*. – London/New York : Routledge, 1998.
5. **Hoffman, C.** *Introduction to Bilingualism* / C. Hoffman. – New York : Longman, 1991.
6. **Blom, J.-P.** *Social Meaning in Linguistic Structure: Code-Switching in Norway* / J.-P. Blom, John J. Gumperz // *Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication* / eds. John J. Gumperz, dell Hymes. – New York : Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1972. – P. 407–434.
7. **Gumperz, J.** *Discourse strategies* / J. Gumperz. – Cambridge : Cambridge University, 1982.
8. **Appel, R.** *Language contact and bilingualism* / R. Appel, P. Muysken. – London ; Baltimore, MD : Edward Arnold, 1987.
9. **Banaz, H.** *Bilingualismus und Code-switching bei der zweiten türkischen Generation in der Bundesrepublik Deutschland. Sprachverhalten und Identitätsentwicklung* / H. Banaz. – Universität GH Essen, 2002. – URL: http://www.linse.uniessen.de/esel/pdf/banaz_codeswitching.pdf.
10. **Poplack, S.** *Contrasting patterns of codeswitching in two communities* / S. Poplack // *Codeswitching. Anthropological and Sociolinguistic Perspectives* / ed. Monica Heller. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1988. – P. 215–244.
11. **Milroy, L.** *One speaker, two language; cross-disciplinary perspectives on codeswitching* / L. Milroy, P. Muysken. – New York, 1995. – 365 p.
12. **Родионова, О. С.** Языковая и жанровая вариативность синтагматического членения звучащих текстов / О. С. Родионова // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2013. – № 3 (27). – С. 145–151.
13. **Родионова, О. С.** Система языка – определяющий фактор просодической делимитации звучащего текста (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук / Родионова О. С. – М., 2001.

References

1. Abramova N. V., Essina I. Yu. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. 2014, no. 6, part 2, pp. 345–349.
2. Bussmann Hadumod (Hg.). *Lexikon der Sprachwissenschaft* [Linguistic vocabulary]. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2002, 783 p.
3. Myers-Scotton, C. *Duelling Language. Grammatical Structure in Codeswitching*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
4. Auer P. *Bilingual Conversation Revisited*. London/New York: Routledge, 1998.
5. Hoffman C. *Introduction to Bilingualism*. New York: Longman, 1991.
6. Blom J.-P., John J. Gumperz *Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1972, pp. 407–434.
7. Gumperz J. *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University, 1982.
8. Appel R., Muysken P. *Language contact and bilingualism*. London; Baltimore, MD: Edward Arnold, 1987.
9. Banaz H. *Bilingualismus und Code-switching bei der zweiten türkischen Generation in der Bundesrepublik Deutschland. Sprachverhalten und Identitätsentwicklung* [Bilingualism and code-switching in the second Turkish generation in Germany]. Universität GH Essen, 2002. Available at: http://www.linse.uniessen.de/esel/pdf/banaz_codeswitching.pdf.

10. Poplack S. *Contrasting Codeswitching. Anthropological and Sociolinguistic Perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988, pp. 215–244.
11. Milroy L., Muysken P. *One speaker, two language; cross-disciplinary perspectives on codeswitching*. New York, 1995, 365 p.
12. Rodionova O. S. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2013, no. 3 (27), pp. 145–151.
13. Rodionova O. S. *Sistema yazyka – opredelyayushchiy faktor prosodicheskoy delimitatsii zvuchashchego teksta (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale nemetskogo yazyka): dis. d-ra filol. nauk* [Language system as a determining factor of prosodial delimitation of a spoken language (experimental phonetic research by the material of German language): dissertation to apply for the degree of the doctor of philological sciences]. Moscow, 2001.

Родионова Ольга Сергеевна

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой немецкого
и французского языков, Саратовская
государственная юридическая академия
(Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1)

E-mail: orodionova@sgap.ru

Rodionova Ol'ga Sergeevna

Doctor of philological sciences, professor,
head of sub-department of German
and French languages, Saratov State
Juridical Academy
(1 Volskaya street, Saratov, Russia)

Абрамова Наталья Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра немецкого и французского
языков, Саратовская государственная
юридическая академия
(Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1)

E-mail: nataklenin@mail.ru

Abramova Natal'ya Viktorovna

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, sub-department
of German and French languages, Saratov
State Juridical Academy
(1 Volskaya street, Saratov, Russia)

УДК 80

Родионова, О. С.

Функции и типы переключения кода в немецком языке: теоретический аспект / О. С. Родионова, Н. В. Абрамова // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2015. – № 1 (33). – С. 139–148.

*В. П. Астанкова, М. Г. Калинина, С. А. Саковец***ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИМЕНОВАНИЯ СИТУАЦИЙ
ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)****Аннотация.**

Актуальность и цели. Актуальность проведённого исследования обусловлена рассмотрением предложения как особой номинативной единицы языка, глагола (а именно глаголов движения, каузативных глаголов, глаголов обладания немецкого языка) с ономасиологических позиций. Применение принципов ономасиологического анализа позволяет вскрыть лингвистические основы механизма номинации, языковой техники, используемой для обозначения определённых ситуаций, раскрывает широкие возможности применения ономасиологического подхода к анализу разнородных языковых явлений. Целью исследования явилось: выявление типов ситуаций динамического типа, обозначаемых предложениями с глаголами движения, обладания, с каузативными глаголами в ядерной позиции; выявление специфики языковой техники, т.е. условий, создающих возможность именования различных типов ситуаций, обозначаемых предложениями с данными глаголами в ядерной позиции.

Материалы и методы. Материалом послужили предложения из художественных произведений современных немецких авторов, юридических текстов, газетных текстов на немецком языке, а также привлекались данные толковых словарей немецкого языка. Текстовый отбор осуществлялся методом сплошной выборки. В работе используется приём ономасиологического анализа языковых явлений, который предполагает определение того, что обозначает данная единица и как происходит именование. Для определения изменения семного состава исследуемых глаголов использовался метод компонентного анализа.

Результаты. Исследование позволило выявить динамические типы ситуаций, которые обозначают предложения с глаголами движения и обладания, с каузативными глаголами в ядерной позиции. Предложения с каузативными глаголами в ядерной позиции описывают ситуации активного действия, направленного на изменение расположения предметов, имеют характер направленности к пространственному пределу. Предложения немецкого языка с глаголами движения в ядерной позиции, как правило, именуют экстралингвистические ситуации, связанные с самостоятельным перемещением субъекта в определённой среде. Динамические модели предложений со значением обладания обозначают ситуации, в которых происходит изменение посессивного отношения между Субъектом и Объектом.

Выводы. При именовании предложениями немецкого языка различных ситуаций экстралингвистической действительности происходит целостное переосмысление установленных дифференциальных и потенциальных признаков в смысловой структуре исследуемых глаголов, что и позволяет предложениям с данными глаголами в ядерной позиции в сочетании с именами существительными различной денотативной отнесенности, заполняющими позиции Субъекта и Объекта (Локализатора/Ориентира), именовать ситуации динамического типа.

Ключевые слова: глаголы движения, каузативные глаголы, глаголы обладания, ономасиологическая структура, ситуация действия.

LINGUISTIC MEANS OF NOMINATION OF ACTION SITUATIONS

Abstract.

Background. The relevance of the study is determined by the mode of regarding the sentence as a special naming unit of the language, the verb (namely the verbs of motion, causative verbs, and the verbs of possession of the German language) from the onomasiological viewpoint. Application of the principles of onomasiological analysis helps to reveal the linguistic basis of the nomination mechanism, the linguistic techniques used for denotation of certain situations, reveals the wide range of the ways of applying the onomasiological approach to the analysis of diverse linguistic phenomena. The aim of the study is to identify the patterns of the dynamic type situations, designated by the sentences with verbs of motion, possession, with causative verbs in the nuclear position, to reveal the specific character of the language technique, namely the conditions for the possibility of naming different types of situations, denoted by sentences in which these verbs are in the nuclear position.

Materials and methods. The data for the study was obtained from the texts of contemporary German fiction writers, legal texts, media texts, with reference to the explanatory German dictionaries data. Text selection was done by continuous sampling. The onomasiological analysis technique was used to deal with linguistic phenomena, which means that the technique was efficient for identifying the denotation of the unit and the character of the naming process. The method of component analysis was used to determine the compositional change in the seme structure of the verbs studied.

Results. The study revealed the dynamic types of situations designated by the sentences with the verbs of motion and possession, with causative verbs in the nuclear position. The sentences with causative verbs in the nuclear positions describe the situation of dynamic action, which is aimed to alter the location of objects; they are characterized by space limit orientation. The sentences with the verbs of motion in the nuclear position are likely to describe extralinguistic situations denoting independent movement of the subject in particular environment. The dynamic model sentences with the meaning of possession denote situations manifesting a change of possessive relationship between the Subject and the Object.

Conclusions. The process of naming different situations of extralinguistic reality by sentences is marked by a complete redefinition of the established differential and potential elements in the semantic structure of verbs studied, which makes the sentences with such verbs in the nuclear position together with the nouns of different denotative reference in the position of the Subject and the Object (Locator/Orienting point) able to name the situation of dynamic type.

Key words: verb of motion, causative verb, verb of possession, onomasiology structure, action situation.

Ономасиологический подход к изучению языковых явлений предполагает изучение способов преобразования информации, предназначенной для вербализации, исследует способы классификации объектов обозначения, получающих языковое выражение в виде общих свойств, конституирующих классы единиц, определяет основания деления на классы, набор этих классов и, наконец, языковые средства классной принадлежности объектов обозначения. На основе анализа системных связей элементов, являющихся компонен-

тами ономаσιологической структуры событийной номинации, согласно концепции Е. Л. Кривченко, выделяют пять основных видов отношения «проявления существования в признаке», которым охарактеризовано предметное понятие [1, с. 74]. Следовательно, при именовании экстралингвистической действительности любое конкретное событие подводится под один из основных классов событий (ситуаций), выделяемых в рамках ономаσιологической категории событийности. Один из основных классов ситуаций – *ситуация действия*, ономаσιологическую структуру которой образуют два соотносенных друг с другом компонента: предметное понятие, охарактеризованное отношением «активного участия в создании признака (агент), и понятие признака, в котором предмет обнаруживает себя как активный создатель (признак акциональности). Ономаσιологический базис (ОБ) структуры образует отношение, которое объединяет оба компонента. Содержание его составляет «проявление существования предмета в его активном участии в создании признака», которое входит в качестве реляционного понятия в значение каждого из компонентов.

Цель статьи – исследовать языковую технику, т.е. условия, позволяющие именовать динамические, т.е. отмеченные изменением отношений между компонентами ономаσιологической структуры, типы ситуаций предложениями немецкого языка с глаголами движения “gehen”, “laufen”, “fliegen”, с каузативными глаголами “stellen”, “legen”, “setzen”, “hängen”, с глаголами обладания „bekommen“, „erhalten“, „finden“, „verlieren“ в ядерной позиции. Анализ предложений немецкого языка с ономаσιологической точки зрения предполагает рассмотрение предложения как особой номинативной единицы языка, отличая ее от других номинативных единиц не только по формальным признакам (простая, сложная номинация) или по характеру обозначаемого объекта (изолированный элемент, событие), но и в первую очередь по способу обозначения объекта.

Ситуации действия, именуемые предложениями с глаголами движения немецкого языка в ядерной позиции

Предложения немецкого языка с глаголами движения *gehen*, *laufen*, *fliegen* в ядерной позиции, как правило, именуют различные экстралингвистические ситуации, связанные с самостоятельным перемещением субъекта в определенной среде. Структурная схема, лежащая в основе предложений с немецкими глаголами *gehen*, *laufen*, *fliegen*, именующих любую ситуацию, может быть четырех типов: 1) S – P; т.е. состоять из двух компонентов: S – Субъект (имя движущегося или недвижущегося предмета), P – предикат (бесприставочный глагол движения) (поскольку данные глаголы субъектно-ориентированны и объект не является релевантным для каждой ситуации с данными глаголами); 2) S – P – L (Локализатор); 3) S – P – Or (Ориентир); 4) S – P – L – Or [2, с. 53].

Позиция Субъекта может заполняться абстрактными неодушевленными именами существительными, обозначающими различные виды и формы мыслительной и вербальной деятельности человека (мысли, чувства, связанные с внутренним миром человека). *Gedanken gehen durch den Kopf* [3, с. 257]. *Vergessen Sie alles, was Ihnen jetzt durch den Kopf geht* [4, с. 214]. В данных ситуациях нет осуществления реального движения, а имеет место активность

разного рода человеческой деятельности (мыслительной, вербальной и т.д.). В вышеназванных предложениях, именующих данные ситуации, имя предмета, заполняющее позицию Субъекта, предопределяет изменение параметров среды, характера, способа перемещения. Позицию Ориентира/Локализатора заполняют конкретные имена существительные, обозначающие органы человека (*durch den Kopf*), и тем самым уточняются параметр среды и способ осуществления процесса. Предложения именуют ситуации речевого процесса.

Рассмотрим предложения: *Er hatte keine Verfügung über seine Gedanken, sie liefen wie sie wollten* [5, s. 395]; *Mir liefen viele Gedanken durch den Kopf* [6, s. 110]. Позицию Субъекта заполняют абстрактные неодушевленные имена существительные, которые обозначают виды и формы мыслительной деятельности человека. Денотативная отнесенность именования, заполняющего позицию Субъекта, обуславливает изменение таких параметров типовой ситуации, как среда и способ перемещения. Параметр интенсивности протекания процесса сохраняется. Предложение именует ситуацию осуществления человеком мыслительной деятельности с высокой степенью интенсивности, в отличие от ситуаций мыслительной деятельности, именуемых предложениями с глаголом *gehen*, где степень интенсивности специально подчеркивается конкретными контекстуальными уточнителями.

Далее: *Der Wortwechsel läuft eine Weile im Kreise* [7, s. 11]; *Ihr Englisch läuft ganz famos* [6, s. 93]; *Das Gespräch lief langsam und ohne Ziel* [2, s. 93]. Денотативная отнесенность именования, заполняющего позицию Субъекта (виды и формы речевой деятельности человека в процессе общения), обуславливает изменение параметров среды и способа перемещения. Параметры интенсивности перемещения уточняются контекстуально. В смысловой структуре глагола погашаются дифференциальные семы «при помощи ног», «по твердой поверхности», однако категориальная сема перемещения реализуется. Предложения именуют ситуации процесса речевого общения, коммуникации.

В следующих предложениях с глаголом *fliegen* в ядерной позиции позицию Субъекта занимают абстрактные имена существительные, обозначающие виды и формы интеллектуальной деятельности человека: *Dem Sepp flog gleich ein Gedanke durch den Kopf* [9, s. 31]; *So schnell, wie ihm jetzt die Gedanken durch den Kopf flogen, hatte der Toni noch niemals gedacht* [9, s. 37]. Средой перемещения в данной ситуации является также внутренний мир человека. Ситуация не связана с перемещением по воздуху, параметры средства перемещения также отсутствуют, сохраняется лишь параметр интенсивности, скорости перемещения, и именует данное предложение ситуацию осуществления определенной мыслительной деятельности человеком. Именование данных ситуаций предложениями с глаголом *fliegen* подчеркивает прежде всего интенсивность протекания интеллектуально-мыслительной деятельности, чем достигается соответствующий стилистический эффект.

Предложения с глаголами *gehen*, *laufen*, *fliegen* именуют ситуации действия, связанные с интеллектуальной деятельностью человека. Предложения с глаголом *gehen* именуют ситуацию мыслительного процесса без указания на скорость протекания процесса; предложения с глаголом *laufen* именуют ситуацию мыслительного процесса, осуществляемого с высокой степенью интенсивности; предложения с глаголом *fliegen* подчеркивают быстротечность, мгновенность мыслительного процесса.

Проведенное нами исследование показало, что предложения с глаголами движения именуют не только ситуации перемещения одушевленного Субъекта в соответствующей среде, но и ситуации других типов – ситуации действия, деятельности, процесса, т.е. ситуации динамического типа. Денотативное значение наименований, заполняющих позиции Субъекта и Локализатора/Ориентира, в сочетании с глаголом, стоящим в ядерной позиции, определяет тип ситуации.

Ситуации действия, обозначаемые предложениями с каузативными глаголами немецкого языка в ядерной позиции

Рассмотрим ситуации, обозначаемые предложениями с каузативными глаголами немецкого языка *stellen*, *legen*, *setzen*, *hängen* в ядерной позиции. Исследуемые глаголы относят к группе объектных глаголов, обозначающих действие, в котором помимо «действующего» предмета участвует обязательно другой предмет, поэтому они требуют дополнения и характеризуются управлением (управляющие глаголы) [10, с. 88]. Маркеры каузальности (причинности), по мнению У. Энгеля, *nennen einen Grund/eine Ursache und charakterisieren damit den Sachverhalt, der im Satz beschrieben wird, als dessen Folge oder Auswirkung* [11, с. 221]. Лексическое значение каузативных глаголов определяется как выражение причинно-следственных связей между действиями субъекта и объекта [12, с. 20]. Предложения с данными глаголами описывают ситуации локализации в пространстве динамического типа, предполагающие изменяющуюся пространственную расположенность предметов, и имеют характер направленности к пространственному пределу.

В ходе проведенного исследования выявлены типы ситуаций [13, с. 147], обозначаемых предложениями с каузативными глаголами в ядерной позиции: например:

а) ситуация действия, производимого лицом с целью размещения другого лица в горизонтальном положении, описываемая предложениями с глаголом *legen* в ядерной позиции: *Er legte das Kind auf den Rücken* [3, s. 939]; ситуация действия, производимого лицом с целью размещения другого лица в вертикальном положении, описываемая предложениями с глаголом *stellen* в ядерной позиции: *Er stand auf, griff Navarro rasch an den Ellbogen, hob ihn an, dreht ihn herum und stellte ihn so dicht neben Gomez auf den Boden, das Gomez beiseite treten musste* [14, s. 63]; ситуация действия, производимого лицом с целью размещения другого лица в сидячем положении, описываемая предложениями с глаголом *setzen* в ядерной позиции: *Setzen Sie das Kind in den Stuhl* [11, s. 207].

Предложения описывают ситуацию действия, производимого лицом с целью размещения предмета в вертикальном положении, в случае сочетания глагола *stellen* с неодушевленным именем существительным в позиции Объекта, обозначающим предмет, способный занимать определенное положение в пространстве: *Die Frau stellte langsam die Flasche auf den Tisch* [14, s. 43];

б) ситуация действия, производимого лицом с целью размещения предмета в горизонтальном положении, описываемая предложениями, в которых позицию Объекта заполняют неодушевленные имена существительные, обозначающие предметы, способные занимать определенное положение в пространстве, или предметы, используемые для покрытия какой-либо по-

верхности: *Weinflaschen soll man legen, nicht stellen* [3, s. 939]; *Legen Sie das Buch auf den Tisch* [11, s. 207];

в) ситуация действия, производимого лицом с целью размещения предмета в висячем положении, в случае сочетания глагола *hängen* с неодушевленным именем существительным, обозначающим предмет, который располагается на вертикальной поверхности или располагается (висит) в определенном месте: *Wir sollen das Bild über das Klavier hängen* [11, s. 207]; *Hast du den Anzug wieder in den Schrank gehängt?* [15]. Предложения с глаголом *stellen* в ядерной позиции и с именем существительным в позиции Объекта, обозначающим механизм, описывают ситуацию действия, производимого лицом с целью установки механизма: *Zuerst müssen Sie den Schalter auf „on“ stellen* [15].

Динамические модели предложений со значением обладания

Динамические модели предложений со значением обладания, с рассматриваемыми нами глаголами *bekommen, erhalten, finden, verlieren*, обозначают ситуации, в которых происходит изменение посессивного отношения между Субъектом и Объектом [16, с. 85]. Субъект может приобретать или, наоборот, утрачивать Объект обладания.

Семантическая структура глагольных предложений со значением обладания динамического типа состоит, как правило, из трех компонентов: Субъект – предикат – Объект (хотя бывают исключения).

Исследование показало, что позиция Субъекта в предложениях с глаголами динамического типа заполняется: а) одушевленными существительными, обозначающими лицо или совокупность лиц, замещающее его местоимение, часто имя собственное: *Alphons Gleinin, der Polizist von Twann, fand am Morgen... einen blauen Mercedes* [17, s. 5]; б) существительными, обозначающими социальные организации, которые подразумевают то или иное сообщество людей: *Einige Innenministerien hatten ... das Informationsmaterial bekommen* [18, s. 2]; в) неодушевленными существительными: *Unsere Arbeit erhält durch diese Massnahmen neuen Auftrieb* [19, s. 1104]. Однако преобладают предложения с одушевленным Субъектом, на употребление которого оказывает влияние ситуация, отражаемая в предложениях описываемого типа, поскольку в динамических предложениях со значением обладания передается изменение отношений владения между Субъектом и Объектом, в результате которого Субъект приобретает или утрачивает что-то. Этим уже заранее определяется одушевленность Субъекта, способного совершать действие.

Выявлено, что в роли Объекта в предложениях со значением обладания динамического типа способны функционировать различные имена существительные. Это могут быть реальные предметы, с которыми человек сталкивается повседневно, какие-либо понятия, являющиеся социальными ценностями человечества или абстрактными именами существительными, называющими внешние и внутренние признаки Субъекта.

Предложения с динамическими глаголами обладания можно разделить на два типа: а) первый тип представлен предложениями, которые описывают ситуации вступления в обладание, появления, обретения с одной стороны и утраты, лишения – с другой; б) второй тип представлен предложениями, которые описывают ситуации изменения состояния Субъекта. Чаше предложения с динамическими глаголами именуют ситуации первого типа.

Первый тип

Besonderes Geschenk erhielt Herbert eine sehr hübsche Meißener Uhr... [20, s. 260]; *Er bekam auch Zimmer für sich...* [21, s. 70]; *Er selber hatte sein Vermögen... verloren...* [22, с. 543]. Предложения называют ситуацию вступления в обладание какими-либо конкретными предметами, врученными кем-то материальными ценностями, независимо от действий Субъекта или потерю этих ценностей.

Sie soll einen Finanzrock von 10 Milliarden Mark erhalten [18, s. 16]; *Fortkommen, Recht, Arbeit, Kredit finden* [19, s. 1286]. Предложения называют ситуацию обретения социально значимых объектов, ценностей.

Am Abend bekam er einen Besuch [18, s. 16]; *Wir bekamen einen Gast* [19, s. 501]. Предложения называют ситуацию вступления в контакт, возникновения отношений между лицами.

Второй тип

Eine Krankheit, Kopfschmerzen, Fieber bekommen [19, s. 502]; *Verstand verlieren* [19, s. 4082]. Предложения называют ситуацию изменения физического состояния лица.

Zuerst bekam sie einen Schreck [4, s. 131]; *Sein Leben hat einen neuen Sinn erhalten* [21, s. 21]; *Tonio Kröger streckte sich in seiner Koje... aus, aber er fand keine Ruhe* [21, s. 77]. Предложения называют ситуацию изменения психического состояния лица.

Er bekam einen leichter Fächerschlag auf den Arm [21, s. 68]; *Ich sage ihr, dass er einen Schuss ins Herz erhalten hat und gleich tot war* [23, s. 41]. Предложения называют ситуацию, где Субъект подвергается внешнему физическому воздействию.

Общим для всех видов ситуаций является начальная фаза изменения положения дел под воздействием внешних факторов, без инициативы Субъекта, где, несмотря на разнородность ситуаций, все они представлены как начальная фаза изменения, становления нового состояния или фаза вступления в обладание Объектом.

Таким образом, при именовании предложениями немецкого языка различных ситуаций экстралингвистической действительности происходит целостное переосмысление установленных дифференциальных и потенциальных признаков в смысловой структуре исследуемых глаголов, что и позволяет исследуемым предложениям с данными глаголами в ядерной позиции в сочетании с именами существительными различной денотативной отнесенности, заполняющими позиции Субъекта и Объекта (Локализатора/Ориентира), именовать ситуации действия. В этой связи следует подчеркнуть, что семантика ономаσιологической структуры носит характер категориальной и не зависит от информативного содержания, передаваемого предложением. Очевидно, что, какова бы ни была семантика слов, заполняющих отдельные синтаксические позиции, и каково бы ни было информативное содержание, передаваемое предложением, только ономаσιологическая структура определяет, будет ли обозначаемое явление представлено как ситуация действия, состояния, существования и т.д.

Список литературы

1. **Кривченко, Е. Л.** Номинативный аспект предложения / Е. Л. Кривченко. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1982. – 145 с.

2. **Астанкова, В. П.** Способы именования ситуаций экстралингвистической действительности (ситуации, именуемые предложениями немецкого языка с глаголами движения *gehen, laufen, fliegen, schwimmen* в ядерной позиции) / В. П. Астанкова ; под ред. Е. Л. Кривченко. – Саратов : Стило, 2006. – 134 с.
3. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim ; Wien ; Zürich, 1989.
4. **Böll, H.** Mein trauriges Gesicht / H. Böll. – Verlag Progress, 1968. – 350 s.
5. **Hesse, H.** Meistererzählungen / H. Hesse. – Frankfurt : Suhrkamp Verlag, 1973.
6. **Frisch, M.** Homo Faber / M. Frisch. – Frankfurt : Suhrkamp Verlag, 1957.
7. **Strittmatter, E.** Ole Bienkopp / E. Strittmatter. – Westberlin, 1963.
8. **Bahre, J.** Der stumme Richter / J. Bahre. – Berlin : Verlag das Neue Berlin, 1982. – 256 s.
9. **Jung, E.** Die Magd vom Zellerhof / E. Jung. – Hamburg : Martin Kelter Verlag, 1965.
10. **Крушельницкая, К. Г.** Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков / К. Г. Крушельницкая. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1961.
11. **Engel, U.** Deutsche Grammatik / U. Engel. – 3, korrigierte Auflage. – Heidelberg : Groos, 1996.
12. **Саковец, С. А.** Номинативный аспект предложений с каузативными глаголами немецкого языка / С. А. Саковец // Global trends of development of ethnic languages in the context of providing international communications: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the LXXXIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in Philology (London, 26 June – 2 Juli 2014). – London, 2014. – С. 20–22.
13. **Саковец, С. А.** Номинативные свойства статальных и каузативных глаголов немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук / Саковец С. А. – Саратов, 2003. – 185 с.
14. **Remarque, E. M.** Arc de Triomphe / E. M. Remarque. – 4. Auflage. – Köln : Kiepenheuer&Witsch, 2001. – 488 s.
15. E-VALBU. – URL: <http://hypermedia.ids-mannheim.de/evalbu/index.html>
16. **Калинина, М. Г.** Специфика именования ситуаций, обозначаемых предложениями с глаголами обладания (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук / Калинина М. Г. – Саратов, 2002. – 145 с.
17. **Dürrenmatt, F.** Der Richter und sein Henker / F. Dürrenmatt. – Verlag Philipp Reclam jun. Leipzig, 1967. – 126 s.
18. Der Spiegel. – 2009. – № 1–50.
19. Das Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – Akademie-Verlag Berlin, 1978.
20. **Kellermann, B.** Schwedenklees Erlebnis. Das hässliche Mädchen / B. Kellermann. – Verlag Volk und Welt Berlin, 1990. – 500 s.
21. **Mann, T.** Buddenbrooks / T. Mann. – Moskau, 1963. – 673 s.
22. **Рахманов, И. В.** Синонимы немецкого языка / И. В. Рахманов. – М., 1979. – 800 с.
23. **Remarque, E. M.** Der Weg zurück / E. M. Remarque. – Berlin : Propyläen – Verlag, 1931. – 369 s.

References

1. Krivchenko E. L. *Nominativnyy aspekt predlozheniya* [Nominative aspect of the sentence]. Saratov: Izd-vo Saratovsk. un-ta, 1982, 145 p.
2. Astankova V. P. *Sposoby imenovaniya situatsiy ekstralingvisticheskoy deystvitel'nosti (situatsii, imenuemye predlozheniyami nemetskogo yazyka s glagolami dvizheniya gehen, laufen, fliegen, schwimmen v yadernoy pozitsii)* [Ways of naming the situations of extralinguistic reality (situations, named by the German language sentences with verbs of movement *gehen, laufen, fliegen, schwimmen* in the nuclear position)]. Saratov: Stilo, 2006, 134 p.

3. Duden *Deutsches Universalwörterbuch* [Duden universal German language dictionary]. Mannheim; Wien; Zürich, 1989.
4. Böll H. *Mein trauriges Gesicht* [My sad face]. Verlag Progress, 1968, 350 p.
5. Hesse H. *Meistererzählungen* [Best works]. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1973.
6. Frisch M. *Homo Faber*. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1957.
7. Strittmatter E. *Ole Bienkopp*. Westberlin, 1963.
8. Bahre J. *Der stumme Richter* [The silent judge]. Berlin: Verlag das Neue Berlin, 1982, 256 p.
9. Jung E. *Die Magd vom Zellerhof* [A maid from Zellerhof]. Hamburg: Martin Kelter Verlag, 1965.
10. Krushel'nitskaya K. G. *Ocherki po sopostavitel'noy grammatike nemetskogo i russkogo yazykov* [Essays on comparative grammar of German and Russian languages]. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1961.
11. Engel U. *Deutsche Grammatik* [German grammar]. 3, korrigierte Auflage. Heidelberg: Groos, 1996.
12. Sakovets S. A. *Global trends of development of ethnic languages in the context of providing international communications: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the LXXXIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in Philology (London, 26 June – 2 Juli 2014)*. London, 2014, pp. 20–22.
13. Sakovets S. A. *Nominativnye svoystva statal'nykh i kauzativnykh glagolov nemetskogo yazyka: dis. kand. filol. nauk* [Nominal features of state and causative verbs of the German language: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Saratov, 2003, 185 p.
14. Remarque E. M. *Arc de Triomphe* [The triumphal arc]. 4. Auflage. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 2001, 488 p.
15. *E-VALBU*. Available at: <http://hypermedia.ids-mannheim.de/evalbu/index.html>
16. Kalinina M. G. *Spetsifika imenovaniya situatsiy, oboznachaemykh predlozheniyami s glagolami obladaniya (na materiale nemetskogo yazyka): dis. kand. filol. nauk* [Specifics of naming situations, designated by sentences with verbs of possession (by the material of German language): dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Saratov, 2002, 145 p.
17. Dürrenmatt F. *Der Richter und sein Henker* [The judge and his executioner]. Verlag Philipp Reclam jun. Leipzig, 1967, 126 p.
18. *Der Spiegel* ["Der Spiegel" newspaper]. 2009, no. 1–50.
19. *Das Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* [Contemporary German language dictionary]. Akademie-Verlag Berlin, 1978.
20. Kellermann B. *Schwedenklees Erlebnis. Das hässliche Mädchen* [Schwedenklees' experience. An ugly girl]. Verlag Volk und Welt Berlin, 1990, 500 p.
21. Mann T. *Buddenbrooks*. Moscow, 1963, 673 p.
22. Rakhmanov I. V. *Sinonimy nemetskogo yazyka* [German language synonyms]. Moscow, 1979, 800 p.
23. Remarque E. M. *Der Weg zurück* [The way back]. Berlin: Propyläen – Verlag, 1931, 369 p.

Астанкова Вера Петровна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра немецкого и французского
языков, Саратовская государственная
юридическая академия
(Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1)

E-mail: astankovavera@gmail.com

Astankova Vera Petrovna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of German
and French languages, Saratov State
Law Academy
(1 Volskaya street, Saratov, Russia)

Калинина Марина Георгиевна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра немецкого и французского
языков, Саратовская государственная
юридическая академия
(Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1)

E-mail: mara1976.01@mail.ru

Kalinina Marina Georgievna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of German
and French languages, Saratov State
Law Academy
(1 Volskaya street, Saratov, Russia)

Саковец Светлана Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра немецкого и французского
языков, Саратовская государственная
юридическая академия
(Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1)

E-mail: sakovetssa@yandex.ru

Sakovets Svetlana Alexandrovna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of German
and French languages, Saratov State
Law Academy
(1 Volskaya street, Saratov, Russia)

УДК 811.112.2

Астанкова, В. П.

Языковые средства именования ситуаций действия (на материале немецкого языка) / В. П. Астанкова, М. Г. Калинина, С. А. Саковец // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 149–158.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Изменение условий жизнедеятельности личности и ее инновационный менталитет активизировали проблемы личностного и профессионального самоопределения. Старший школьный возраст является периодом первичной, амбивалентной оптации. Отрочество – один из самых ответственных периодов становления личности. В этом возрасте закладываются основы нравственного отношения к разным видам труда, происходит формирование системы личностных ценностей, которые определяют избирательность отношения старшеклассников к различным профессиям. Целью исследования стало изучение особенностей мотивации профессионального выбора старшеклассников. Объект исследования – условия профессионального самоопределения старшеклассников. Предмет исследования – особенности мотивации профессионального выбора старшеклассников Пензенской области. Были определены следующие задачи: провести теоретико-методологический анализ, выявить состояние проблемы в современной психологической науке; с помощью комплекса методик изучить особенности мотивации профессионального выбора старшеклассников; изучить профессиональную ориентацию старшеклассников Пензенской области; сравнить мотивацию выбора профессии и профессиональную ориентацию юношей и девушек.

Материалы и методы. Проблема исследования рассматривается в разных аспектах: с точки зрения развития общества и образования (Б. М. Бим-Бад, Е. В. Бондаревская, А. В. Петровский и др.), социализации личности и ее рефлексии в аспекте образования (В. Франкл, Э. Фромм), социальной адаптации личности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. И. Фельдштейн) и ее социальной зрелости (Г. М. Андреева, Д. А. Леонтьев и др.). Феномен профессионального самоопределения раскрывается с двух точек оценки социальной позиции: человек для профессии (работы С. Я. Батышева, В. А. Полякова, С. Н. Чистяковой) и профессия для человека (исследования Э. Ф. Зеера, Е. А. Климова, Н. С. Пряжниковой, И. П. Смирнова и др.). Для решения поставленных задач использовались такие методы исследования, как тестирование, методы статистической обработки данных (*t*-критерий Стьюдента). Использованные методики: тест «Мотивы выбора профессии» (С. С. Гриншпун), методика определения основных мотивов выбора профессии (Е. М. Павлютенков), тест Д. Голланда по определению типа личности, дифференциально-диагностический опросник «Я предпочту» (Е. А. Климов), методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О. Ф. Потемкина).

Результаты. При выявлении мотивов выбора профессии старшеклассниками было обнаружено, что у большинства юношей и некоторых девушек в выборе профессии преобладают внешние отрицательные мотивы, что в дальнейшем может неблагоприятно повлиять на их мотивацию профессионального обучения, а также на удовлетворенность трудом и его производительность.

У юношей в выборе профессии преобладают мотивы: престижа, материальные, утилитарные. У девушек, в отличие от юношей, доминируют утилитарные, затем материальные и мотивы престижа. То есть юноши в большей степени стремятся к профессиям, которые ценятся среди знакомых, позволяют достичь видного положения в обществе, обеспечивают быстрое продвижение по службе, позволяют получать определенные блага. Девушки стремятся выбирать профессии, предполагающие руководство людьми, работу в городе, чистоту и легкость труда, ориентацию на вуз и только затем стремление к материальным благам.

Выводы. На основании полученных данных и результатов их статистической обработки было выявлено, что старшеклассники Пензенской области в большинстве случаев совершают выбор профессии, не соответствующий их социально-психологическим установкам, профессиональным ориентациям и психологическому типу личности, опираясь на внешние атрибуты профессии (уровень зарплаты, возможность карьерного развития и др.). Это позволяет говорить о неблагоприятном прогнозе их успешности в профессиональной деятельности. Кроме того, учитывая то, что у большинства старшеклассников преобладают внешние отрицательные мотивы выбора профессии, можно сделать вывод о достаточно низком качестве профориентационной работы в Пензенской области.

Ключевые слова: профессиональный выбор, мотивы выбора профессии, профессиональное самоопределение, профессиональная ориентация.

O. V. Zhuravleva

FEATURES OF MOTIVATING THE CHOICE OF FUTURE PROFESSION AMONG HIGH SCHOOL GRADUATES

Abstract.

Background. It is very difficult for school graduates to choose a profession. Professional intentions are uncertain. It is impossible to realize professionally oriented dreams and romantic aspirations at this moment. Dissatisfaction stimulates the development of a self reflection sense. But statistics shows that the choice of educational and vocational institutions is not justified psychologically. It determines the relevance of our research. The research objective is to study motivation of professional choice among senior pupils in the Penza region. The object of the research is the conditions of selfdetermination of senior pupils. The research subject is a reason the motivational means for choosing a profession by senior pupils of the Penza region. The main tasks are as follows: to conduct a theoretical and methodological analysis; to identify a state of the problem in modern psychological science; to study peculiarities of motivation among senior pupils in the Penza region using a combination of methods; to study the professional orientation of pupils in the Penza region; to compare the motivation of professional choice and professional orientation of young boys and girls.

Materials and methods. The study of the personality motivation sphere in Russian and foreign psychology was conducted by A. G. Asmolov, L. I. Bozovich, V. C. Merlin, V. N. Myasishchev, N. I. Nepomnayshay, A. N. Leontyev, S. L. Rubenshtein, D. Aktinson, B. Skinner, K. Levin, Zh. Newton, A. Maslow, B. Frankl, K. Hall, B. Edward. The problem of professional choice motivation was developed by such researchers as N. G. Alekseev, O. S. Grebenok, V. S. Ilin, A. E. Klimov, A. S. Kulygina, E. M. Pavlyutenkov, S. N. Prayzhnicov, T. V. Kudrayvtzev, A. E. Golomshtok, E. F. Zeer, S. C. Grinshpoon and others. To confirm the hypothe-

sis and goals the author used such techniques and methods as testing, methods of statistical data processing (student's t-criterion test), the «Motives of professional choice» test (S. S. Grinshpun), the technique of basic motives definition in the professional choice (E. M. Pavlyutenkov,), D. Holland's test for defining a personality type, a differential-diagnostic questionnaire «I prefer» (E. A. Klimov), methods of socio-psychological orientation of the personality in motivational sphere diagnostics (O. F. Potemkin).

Results. When revealing the motives of professional choice by senior pupils, the author found that most young men and some girls have a profession choice determined by external negative motives, which can adversely affect their motivation training and job satisfaction and performance. In choosing a profession boys have material and utilitarian motives and want prestige. Girls have utilitarian motives prevailing over prestige and material ones. Thus, young men want professions, which are appreciated among friends, allow to achieve a prominent position in the society, provide quick promotion, allow to receive certain benefits. Girls tend to choose a profession connected with their leadership, cleanliness and ease of labor, using high professional education, and only after that they pay attention to material goods.

Conclusions. Based on the obtained data and the results of statistical data processing it was revealed that senior pupils of the Penza region, in most cases, make the choice of profession, inappropriate to their socio-psychological settings, professional orientations and personal type of character, based on trappings of a profession (wages, career and so on). It allows to speak about the adverse forecast of their success in professional activities. Moreover, given the fact that many senior pupils have external negative motives of professional choice, one can make a conclusion about a rather low quality of career guidance in the Penza region.

Key words: motivation, need, choice profession motives, professional self-determination, professional orientation.

В исследованиях Э. В. Балакирева, О. А. Манаенкова, С. И. Таланова, Д. И. Фельдштейна [1–5] выявлены причины и последствия глобальных изменений и обоснована необходимость социально-экономических и технологических преобразований в различных областях жизнедеятельности личности.

Новая социальная и экономическая ситуация не могла не повлиять на процесс развития и самоопределения молодежи. Д. И. Фельдштейн отмечает, что современные подросток и юноша формируются в условиях «перестройки ментальности», смены целей, ценностей, ориентаций, появления новых потребностей и новых возможностей их реализации [4, 5].

Эти два фактора: изменений условий жизнедеятельности личности и ее инновационный менталитет – активизировали проблемы личностного и профессионального самоопределения. Данная проблема рассматривается в разных аспектах: с точки зрения развития общества и образования (Б. М. Бим-Бад, Е. В. Бондаревская, А. В. Петровский и др.), социализации личности и ее рефлексии в аспекте образования (В. Франкл, Э. Фромм), социальной адаптации личности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. И. Фельдштейн) и ее социальной зрелости (Г. М. Андреева, Д. А. Леонтьев и др.).

В исследованиях Т. М. Гордиец выявлены подходы к раскрытию взаимосвязи педагогического процесса и процесса профессионального самоопределения.

В исследованиях В. Ф. Сахарова, В. В. Серикова, А. С. Нисимчук, Т. В. Кудрявцева представлены потенциальные возможности каждого эле-

мента педагогической системы для профессионального самоопределения учащихся.

Формирование умений профессионального самоопределения в познавательной деятельности учащихся рассматривается в работах Е. М. Павлютенкова, А. В. Сухарева, Э. А. Фарапоновой.

Феномен профессионального самоопределения раскрывается с двух точек оценки социальной позиции: человек для профессии (работы С. Я. Батышева В. А. Полякова, С. Н. Чистяковой) и профессия для человека (исследования Э. Ф. Зеера, Е. А. Климова, Н. С. Пряжникова, И. П. Смирнова и др.).

Так, например, в работе С. И. Талановой отмечается, что процесс современного профессионального самоопределения может осуществляться двумя путями.

Первый путь – процесс профессионального самоопределения, при котором учитываются лишь социальные и социально-психологические детерминанты, а личностные особенности не являются детерминантными. То есть профессиональный путь строится на внешней мотивации и стимуляции. Субъект в данном случае независим от окружающих в своем профессиональном становлении.

Второй путь – процесс профессионального самоопределения, при котором индивидуально-психологические особенности влияют на успешность профессионального становления. Через призму личностных особенностей строятся отношения с социумом в контексте профессионального развития. Данный путь профессионального развития является более адекватным и приводит человека к успеху в профессии [3].

Исходя из выводов и результатов вышеобозначенных исследований, у большинства молодых людей (в возрасте 15–17 лет) выбор профессии основывается на существующих в обществе стереотипах, что затрудняет поиск собственного профессионального образа и создает психологические трудности, которые появляются в расхождении понятий «работа» и «профессия».

В связи с этим перед педагогами и психологами встает проблема поиска новых технологий и вариантов предпрофильной подготовки и подготовки старшеклассников к профессиональному выбору [6].

Как показало исследование, несмотря на происходящие изменения, главными структурными составляющими профессионального самоопределения старшеклассников по-прежнему остаются профессиональные способности, профессиональная мотивация, профессиональное самосознание, свойства темперамента, межличностные отношения, которые интегрируются в качественно-своеобразные иерархические структуры на разных этапах овладения профессией.

Можно предположить, что среди названных компонентов процесса профессионального самоопределения старшеклассников определяющей характеристикой в выборе профессии является профессиональная мотивация, которая может успешно формироваться в условиях общеобразовательной школы. Это определило цель исследования: изучение мотивации выбора профессии у старшеклассников Пензенской области.

За период с 2009 по 2013 г. нами было протестировано 1709 учащихся 10–11-х классов в таких городах Пензенской области, как Кузнецк, Каменка, Сердобск, р.п. Лопатино, п.г.т. Мокшан.

Изучение мотивации выбора старшеклассниками профессии осуществлялось в ходе анализа процесса их профессиональной ориентации. Он происходил с помощью Дифференциально-диагностического опросника Е. А. Климова, Типологии личности Дж. Голланда.

В процессе исследования мы дифференцировали группы профессий по типологическим признакам. Данное разделение весьма условно, поскольку черты отдельного типа личности можно обнаружить у представителей не одной группы профессий. Тем не менее результаты получены следующие (табл. 1).

Таблица 1

Результаты исследования профессиональной ориентации
у учащихся старших классов Пензенской области

Тип личности	Группа профессий	Количество учащихся
Интеллектуальный	Человек – Природа	3–5 %
Реалистичный	Человек – Техника	20–25 %
Социальный	Человек – Человек	35–40 %
Предприимчивый	Человек – Человек	5–8 %
Конвенциональный	Человек – Знаковая система	7–10 %
Артистичный	Человек – Художественный образ	12–30 %

Как видно из табл. 1, самым многочисленным типом является социальный (распределение между юношами и девушками практически одинаковое). В беседах с учащимися было выявлено, что самыми предпочитаемыми профессиями группы «Человек – Человек» являются врач, медсестра, психолог, менеджер (как управленец или консультант) – 40 %. К этой же группе профессий мы отнесли и учащихся с предприимчивым типом личности. Их количество невелико – 5–8 %, а отличительной чертой по результатам опроса стало стремление занимать ведущую роль в процессе общения, лидировать.

Наибольшее количество учащихся в группе профессий «Человек – Человек» было выявлено в районных центрах и ближе к областному центру. Чем дальше от областного или районного центра, наблюдается преобладание реалистичного типа личности.

На втором месте – реалистичный тип личности, он в основном представлен юношами. Самыми предпочитаемыми профессиями в группе «Человек – Техника» являются инженер-программист, военный, юрист, инженер-строитель, служащий МЧС, эколог, а также механик и техник – 57 %. Несмотря на то, что исследование проводилось в районных центрах и селах области профессии агронома или зоотехника выбирались крайне редко.

На третьем месте – артистический тип личности, он преимущественно представлен девушками. Наиболее популярными среди них оказались профессии дизайнера, парикмахера, креатора и копирайтера (специалиста по рекламе), пиар-менеджера и т.п.

Конвенциональный тип личности представлен 7–10 % от общего количества опрошенных. Предпочитаемыми профессиями среди них стали экономист, бухгалтер, программист, юрист – 80 %. Менее востребованной профес-

сией является филолог. И юноши, и девушки распределились в этом типе поровну.

Интеллектуальный тип личности – самый немногочисленный (в количественном отношении: 1–4 человека на 2–3 класса), что само по себе оправдано, так как учащихся, склонных к осуществлению такой деятельности, как научно-исследовательская, немного изначально.

В процессе беседы со школьниками были выявлены преобладающие типы профессиональной мотивации: ситуативный и конформистский – 42 % [7]. Большинство учащихся выбирают профессию и вуз по совету родителей и знакомых, ориентируясь на возможности семьи (материальные, связи и т.п.). Однако адекватный тип профессиональной мотивации также представлен у достаточно большого количества выпускников – 34 %, зачастую несмотря на возражение родителей. Ведущими мотивами, даже при адекватном типе мотивации, являются высокий уровень заработной платы и возможность трудоустроиться по профессии – 100 %.

Недостаток информации был обнаружен и в вопросах, касающихся изменений в отечественной системе образования. Лишь немногие из родителей имели понимание двухуровневой системы образования, еще меньшее представление о ней – у 23 %. Вопросы, которые задавались родителями, носили весьма ограниченный характер: «Говорят, что бакалавриат – то же самое, что и техникум?» и т.п. Данную проблему мы решали, информируя родителей и учащихся каждого класса о Болонском договоре, о возможности продолжения образования после бакалавриата в магистратуре.

С другой стороны, явно определяется ограниченность представлений старшеклассников и их семей о возможном профессиональном самоопределении в соответствии с их интересами и способностями, а также о существующих новых направлениях профессиональной подготовки.

Следует отметить, что и в беседе со школьниками, и в беседах с родителями было выявлено стремление уехать из родного села или города, а по возможности – из областного центра (по завершении учебы в профессиональных учебных заведениях), вследствие недостатка рабочих мест – 84 %. Таким образом, мы обнаружили, что многие из учащихся изначально не планируют возвращаться в родные места, что влечет за собой определенные социально-экономические и демографические проблемы.

Для выявления мотивов выбора профессии старшеклассниками нами была проведена методика «Мотивы выбора профессии» С. С. Гриншпун [8].

В результате анализа преобладающего вида мотивации было установлено, что у юношей превалируют внешние отрицательные мотивы (среднее значение – 16,48 балла), далее – внешние положительные мотивы (среднее значение – 14,64 балла). У девушек внешние отрицательные и внешние положительные мотивы получили практически равное распределение (средние значения – 14,04 и 14,08 балла соответственно). Так, юноши в большей степени склонны выбирать профессию в связи с ее престижностью, выбором сверстниками, по совету родителей; девушки в большей степени ориентированы на возможность получать высокую заработную плату, построить карьеру, близость к любимому школьному предмету и подобные факторы.

На третьем месте у юношей и девушек обнаружены внутренние индивидуально значимые мотивы (средние значения – 10,6 и 11,08 соответствен-

но) – интерес к данной области, соответствие способностям, возможность самопознания, саморазвития. Причем у девушек они более выражены, чем у юношей. Необходимо также заметить, что старшеклассники выделяли внутренние социально значимые мотивы (среднее значение – 6,24 балла у юношей и 6,4 балла у девушек), однако оценивали их как слабо влияющие на их выбор или совсем не влияющие, поэтому испытуемых с доминированием данного вида мотивации обнаружено не было (рис. 1).

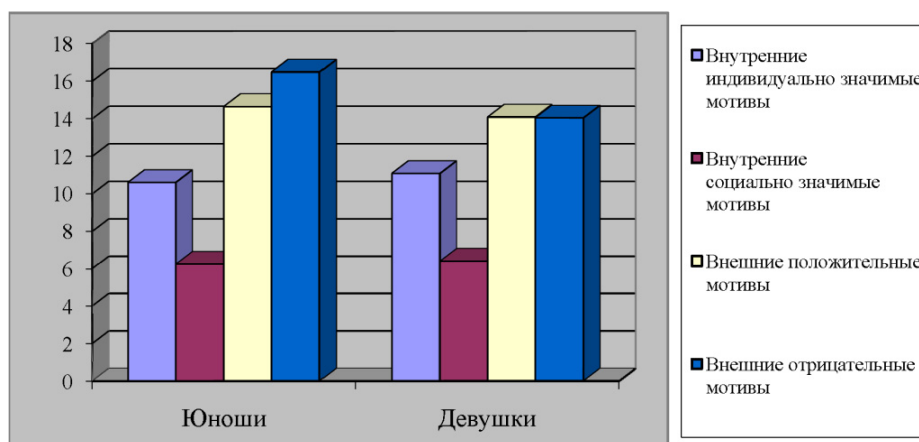

Рис. 1. Преобладающие виды мотивации выбора профессии у старшеклассников

Исходя из анализа полученных результатов, можно сделать вывод, что у большинства юношей и некоторых девушек в выборе профессии преобладают внешние отрицательные мотивы, что в дальнейшем может неблагоприятно повлиять на их мотивацию профессионального обучения, а также на удовлетворенность трудом и его производительность. Вероятнее всего, преобладание данного вида мотивации связано с возрастными особенностями старшеклассников, которые пока еще проявляют конформность в выборе профессии, ориентируясь на мнение окружающих людей, в первую очередь сверстников, общественное мнение, а также на мнение родителей, которые осуществляют финансирование их дальнейшего профессионального обучения.

Девушки в большей степени ориентируются на внешние положительные мотивы – возможность получать высокую заработную плату, построить карьеру, близость к любимому школьному предмету. Внутренние социально значимые мотивы старшеклассниками рассматриваются как незначимые.

Результаты сравнительного анализа показали, что по внутренним индивидуально значимым, внутренним социально значимым и внешним положительным мотивам статистически значимых различий не было обнаружено. Статистически значимые различия в группе юношей и девушек были получены по внешним отрицательным мотивам, что свидетельствует о том, что юноши в большей степени, чем девушки склонны выбирать профессию в связи с ее престижностью, выбором сверстниками, советами родителей.

Далее мы провели методику определения основных мотивов выбора профессии Е. М. Павлютенкова [9].

Анализ полученных данных показал, что у юношей в выборе профессии преобладают мотивы: престижа (9,16), материальные (8,2), утилитарные

(7,96). То есть юноши в большей степени стремятся к профессиям, которые ценятся среди знакомых, позволяют достичь видного положения в обществе, обеспечивают быстрое продвижение по службе, позволяют получать определенные блага. У девушек, в отличие от юношей, доминируют утилитарные, затем материальные и мотивы престижа (рис. 2).

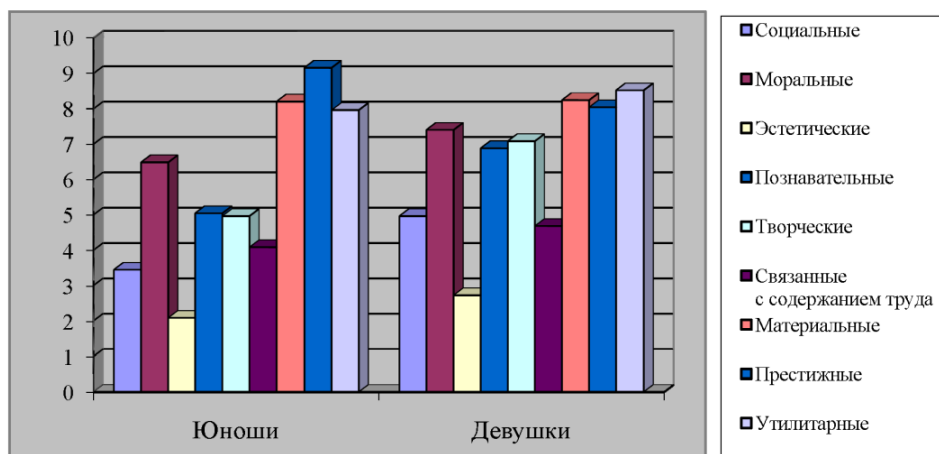

Рис. 2. Преобладающие мотивы выбора профессии у старшеклассников

Девушки стремятся выбирать профессии, предполагающие руководство людьми, работу в городе, чистоту и легкость труда, ориентацию на вуз и только затем стремление к материальным благам.

Среднее положение при выборе профессии старшеклассниками занимают такие мотивы, как: моральные, творческие, познавательные. Для старшеклассников менее важным в выборе профессии является стремление к совершенствованию, к творческой реализации в работе, к овладению специальными знаниями, познанию содержания конкретного труда. Причем средние значения по данным мотивам в группе юношей ниже, чем в группе девушек, т.е. для девушек данные мотивы более значимы.

В качестве незначимых мотивов можно отметить те, которые связаны с содержанием труда, социальные и эстетические мотивы. Осуществляя выбор профессии, старшеклассники менее ориентированы на четкие знания о процессе труда, направленность на умственный и физический труд, желание своим трудом способствовать общественному прогрессу, социальную направленность на высшие общечеловеческие цели и потребности, стремление к эстетике труда, его красоте, гармонии, восприятие прекрасного, получение ощущения радости от деятельности.

Проведенный сравнительный анализ данных с помощью *t*-критерия Стьюдента позволил выделить достоверные отличия между группами юношей и девушек по таким мотивам, как: престиж, творческие, познавательные, социальные. Это свидетельствует о том, что юноши в большей степени в выборе профессии ориентированы на ее престиж; девушки в большей степени склонны выбирать профессии, позволяющие творчески самореализоваться, овладеть специальными знаниями, познать содержание конкретного труда, своим трудом способствовать общественному прогрессу, помогать людям.

Выводы

В процессе исследования было выявлено, что у старшеклассников в выборе профессии преобладают внешние отрицательные мотивы. У юношей преобладают мотивы: престижа, материальные, утилитарные. У девушек, в отличие от юношей, доминируют утилитарные, затем материальные и мотивы престижа. Для старшеклассников наиболее характерным является социальный тип личности. Наименее выраженный характерологический тип личности – интеллектуальный, что может быть связано с тем, что учащиеся старших классов предпочитают выбирать профессии, предполагающие взаимодействие с людьми, работу с реальными объектами, а не умственный труд. Также старшеклассники в большей степени выбирают профессии гуманитарного профиля обучения, у них преобладают интересы в сфере профессий типа «Человек – Человек». Преобладающими социально-психологическими установками учащихся старших классов являются ориентация на результат и ориентация на деньги. При выборе профессии старшеклассники в большей степени ориентируются на внешние атрибуты профессии – зарплату, карьеру и др.

Были получены данные о наличии достоверных отличий в группе юношей и девушек по таким мотивам, как: внешние отрицательные мотивы; престиж, творческие, познавательные, социальные; по преобладанию интеллектуального и социального типов личности; по предпочтению профессий типа «Человек – Художественный образ»; по преобладанию у юношей социально-психологической установки «ориентация на свободу».

Таким образом, результаты нашего исследования демонстрируют необходимость проведения целенаправленной работы по формированию профессиональной мотивации у выпускников старших классов наряду с просветительской.

Список литературы

1. **Балакирева, Э. В.** Профессиологический подход к педагогическому образованию : моногр. / Э. В. Балакирева ; РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.
2. **Манаенкова, О. А.** Мотивы выбора профессии на дотрудовой стадии социализации / О. А. Манаенкова. – URL: <http://michac/narod/ru/Obschstvznanie/Manaenkova.doc>
3. **Таланова, С. И.** Особенности профессионального самоопределения старшеклассников / С. И. Таланова // Теория и практика образования в современном мире : материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб. : Реноме, 2012. – С. 226–228.
4. **Фельдштейн, Д. И.** Личностное развитие растущих людей в условиях социально-экономического кризиса / Д. И. Фельдштейн. – М. : Наука, 1994.
5. **Фельдштейн, Д. И.** Человек в современном мире – тенденции и потенциальные возможности развития / Д. И. Фельдштейн. – URL: http://snokompass.ucoz.ru/_ld/0/1_Feldshtein.00.0.pdf
6. **Сохранов-Преображенский, В. В.** Формирование профессиональных умений студентов вуза как фактор смыслообразующего образования / В. В. Сохранов-Преображенский // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3. – С. 151–159.
7. **Гриншпун, С. С.** Оценка личностно-делового потенциала учащихся в профориентационной работе / С. С. Гриншпун // Школа и производство. – 1994. – № 6. – С. 11–12.

8. **Климов, Е. А.** Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов. – М. : Академия, 2004.
9. **Павлютенков, Е. М.** Формирование мотивов выбора профессии / Е. М. Павлютенков. – Киев : Рад. школа, 1980.

References

1. Balakireva E. V. *Professiologicheskiy podkhod k pedagogicheskomu obrazovaniyu: monogr.* [Profession-related approach to pedagogical education]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2008.
2. Manaenkova O. A. *Motivy vybora professii na dotrudovoy stadii sotsializatsii* [Profession choice motivation at pre-labor stage of socialization]. Available at: <http://michac/narod.ru/Obschstvznanie/Manaenkova.doc>
3. Talanova S. I. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, fevral' 2012 g.)* [Theory and practice of education in the modern world: proceedings of the International scientific conference (Saint-Petersburg, February 2012)]. Saint-Petersburg: Renome, 2012, pp. 226–228.
4. Fel'dshteyn D. I. *Lichnostnoe razvitie rastushchikh lyudey v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa* [Personal development of growing people in conditions of a socioeconomic crisis]. Moscow: Nauka, 1994.
5. Fel'dshteyn D. I. *Chelovek v sovremennom mire – tendentsii i potentsial'nye vozmozhnosti razvitiya* [Human in the modern world – trends and potential opportunities of development]. Available at: http://snokompass.ucoz.ru/_ld/0/1_Feldshtein.00.0.pdf
6. Sokhranov-Preobrazhenskiy V. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2013, no. 3, pp. 151–159.
7. Grinshpun S. S. *Shkola i proizvodstvo* [School and production]. 1994, no. 6, pp. 11–12.
8. Klimov E. A. *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moscow: Akademiya, 2004.
9. Pavlyutenkov E. M. *Formirovanie motivov vybora professii* [Formation of profession choice motives]. Kiev: Rad. shkola, 1980.

Журавлева Ольга Валериевна

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра психологии и педагогики,
Пензенский филиал Академии МНЭПУ
(Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33а)

Zhuravleva Ol'ga Valerievna

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, sub-department
of psychology and pedagogy, Penza
branch of the Academy IUUPS
(33a Kalinina street, Penza, Russia)

E-mail: o-leleka@mail.ru

УДК 377

Журавлева, О. В.

Особенности мотивации профессионального выбора старшеклассников / О. В. Журавлева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 159–168.

М. А. Гаврилова, М. Н. Гусарова

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КОЛЛЕДЖА

Аннотация.

Актуальность и цели. Главной задачей современного образования является создание таких условий обучения, при которых не только обучающиеся могли бы раскрыть свои возможности, подготовиться к жизни в высокотехнологичном конкурентном мире, но и преподаватели были востребованными и успешными. В связи с этим актуальной задачей становится проектирование информационно-образовательной среды преподавателя колледжа как средства развития его профессиональной компетентности и обеспечивающей ему осуществление индивидуальной информационной деятельности, направленной на его профессиональное и личностное развитие. Цель работы – обосновать и проанализировать алгоритм педагогического проектирования информационно-образовательной среды преподавателя колледжа.

Материалы и методы. Для реализации исследовательских задач использовались следующие методы исследования: анализ и обобщение педагогической, методической литературы по проблеме работы; анализ образовательных стандартов, учебных программ, учебных пособий и методических материалов; обобщение педагогического опыта.

Результаты. Рассмотрено применение личностно-ориентированного подхода при проектировании информационно-образовательной среды преподавателя колледжа. Представлены этапы ее проектирования. Выделены основные цели информационно-образовательной среды преподавателя колледжа. Приведен один из возможных методов построения ее модели. Рассмотрена система принципов, характеризующих закономерности ее формирования и развития.

Выводы. Информационно-образовательная среда преподавателя колледжа активизирует традиционные и стимулирует развитие новых форм деятельности обучающихся и преподавателей, изменяет содержание образования, поэтому вопросы проектирования ее модели требуют изучения.

Ключевые слова: информационно-образовательная среда преподавателя, моделирование образовательной среды, модель информационно-образовательной среды, этапы проектирования образовательной среды преподавателя, принципы информационно-образовательной среды преподавателя.

М. А. Gavrilova, M. N. Gusarova

CONCEPTUAL SUBSTANTIATION OF THE INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT DESIGN OF A COLLEGE TEACHER

Abstract.

Background. The main task of the modern education is to create such conditions of training under which not only the trained will realize their capabilities, be prepared for life in the high-tech competitive world, but also the teachers will be demanded and successful. In this regard the design of the information and educational environment for a college teacher as a development tool of his/her professional

competence and providing implementation of the individual information activities aimed at his/her professional and personal development becomes an actual task. The purpose of the work is to prove and analyze an algorithm of pedagogical design of the information and educational environment of college teachers.

Materials and methods. For realization of research tasks the following methods of research were used: the analysis and generalization of pedagogical, methodical literature on the work problem; the analysis of educational standards, training programs, manuals and methodical materials; the synthesis of pedagogical experience.

Results. The author considered the application of the personal focused approach at designing of the information and educational environment of a college teacher, as well as the stages of the design. The main objectives of the information and educational environment of a college teacher were allocated. One of possible methods of creation of its model was given. The researcher considered a system of principles characterizing regularities of its formation and development.

Conclusions. The information and educational environment of college teachers makes active traditional forms of students' and teachers' activity and stimulates development of the new ones. The information and education environment of college teachers changes the content of education, and therefore the problems of its model design demand investigation.

Key words: information educational environment of the teacher, modeling of the educational environment, model of the information educational environment, design stages of the educational environment of the teacher, principles of the information and educational environment of the teacher.

Требования ФГОС предусматривают развитие коммуникативных, творческих и профессиональных компетенций, потребностей в самообразовании на основе потенциальной многовариантности содержания и организации обучения. Решению этих задач будут способствовать информатизация и формирование информационно-образовательных сред (ИОС) преподавателей на основе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [1]. Высокие темпы развития образования, «разворот» его направляющего вектора в сторону совершенствования системы профессиональной подготовки создали потребность в непрерывном повышении квалификации и внедрения новых форм и методов работы с обучающимися. Эти задачи могут быть решены с помощью формирования единой ИОС. В Концепции информационно-образовательной среды говорится о создании специализированных сред, обеспечивающих организацию педагогического процесса на базе ИКТ [2].

Проблеме проектирования информационно-образовательных сред посвящен ряд исследований, которые определяют сущность и характеристики процесса проектирования ИОС. В исследованиях российских ученых (А. А. Андреев, В. В. Гура, В. А. Ясвин и др.) сформулированы общие принципы построения автоматизированных обучающих систем, информационно-образовательных сред; определены направления применения ИКТ в образовании; разработаны дидактические и технологические принципы формирования и функционирования систем открытого и дистанционного образования.

В публикации [3] обосновано, что применение информационных и телекоммуникационных технологий в обучении ведет к становлению новой формы образования, системы «открытого образования». Считаем, что принцип открытости является фундаментальным при построении ИОС. В этом

случае в методической системе обучения существенно изменяется содержание ее компонентов.

Создание образовательной среды начинается с компьютерного моделирования традиционных сред в учебном процессе, к которым относятся тексты, дидактические материалы, исследовательские работы, моделирование практических опытов и др. [4]. Главными идеями здесь являются жесткая структура, типологизация, визуальное представление информации, способствующая быстрому ее поиску и обработке в соответствии с целями дальнейшего применения [5].

В. В. Гура выделяет цель педагогического проектирования ИОС – создание условий для развития личности в результате повышения качества образования за счет повышения мотивации учения и приобретения медиакомпетентности в процессе взаимодействия с личностно-ориентированными компонентами среды – электронными образовательными ресурсами [6].

Понятиям «среда», «образовательная среда», «педагогическая среда», «среда обучения» посвящено немало работ, но, как правило, под ними понимается среда, созданная для обучающегося. В нашем исследовании предлагается поэтапное создание среды для преподавателя.

В. А. Ясвин определяет образовательную среду как систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении, и выделяет в структуре образовательной среды три базовых компонента [7]:

- пространственно-предметный (пространственно-предметные условия и возможности осуществления обучения, воспитания и социализации детей);
- социальный, т.е. пространство условий и возможностей, которое создается в межличностном взаимодействии между субъектами учебно-воспитательного процесса (обучающимися, педагогами, администрацией, родителями, психологами и другими);
- психодидактический, т.е. комплекс образовательных технологий (содержания и методов обучения и воспитания), построенных на тех или иных психологических и дидактических основаниях.

В соответствии с этими компонентами строится проектирование и моделирование образовательной среды как системы возможностей, позволяющих реализовать индивидуальный учебный план, который обеспечивал бы освоение образовательной программы на основе индивидуализации ее содержания с учетом особенностей, личностного развития и образовательных потребностей конкретного обучающегося.

Согласно алгоритму педагогического проектирования образовательной среды осуществляется взаимосвязанное проектирование каждого из ее трех компонентов в контексте организации системы возможностей для удовлетворения всего иерархического комплекса потребностей и реализации личностных ценностей всех субъектов процесса обучения.

Таким образом, В. А. Ясвин проектирует образовательную среду, формирующую личность обучающегося по определенному образцу. Мы стремимся создать такую среду, которая способствует развитию творческой личности.

В рамках нашего исследования рассмотрим применение личностно-ориентированного подхода при проектировании информационно-образовательной среды преподавателя. Выделим следующие этапы проектирования ИОС:

1. Определение целей и образовательных задач ИОС преподавателя.

На данном этапе определяются цели проектирования ИОС как педагогической системы, а также система учебных задач, которые предполагается решить в рамках данной ИОС. При организации процесса обучения с помощью образовательной среды учитываются индивидуальные особенности обучающихся, т.е. реализуется обучение по индивидуальному графику с учетом подготовленности, скорости прохождения учебного материала и т.д.

К основным целям ИОС преподавателя относятся получение определенных знаний, умений и навыков по своей специальности, получение умений и навыков в овладении способами и методами извлечения и анализа информации независимо от предметной области, развитие навыков самостоятельной познавательной деятельности и развитие творческих способностей как при индивидуальной работе, так и в коллективе, способностей к саморазвитию, самопознанию.

2. Анализ программно-технического состояния, информационного и личностного потенциала преподавателя.

Сюда относится анализ технических средств обучения, состояния компьютерных сетей, необходимого программного обеспечения общего и специального назначения, обучающих комплексов по дисциплинам, их состояние, возможность обновления, а также информационное наполнение обучения (информационные ресурсы, электронные и печатные учебники, пособия, методические указания, справочники, тесты и другие контрольно-измерительные материалы).

3. Выбор педагогических технологий, методов приемов, а также видов и форм контроля учебной деятельности.

На основе анализа целей, образовательных задач ИОС, анализа программно-технического состояния рассматривается целесообразность использования различных педагогических приемов, методов и технологий для реализации обучения.

4. Информационное наполнение.

На основе пунктов 2 и 3 выполняется накопление содержательной информационной базы, а также оценивается возможность использования информационных ресурсов в предстоящем процессе обучения.

5. Определение функций информационной образовательной системы.

Рассматриваются возможности автоматизации некоторых функций преподавателя.

6. Создание модели ИОС.

7. Внедрение в процесс обучения и эксплуатация ИОС.

8. Оценка педагогической эффективности. Измерение качественных и количественных педагогических характеристик процесса обучения.

9. Верификация и корректировка.

Верификация позволяет оценить соответствие параметров разработки с исходными требованиями и при необходимости вносить изменения в предыдущие этапы.

Построение информационно-образовательной среды преподавателя осуществляется на основе обязательного предварительного моделирования. Одним из наиболее целесообразных и эффективных методов проектирования ИОС является метод информационного моделирования. Из теории информационного моделирования следует, что информационная модель выступает как совокупность взаимосвязанных описаний понятий о предмете изучения на основе применения знаковых систем. В информационной модели отражаются качественные и количественные свойства объектов и процессов, составляющих предмет изучения, а также логические, функциональные, пространственные и временные отношения между ними.

Модель ИОС отражает компонентную структуру среды, определяющую не только объекты и технологии, входящие в среду, но и систему межкомпонентных взаимосвязей и взаимодействий, а также содержит систему основных требований, которым должны удовлетворять как отдельные информационные ресурсы, так и объединяющая их информационно-образовательная среда.

Модель определяет информационно-образовательную среду преподавателя как многокомпонентную систему, включающую в себя электронные учебно-методические материалы, наукоемкое программное обеспечение, специализированные тренажеры и средства компьютерного моделирования, системы контроля знаний, технические средства, базы данных и информационно-справочные системы. Многокомпонентную модель информационно-образовательной среды преподавателя рассматриваем как систематизированное объединение требований, подсистем, информационных ресурсов и технологий, оказывающих влияние на специфику и эффективность информатизации учебной, контрольно-измерительной, научно-исследовательской деятельности преподавателей и обучающихся. Структура информационно-образовательной среды преподавателя представлена на рис. 1. В состав среды входят: подсистемы среды, требования, предъявляемые к разработке ИОС, основные преимущества и перспективы использования информационной образовательной среды.

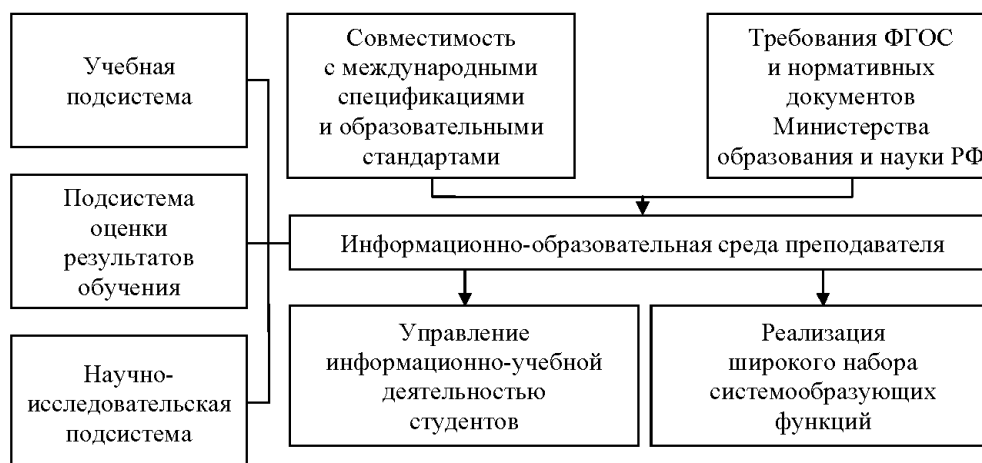

Рис. 1. Модель информационно-образовательной среды преподавателя

Учебная подсистема содержит программно-методический комплекс, обеспечивающий информатизацию учебной деятельности: стандарт по дисциплине, рабочую программу дисциплины, учебники и учебные пособия, электронные учебники, справочники, лекции, презентационный материал и другие материалы, основное назначение которых создание и расширение информационного поля, направленного на будущую профессиональную деятельность.

Подсистема оценки результатов обучения включает в себя средства измерения, оценки и контроля знаний, умений и навыков обучающихся: руководства практических и лабораторных занятий; программы тестирования, демонстрационные работы обучающихся и другие материалы, основное назначение которых создание и расширение информационного поля, направленного на систематизацию оценки и контроля знаний, умений и навыков обучающихся.

Научно-исследовательская подсистема содержит научно-методические исследования преподавателей и обучающихся: доклады, сообщения, обеспечение самостоятельной работы обучающихся по преподаваемым дисциплинам.

При проектировании модели ИОС к среде предъявляются требования соответствия ФГОС третьего поколения и нормативным документам Министерства образования и науки РФ, совместимости с международными спецификациями и образовательными стандартами. Кроме того, проектирование и эксплуатация учебной подсистемы информационно-образовательной среды осуществляется в строгом соответствии с требованиями и рекомендациями методического и технологического характера. Основными требованиями к подсистемам, входящим в состав ИОС, являются наличие четкой методики их использования в обучении, фильтрации информации, поступающей к обучающимся, и обязательной взаимосвязи с электронными ресурсами других компьютерных средств, входящих в среду. Информационные ресурсы, собранные в учебной подсистеме ИОС, отвечают стандартным дидактическим требованиям, предъявляемым к традиционным учебным изданиям, таким как учебники, учебные и методические пособия. К электронным информационным ресурсам в связи с их участием в создании информационно-образовательной среды преподавателя предъявляется специфическое требование: навигация каждого информационного ресурса должна способствовать пониманию обучающегося или преподавателя его текущего местоположения в иерархии информационного пространства всей среды, характера содержания компонентов и подсистем среды.

При проектировании ИОС необходимо учитывать, что образовательная среда должна быть открыта для взаимодействия с внешним информационным, образовательным окружением, обеспечивать возможность преподавателю и обучающемуся оптимально подбирать образовательные ресурсы, выбирать виды деятельности – для развития личностных качеств каждого обучающегося. Это является немаловажным принципом, характеризующим закономерности формирования и развития ИОС при непосредственном участии субъектов процесса обучения.

ИОС позволяет обеспечить управление информационно-учебной деятельностью обучающихся, реализацию широкого набора системообразующих функций, например каталогизацию ресурсов, выполнение единых квалификационных требований и т.д. Организация обучения с помощью информационно-образовательных сред позволяет достигнуть таких важных педагогических целей, как развитие личности обучающегося, подготовка к самостоятельной продуктивной деятельности в условиях информационного общества, развитие конструктивного, алгоритмического мышления, когда обучающийся погружается в среду, требующую четкого планирования любых видов деятельности; развитие коммуникативных способностей в ходе выполнения совместных проектов, благодаря расширению возможностей взаимодействия с помощью таких технологий, как электронная почта и электронные конференции; формирование умений в принятии оптимальных решений и адаптации в сложной ситуации в ходе компьютерных экспериментов на основе моделирующих программ, при работе с тренировочными программами, адаптирующимися к возможностям обучающихся путем предъявления индивидуальных заданий и стимулирующими их к улучшению результатов. Развитие образовательной среды влияет на изменение содержания и форм деятельности обучающихся и преподавателей, и, наоборот, образовательная среда развивается благодаря активным созидательным процессам, в которые она вовлекает преподавателей и обучающихся. Информационно-образовательная среда преподавателя понимается как система, аккумулирующая не только программно-методические, организационные и технические ресурсы, но и интеллектуальный, культурный потенциал преподавателя, содержательный и деятельностный компоненты самих обучающихся и преподавателей. Основным механизмом реализации развивающих возможностей ИОС является деятельность преподавателей по воспитанию у обучающихся потребностей в самообразовании в условиях диалогичности обучения, что обеспечивает его управляемость.

Таким образом, предположная структура ИОС преподавателя обеспечивает: формирование навыков исследовательской деятельности; формирование умений добывать и обрабатывать необходимую информацию из разных источников; организацию совместных исследовательских работ обучающихся и преподавателей; оперативный обмен информацией; формирование коммуникативных навыков. Благодаря наполнению ИОС актуализируется содержание обучения, возможен интенсивный обмен информацией, процесс обучения принимает динамический характер. При этом преподаватель не только развивает обучающихся, но и с внедрением ИОС в процесс обучения он получает стимул для самообразования, профессионального роста и творческого развития. Внедряя ИОС в образовательную деятельность при подготовке будущих специалистов, которым предстоит реализоваться в новом, информационном обществе, преподаватель специальных дисциплин повышает качество образования, уровень подготовки специалистов, умножая при этом и свое профессиональное мастерство. В данном аспекте информационно-образовательная среда повышает уровень сформированности отдельных элементов профессиональных качеств преподавателя и тем самым актуализирует потребность в совершенствовании преподавателями своих профессиональных компетентностей.

Список литературы

1. **Захарова, И. Г.** Формирование информационной образовательной среды высшего учебного заведения : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Захарова И. Г. – Тюмень, 2003.
2. Концепция создания и развития единой системы дистанционного образования в России. – URL: www.e-joe.ru/sod/97/2_97/st064.html.
3. **Андреев, А. А.** Прикладная философия открытого образования: педагогический аспект / А. А. Андреев, В. И. Солдаткин. – М. : РИЦ «Альфа», МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2002. – 168 с.
4. **Гаврилова, М. А.** Создание компьютерной среды обучения в педагогическом вузе / М. А. Гаврилова, А. Ю. Казаков // Информатизация образования. – Елец, 2005. – С. 286–288.
5. **Гаврилова, М. А.** Информационно-образовательная среда для организации самостоятельной деятельности студентов – будущих учителей математики / М. А. Гаврилова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Общественные науки. – 2011. – № 24. – С. 598–602.
6. **Гура, В. В.** Теоретические основы педагогического проектирования личностно-ориентированных электронных образовательных ресурсов и сред / В. В. Гура. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2007. – 320 с.
7. **Ясвин, В. А.** Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М. : Смысл, 2001. – 365 с.

References

1. Zakharova I. G. *Formirovanie informatsionnoy obrazovatel'noy sredy vysshego uchebnogo zavedeniya: avtoref. dis. d-ra ped. nauk* [Formation of the information and educational environment at a university: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of pedagogical sciences]. Tyumen, 2003.
2. *Kontseptsiya sozdaniya i razvitiya edinoy sistemy distantsionnogo obrazovaniya v Rossii* [The concept of formation and development of the uniform system of distant education in Russia]. Available at: www.e-joe.ru/sod/97/2_97/st064.html.
3. Andreev A. A., Soldatkin V. I. *Prikladnaya filosofiya otkrytogo obrazovaniya: pedagogicheskiy aspekt* [Applied philosophy of open education: pedagogical aspect]. Moscow: RITs «Al'fa», MGOPU im. M. A. Sholokhova, 2002, 168 p.
4. Gavrilova M. A., Kazakov A. Yu. *Informatizatsiya obrazovaniya* [Informatization of education]. Elets, 2005, pp. 286–288.
5. Gavrilova M. A. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Social sciences]. 2011, no. 24, pp. 598–602.
6. Gura V. V. *Teoreticheskie osnovy pedagogicheskogo proektirovaniya lichnostno-orientirovannykh elektronnykh obrazovatel'nykh resursov i sred* [Theoretical bases of pedagogical design of person-oriented electronic educational resources and environment]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU, 2007, 320 p.
7. Yasvin V. A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modeling to design]. Moscow: Smysl, 2001, 365 p.

Гаврилова Маргарита Алексеевна
доктор педагогических наук, профессор,
кафедра алгебры и методики обучения
математике и информатике, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: margogavr@yandex.ru

Gavrilova Margarita Alekseevna
Doctor of pedagogical sciences, professor,
sub-department of algebra and mathematics
and informatics teaching technique, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Гусарова Марина Николаевна

аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: marinapnzru@mail.ru

Gusarova Marina Nikolaevna

Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 378.30

Гаврилова, М. А.

Концептуальное обоснование проектирования информационно-образовательной среды преподавателя колледжа / М. А. Гаврилова, М. Н. Гусарова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 169–177.

ТИПЫ ЦВЕТООБРАЗОВ В СМЫСЛОВОЙ ДИДАКТИКЕ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Внимание к мотивационно-смысловым аспектам обучения в современном российском образовании диктует необходимость раскрыть смыслообразующий потенциал цветообразов, которые подростки используют в учебном процессе. Педагогическая практика свидетельствует о том, что обучающиеся не осознают ценности субъективного отношения к учебному содержанию, у них утрачивается привычка «работать» с цветовыми образами и, как результат, «открывать» свой внутренний мир для себя и других. Цель работы – разработка типов цветообразов в контексте смысловой дидактики.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования психологических исследований в области смысла и саморазвития личности. Методологический потенциал включает структурно-смысловой анализ, применение которого позволяет обосновать выбор критериев для формирования типологии цветообразов, используемых обучающимися в учебном процессе, и последующего выбора технологий, инициирующих их смыслообразование.

Результаты. Выделены и охарактеризованы типы цветообразов как способа «включения» личностно значимого отношения обучающихся к учебному содержанию в зависимости от специфики их восприятия, личностной интерпретации и презентации обучающимися в учебном процессе. Уточнены критерии, в соответствии с которыми выделены и охарактеризованы три группы цветообразов, имеющих множество подгрупп (неустойчивые, заимствованные, цветообразы-свойства и др.).

Выводы. Предложенная типология цветообразов служит основанием для разработки технологий, инициирующих смыслообразование обучающихся в учебном процессе, что позволит учителям осуществлять мягкое управление развитием их смысловой сферы.

Ключевые слова: смысловая дидактика, цветообраз, типы цветообразов, критерии упорядочивания, личностное восприятие, глубина личностной интерпретации, презентация.

I. A. Rudakova, B. A. Huaz

TYPES OF COLOR IMAGES IN SEMANTIC DIDACTICS

Abstract.

Background. Attention to motivational and semantic aspects of learning in the modern Russian education dictates a need to disclose sense making potential of color images that teenagers use in the educational process. Pedagogical practice shows that students do not realize the value of subjective relation to the educational content, they have lost the habit to “work” with color images, and as a result – to

¹ Результаты работы получены при поддержке проекта № 2873 «Теория, методика и технологии профессионального образования по направлениям подготовки, соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики, выполняемого в рамках базовой части государственного задания № 2014/143».

“open” their inner world for themselves and others. The purpose of the work is to develop types of color images in the context of semantic didactics.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was achieved through the use of psychological research in the area of meaning and self-development. Methodological potential included the structural and semantic analysis, the use of which allowed to substantiate the choice of criteria in order to form a typology of color images, used by learners in the educational process, and the subsequent choice of technologies, initiating their meaning making.

Results. The authors distinguished and characterized the types of color images as a way to “turn on” personal-significant relationship of students to the educational content in accordance with specifics of their perception, personal interpretation and presentation by students in the learning process. The researchers also clarified the criteria, in accordance with which they distinguished and characterized three groups of color images having a plurality of subgroups (unstable, borrowed, color images properties, etc.).

Conclusions. The proposed typology of color images serves as a basis for the development of technologies initiating meaning making of students in the learning process that will allow teachers to implement soft managing through development of their semantic sphere.

Key words: semantic didactics, color images, types of color images, criteria for ordering, personal perception, depth of personal interpretation and presentation.

Смысловая дидактика относится к числу современных психолого-педагогических направлений, обеспечивающих «запуск» процессов смыслообразования обучающихся в учебном процессе. Стратегическая задача смыслодидактики – разработать систему ее операционализации [1–3].

В исследованиях И. В. Абакумовой, П. Н. Ермакова, И. А. Рудаковой, В. Т. Фоменко и других обоснована многомерная классификация дидактических методов, в содержании которой значительное место занимают методы, обеспечивающие самовыражение обучающихся [1]. Самовыражение личности рассматривается стадией, предвещающей ее самореализацию, так как «Я» еще не познано до конца, отсутствует целостное представление о себе [4].

Учебная деятельность представляет собой пространство для самовыражения личности обучающегося. Из многообразия средств самовыражения можно выделить цветообразы.

Понятие «цветообраз» используется преимущественно в рамках гуманитарного познания, в частности при изучении специфики литературного творчества поэтов и писателей (Е. М. Гуделева, Е. В. Матвеева и др.). В контексте гуманитарных наук цветообраз становится ярким выразителем субъективного творческого начала (знаком культуры, эпохи, направления, стилевой индивидуальности автора) [5, с. 8].

В психологических исследованиях «корни» интеграции цвета и образа обоснованы в эмоции (Б. А. Базыма, П. В. Яньшин, И. Иттен), символе (Л. Т. Потанина, А. Н. Гусева, Е. А. Колтунова) и смысле (В. В. Драгунский, Ж. Ю. Кара, В. Ф. Сазонов, Р. В. Сальный, М. А. Семенова).

Заметен интерес к цветообразам как педагогической категории в художественном и валеологическом образовании, а также в компьютерной дидактике (Г. А. Лобанова, В. С. Кукушин, А. Б. Савченко, Н. Г. Тищенко, В. Т. Фоменко и др.).

Вместе с тем еще недостаточно раскрыт смыслообразующий потенциал цветообразов в учебном процессе, в частности, какие типы цветообразов использует обучающийся в зависимости от особенностей своего восприятия, способов личностной интерпретации цветообразов и демонстрации их другим. Данный аспект проблемы актуален для подростков. В частности, у старшеклассников потребность в означивании самого себя через значимого другого, развитии эмоционально-чувственной и смысловой сферы может происходить по продуктивному и непродуктивному путям [1, 6]. Выявление и описание типов цветообразов, используемых обучающимися в учебном процессе, позволит разработать технологии, направленные на «запуск» механизмов смыслообразования, что в свою очередь обеспечит продуктивный сценарий развития смысловой сферы подростков.

Цель исследования состоит в разработке типов цветообразов в контексте смысловой дидактики. Объектом исследования выступает учебный процесс как смыслообразующий контекст. Предмет исследования – типы цветообразов.

Для реализации поставленной цели необходимо решить две исследовательские задачи:

1. Уточнить и кратко описать критерии для выделения основных типов цветообразов.
2. Охарактеризовать основные типы цветообразов, используемые обучающимися в учебном процессе.

Теоретико-методологическую основу работы составили: теория смысла и смыслообразования (И. В. Абакумова, А. Г. Асмолов, Л. Ц. Кагермазова, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Д. Фельдштейн); психологические исследования цвета и образа, их взаимосвязи (И. К. Арсеньев, А. П. Василевич, Л. С. Выготский, И. В. Гете, Н. И. Губанов, С. А. Исаева, Н. А. Карева, Н. В. Кулагина, Ю. М. Лотман, Ю. В. Манн, Ю. И. Романов, Р. М. Фрумкина, Е. В. Шелестюк, П. В. Яньшин); исследования в области восприятия цветообразов в различных возрастных группах (К. А. Абульханова-Славская, А. А. Адашкина, А. В. Криницына, А. Б. Савченко); педагогические исследования, посвященные технологическим аспектам обучения с использованием цветовых образов (И. В. Арнольд, М. В. Беззубикова, В. С. Кукушин, И. Г. Тищенко, В. Т. Фоменко).

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: цветовой тест отношений Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинды, предназначенный для изучения эмоциональных компонентов отношений человека к значимым для него людям и отражающий как сознательный, так и частично неосознаваемый уровни этих отношений; ориентационная анкета Б. Басса для определения личностной направленности; тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (СЖО), позволяющий изучить особенности смысловой сферы обучающихся, выделить уровень их смыслового развития; самоактуализационный тест в адаптации Н. Ф. Калина, определяющий специфику стремлений человека к более полному выявлению и развитию своих личностных возможностей и др.

Для разработки основных типов цветообразов необходимо, во-первых, установить показатели, в соответствии с которыми раскрывается специфика восприятия, интерпретации и презентации используемых обучающимися

в учебном процессе цветообразов; во-вторых, в контексте смысловой дидактики уточнить критериальную базу, позволяющую группировать множество цветообразов.

Для решения первой исследовательской задачи воспользуемся тремя показателями: формальным, содержательным и мотивационным [7, с. 12]. В фокусе формального показателя специфика восприятия цветообразов обучающимися раскрывает компонентный состав понятия. Содержательный показатель, посредством которого оценивается личностная интерпретация цветообраза, фиксирует его личностную значимость. Мотивационный показатель указывает на основные интенции, мотивы, пробуждающие обучающегося использовать в учебном процессе определенные средства самовыражения в цветообразах.

Кратко опишем результаты, полученные в ходе проведения экспериментальной работы по разработке технологий, инициирующих смыслообразование в учебном процессе с использованием цветообразов в соответствии с представленными показателями.

На констатирующем этапе экспериментального исследования большинство обучающихся (учащиеся, студенты первого курса колледжа) воспринимают цветообраз как два независимых, не связанных внутренне компонента, что проявляется в расстановке акцентов преимущественно на конкретном цвете или конкретном образе. В цветообразе цвет соотносится с образами, возникающими спонтанно, в зависимости от ситуаций, эмоционального настроения обучающихся, что выражается в использовании устойчивых ассоциативных связей. Например, темно-синий цвет связан с образами моря (озера), глаз, неба [8].

Эмоциональные связи между цветом и образом чаще рассогласованы, что выражается в высказываниях полярных эмоций на один и тот же цвет, а также в восприятии цвета как предпочитаемого или отвергаемого в зависимости от ситуаций. Например, темно-синий цвет рассматривается в контексте эмоций депрессии, тоски, злости, раздражительности, грусти, с одной стороны, с другой – представлен эмоциями пробуждения, отличного настроения.

Цветообраз и его личностная интерпретация также рассогласованы. Возникающие спонтанно, сиюминутно образы и цвет не соотносятся с событиями и переживаниями актуального жизненного опыта, с перспективами построения смысложизненной стратегии. Результаты исследования показывают, что лишь 8 % опрошенных считают, что цветообраз связан с их жизнью и «с хорошей фантазией» [8, с. 283].

Для передачи возникающих в сознании обучающихся цветообразов они предпочитают опираться на рисунки, графики, таблицы, которые отыскивали с помощью интернет-ресурсов. Что касается выбора средств самовыражения цветообразов с опорой на собственные творческие ресурсы (художественные, словесные, практические), то их репертуар достаточно скудно представлен обучающимися.

В ходе проведения формирующего эксперимента подтверждена зависимость выбора цвета от личностных предпочтений цветовых сочетаний, которые помогают раскрытию личностного смысла цветообраза; установлено, что цветообраз приобретает определенный для каждой личности смысл на основе эмоционального переживания и жизненного опыта обучающихся; це-

лостность смыслового образа достигается цветовыми сочетаниями; гармонизация цветов в цветообразе способствует формированию и развитию их смысловой перспективы.

На основании полученных данных были выделены индикаторы показателей, по которым можно раскрыть особенности восприятия, интерпретации и презентации обучающимися цветообразов. В формальном показателе отражены количественный состав воспринимаемых компонентов в содержании понятия «цветообраз» и число ассоциаций, посредством которых цвет и образ связываются между собой.

Индикаторами содержательного показателя выступают: отдельные компоненты (цвет или образ) понятия, имеющие личностную значимость; оба компонента, связанные на основе определенных групп эмоций; жизненный опыт, ценностный ряд обучающегося, порождающие его смысловые инициации.

В мотивационном показателе зафиксированы преимущественно мотивы избегания неудач и достижений, а также субъект-объект-субъектное самоотношение и др.

В соответствии с предлагаемыми индикаторами можно выделить три группы обучающихся, различающихся по уровням развития представлений о цветообразе (низкий, средний и высокий), что в свою очередь дает нам право группировать цветообразы согласно предложенной логике.

Для разработки технологий, инициирующих смыслообразование обучающихся в учебном процессе, обратим внимание на особенности восприятия цветообразов. Нас будет интересовать момент длительности их восприятия. В основу уточнения критерия положены, во-первых, идея о восприятии как активном процессе отыскания порядка [9], сортировки и истолкования; во-вторых, динамические проявления смыслов и, в-третьих, идея самодвижения личности от его актуального «Я» к проектированию своей жизненной перспективы.

В смысловой дидактике обосновано, что смысловая сфера личности представлена динамическими и устойчивыми структурами, непосредственно и опосредованно связанными с ситуативными и устойчивыми смыслами. Конкретизируя механизмы смыслообразования, имея в виду, с одной стороны, жизненные смыслы как атрибут жизненного мира человека, а с другой – устойчивую, стержневую систему смыслов его субъективного мира, отметим принципиальную значимость взаимодействия указанных смысловых сфер личности в смыслообразующем процессе. Замыкание смыслового субъектного опыта человека, смысловой матрицы его сознания на жизненных ценностях жизненного мира человека переводит их в ранг личностных смыслов, обратным образом влияющих на породившую их устойчивую смысловую структуру. Во взаимодействии двух смысловых стратегий в одном и том же смысловом пространстве личности процесс смыслообразования принимает характер смысловой самоактуализации и взаимного обогащения самих смысловых стратегий [1, 10].

Полагаем, что дихотомия отношений «динамическое – устойчивое» в смыслах может быть перенесена в контексте восприятия цветообразов обучающимися.

В контексте саморазвития и самореализации личности обучающегося также подчеркнем его активность, способность ставить цели, проектировать,

преобразовывать, т.е. не только отражать действительность, но и преобразовывать ее. Потому выделим критерий «длительности запечатлений», в соответствии с которым выдвинем на первый план неустойчивые (ситуативные, спонтанные, прагматические, операциональные) и устойчивые цветообразы. Экспериментальные исследования смысловой сферы личности (В. К. Вилюнас, Д. А. Леонтьев, И. В. Абакумова) свидетельствуют, что известная психологическая последовательность «вхождение в зону развития – зона актуального развития – зона ближайшего развития – зона саморазвития» является детерминирующей и в тенденциях смыслообразования [1, 2, 11]. Неосознаваемые, ситуативные смыслы, заключенные в цветообразах, инициируют разнонаправленное движение мысли, пытаясь выйти на сознаваемый уровень, интерферируют мыслительное содержание в процессе обучения, обеспечивают «выход» в зону саморазвития личности обучающегося. За любыми наличествующими проявлениями и признаками личности таится огромный «возможный мир» – потенциальные состояния, неиспользованные ресурсы, нереализованные установки, готовые к актуализации образцы поведения и межличностного взаимодействия и т.д. [10, с. 93].

Нуждается в уточнении также второй критерий, обусловленный спецификой личностно-смысловой интерпретации цветообразов обучающимися. Согласно критериям развития смысловой сферы, проникновение смысла во все структуры и подструктуры личности характеризуется глубиной личностного отношения субъекта, что соответствует включению процессов смыслообразования обучающихся в учебном процессе [1, с. 46].

По критерию «глубина смысловой интерпретации» можно выделить второй тип (группу) цветообразов: цветообразы-свойства, цветообразы-композиции и цветообразы-метафоры [7, с. 13]. Глубина личностной интерпретации отражается в цветообразах-метафорах [1, с. 46]. Ее параметрами выступают такие характеристики, которые связаны с умениями обучающихся представить цветные образы, «увидеть» и сформулировать свою смысложизненную концепцию (перспективу жизни), раскрыть методы самореализации, использовать средства самостроительства с помощью цветообразов, представить целостность цветообраза через гармонизацию цвета и др.

Уточнению также подвергается третий критерий – презентация цветообразов. В смысловой дидактике обоснована необходимость в развитии готовности у обучающихся к самопрезентации, которая в свою очередь рассматривается производной от того, насколько гармонизировано на личностном уровне соотношение Я-реального и Я-идеального [12, с. 11]. В качестве условий выступают: собственно личностные аспекты влияния создаваемого образа на межличностное взаимодействие, понимание особенностей другого человека в процессе взаимодействия, умение по возможности объективно оценить впечатление, производимое на партнера, а также умение понять его ценностно-смысловые установки и оценочные приоритеты [12, с. 8].

Отсюда следует, что в третьем критерии подчеркиваются сторона «самости» личности, ее творческий потенциал, способность к самопрезентации в учебном процессе используемых цветообразов, что находит отражение в таком критерии развития смысловой сферы, как субъективность отношений, т.е. «замыкание их на себя». Развитие личностной сферы обуславливает их стремление заниматься определенного рода деятельностью, постоянное стремление к определенной проблематике [1, с. 46].

Поэтому по третьему критерию – средствам самопрезентации – выделим собственно созданные личностью обучающегося и заимствованные цветообразы. И в том и в другом случаях действия обучающихся приобретают творческий характер. При выборе заимствованных цветообразов необходимо подобрать образы (будь то какие-либо геометрические фигуры или образ людей и животных и др.), соответствующие их представлениям, соотнести цветное восприятие своего цветообраза с теми цветами, которые предлагает на выбор, например, «компьютер», уточнить средства для максимально точной передачи своего цветообраза и др. В процессе такой работы совершаются действия относительно «Я» в целом, они определяются усилиями, способствующими самовыражению [10, с. 95]. В результате данного подхода к себе повышается уровень пластичности жизнедеятельности субъекта. Учебная деятельность в этом плане предстает как «единство целенаправленной и целелеполагающей активности учащегося, реализующей и развивающей систему его отношений к миру» [13, с. 57].

В ходе проведенного исследования были сформулированы следующие выводы, составляющие научную новизну и теоретико-практическую значимость исследования:

1. Выделены и уточнены (в зависимости от специфики личностного восприятия, личностной значимости, презентативных способностей) критерии, показатели и индикаторы для упорядочения цветообразов, используемых обучающимися в учебном процессе, что позволяет разработать технологии, обеспечивающие «запуск» смыслообразования в учебном процессе.

2. Обоснованы и кратко охарактеризованы три типа (группы) цветообразов по каждому из критериев. Первый тип (критерий длительности запечатлений) представлен неустойчивыми (ситуативными, спонтанными и др.) и устойчивыми цветообразами. Второй тип (критерий глубины личностной интерпретации) цветообразов раскрывается через подчеркивание их отдельных свойств, композиционную структуру и метафоризацию. В составе третьего типа (критерий средства самопрезентации) – собственно созданные и заимствованные цветообразы.

Список литературы

1. **Абакумова, И. В.** Смыслоцентризм в педагогике: новое понимание дидактических методов / И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, И. А. Рудакова. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2006. – 256 с.
2. Психология эмоций : хрестоматия / сост. В. К. Вилюнас. – СПб. : Питер Ком, 2007. – 705 с.
3. **Кагермазова, Л. Ц.** Смысловые коммуникации в учебном процессе: теория и технологии направленной трансляции смыслов в обучении : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Кагермазова Л. Ц. – Ростов н/Д, 2009. – 45 с.
4. **Лукина, Е. А.** Особенности самоосуществления человека в разные периоды взрослости : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Лукина Е. А. – СПб., 2006. – 258 с.
5. **Матвеева, Е. В.** Функции цветообраза в прозе ФРГ 60–80-х гг. : дис. ... канд. филол. наук / Матвеева Е. В. – Н. Новгород, 1999. – 216 с.
6. **Адаскина, А. А.** Художественное восприятие действительности у детей и взрослых / А. А. Адаскина // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21, № 4.
7. **Курина, В. А.** Педагогическое проектирование как способ творческой организации образовательного пространства / В. А. Курина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 4. – С. 196–204.

8. **Хуаз, Б. А.** Основные свойства цветообраза как психологической категории / Б. А. Хуаз // Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (заочной) / под ред. Е. В. Харитоновой. – Краснодар : ИЭиУ МиСС, Парабеллум, 2014. – С. 281–285.
9. **Арсеньев, И. К.** Эстетические закономерности и психологические механизмы художественного восприятия : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Арсеньев И. К. – М., 2011. – 28 с.
10. **Колесина, К. Ю.** Метапроектное обучение: теория и технологии реализации в учебном процессе / К. Ю. Колесина. – Ростов н/Д : Старые русские, 2008. – 250 с.
11. **Леонтьев, Д. А.** Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
12. **Савин, В. А.** Дидактические основы развития самопрезентации у старшеклассников : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Савин В. А. – Ростов н/Д, 2013. – 137 с.
13. **Подласый, И. П.** Продуктивная педагогика : кн. для учителя / И. П. Подласый. – М. : Народное образование, 2003.

References

1. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Rudakova I. A. *Smyslotsentrizm v pedagogike: novoe ponimanie didakticheskikh metodov*. [Semantic centrism in pedagogy: new understanding of didactic methods]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostov. un-ta, 2006, 256 p.
2. *Psikhologiya emotsiy: khrestomatiya* [Psychology of emotions: reading book]. Comp. by V. K. Vilyunas. Saint-Petersburg: Piter Kom, 2007, 705 p.
3. Kagermazova L. Ts. *Smyslovye kommunikatsii v uchebnom protsesse: teoriya i tekhnologii napravlennoy translyatsii smyslov v obuchenii: avtoref. dis. d-ra psikhol. nauk* [Semantic communications in the educational process: theory and technologies of direct sense translation in education: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of psychological sciences]. Rostov-on-Don, 2009, 45 p.
4. Lukina E. A. *Osobennosti samoosushchestvleniya cheloveka v raznye periody vzroslosti: avtoref. dis. kand. psikhol. nauk* [Features of person's self-realization at various periods of adulthood: author's dissertation to apply for the degree of the candidate of psychological sciences]. Saint-Petersburg, 2006, 258 p.
5. Matveeva E. V. *Funktsii tsvetoobraza v proze FRG 60–80-kh gg.: dis. kand. filol. nauk* [Functions of color images in prose in FRG in 60s–80s: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Nizhny Novgorod, 1999, 216 p.
6. Adaskina A. A. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. 2000, vol. 21, no. 4.
7. Kurina V. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2013, no. 4, pp. 196–204.
8. Khuaz B. A. *Aktual'nye problemy realizatsii sotsial'nogo, professional'nogo i lichnostnogo resursov cheloveka: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (zaочноy)* [Topical problems of realization of social, professional and personal resources of a person: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (extramural)]. Krasnodar: IEiU MiSS, Parabellum, 2014, pp. 281–285.
9. Arsen'ev I. K. *Esteticheskie zakonomernosti i psikhologicheskie mekhanizmy khudozhestvennogo vospriyatiya: avtoref. dis. kand. filos. nauk* [Aesthetic regularities and psychological mechanisms of artistic perception: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of philosophy]. Moscow, 2011, 28 p.
10. Kolesina K. Yu. *Metaproektnoe obuchenie: teoriya i tekhnologii realizatsii v uchebnom protsesse* [Metaproject education: theory and technologies of realization in the educational process]. Rostov-on-Don: Starye russkie, 2008, 250 p.
11. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of sense: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smysl, 2003, 487 p.

12. Savin V. A. *Didakticheskie osnovy razvitiya samoprezentatsii u starsheklassnikov: avtoref. dis. kand. ped. nauk* [Didactic bases of self-presentation development in senior high school students: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of pedagogical sciences]. Rostov-on-Don, 2013, 137 p.
13. Podlasyy I. P. *Produktivnaya pedagogika: kn. dlya uchitelya* [Productive pedagogy: teacher's book]. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2003.
-

Рудакова Ирина Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
им. М. И. Платова
(Россия, г. Новочеркасск,
ул. Просвещения, 132);
член-корреспондент РАЕН, профессор,
кафедра педагогики и психологии,
Кубанский государственный университет
(Россия, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149)

E-mail: irina_rudak@mail.ru

Rudakova Irina Alekseevna

Doctor of pedagogical sciences, professor,
South-Russian State Polytechnic University
named after M. I. Platov
(132 Prosveshcheniya street,
Novocherkassk, Russia);
corresponding member of the Russian
Academy of Natural Sciences, professor,
sub-department of pedagogy
and psychology, Kuban State University
(149 Stavropolskaya street, Krasnodar,
Russia)

Хуаз Бэла Азаматовна

соискатель, кафедра педагогики
и образовательных технологий, Центр
профессиональной переподготовки
и повышения квалификации
преподавателей высших и средних
специальных учебных заведений,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
им. М. И. Платова
(Россия, г. Новочеркасск,
ул. Просвещения, 132)

E-mail: belahuaz@yandex.ru

Huaz Bela Azamatovna

Applicant, sub-department of pedagogy
and educational technologies, Center
of vocational retraining and advanced
studies for university and vocational college
teachers, South-Russian State Polytechnic
University named after M. I. Platov
(132 Prosveshcheniya street,
Novocherkassk, Russia)

УДК 37.02

Рудакова, И. А.

**Типы цветообразов в смысловой дидактике / И. А. Рудакова,
Б. А. Хуаз // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 178–186.**

Э. Ю. Мизюрова

**ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В АГРАРНОМ ВУЗЕ****Аннотация.**

Актуальность и цели. Изменения в системе аграрного образования современной России обуславливают необходимость формирования межкультурной компетенции в процессе профессионально ориентированного обучения иностранному языку. Одной из проблем аграрного образования является неспособность обеспечить в полной мере необходимое количество конкурентоспособных специалистов в области сельского хозяйства, владеющих иностранным языком разных профилей. Цель работы – проанализировать процесс формирования межкультурной компетенции студентов с учетом реальности учебного процесса в аграрном вузе.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования современных интенсивных методов обучения иностранным языкам. В ходе исследования выделен контекстный подход, в котором основной упор делается на формирование профессиональной мотивации развития личности. Применение коммуникативного подхода предполагает общение людей, формирование словесно-логического мышления на чужом языке. Активные формы обучения способствуют формированию межкультурной компетенции.

Результаты. Проведен анализ существующих реальных условий обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза. Рассмотрены особенности обучения профессиональному иноязычному общению. Отмечены основные признаки межкультурной компетенции.

Выводы. Изучение особенностей формирования межкультурной компетенции в процессе профессионально ориентированного обучения иностранному языку в аграрном вузе позволяет поднять образовательный процесс на новый уровень, формировать у студента современное ценностное отношение к иноязычной культуре и ее носителям.

Ключевые слова: профессионально ориентированное обучение иностранному языку, профессиональная мотивация, общение, межкультурная компетенция, иностранный язык для профессионального общения.

E. Yu. Mizyurova

**FORMATION OF THE INTERCULTURAL COMPETENCE
IN THE PROCESS OF PROFESSION-ORIENTED FOREIGN
LANGUAGE TEACHING IN AN AGRARIAN UNIVERSITY****Abstract.**

Background. Changes in the agricultural education system of the modern Russia are caused by the necessity of studying the formation of the intercultural competence in the process of profession-oriented foreign language teaching. One of the problems of agricultural education is a failure to provide the required number of competitive specialists in the field of agriculture, having a high level of foreign language of different profiles. The aim of the work is to analyze the process of intercultural competence formation in students regarding the reality of the educational process in an agrarian university.

Materials and methods. Realization of the research objectives was achieved through usage of modern intensive methods of foreign language teaching. The study highlights the contextual approach, according to which the emphasis is placed on the formation of professional motivation of a person. The use of the communicative approach involves communication between people, formation of verbal-logical thinking in a foreign language. Active forms of teaching promote formation of the intercultural competence.

Results. The author analyzed the existing real conditions of foreign language teaching among students of an agrarian university. The article considers the features of the professional foreign language communication teaching and points out the main features of the intercultural competence.

Conclusions. The study of formation of the intercultural competence in the profession-oriented foreign language teaching in an agrarian university allows to raise the educational process to the next level, to form a student's current value attitude towards a foreign language culture and its people.

Key words: profession-oriented foreign language teaching, professional motivation, communication, intercultural competence, foreign language for professional communication.

Благодаря политическим, социально-экономическим и культурным изменениям в России заметна позитивная роль иностранного языка в сфере профессиональной подготовки. Иностранный язык рассматривается как: 1) одно из средств, обеспечивающее доступ к любому виду информации; 2) средство межнационального и международного сотрудничества и кооперации в науке, общественных видах деятельности; 3) средство преодоления национально-культурной ограниченности в различных сферах жизнедеятельности общества; 4) одно из средств снятия лингвистического барьера при обеспечении права людей (особенно молодежи) на свободное перемещение в мире, при выборе места, форм, видов получения образования и работы, проведения досуга, участия в различных международных организациях.

При достаточно высоком уровне мотивации изучения иностранного языка в практике овладения речевой иноязычной деятельностью в вузе наблюдаются трудности, обусловленные рядом причин:

1) Личностно-психологические особенности студентов. Большинство из них не умеют слушать и записывать лекции, конспектировать литературу, выступать перед аудиторией, не владеют приемами и навыками рационального чтения.

2) В результате анкетирования было установлено, что более чем у половины студентов нет мотива интереса к профессии при выборе вуза, а то и вовсе присутствует отрицательное отношение к будущей профессиональной деятельности.

3) Из-за ограниченного количества часов занятия по иностранному языку проводятся 1–1,5 раза в неделю.

4) Уровень владения иностранным языком абитуриентов, поступающих в неязыковой вуз, явно недостаточен для достижения целей, поставленных программой и требованиями общества.

5) В связи с переходом на блочно-модульную систему обучения резко возросла загруженность студентов занятиями по профильным дисциплинам.

6) Определенную трудность составляет и контингент обучаемых. В группе студентов неязыкового вуза нет единообразия ни в психологиче-

ском, ни в интеллектуальном отношении с точки зрения обучения данной группы. Уровень речевой и социокультурной компетенции первокурсников в одной и той же группе сильно различается, что затрудняет работу преподавателя и создает психологические барьеры в общении.

7) Приоритет внимания педагога сохраняется за усвоением студентами достаточно больших объемов языковых знаний и овладением ими умениями речевой деятельности в отрыве от контекста сферы деятельности профессиональной, где эти знания и умения могли бы быть применены.

8) По действующим учебным планам иностранный язык изучают только на первом и втором курсах, что затрудняет работу с профессиональной лексикой.

Проведенный анализ существующих реальных условий обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза объясняет актуальность обращения к проблеме межкультурной компетенции и необходимость поиска перспективных путей ее формирования, особенно в условиях аграрного образования.

Несмотря на то, что аграрное образование в последнее время приобретает особенно важное значение в жизни общества и государства, нужно заметить, что одной из его многих проблем является неспособность обеспечить в полной мере необходимое количество специалистов, владеющих иностранным языком разных профилей, и в первую очередь конкурентоспособных специалистов в области сельского хозяйства.

Главный путь совершенствования процесса обучения иностранному языку не увеличение количества передаваемых знаний, а выработка их критического осмысления. В системе обучения иностранному языку можно выделить четыре основных уровня: запоминание, понимание, использование в типичных и проблемных ситуациях. Данная установка коррелирует с принципами рекомендуемой рабочей программы федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения. Все существующие технологии обучения иностранным языкам сталкиваются с одной общей проблемой – организовать учебную деятельность студента таким образом, чтобы обеспечить наибольшую мотивацию учения. В ходе исследования выделен контекстный подход, в котором основной упор делается на формирование профессиональной мотивации развития личности. А. А. Вербицкий выявил, что включение учебной деятельности по иностранному языку в аналог будущего производственного труда – основная предпосылка формирования и развития профессионально важных качеств, связанных с иноязычной речевой деятельностью. Необходимым педагогическим условием этого процесса является такая организация занятий, при которой иноязычная речевая деятельность выступает средством решения профессионально-предметных задач будущего специалиста [1]. В первую очередь это наличие специальной терминологии, особой общенаучной и специфической профессиональной лексики, соответствующих грамматических конструкций. Оптимально подобранный материал укрепляет все составляющие мотивации: потребности, интересы, эмоции, сами мотивы.

В процессе учебной деятельности при изучении иностранного языка в качестве основной формы его содержания выделяется текст. В соответствии с особенностями инженерной деятельности из основных признаков текста,

характеризующих его учебную полифункциональность, мы выделим следующее:

- текст – это продукт устной и письменной речевой деятельности субъекта образования как будущего специалиста;
- текст – это носитель информации, носитель культуры, профессиональных знаний, умений, навыков, компетенций;
- текст – это элемент сознания и др.

Знание этих признаков текста при изучении иностранного языка студентами дает им возможность общаться друг с другом на уровне аутентичного учебного текста [2]. Это должны быть тексты, «которые носители языка продуцируют для носителей языка», т.е. собственно оригинальные тексты, создаваемые для реальных условий, а не для учебной ситуации [3]. Использование аутентичных текстов позволяет создать условия для пробуждения в студенте истинного познавательного интереса к изучению предмета. Ведь обсуждение различных версий «прочтения» одного и того же текста, поиски доказательств верности выдвинутых предположений дают возможность студентам развить коммуникативные умения: четко и ясно выражать свою мысль, находить аргументы и доказательства, отстаивать личную позицию. Вся работа с аутентичными иноязычными текстами должна строиться на основе изучающего чтения [4] – чтения с полным и точным пониманием всей содержащейся в тексте информации, в нашем случае – сельскохозяйственной, критического ее осмысления с последующим применением для общения и решения поставленных задач. По нашему мнению, изучающее чтение важно проводить в форме самостоятельной работы, поскольку именно этот вид максимально приближен к реальным жизненным условиям и позволяет приобрести опыт эффективной деятельности в условиях межкультурной компетенции. Превращение знаний в глубокие личные убеждения – главное назначение самостоятельной работы студентов. Известный русский демократ Д. И. Писарев говорил: «Готовых убеждений нельзя ни выпросить у добрых знакомых, ни купить в книжной лавке. Их надо выработать процессом собственного мышления, которое непременно должно совершаться самостоятельно в нашей собственной голове» [5].

Речевая практика происходит на изучаемом языке по своей специализации в моделируемых ситуациях с выработкой социокультурных умений в ролевых и деловых играх по межкультурной коммуникации в контексте профессионального общения на изучаемом языке.

Так, например, игра, способствующая освоению студентами условий прохождения сельскохозяйственных практик за рубежом, проводится со студентами второго этапа обучения. Игре предшествует ряд занятий, на которых их знакомят с фермерским хозяйством в Германии: знакомство с семьей фермера, содержанием животных, машинным двором, сельскохозяйственными культурами, объемом производства, а также с наиболее распространенными ситуациями, с которыми они могут встретиться во время пребывания в стране изучаемого языка.

В Саратовском государственном аграрном университете им. Н. И. Вавилова большое внимание уделяется контактам с зарубежными специалистами в различных областях сельского хозяйства. С целью обмена опытом организуются научные командировки сотрудников вуза и стажировки студентов

и аспирантов за рубеж, проводятся совместные научные проекты, среди которых прежде всего следует отметить договор о взаимовыгодном сотрудничестве с Институтом сельскохозяйственной техники Боннского университета и образование учебного предприятия «Нива-Хоф» в г. Аткарске Саратовской области, которое успешно функционирует и по сей день. Сотрудники отдела международных связей год от года расширяют контакты с зарубежными учеными, тем самым давая возможность студентам пройти практику за рубежом и познакомиться с новейшими технологиями и техникой, применяемыми в сельскохозяйственном производстве.

Вот уже более десяти лет университет тесно сотрудничает с фирмой Logo и учебным центром Deula-Nienburg (Германия), благодаря чему студенты 3–4-х курсов всех специальностей, пройдя конкурсный отбор, имеют возможность поехать на стажировку в Германию. Для успешного участия в конкурсном отборе необходимо достаточно хорошо владеть немецким языком. С этой целью они посещают курсы интенсивного изучения немецкого языка, проводимые кафедрой иностранных языков.

Программа, организованная фирмой Logo, предусматривает прохождения студентами полугодовой практики на сельскохозяйственных предприятиях и фермерских хозяйствах Германии, ознакомление с новыми машинами и технологиями. Полученные практические знания и навыки очень пригодятся студентам при написании курсовых и дипломных проектов, а главное – в дальнейшей профессиональной деятельности. Подобного рода стажировки позволяют им не только узнать как можно больше о сельском хозяйстве (т.е. сфере своей будущей деятельности), но и познакомиться с культурой и традициями другой страны.

Ежегодно с целью обмена опытом на кафедре иностранных языков работают по линии Корпуса мира волонтеры из США, Турции, Венгрии и обучаются на технических направлениях и специальностях зарубежные студенты. Они активно вовлекаются и во внеаудиторную жизнь кафедры (проведение новогодних вечеров, встречи с ветеранами войны, посещение исторических музеев).

Таким образом, процесс формирования межкультурной компетенции студентов в процессе профессионально ориентированного обучения иностранному языку в аграрном вузе основан на необходимости организации образовательного процесса на основе перевода студента из пассивного потребителя знаний в активного их творца, умеющего сформировать проблему, проанализировать пути ее решения, найти оптимальный результат и доказать его правильность. Учебный процесс вуза должен развивать умение учиться, формировать у студента современное ценностное отношение к иноязычной культуре и ее носителям.

Список литературы

1. **Вербицкий, А. А.** Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М. : Высш. шк., 1991. – 256 с.
2. **Войтик, Н. В.** Актуализация педагогического потенциала учебного текста (на примере обучения иностранным языкам в вузе) / Н. В. Войтик // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. – 2005. – № 2 (32). – С. 33–39.

3. **Клычникова, З. И.** Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке / З. И. Клычникова. – М. : Просвещение, 1983. – 95 с.
4. **Бим, И. Л.** Перестроечные процессы в обучении иностранным языкам в средней школе / И. Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 1991. – № 5. – С. 13–20.
5. **Писарев, Д. И.** Сочинения : в 4 т. / Д. И. Писарев. – М. : Мысль, 1956. – Т. 4.

References

1. Verbitskiy A. A. *Aktivnoe obuchenie v vysshey shkole: kontekstnyy podkhod* [Active teaching at the higher school: context approach]. Moscow: Vyssh. shk., 1991, 256 p.
2. Voytik N. V. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii obrazovaniya* [Education and science. Proceedings of Ural branch of the Russian Academy of Education]. 2005, no. 2 (32), pp. 33–39.
3. Klychnikova Z. I. *Psikhologicheskie osobennosti obucheniya chteniyu na inostrannom yazyke* [Psychological features of teaching foreign language reading]. Moscow: Prosveshchenie, 1983, 95 p.
4. Bim I. L. *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages at school]. 1991, no. 5, pp. 13–20.
5. Pisarev D. I. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. Moscow: Mysl', 1956, vol. 4.

Мизюрова Эльвира Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра иностранных языков,
Саратовский государственный аграрный
университет им. Н. И. Вавилова
(Россия, г. Саратов, Театральная пл., 1)

E-mail: Elvmiz@mail.ru

Mizyurova Elvira Yuryevna

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, sub-department
of foreign languages, Saratov State Agrarian
University named after N. I. Vavilov
(1 Teatralnaya square, Saratov, Russia)

УДК 37.01.092

Мизюрова, Э. Ю.

Формирование межкультурной компетенции в процессе профессионально ориентированного обучения иностранному языку в аграрном вузе / Э. Ю. Мизюрова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 187–192.

*М. Я. Креер, Е. Д. Пилипчук***ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ
С ПОМОЩЬЮ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ ПРОБЛЕМНОГО ТИПА****Аннотация.**

Актуальность и цели. В настоящее время тестовый метод обучения и контроля при изучении иностранных языков (ИЯ) прочно вошел в широкую практику преподавателя вуза. Тестовые задания позволяют осуществить совокупность диагностических, обучающих и контролирующих заданий при обучении ИЯ (включая, например, контрольные работы, упражнения и т.д.). Особое значение при этом придается попытке переосмыслить понятие теста применительно к лингводидактической специфике, обогатив «копилку» тестов при обучении ИЯ заданиями нестандартного типа. Такие задания требуют от студента самостоятельности и творческого подхода, что в настоящее время является особенно востребованным при изучении ИЯ.

Материалы и методы. Статья рассматривает тестовый метод обучения и контроля при изучении иностранных языков, применяемый с помощью тестовых заданий проблемного типа. Даются классификация матрицы как тестового задания проблемного типа, ее формальные и содержательные аспекты. Под матрицей понимается любое расположение данных в таблице, состоящей из строк и столбцов, либо рамки и структура, которые задают форму или значение, контекст. Методологический потенциал включает: расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена (факторный анализ), шкалирование (модель Раша) и метод Варда (кластерный анализ). Исследование было выполнено с помощью методов дескриптивной статистики и контент-анализа.

Результаты. Тестирование сформированности компетенций в сфере ИЯ при изучении второго иностранного языка (немецкого) проводилось на базе кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского филиала Финансового университета в 2013–2014 гг. В статье приведены итоги опытно-экспериментального исследования в сфере ИЯ с помощью матрицы по количественному и качественному признакам. Исследование выявило повышение уровня интереса студентов к изучению иностранного языка и повышение мотивации к достижению результатов в его изучении.

Выводы. Высокий уровень совпадения данных, полученных методом матрицы, с результатами, полученными другими методами, показывает высокую эффективность матрицы, а также ее конгруэнтность другим методикам. Тестовые задания проблемного типа (матрица) отвечают как обучающим, так и контролирующим целям тестирования и могут быть использованы на начальном, промежуточном и итоговом этапах изучения иностранного языка. По мнению авторов статьи, тестовый метод матрицы как проблемного задания является одним из наиболее современных дидактических технологий, формирующих эффективную модель изучения ИЯ в целом.

Ключевые слова: матрица, тестирование, задание проблемного типа, компетенции, обучение, контроль.

*М. Ya. Kreer, E. D. Pilipchuk***FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT A NON-LINGUISTIC
UNIVERSITY USING TESTS OF A PROBLEM TYPE****Abstract.**

Background. Currently, the test method of training and checking in foreign language teaching has become widely popular among university teachers. Tests are ap-

plied in a great variety of diagnostic, training and checking tasks in the process of foreign language studying. A particular emphasis is placed on attempts to consider the concept of the test itself in terms of a linguodidactic point of view, thus applying nonstandard test types along with standard ones. These tasks encourage students to be more independent and use the creative approach and critical thinking that has been currently in a great demand.

Materials and methods. This article focuses on the test method of training and checking in foreign languages teaching, applied through the test of a problem type. Then, it provides with a classification of a matrix as a problem type test, its formal and substantial features. The matrix is any data arranged in a table with rows and columns, which defines the shape and the value. The methodological and statistical methods include calculation of the Spearman rank correlation coefficient (the factor analysis), scaling (the Rasch model) and the Ward's method (the cluster analysis). The studies were carried out using the methods of descriptive statistics and content analysis.

Results. Competence development testing among students taking a second foreign language (German) was conducted at the Department of Foreign Languages of the St. Petersburg Branch of the Financial University in 2013–2014. The article outlines the research results in the sphere of the foreign language by applying the matrix in terms of quantitative and qualitative characters. The study has revealed that the students have become more interested in learning foreign languages and more motivated to achieve results in language studying.

Conclusions. The fact that the results obtained by the matrix method coincide with the findings obtained by other testing methods proves high effectiveness of the matrix method and its congruence to other methods. According to the authors, the test matrix method as a problem type task is one of the most up-to-date teaching tools, creating an effective model of foreign language learning in whole.

Key words: matrix, testing, test of problem type, competence, training, control.

Тестовый метод обучения и контроля при изучении иностранных языков (ИЯ) в настоящее время вошел в широкую практику преподавателя вуза и занимает достойное место в методическом наборе современного педагога. В тестировании можно предложить два варианта подходов: либо понимать тест широко, как совокупность диагностических, обучающих и контролирующих заданий при обучении ИЯ (включая, например, контрольные работы, упражнения и т.д.), либо переосмыслить понятие теста применительно к лингводидактической специфике, обогатив «копилку» тестов при обучении ИЯ заданиями нестандартного типа, требующими от ученика самостоятельности и творческого подхода. В первом случае теряется главное преимущество тестологической методики – основные системообразующие признаки теста: измеримость, валидность, порядок интерпретации результатов. К тестам второго плана, по нашему мнению, относятся тестовые задания проблемного типа в виде матрицы, например матрица межкультурных характеристик, матрица социальных взаимоотношений, матрица деловых и бизнес-культур.

1. Классификация матрицы как тестового задания проблемного типа.

Задания проблемного типа близки к описанным Арчибалдом и Ньюманом тестам «аутентичной оценки учебных достижений» [1, с. 81]. Их, по мнению авторов, отличают две основные особенности: по результатам делается вывод об уровне овладения учебным материалом на основе специальным

образом разработанных критериальных заданий; учащимся предлагаются задания, которые могут вызвать у них интерес и имеют для них определенное значение. Это – педагогическое решение, близкое к нестандартному уроку. Данные задания позволяют получить эффективный конечный продукт и оценить уровень деятельности ученика.

Содержательными аспектами тестового задания проблемного типа (матрицы) могут служить матрица межкультурных характеристик, матрица социальных взаимоотношений, матрица деловых и бизнес-культур и т.д.

По формальному признаку задания проблемного типа (матрица) относятся к открытым тестовым заданиям, в отличие от полузакрытых и закрытых заданий. Считается, что в открытых тестовых заданиях ответ не известен ни тестируемому, ни разработчику теста, как, например, в сочинениях, свободных заданиях, где ключ к заданиям не задан. В то же время в полузакрытых тестовых заданиях готовые ключи к ним имеются (типа ЕГЭ). В данных заданиях ответ заранее известен, и его знает не только разработчик, но и сам учащийся. Форма открытых тестовых заданий включает в себя типы заданий на интерпретацию, ассоциативные задания, которые формально не ограничены строгими рамками и условиями. В данном случае выработать критерии оценивания результатов теста гораздо сложнее, но обучающий и контролирующий эффект таких заданий может быть существенно выше. Это связано не только со сложностью задания, но и с большей индивидуализацией при его выполнении, необходимостью каждого ученика мыслить нестандартно и находить собственные подходы.

Технология матрицы относится к заданиям, которые в дальнейшем требуют в большей степени качественной обработки данных с использованием контент-анализа при условии, что контент-анализ определяется как «количественный анализ текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей» [2, с. 277]. Матрица позволяет создать картину видения явлений и процессов, как правило, в порядке сравнения с конкурирующими объектами той же категории. Под матрицей мы понимаем «любое расположение данных в таблице, состоящей из строк и столбцов, либо рамки и структуру, которые задают форму или значение, контекст» [2, с. 341]. С помощью матрицы можно определить корреляции между каждым элементом в наборе данных с каждым другим элементом этого набора.

2. Использование матрицы в целях реализации контролирующей функции тестирования.

В ходе работы с матрицей в ее обязательный инструментальный набор (инструктивную карту теста) входят:

- часть теста для испытуемого:

- 1) Назначение теста.
- 2) Содержание теста.
- 3) Инструкция для тестируемого.

4) Протокол (бланк) с таблицей-матрицей: тестовое задание и часть для ответов на тестовое задание;

- часть теста для исследователя:

- 1) Инструкция исследователя по проведению эксперимента.

- 2) Классификатор, в котором проводятся измерение и фиксация итогов.
- 3) В качестве примера приводится тест матрицы «Am Esstisch» (рис. 1) к теме «Мой дом. Житейский обиход моей семьи» (примеры даны на немецком языке);

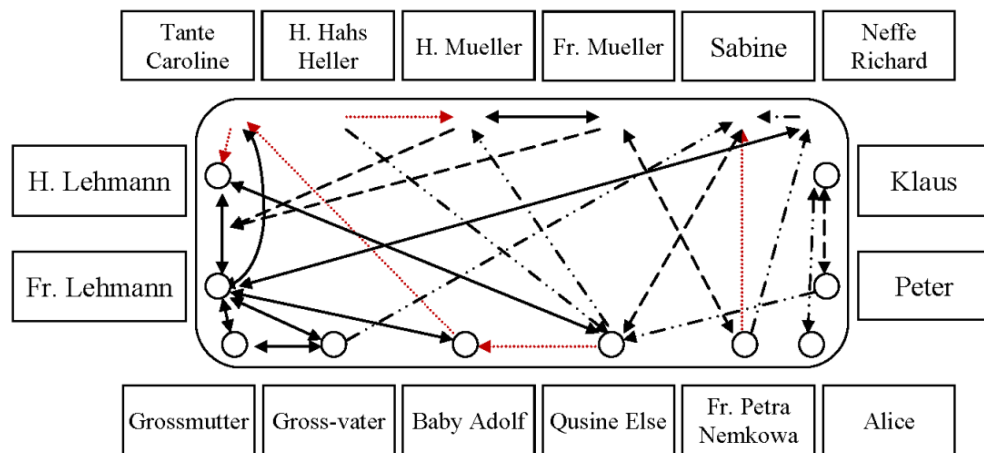

Рис. 1. Матрица «Am Esstisch»

- инструктивная карта теста.

В качестве образца приведем некоторые параметры теста.

Назначение теста. Определение уровня владения иностранным языком. Тестовые задания соотнесены по уровню сложности и проверяют спектр умений и навыков уровня B2 по Общеввропейской шкале.

Содержание теста. Данный тест представляет собой письменный тест, включающий в себя два раздела.

Инструкция для тестируемого. Задание по тесту.

Установите корреляты высказываний в соответствии со схемой (элементы матрицы). Примените свои знания лексико-грамматического и страноведческого материала. Задание выполняется без словаря. Занесите свои ответы в опросно-ответный лист. Время выполнения теста – 1,5 часа.

Матрица продуктивна в ситуациях, когда прямой выход на круг ситуаций, в котором находится коммуникант, затруднен, и прямой вопрос невозможен, когда в силу ряда причин недоступен языковой контекст. В качестве единицы матрицы используются: 1) тема; 2) идея; 3) социальная ситуация; 4) часть текста.

Сходство этих единиц и внутренней структуры межкультурных ролей, на первый взгляд, не столь очевидно. Прежде всего поведенческие атрибуты – как абстрактные, так и конкретные – могут относиться к нескольким ролям в рамках данной культуры; некоторые же из этих атрибутов могут выходить за рамки одной культуры. Поэтому именно отбор и упорядочение таких атрибутов делают возможным идентификацию какой-либо роли внутри конкретной культуры в виде оппозиций в матрице.

Параметры, исследуемые в матрице:

- 1) Социальные взаимоотношения группы людей – участников ситуации (*Kollege, Eheleute, Mitschueler, Nachbar, Bekannte, Verwante, Freund, Verlobte, Verliebte, Auslaender*). Профессии и социальная роль участников.

2) Эмоциональное отношение участников ситуации друг к другу (разделить на позитивные и негативные варианты – *lieben einander, sind verliebt ineinander, sind befreundet, hassen einander u.a.*).

3) Характер еды за обеденным столом в соответствии с этнической, религиозной, гендерной, возрастной принадлежностью, образом жизни (*Nationalgerichte essen, Diet halten, vegetarisch essen, alkoholfrei sein, oekologische Produkte essen, Muttermilch saugen*). Стереотипы в отношении пищи.

4) Внешний вид участников ситуации (*Geschlecht, Alter, Lebensweise, Kleidung, soziale Lage*).

Дается задание: обозначить характер пересечения различных лиц по разным параметрам и мотивировать это.

Всего в данной матрице имеется 16 позиций (16 действующих лиц – участников матрицы). Предлагается исследовать 16 позиций по четырем обозначенным параметрам. Каждый из параметров должен включать в себя максимальное количество маркированных единиц (слов, выражений), подобранных (приведенных самостоятельно) участниками тестирования.

Пример выполнения задания (фрагмент) представлен в табл. 1. Элемент 1 – *H. Lehmann*.

Затем подобным образом проводится все исследование по заданным в задании параметрам: *Baby Adolf, Grossvater, Qusine Else, Fr. Petra Nemkova, Alice, Peter, Klaus, Neffe Richard, Sabine, Fr. Mueller, H. Mueller, H. Hahs Heller, Tante Caroline*.

Для реализации тестирования учащихся на конечном этапе необходимо проверить:

1) количество маркированных единиц (слов, выражений) по каждому параметру в целом по каждой позиции;

2) наличие (отсутствие) повторов в каждой позиции – самостоятельность приведенных единиц;

3) наличие корреляции между определенными показателями (насколько они коррелируют, как часто коррелируют).

Правильность выполнения задания с грамматической точки зрения оценивается по количественной шкале с шагом, равным 3/0,5 : $< 3 = 0$, от 3 до 6 ошибок равны 0,5 балла, от 6 до 9 – равны 1 баллу и т.д., причем учитываются только ошибки, приводящие к искажению смысла высказывания (табл. 2).

Тип оценки в задании типа матрицы отражает тот факт, что данное тестирование является политомическим тестовым заданием, при котором допускается несколько категорий ответа, каждый из которых в некоторых случаях оценивается по-разному.

Для расчета результатов теста и интерпретации данных был использован расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена (табл. 3).

Было выполнено:

1) ранжирование значений *A* и *B*. Их ранги занесены в колонки «Ранг *A*» и «Ранг *B*»;

2) подсчет разности между рангами *A* и *B* (колонка *d*);

3) возведение каждой разности *d* в квадрат (колонка *d*²);

4) подсчет суммы квадратов;

5) расчет коэффициента ранговой корреляции *r_s* по формуле

$$r_s = 1 - 6 * \sum d^2 \div N * (N^2 - 1);$$

6) определение критических значений.

Фрагмент выполненного тестового задания

Элемент матрицы	Параметр 1: от 1 до 5	Параметр 2: от 2 до 10	Параметр 3: от 3 до 10	Параметр 4: от 3 до 10	Общая сумма баллов 35
<i>H. Lehmann</i>	1. Er ist der Ehemann von Fr. Lehmann. 2. Sie sind Eheleute ab 2002. 3. Sie haben eine grosse Familie. 4. Sie haben ein Kind.	1. Er war von der Verlobung heiss verliebt. 2. Er hat schon seit langem seine zukuenftige Frau kennengelernt. 3. Sie haben enge Beziehungen in der Ehe. 4. Das ist die feste Partnerschaft und Liebe. 5. Er sorgt fuer Fr. Lehmann immer. 6. Er ist etwas eifersuechtig auf H. Hans Heller. 7. Er meint, dass sein Neffe Richard faul und leichtsinnig ist und das reizt ihn. 8. Er hat viel Sorgen mit seinen kranken Mutter, die an der Herztrombose litt. 9. Sabine ist ihm sympatisch, weil sie schlanke Figur hat. 10. Er schimpft auf seine Frau, weil sie nach der Geburt des Kindes dick geworden ist.	1. Er hat deutsche nationale Kueche gern. 2. Er isst tuechtig alle Speisen. 3. Ihm gefaellt es, wie seine Frau kocht. 4. Er sagt: Ich mag Schweinebraten mit Rosenkohl. 5. Er hat guten Appetit. 6. Beim Mittagessen fordert er Suppe, weil es meint, es waere gut fuer den Magen! 7. Er hat auch Suessigkeiten gern. 8. Zum Mittagessen ist er angewoehnt, ein Glaeschen Korn zu trinken.	1. Er ist stark und sportlich. 2. Er hat etwa 5 Kilo Uebergewicht. 3. Er treibt Fussball mit den Freunden, darum er sportlichen Anzug in den Farben Muenchen Bayern traegt. 4. Er hat dunkle Anzuege, gestreifte Krawatten und bunte Seidenhalstuecher in der Arbeitszeit gern! 5. Sein Hobby ist Pferderennen. 6. Er ist 41 Jahre alt und ist von der Kinheit Katoliker. 7. Er traegt manchmal Jeans am Wochenende. 8. Er hat ein ziemlich grosses Gehalt in seiner Bank und verdient sein Brot als Bankangestellte. 9. Er hat genug Geld auf dem Konto. 10. Er hasst die Gruenen und glaubt nicht den Sozialdemokraten.	
Итог по параметру (ед.)	4	10	8	10	32

Таблица 2

Пример подсчета результатов выполнения тестового задания – матрицы *Am Esstisch* отдельного участника тестирования

Элемент матрицы	Параметр 1: от 1 до 5	Параметр 2: от 2 до 10	Параметр 3: от 3 до 8	Параметр 4: от 3 до 10	Общая сумма баллов	
1	2	4	5	5	16	
2	2	4	4	3	13	
3	3	4	5	4	16	
4	1	3	5	4	13	
5	2	3	5	5	15	
6	2	3	3	3	11	
7	3	4	5	5	17	
8	3	5	6	5	19	
9	1	5	5	5	16	
10	2	4	4	4	14	
11	2	4	5	4	15	
12	2	3	5	4	14	
13	2	4	5	5	16	
14	2	4	5	5	16	
15	3	4	4	5	16	
16	2	4	4	5	15	
Итог по параметру	32	62	75	71	260	238

Таблица 3

Расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена по первому элементу матрицы одного из тестируемых

<i>N</i>	Значения <i>A</i>	Ранг <i>A</i>	Значения <i>B</i>	Ранг <i>B</i>	<i>d</i> (ранг <i>A</i> – ранг <i>B</i>)	<i>d</i> ²
1	5	1	2	1	0	0
2	10	3,5	4	2	1,5	2,25
3	8	2	5	3,5	-1,5	2,25
4	10	3,5	5	3,5	0	0
5	16	5	33	5	0	0
Суммы		15		15	0	4,5

Итак, ранговая корреляция равна $r_s = 0,775$, результат тестируемого по одному из элементов матрицы по четырем параметрам – 4,5 балла из 15 возможных. В дальнейшем результаты всех 16 элементов по четырем параметрам суммируются и вычисляется общий результат от максимально возможного. Для этого используется *Z*-шкала, которая осуществляет перевод индивидуальных результатов в стандартную шкалу с общим средним баллом и общей мерой дисперсии. *Z*-оценка *i*-го ученика вычисляется по формуле

$$Z_i = \frac{x_i - x}{\sigma_x},$$

где x_i – первичный балл *i*-го испытуемого; x – среднее значение индивидуальных баллов *N* испытуемых группы ($i = 1, 2, \dots, N$); σ_x – стандартное отклонение по множеству первичных баллов.

Считается, что в тестологии «Z-шкала является стандартной с нулевым средним значением и единичным стандартным отклонением. С ее помощью можно привести баллы учеников, полученные по различным тестам, к одному удобному для сравнения виду. Величина Z-оценки равна расстоянию между рассматриваемым первичным баллом и средним значением оценок по группе, выраженным в единицах стандартного отклонения: в пределах скольких стандартных отклонений первичный балл испытуемого находится ниже или выше среднего значения группы» [3, с. 265].

Таким образом, получаемая числовая интерпретация теста сводится затем к пятибалльной шкале оценок.

3. Итоги опытно-экспериментального исследования тестирования сформированности компетенций в сфере ИЯ с помощью матрицы.

Тестирование сформированности компетенций в сфере ИЯ при изучении второго иностранного языка (немецкого) проводилось на базе кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского филиала Финансового университета в 2013–2014 гг. Количество испытуемых составляло в совокупности 50 человек – студентов, обучающихся немецкому языку на отделении менеджмента, бизнес-информатики, экономики вуза на 2-м и 3-м курсах в течение одного семестра. В необходимых случаях из общего числа респондентов, участвующих в эксперименте (50 участников), выбирались группы меньшей численности по 10, 20, 30 человек (стандартная выборка для определенной части эксперимента, необходимой для данного вида) в целях дифференциации участников по отдельным направлениям эксперимента. Общий состав участников эксперимента на протяжении опытно-экспериментальной работы оставался неизменным. При этом качественный анализ доминировал над количественной оценкой полученных знаний и навыков.

Ввиду отсутствия ключей к тесту для участников результаты и интерпретация теста с проблемным заданием типа матрицы производились с помощью данных дескриптивной статистики и кластерного анализа (с помощью пакета SPSS соответствующей версии для гуманитарных наук).

В исследовании использован кластерный анализ (рис. 2):

1-й кластер – до 53 % выполненных на «хорошо» заданий.

2-й кластер – до 15 % выполненных на «отлично» заданий.

3-й кластер – до 28 % выполненных на «удовлетворительно» заданий.

Невыполненных заданий (незначительный результат) – 4 %.

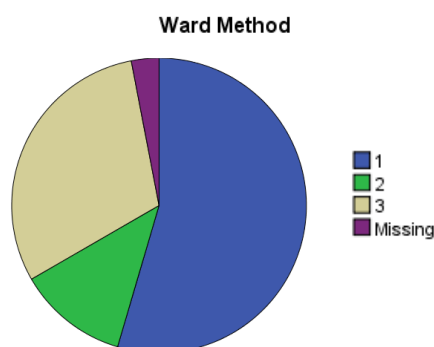

Рис. 2. Кластеризация тестируемых методом Варда при выполнении тестирования по матрице *Am Esstisch*

Для констатации и сравнения эффективности тестовых заданий различных форм был проведен сравнительный тест по аналогичной теме «Am Ess-tisch» со сходным содержательным аспектом, где задания были сформулированы в форме ранжирования (табл. 4).

Таблица 4

Пример задания с ранжированием

Getränke -----	<i>Die Wurst, das Rindfleisch, die Gurken</i>	
Milchprodukte -----	<i>Die Suppe, das Brot, der Rotwein</i>	
Fleischprodukte -----	<i>Das Haehnchen, das Spiegelei</i>	
Süßigkeiten -----	<i>Der Schinken, Die Schokolade</i>	
Das Obst -----	<i>Der Fisch, der Schweinebraten</i>	
Das Gemüse -----	<i>Der Brei, der Jogurt, der Apfel</i>	
Andere -----	<i>Die Konfituere, die Kartoffel, der Kaese</i>	

Задания с матрицей способствовали закреплению учебного материала в большей степени, чем задания с ранжированием. Кроме того, проблемные задания с матрицей вызвали больший интерес студентов и актуализировали их мотивацию к изучению иностранного языка.

Высокий уровень совпадения данных, полученных методом матрицы, с результатами, полученными другими методами, показывает высокую эффективность матрицы, а также ее конгруэнтность другим методикам, применяемым в общем цикле тестирования, и высокую сочетаемость с ними.

По методам исследования в тестировании для сравнения владения языковым материалом применялись наряду с матрицей проблемные задания по типу ранжирования. Наиболее сложными для студентов оказались тестовые задания с матрицей – 21 %, легче всего удавалось ранжирование – 52 % успешных ответов. Хронометраж тестовых заданий также выявил сложность выполнения тестов с матрицей: матрицы учениками с наивысшим результатом выполнялись в пороговом тесте – три задания за 62 минуты, что составило 62,7 % выделенного на тестирование времени; ранжирование было выполнено учениками с наивысшим результатом за 24 минуты, что составило 32 % выделенного времени. Тестирование проводилось в зависимости от цели обучения или контроля. Вместе с тем исследование выявило повышение уровня интереса студентов к изучению иностранного языка и повышение мотивации к достижению результатов в его изучении. Студенты охотно и активно проявляли себя при выполнении учебных задач с помощью матриц, чем при более рутинном ранжировании: учебная активность на занятии с применением матриц была на 30 % выше, чем при ранжировании (она измерялась по показателям: 1) количество студентов, добровольно принимавших участие в задании; 2) количество студентов, получивших положительные оценки при выполнении задания; 3) общее количество положительных ответов).

Таким образом, проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы.

Тестовые задания проблемного типа (матрица) отвечают как обучающим, так и контролирующим целям тестирования и могут быть использованы на начальном, промежуточном и итоговом этапах изучения иностранного языка.

Интерпретация результатов тестирования по типу матрицы проводится посредством методов дескриптивной статистики и используется в целях диагностики и контроля знаний, умений и навыков в сфере иностранного языка. Технология матрицы относится к заданиям, которые в дальнейшем требуют в большей степени качественной обработки данных с использованием контент-анализа. Для расчета результатов теста и интерпретации данных были использованы расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена (факторный анализ), шкалирование (модель Раша) и метод Варда (кластерный анализ). Для выведения результата теста использовалась Z-шкала, которая осуществляет перевод индивидуальных результатов в стандартную шкалу с общим средним баллом и общей мерой дисперсии. Тест «Матрица» отличается высокой общей и факторной валидностью.

Метод матрицы относится к заданиям нестандартного типа. По форме задания проблемного типа (матрица) относятся к тестовым заданиям открытого типа.

В качестве единицы матрицы используются тема, идея, социальная ситуация, часть текста. Тест «Матрица» имеет инструктивную карту, которая делится на часть теста для испытуемого и часть для интерпретатора.

Для сравнения владения языковым материалом применялись другие методы исследования. Например, наряду с матрицей – тестовые проблемные задания по типу ранжирования.

Наиболее сложными для студентов оказались тестовые задания с матрицей – 21 % успешных ответов (имелись в виду задания, выполненные на «хорошо» и «отлично»), легче всего удавалось ранжирование – 52 % успешных ответов.

К числу преимуществ матрицы как метода мы относим следующие характеристики:

- это стандартизованный косвенный метод (выводы исходят из того, что непосредственно не наблюдается, следовательно, примитивизация исключается);
- метод не исключает применения других технологий, результаты могут быть согласованы между собой;
- метод позволяет ввести культурное содержание в структуру теста;
- метод отличается высокой степенью аутентичности и самостоятельности, что придает ему креативный, творческий характер и повышает мотивацию учащихся.

Высокий уровень совпадения данных, полученных методом матрицы, с результатами, полученными другими методами, показывает высокую эффективность матрицы, а также ее конгруэнтность другим методикам, применяемым в общем цикле тестирования, и высокую сочетаемость с ними.

Таким образом, тестовый метод матрицы как проблемного задания является одной из наиболее современных дидактических технологий, формирующих эффективную модель изучения ИЯ, обеспечивающую индивидуальную траекторию развития студента в области изучения языка и межкультурного общения, и отвечающих современным представлениям о компетентностном, развивающем характере обучения в вузе. Метод матрицы представляет собой, по нашему мнению, чрезвычайно эффективный диагностический, контрольный и обучающий инструмент, который недооценен в современных

исследованиях по ИЯ. Перспективность матрицы как технологии тестирования при изучении ИЯ требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. **Archibald, D. A.** Beyond standardized testing: Assessing authentic academic achievement in secondary schools / D. A. Archibald, F. M. Newman. – Washington, DC : National Association of Secondary School Principals, 1998. – 238 p.
2. **Триандис, Г. К.** Культура и социальное поведение / Г. К. Триандис. – М. : Форум, 2007. – 455 с.
3. **Челышкова, М. Б.** Теория и практика конструирования педагогических тестов / М. Б. Челышкова. – М. : Логос, 2002. – 161 с.

References

1. Archibald D. A., Newman F. M. *Beyond standardized testing: Assessing authentic academic achievement in secondary schools*. Washington, DC: National Association of Secondary School Principals, 1998, 238 p.
2. Triandis G. K. *Kul'tura i sotsial'noe povedenie* [Culture and social behavior]. Moscow: Forum, 2007, 455 p.
3. Chelyshkova M. B. *Teoriya i praktika konstruirovaniya pedagogicheskikh testov* [Theory and practice of pedagogical test creation]. Moscow: Logos, 2002, 161 p.

Креер Михаил Яковлевич

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой иностранных
языков, Санкт-Петербургский филиал
Финансового университета
при Правительстве Российской
Федерации
(Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Съезжинская, 15–17)

E-mail: mkreer@mail.ru

Kreer Mikhail Yakovlevich

Candidate of pedagogical sciences, head
of sub-department of foreign languages,
Saint-Petersburg branch of the Financial
University under the Government of the
Russian Federation
(15–17 Syezzhinskaya street,
Saint-Petersburg, Russia)

Пилипчук Елена Дмитриевна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербургский филиал
Финансового университета
при Правительстве Российской
Федерации
(Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Съезжинская, 15–17)

E-mail: ray3dog@yandex.ru

Pilipchuk Elena Dmitrievna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of foreign
languages, Saint-Petersburg branch
of the Financial University under
the Government of the Russian Federation
(15–17 Syezzhinskaya street,
Saint-Petersburg, Russia)

УДК 378

Креер, М. Я.

Обучение иностранному языку в неязыковом вузе с помощью тестовых заданий проблемного типа / М. Я. Креер, Е. Д. Пилипчук // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 193–203.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. Изменения в образовательной сфере России обуславливают необходимость осмысления педагогического опыта и нововведений в условиях демократизации общественных отношений и расширения возможностей получения качественного образования для каждой личности. Цель работы – проанализировать основные направления развития инновационных процессов в сфере высшего образования.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач достигалась на основе изучения практики введения педагогических инноваций и государственных нормативно-правовых документов в сфере образования. Методологический потенциал включает исторический, цивилизационный, сравнительно-правовой, аналитический методы исследования.

Результаты. Проанализирована сущность понятия «педагогическая инновация», рассмотрены изменения в нормативно-правовой базе, охарактеризованы предпосылки и направления развития инноваций в сфере образования.

Выводы. Изучение педагогических инноваций позволяет осмыслить содержание позитивных тенденций в развитии отечественного образования, учесть требования государства и общества к качеству подготовки специалистов и определить направления дальнейшего изучения научной проблемы.

Ключевые слова: инновации, модернизация, высшее образование, уровни образования, образовательное пространство.

L. D. Goshulyak, O. V. Meshcheryakova

INNOVATIVE PROCESSES IN THE SPHERE OF THE HIGHER EDUCATION OF RUSSIA: ON STATEMENT OF THE PROBLEM

Abstract.

Background. Changes in the educational sphere of Russia cause a need to interpret pedagogical experience and innovations in conditions of democratization of the public relations and expansion of opportunities of receiving quality education for every person. The work purpose is to analyze the main directions of development of innovative processes in the sphere of higher education.

Materials and methods. Realization of the research tasks was achieved on the basis of studying the practice of introduction of pedagogical innovations and the state standard and legal documents in education. The methodological potential included historical, civilization, comparative and legal, analytical methods of research.

Results. The authors analyzed the essence of the concept “pedagogical innovation”, changes in the standard and legal base, characterized prerequisites and directions of development of innovations in education.

Conclusions. Studying of pedagogical innovations allows to comprehend the maintenance of positive tendencies in development of domestic education, to consider requirements of the state and society to quality of specialist training and to define the directions in further studying of the scientific problem.

Key words: innovations, modernization, higher education, education levels, educational space.

Демократизация общественных отношений в России не только предоставила возможность свободы выбора жизненного пути каждой личности, но и актуализировала проблемы дальнейшего развития образования как необходимого условия развития и личности, и самого общества в целом. Современная система образования призвана адекватно реагировать на все социокультурные изменения в стране и создавать условия для воспитания человека нового времени, способного воспользоваться предоставленной свободой во благо общества и себя лично. Поэтому изменения общественных отношений в стране обусловили развитие инновационных процессов в образовательной сфере.

Анализируя сущность категории «инновация», представленной в современном научном знании, можно выделить три группы трактовок этого понятия:

- 1) инновации как нововведение, новшество;
- 2) инновации как процесс создания новой продукции, технологии, новшество в сфере организации, экономики, управления производством;
- 3) инновация как процесс внедрения в производство новых изделий, элементов, подходов, качественно отличных от предшествующего аналога [1, с. 1102].

Применительно к сфере образования под инновациями следовало бы понимать такие нововведения и новшества во всей системе образования и воспитания, которые являются абсолютно новыми, не имеющими аналогов в прошлом. Но, с другой стороны, при учете того, что система образования развивается по эволюционному пути, педагогическая инновация должна традиции уже известного педагогического опыта прошлых лет проектировать на потребности будущего образования. Следовательно, педагогическая инновация – это не только новшество, но и образовательный опыт и традиции, адаптированные к современным реалиям и обращенные в будущее.

Можно считать, что начало инновационным процессам в отечественном образовании было положено во второй половине прошлого столетия представителями «педагогики сотрудничества», которые осознали необходимость перехода от целевого к личностно-ориентированному подходу в образовании, от авторитаризма к сотрудничеству, от монологичных форм преподавания к диалогичным [2, с. 18]. Учителя-новаторы (В. Ф. Шаталов, С. И. Лысенкова, И. В. Волков, Е. Н. Ильин и другие), продолжая традиции антрополого-гуманистического подхода к развитию личности, предложили свои оптимальные пути совершенствования образовательного процесса, направленного на стимулирование у детей интереса к учению и воспитание самостоятельной, активной и творческой личности учащихся [3, с. 72]. В дальнейшем эти инновации в общеобразовательной школе создали базу для совершенствования методов преподавания в системе профессионального образования в нашей стране.

Новые возможности развития инноваций в образовании вообще и в высшем профессиональном образовании в частности были заложены в статьях Закона РФ «Об образовании» 1992 г. [4]. Согласно этому закону, государственные вузы получили возможность свободы выбора и открытия новых профилей подготовки специалистов, проведения дополнительного набора студентов на наиболее востребованные специальности на хоздоговорной основе оплаты обучения.

В этот период высшее профессиональное образование приобрело массовый характер, открыло новые пути удовлетворения потребностей личности в самоопределении и получении профессионального образования определенной направленности. Инновационная практика в высшем профессиональном образовании обозначила переход от исполнения государственного заказа на подготовку специалистов определенного профиля и уровня к осмысленным поискам новых образовательных парадигм, отвечающим требованиям личности, общества и времени [5, с. 7]. Возникшая в связи с этим проблема адекватности уровня подготовки специалистов требованиям производства и проблема качественных отличий уровня подготовки специалистов в государственных и коммерческих вузах частично решались путем лицензирования, аккредитации и введения системы государственного контроля в сфере профессионального образования.

Создание европейского пространства для высшего профессионального образования в рамках Болонского процесса выдвинуло новые требования общества к российскому высшему профессиональному образованию. Главная задача этого периода – быть эффективным и конкурентоспособным в современном мире [6, с. 82]. Процессы интернационализации и интеграции высшего профессионального образования обусловили постановку задач нового этапа модернизации российского образования с учетом отечественного педагогического опыта и сохранения фундаментальных ценностей, традиций и достижений.

Реформирование и модернизация российского образования в рамках компетентностного подхода обозначили новый этап инноваций [7, с. 75]. В связи с этим изменилась и концепция высшего образования. Переход образования на компетентностную основу обусловил изменения в целевом, содержательном, деятельностном и результативном компонентах системы отечественного образования [8, с. 82]. Целевой компонент этой системы базируется на новых ФГОС, определяющих задачи развития общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых личности для ее развития и самоопределения, формирования умений решать бытовые и профессиональные задачи. Не менее важной задачей является создание условий для подготовки профессионалов, мотивированных к обучению и самосовершенствованию в течение всей жизни.

Структура содержания высшего профессионального образования также строится с учетом задач формирования общекультурных и профессиональных компетенций, которыми должен владеть будущий специалист.

В содержании профессионального образования увеличивается доля практико-ориентированных задач и задач, связанных с переработкой информации, формирующих основы критического мышления будущих специалистов. Практическая ориентированность профессиональной подготовки усиливается за счет привлечения в образовательный процесс квалифицированных специалистов-практиков. Это позволяет проводить своевременную коррекцию содержания профессиональной подготовки с учетом требований современной практики, что в конечном итоге повышает качество этой подготовки.

Деятельностный компонент системы высшего образования предполагает широкое применение интерактивных и компьютерных технологий, технологий проектного обучения, обеспечивающих академическую мобильность

студентов, возможность выбора общеобразовательных и профессиональных программ и позволяющих увеличить долю самостоятельной работы в подготовке специалистов [9, с. 17]. Проведение лекций, семинарских и практических занятий с использованием электронных образовательных ресурсов создает условия для наглядного изложения учебной информации, для включения студентов в активный процесс создания и демонстрации моделей изучаемых процессов, для выполнения имитационных упражнений на практических занятиях, для проведения деловых игр и т.д.

Основные направления дальнейшего развития отечественного образования определяются также согласно новым национальным образовательным проектам «Наша новая школа», «Национальная доктрина образования РФ», «Концепция модернизации российского образования в период до 2010 года» и Федеральному Закону «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г.

Необходимость в принятии нового основополагающего нормативного правового акта, регулирующего сферу образования, была продиктована требованиями государства в условиях демократизации общественных отношений в стране. В пояснительной записке к проекту Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» отмечалось, что в последние годы возник явный разрыв между потребностями образовательной практики и ее законодательным обеспечением, обусловленный динамичным развитием и процессами модернизации системы образования. В частности, стали очевидны пробелы и правовая неопределенность законодательства в отношении статуса примерных образовательных программ, электронных образовательных ресурсов, деятельности негосударственных образовательных учреждений, порядка сетевого взаимодействия образовательных учреждений и иных организаций, оказания платных образовательных услуг, избыточных административных ограничений, связанных с типологией образовательных учреждений, и др.

Федеральный закон об образовании более четко устанавливает требования к новым образовательным программам и стандартам и не только регулирует управленческие и финансово-экономические отношения в образовательной сфере, но и более подробно регламентирует права и обязанности участников образовательного процесса.

Указанный федеральный закон содержит более четкие трактовки таких часто употребляемых терминов и понятий, как: «образование», «воспитание», «обучение», «уровень образования», «квалификация», «учебный план», «практика», «направленность (профиль) образования» и т.д. Замена в тексте этого закона термина «образовательное учреждение» на термин «образовательная организация» дала возможность упростить и ускорить разрешение вопросов правового регулирования в отношениях автономных некоммерческих организаций, имеющих разрешение на ведение образовательной деятельности. Таким образом, эти изменения внесли определенную ясность в трактовку сущности научных понятий и правовых отношений в сфере образования.

Федеральный закон об образовании внес изменения и в систему профессионального образования. Теперь она, как и система общего образования, включает четыре уровня:

- среднее профессиональное образование;
- высшее образование – бакалавриат;

- высшее образование – специалитет, магистратура;
- высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации.

Таким образом, высшее образование России перешло на уровневую систему подготовки специалистов.

При обучении студентов на уровне бакалавриата закладываются основы для формирования общекультурных и профессиональных компетенций, а обучение в магистратуре способствует углублению подготовки специалистов, способных не только воспроизводить культуру прошлого, но и творчески мыслить, самостоятельно ставить и решать сложные исследовательские задачи в профессиональной деятельности [10, с. 75].

Также следует отметить, что термин «высшее образование» заменил в тексте нового закона термин «высшее профессиональное образование».

Поступить в вуз можно будет только по результатам ЕГЭ, за исключением некоторых федеральных вузов (в их числе МГУ, СПбГУ), где абитуриенты должны будут сдать дополнительные экзамены.

Сокращаются льготы для поступления в вуз, а вместо этого отдельным категориям льготников предоставляется возможность бесплатного обучения на подготовительных курсах. Получают право на бесплатное обучение на подготовительных курсах (только один раз) дети-инвалиды, не попавшие в квоту, а также сироты, инвалиды I и II групп, молодые люди до 20 лет, имеющие единственного родителя – инвалида I группы, чернобыльцы, дети военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и других силовых ведомств.

При поступлении «на бюджет» вне конкурса для детей-инвалидов установлена квота – 10 % от общего количества бюджетных мест по конкретному направлению (специальности) при условии успешного прохождения ими вступительных испытаний.

Льготникам также предоставляются в первоочередном порядке жилые помещения в студенческом общежитии, и они освобождаются от платы за проживание. В отношении остальных студентов образовательная организация сама вправе принять решение об установлении платы за проживание.

В военные вузы преимущественное право поступления, при прочих равных условиях, предоставляется «детям граждан, проходящих военную службу по контракту и имеющих общую продолжительность военной службы двадцать лет и более».

Кроме этого, согласно новому закону, студентов-бюджетников должно быть не менее 800 на каждые 10 тыс. человек в возрасте от 17 до 30 лет.

В статьях закона также установлены виды государственных стипендий и порядок их назначения обучающимся в целях стимулирования и поддержки освоения ими соответствующих образовательных программ.

Таким образом, значительная часть выпускников общеобразовательных школ имеют не только право, но и возможность обучаться в вузах.

Государство путем введения целевых грантов на проведение перспективных исследований оказывает поддержку тем вузам, которые вносят значимый вклад в развитие экономики страны и способствуют повышению ее конкурентоспособности. Поэтому инновационные процессы в системе высшего образования направлены на создание образовательной среды вузов, обеспечивающей доступность качественного образования и поддержку активной и талантливой молодежи.

Статья 28 федерального закона об образовании обязывает образовательные организации осуществлять мониторинг качества образования. Следует отметить, что проблемы эффективности мониторинга качества образования и ранее были предметом исследований в отечественной науке [11, с. 168].

В настоящее время важным стимулом в развитии инновационных процессов в системе высшего профессионального образования имеет привлечение общественности и работодателей к проведению контроля качества профессионального образования [12, с. 71].

В российской системе оценки качества образования существует два вида аккредитации: государственная и общественная. Первая проводится по плану Министерства образования и науки РФ под руководством Рособнадзора с привлечением работодателей и представителей других вузов. В этой аккредитации основное внимание уделяется учебным и рабочим программам, кадровому составу, организации и проведению практик и т.п. Другими словами, предметом государственной аккредитации являются академические ресурсы вуза. При этом проверке подлежат не все образовательные программы образовательного учреждения.

Федеральный закон об образовании регламентирует деятельность и независимых институтов оценки качества образования. В общественной аккредитации основным предметом является конкретная образовательная программа. В ходе ее проведения основное внимание уделяется оценке профессиональной подготовки будущих специалистов [13, с. 22]. Этот вид аккредитации является добровольным для вуза и проводится аккредитационными агентствами и профессиональными общественными организациями.

Следует отметить, что в Российской Федерации общественная аккредитация осуществляется, как правило, общественными организациями, в то время как во многих странах мира созданы для этого специальные независимые аккредитационные агентства [14, с. 51].

Таким образом, научно-исследовательская деятельность, совершенствование законодательства в сфере образования, обобщение инновационного педагогического опыта, использование компьютерных образовательных технологий и формирование системы государственного и общественного контроля над деятельностью образовательных организаций являются основными условиями дальнейшего развития высшей профессиональной школы России.

Список литературы

1. **Башарина, А. В.** Социальные инновации в образовании: сущность и классификация / А. В. Башарина // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11.
2. **Зинякова, Н. В.** Проблемы формирования инновационных аспектов в мышлении студентов вузов / Н. В. Зинякова, Т. А. Соколова // Педагогика и современность. – 2014. – № 1.
3. **Саранцев, Г. И.** Анатомия подготовки педагогических кадров в вузах / Г. И. Саранцев // Педагогика. – 2014. – № 10.
4. Об образовании : Закон Российской Федерации. – М., 1992.
5. **Даренский, В. Ю.** Социальная избыточность высшего образования: «проблема» или цивилизационный ресурс? / В. Ю. Даренский // Педагогика. – 2014. – № 10.
6. **Павлов, С. Н.** Формирование имиджа современного вуза / С. Н. Павлов // Педагогика. – 2014. – № 3.

7. Букалова, Г. В. О профессиональной компетенции выпускника вуза / Г. В. Букалова // Педагогика. – 2014. – № 10.
8. Шантукова, И. В. Формирование новых профессиональных компетенций у преподавателя в свете введения ФГОС / И. В. Шантукова // Педагогика. – 2014. – № 6.
9. Глухова, О. Ю. Активные методы в обучении студентов / О. Ю. Глухова // Педагогика высшей школы и профессионального образования. – 2012. – № 1.
10. Захожая, Т. М. Система зачетных единиц в образовательном процессе вуза / Т. М. Захожая // Педагогика. – 2012. – № 7.
11. Санкин, Л. А. Эффективный мониторинг качества образования (из опыта Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов) / Л. А. Санкин, С. В. Викторенкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1.
12. Блинов, А. О. Модернизация образования как условие развития образования / А. О. Блинов, О. С. Рудакова // Образование и право. – 2014. – № 3–4.
13. Долженко, О. В. Университет и образование: между прошлым и будущим / О. В. Долженко // Педагогика и просвещение. – 2013. – № 1.
14. Похолков, Ю. П. Общественно-профессиональная аккредитация образовательных программ. Кому и зачем она нужна? / Ю. П. Похолков // Инженерное образование. – 2010. – № 6.

References

1. Basharina A. V. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2009, vol. 11.
2. Zinyakova N. V., Sokolova T. A. *Pedagogika i sovremennost'* [Pedagogy and modern times]. 2014, no. 1.
3. Sarantsev G. I. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2014, no. 10.
4. *Ob obrazovanii: Zakon Rossiyskoy Federatsii* [The law of the Russian Federation on education]. Moscow, 1992.
5. Darenskiy V. Yu. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2014, no. 10.
6. Pavlov S. N. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2014, no. 3.
7. Bukalova G. V. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2014, no. 10.
8. Shantukova I. V. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2014, no. 6.
9. Glukhova O. Yu. *Pedagogika vysshey shkoly i professional'nogo obrazovaniya* [Pedagogy of higher school and vocational training]. 2012, no. 1.
10. Zakhozhaya T. M. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2012, no. 7.
11. Sankin L. A., Viktorenkova S. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2010, no. 1.
12. Blinov A. O., Rudakova O. S. *Obrazovanie i pravo* [Education and law]. 2014, no. 3–4.
13. Dolzhenko O. V. *Pedagogika i prosveshchenie* [Pedagogy and education]. 2013, no. 1.
14. Pokholkov Yu. P. *Inzhenernoe obrazovanie* [Engineering education]. 2010, no. 6.

Гошуляк Любовь Даниловна

доктор педагогических наук, профессор,
кафедра педагогики и психологии
профессионального образования,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vvgoshulyak@rambler.ru, pippo@pnzgu.ru

Goshulyak Lyubov' Danilovna

Doctor of pedagogical sciences, professor,
sub-department of pedagogy
and psychology of professional
education, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Мещерякова Ольга Викторовна

кандидат педагогических наук,
начальник Управления международного
сотрудничества, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: imsgu@bk.ru

Meshcheryakova Ol'ga Viktorovna

Candidate of pedagogical sciences, head
of the Office of International Cooperation,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 378

Гошуляк, Л. Д.

**Инновационные процессы в сфере высшего образования России:
к постановке проблемы** / Л. Д. Гошуляк, О. В. Мещерякова // Известия
высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. –
2015. – № 1 (33). – С. 204–211.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В ВУЗЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. В современных условиях развития Российского государства, на фоне его интеграции в мировое сообщество возникла объективная необходимость приведения института таможенной службы в соответствие с международными нормами таможенного дела и регулирования внешнеэкономической деятельности. Определяя направления дальнейшего развития таможенного дела, Федеральная таможенная служба выделила в качестве одного из приоритетных кадровое обеспечение таможенной службы. Решение проблемы качества профессиональной подготовки специалистов таможенного дела в рамках вузовского образования специалисты связывают с повышением требовательности к уровню их профессиональной воспитанности [1]. Цель исследования – выявить и обосновать педагогические условия, обеспечивающие эффективность формирования нравственных качеств будущих специалистов таможенного дела в процессе профессиональной подготовки.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования системы взаимосвязанных и взаимодополняемых методов, адекватных целям работы: теоретические (анализ, сравнение, обобщение, синтез, систематизация, моделирование); эмпирические (наблюдение, анкетирование, беседа, тестирование, изучение и обобщение передового педагогического опыта профессиональной подготовки студентов вуза, эксперимент). Методологическую основу исследования составили основные положения системного, аксиологического, личностно-деятельностного, компетентностного и средового подходов к формированию нравственных качеств будущего специалиста таможенного дела.

Результаты. В ходе опытно-экспериментальной работы были выявлены и научно обоснованы следующие педагогические условия: включение студентов в социально-профессиональную общность работников таможенной службы; информационное обеспечение сущности профессиональной деятельности в процессе профессиональной подготовки; конструирование профессионально-нравственной среды на базе таможенного поста; педагогический мониторинг сформированности нравственных качеств будущих специалистов таможенного дела в процессе профессиональной подготовки.

Выводы. Педагогические условия, выявленные в ходе опытно-экспериментального исследования, обеспечивают эффективность формирования нравственных качеств будущих специалистов таможенного дела в процессе профессиональной подготовки.

Ключевые слова: педагогические условия, формирование нравственных качеств, специалист таможенного дела, профессиональная подготовка.

L. Yu. Bolikova, A. V. Kuts

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF MORAL QUALITIES FORMATION IN FUTURE CUSTOMS OFFICERS AT UNIVERSITIES

Abstract.

Background. In modern conditions of development of the Russian state, against the background of its integration into the world community, there is an objective need

to bring the institution of customs service to the level of international standards of customs and foreign trade regulation. When determine the direction of further development of customs, the Federal Customs Service identified staffing of the Customs Service as a priority target. Solution of the problem of the customs officer professional training quality at universities is associated by experts with the increased demands to the level of their professional education [1]. The research purpose is to identify and substantiate pedagogical conditions that ensure the efficiency of formation of moral qualities of future customs specialists in the process of training.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was achieved through the use of a system of interrelated and complementary methods, adequate to the study aims: theoretical (analysis, comparison, compilation, synthesis, classification, modeling); empirical (observation, questionnaires, interviews, testing, study and generalization of the advanced experience of university students training, experiment). The methodological basis of the research included the main provisions of the system, axiological, student-activity, competence and environmental approaches to formation of moral qualities of future customs specialist.

Results. In the course of experimental work the authors identified and scientifically substantiated the following pedagogical conditions: inclusion of students in the social and professional community of customs officers; information support of the essence of professional activity in the course of vocational training; design of professional and moral environment on the basis of the customs office; pedagogical monitoring of moral qualities formation in future customs specialists in the process of training.

Conclusions. Pedagogical conditions that we identified during the pilot studies, provide the efficiency of formation of moral qualities of future customs officer during training.

Key words: pedagogical conditions, formation of moral qualities, customs officer, professional training.

В современных педагогических исследованиях, связанных с проблемами совершенствования функционирования педагогических систем, повышения эффективности образовательного процесса, одним из аспектов, вызывающих наибольший интерес, является выявление, обоснование и проверка педагогических условий, обеспечивающих успешность осуществляемой деятельности.

В научной литературе встречаются различные определения понятий «условие» и «педагогическое условие». Выявление условий в философском понимании имеет смысл в отношении к предмету, явлению, процессу или системе, так как в данном случае оно рассматривается в отношении существования, функционирования и развития того или иного предмета, явления, состояния. В педагогике предмет исследования тесным образом связан с постановкой цели выделения педагогических условий.

Анализ позиций различных исследователей (В. И. Андреева, С. А. Дыниной, М. В. Зверевой, Н. В. Ипполитовой, Б. В. Куприянова, А. Я. Найна, Н. М. Яковлевой и других) относительно определения понятия «педагогические условия» позволил выделить ряд положений, важных для нашего исследования:

1) условия выступают как составной элемент педагогической системы (в том числе и целостного педагогического процесса);

2) педагогические условия отражают *совокупность возможностей образовательной* (целенаправленно конструируемые меры воздействия и взаи-

модействия субъектов образования: содержание, методы, приемы и формы обучения и воспитания, программно-методическое оснащение образовательного процесса) и *материально-пространственной* (учебное и техническое оборудование, природно-пространственное окружение образовательного учреждения и т.д.) *среды*, влияющих положительно или отрицательно на ее функционирование;

3) в структуре педагогических условий присутствуют как *внутренние* (обеспечивающие воздействие на развитие личностной сферы субъектов образовательного процесса), так и *внешние* (содействующие формированию процессуальной составляющей системы) *элементы*;

4) реализация правильно выбранных педагогических условий обеспечивает развитие и эффективность функционирования педагогической системы.

Остановимся на ключевом определении педагогического условия, на котором базируется наше исследование. Это понятие определено в работе А. Я. Найна, который под *педагогическим условием* понимает «*совокупность объективных возможностей содержания, форм, методов, педагогических приемов и материально-пространственной среды, направленных на решение поставленных в исследовании задач*» [2, с. 102–107].

В процессе экспериментальной работы были выявлены педагогические условия, обеспечивающие эффективность формирования нравственных качеств будущего специалиста таможенного дела в процессе профессиональной подготовки.

В качестве одного из важнейших условий формирования нравственных качеств будущего специалиста таможенного дела можно отметить ***включение студентов в социально-профессиональную общность работников таможенной службы***.

Общность как философская категория характеризует совокупность людей, объединяемую исторически сложившимися устойчивыми социальными связями и отношениями и обладающую рядом общих признаков (черт), придающих ей неповторимое своеобразие. В педагогике понятие «общность» рассматривается как устойчивая система связей и отношений между людьми, имеющая единые ценностно-смысловые основания и конкретные целевые ориентиры [3, с. 286]. Для социально-профессиональных (корпоративных) общностей характерно не только наличие общих объективных характеристик, но и осознание единства своих интересов по сравнению с другими общностями, они объединяют людей, работающих в одном учреждении или предприятии социально-культурной сферы, обучающихся в высшем или среднем специальном учебном заведении и т.д. [4, с. 300].

Контекст приобщения студентов к социально-профессиональной общности задают преподаватели, поэтому была проведена работа с преподавательским составом: встречи с представителями таможенных органов, государственных и общественных организаций; мастер-классы экспертов и специалистов с целью формирования нравственных качеств обучающихся. Для преподавателей выпускающей кафедры были организованы специальные семинары, целью которых являлось формирование целостного представления о совокупности этических норм профессионального поведения специалиста таможенного дела:

- модельный кодекс этики и поведения сотрудников таможенной службы;
- кодекс чести таможенника;

- принятие присяги должностными лицами таможенных органов;
- основные этические проблемы взаимоотношений таможенной службы и клиента;
- основные этические принципы в таможенном деле;
- основные причины и стратегия борьбы с коррупцией в таможенных органах, Арушская декларация ВТО.

В ходе повседневного общения преподавателей и студентов последние усваивают нормы профессиональной этики и поведения. Включение в социально-профессиональную общность работников таможни осуществляется также во время производственной практики.

Анализируя особенности профессиональной деятельности специалиста таможенного дела, можно говорить о наличии символики быта (Б. В. Куприянов). По мнению Т. Б. Щепанской, основу культуры составляют знаковые системы, которые отражают внутреннюю неформальную структуру профессиональных сообществ, нормы и обычаи, а также символические механизмы их воспроизводства и функционирования. Согласно данному подходу символика быта включает как знаковые (символы, атрибуты, фольклор), так и социально-поведенческие (формы общения, нормы, стереотипы) отношения, сложившиеся в данной социально-профессиональной среде. Знаки и символы в научной литературе классифицируют на основании способа воздействия на человека и традиционно выделяют: визуальные, оптико-кинетические, экстралингвистические и т.д. (Л. С. Выготский, С. А. Шмаков) [5, с. 237–240].

Посредством символики быта транслируются ценности профессии и содержание культуры социально-профессиональной общности специалистов таможенной службы. Включение студентов в социально-профессиональную общность обеспечивается при наличии символики быта через следующие характеристики:

- демонстрация общественной значимости профессии;
- фиксация на знаково-символическом уровне единства общности;
- демонстрация образцов проявления героизма таможенников в период Великой Отечественной войны и в настоящее время.

По нашему мнению, в процессе профессионально-нравственного воспитания студентов специальности «Таможенное дело» происходит идентификация их как будущих таможенников, вырабатывается четкое осознание собственной принадлежности к социально-профессиональной группе, формируются профессиональная культура и нравственные качества личности. Профессионально-нравственное воспитание должно быть направлено на формирование у студентов представлений о нравственных основах службы в таможенных органах, знаний о профессионально-этических требованиях к поведению на службе и навыков соблюдения профессионально-этического стандарта антикоррупционного поведения. В этой связи была разработана экспериментальная программа, основной идеей которой являлось максимальное использование возможностей внеаудиторного времени для активизации практического участия студентов в общественной и профессиональной жизни. В экспериментальной программе профессионально-нравственного воспитания специалиста таможенного дела особое внимание уделялось следующим мероприятиям: Дню народного единства, Дню защитника Отечества, Дню России, Дню таможенника, Дню борьбы с коррупцией; экскурсиям в музеи,

посещениям театров и выставок, просмотрам фильмов, направленных на воспитание патриотизма, гражданственности и чувства служебного долга.

Второе педагогическое условие – **информационное обеспечение сущности профессиональной деятельности в процессе профессиональной подготовки.**

В работах И. А. Зимней, М. И. Рожкова, А. Е. Подобина, А. И. Тимониной и других рассматриваются различные аспекты личностно-ориентированного информационного обеспечения. Ценностно-ориентированное информирование предполагает обеспечение студентов информацией о профессии таможенника, ее ценностях, идеалах, эталонах и способах осуществления, вариантах включения в социально-профессиональную общность, а также обеспечение студента информацией о структуре, особенностях и свойствах его собственной личности. Ценностно-ориентированное информационное обеспечение предполагает также педагогическую помощь в процессе самоопределения личности в позиции «Я – профессия».

Информационное обеспечение сущности профессиональной деятельности в содержательном плане включает в себя аксиологический и праксеологический компоненты.

Аксиологический компонент характеризует процесс усвоения ценностей будущей профессии, важнейшими среди которых являются патриотизм, гражданственность и чувство служебного долга. Этому способствуют:

- воспитание у студентов исторического сознания, исторической памяти, культурно-исторической и национальной самоидентификации, развитие потребности знать свое прошлое, использование национальных особенностей в формировании личности студента с опорой в этом процессе на национально-этническую культуру и традиции;

- изучение этических основ таможенного дела, включающих в себя этические принципы, ценности и добродетели;

- усиление нравственной направленности социально-гуманитарных, общепрофессиональных и специальных дисциплин, помогающих студентам правильно определить профессионально-нравственную позицию, понять общечеловеческие ценности, приоритеты профессиональной деятельности, мотивы своего поведения.

С этой целью был разработан спецкурс «Деонтология специалиста таможенного дела» (108 ч), направленный на формирование компетенций, в рамках которых формируются нравственные качества, необходимые специалисту таможенного дела при решении профессиональных задач:

- способность проявлять гражданскую позицию и ответственное отношение к исполнению обязанностей (ОК–2);

- владение культурой взаимоотношений, взаимопонимания и сотрудничества, способность предотвращать конфликтные ситуации, уважительно относиться к окружающим (ОК–3);

- способность противостоять злоупотреблениям в сфере профессиональной деятельности (ПК–25);

- готовность соблюдать профессионально-этические требования в процессе осуществления профессиональной деятельности (СК–1).

Праксеологический компонент обусловлен:

- развитием операционально-нравственной сферы будущего специалиста таможенного дела на основе изучения основных направлений профессио-

нальной деятельности специалистов данной категории, требований, предъявляемых к ним в аспекте реализации профессиональных функций, с учетом нравственной составляющей деятельности, с опорой на профессиограмму;

– владением организаторскими, коммуникативными, предметно-практическими умениями, необходимыми для осуществления будущей профессиональной деятельности.

Информационное обеспечение сущности профессиональной деятельности предполагает наличие в вузе адекватной воспитательно-профессиональной среды, влияние которой осуществляется посредством использования *традиционного* (нормативные знания, получаемые из семьи и ближайшего окружения), *институционального* (общественно одобряемый опыт, усваиваемый посредством взаимодействия воспитательной системы, вуза с профессиональной средой), *рефлексивного* (моральная ответственность личности и осознание субъективной принадлежности к социально-профессиональной общности) механизмов, обеспечивающих процесс формирования нравственных качеств, основанный на познании окружающего мира, профессиональной среды и своей роли в обществе в целом и в процессе выполнения профессиональных функций в частности.

Третье условие формирования нравственных качеств будущего специалиста таможенного дела в процессе профессиональной подготовки – ***конструирование профессионально-нравственной среды на базе таможенного поста в период производственной практики.***

Средовой подход в педагогике разработан Ю. С. Мануйловым как целостная педагогическая теория и технология, которая позволяет разобраться в составляющих среды, оценить их возможности, смоделировать влияние, спроектировать средообразовательный процесс и практически реализовать заложенный в них воспитательный потенциал. Средовой подход – основа стратегии опосредованного управления процессами развития и формирования человеческой личности. В технологическом плане он представляет собой систему действий субъекта управления со средой, направленных на превращение ее в средство диагностики, проектирования и продуцирования педагогического результата. Значение среды в воспитании рассматривали А. С. Макаренко, М. М. Пистрак, В. Н. Сорока-Росинский, К. Д. Ушинский и другие [6, с. 65].

Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования позволил сформулировать определение понятия «*профессионально-нравственная среда*» – совокупность предметных и социальных условий труда, в результате взаимодействия с которыми происходит профессионально-нравственная подготовка будущего специалиста.

Профессионально-нравственная среда, окружающая специалиста таможенного дела, включает: культуру делового общения, традиции, требования, режим, правила ношения форменной одежды, орденов, медалей и других знаков отличия, специфический юмор, особенности взаимоотношений таможенника и клиента (подконтрольного лица), иными словами, субкультурное содержание, отражающее гуманистически ориентированную систему ценностей данной общности. В процессе организации деятельности формализованных групп (коллективов), организации взаимодействия членов группы с клиентами и сотрудниками, а также обучения взаимодействию происходит интериоризация этих ценностей, идентификация с социокультурным окружением,

личностное становление студента и вместе с этим формирование чувства служебного долга.

При выделении данного педагогического условия использовалась «концепция социальных проб», которая была разработана в результате исследований, проводимых группой ученых под руководством М. И. Рожкова. Согласно данному подходу, «социальная проба – это совокупность последовательных действий, связанных с выполнением специально организованной социальной деятельности в экономической, политической и духовной сферах на основе выбора способа поведения в этой деятельности и являющаяся средством соотнесения самопознания и анализа своих возможностей в спектре реализуемых социальных функций. Социальная проба предполагает самооценку учащимся своих возможностей на основе последовательного выбора способа социального поведения в процессе освоения различных социальных ролей». Социально-профессиональные пробы – это включение студентов в деятельность по решению социальных и профессиональных проблем в реальных условиях и имитируемых ситуациях [7].

Опираясь на подход М. И. Рожкова, под *профессионально-нравственными пробами* мы понимаем ограниченную во времени совокупность профессиональных действий, предполагающих принятие решений в условиях нравственного выбора.

Профессионально-нравственная проба требует сопровождения педагогом и специалистом (таможенником), предназначена для преодоления студентом собственных заблуждений, испытания себя, проверки своих взглядов в реальных и имитируемых ситуациях. Определяющим фактором в данном случае становится подготовленность учащегося к решению данных проблем.

Профессионально-нравственные пробы, организуемые в период производственной практики, предполагают проектирование студентом собственных вариантов участия в деятельности, способствуют ее эмоциональному окрашиванию.

Реализация данного условия предполагает:

- стимулирование самопознания студентов в различных социальных и профессиональных ситуациях, определение профессионально-нравственной позиции и способа адекватного поведения в ситуациях нравственного выбора;
- координацию взаимодействия социальных институтов (университета и таможенной службы), оказывающих влияние на профессиональное становление студента;
- обеспечение комплекса социально-педагогической помощи студентам при проектировании их поведения во взаимодействии с участниками ВЭД, клиентами (подконтрольными лицами) в анализе социальных отношений.

Четвертое педагогическое условие – ***педагогический мониторинг сформированности нравственных качеств будущего специалиста таможенного дела в процессе профессиональной подготовки.***

Профессиональное образование невозможно без постоянной диагностики соответствия фактических результатов деятельности данной педагогической системы ее промежуточным и конечным целям. Главное условие эффективности профессионального обучения – включение в него диагностического блока, предоставляющего студентам возможность не только выяснить свое отношение к тому или иному виду профессиональной деятельности, но

и познать свои профессионально важные качества, степень и потенциал их развития. Мы пришли к выводу о необходимости разработки непрерывного мониторинга качества профессиональной подготовки будущих специалистов таможенного дела, включающего несколько этапов.

Организационно-подготовительная работа предполагает определение критериев и показателей изучаемого явления. Критерием сформированности нравственных качеств будущего специалиста таможенного дела в процессе профессиональной подготовки определена *профессионально-нравственная позиция*, которая представляет собой совокупность четырех компонентов: мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного, рефлексивного. Сформированность каждого из компонентов конкретизировалась рядом показателей. Показатели мотивационно-ценностного критерия – ценностное отношение к получаемой профессии. Показатели когнитивного критерия – академическая успеваемость. Показатели деятельностного критерия – компетенции, в рамках которых формируются нравственные качества специалиста. Показатели рефлексивного критерия – сформированность нравственной самооценки.

Педагогический мониторинг предполагает: сбор информации с помощью подобранных методик в зависимости от возрастных и индивидуальных особенностей студентов, уровня их подготовленности; количественную и качественную обработку полученных результатов с ориентацией на критериально-уровневый подход; постановку педагогического диагноза посредством следующих аналитических действий – сравнение результатов, полученных при обработке с данными, установление и анализ причинно-следственных зависимостей, которые определили уровень сформированности нравственных качеств студентов [8].

Проведение педагогического мониторинга начинается с осознания и формулировки целей его проведения. Эти цели объединяют все последующие этапы обследования и во многом определяют их содержание. Разработка этапов включает конструирование системы контрольных заданий и средств сбора дополнительной информации, организацию объекта контроля и проведение тестовых срезов, сбор данных о выполнении учащимися контрольных заданий, обработку полученных данных, анализ и интерпретацию результатов обработки. Все это требует наличия у мониторинга определенной динамической направленности, которая выражается в типах обследования или контроля:

1) сравнительный характер мониторинга дает возможность сравнения уровня сформированности нравственных качеств студентов, групп;

2) пролонгированный характер предусматривает многократный сбор информации в течение достаточно длительного периода с определенным контингентом студентов;

3) констатирующий характер предусматривает обследование, направленное главным образом на выявление и описание уровня сформированности нравственных качеств студентов;

4) диагностирующий характер предполагает обследование, направленное на установление причин выявленного уровня сформированности нравственных качеств студентов;

5) прогнозирующий характер обеспечивает обследование, на основании которого можно осуществлять прогнозирование успешности профессиональной подготовки в будущем, исходя из возможностей на данный момент.

Анализ результатов диагностики связан с процедурой поиска и определения причин сложившегося положения. Коррекция содержания образования предполагает проведение коррекционной работы. Коррекция внешних условий предусматривает устранение причин или преодоление факторов, тормозящих процесс формирования нравственных качеств студентов, процессуально-технологическое обеспечение данной процедуры формами, методами и средствами обучения.

Комплекс педагогических условий, выявленных нами в ходе опытно-экспериментального исследования, обеспечивает эффективность формирования нравственных качеств будущего специалиста таможенного дела в процессе профессиональной подготовки.

Список литературы

1. **Путин, В. В.** Дело государственной важности / В. В. Путин // Высшее образование в России. – 2003. – № 1. – С. 5–11.
2. **Найн, А. Я.** Инновации в образовании / А. Я. Найн. – Челябинск : Изд-во Челябин. филиала Ин-та проблем образования М-ва обр. РФ, 1995. – 288 с.
3. Педагогический словарь : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. И. Загвязинский, А. Ф. Зактрова, Т. А. Строкова и др. ; под ред. В. И. Загвязинского, А. Ф. Закировой. – М. : Академия, 2008. – 352 с.
4. Краткий словарь по социологии / сост. П. Д. Павленок. – М. : ИНФРА-М, 2001.
5. Педагогика профессионального образования : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е. П. Белозерцев, А. Д. Гонеев, А. Г. Пашков и др. ; под ред. В. А. Сластёнина. – М. : Академия, 2004. – 368 с.
6. **Мануйлов, Ю. С.** Средовой подход в воспитании : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Мануйлов Ю. С. – М., 1997. – 192 с.
7. **Рожков, М. И.** Социальные пробы как фактор социализации учащихся / М. И. Рожков // Ярославский педагогический вестник. – 1994. – № 1. – С. 16–19.
8. **Калиновская, Т. С.** Педагогические условия эффективного функционирования компетентностно ориентированной технологии обучения в системе среднего профессионального образования / Т. С. Калиновская // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5.

References

1. Putin V. V. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2003, no. 1, pp. 5–11.
2. Nayn A. Ya. *Innovatsii v obrazovanii* [Innovations in education]. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. filiala In-ta problem obrazovaniya M-va obr. RF, 1995, 288 p.
3. Zagvyazinskiy V. I., Zaktrova A. F., Strokova T. A. et al. *Pedagogicheskiy slovar': ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy* [Pedagogical dictionary: tutorial for students of teacher training universities]. Moscow: Akademiya, 2008, 352 p.
4. *Kratkiy slovar' po sotsiologii* [Brief sociological dictionary]. Comp. by P. D. Pavlenok. Moscow: INFRA-M, 2001.
5. Belozertsev E. P., Goneev A. D., Pashkov A. G. et al. *Pedagogika professional'nogo obrazovaniya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy* [Pedagogy of professional education: tutorial for students of teacher training universities]. Moscow: Akademiya, 2004, 368 p.
6. Manuylov Yu. S. *Sredovoy podkhod v vospitanii: dis. d-ra ped. nauk: 13.00.01* [Environmental approach in education: dissertation to apply for the degree of the doctor of pedagogical sciences]. Moscow, 1997, 192 p.

7. Rozhkov M. I. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 1994, no. 1, pp. 16–19.
8. Kalinovskaya T. S. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2013, no. 5.

Боликова Людмила Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра педагогики, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: bolikova@bk.ru

Bolikova Lyudmila Yurevna

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, sub-department
of pedagogy, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Куц Анна Вячеславовна

аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: kuts_a.v@mail.ru

Kuts Anna Vyacheslavovna

Postgraduate student, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 37.01

Боликова, Л. Ю.

**Педагогические условия формирования нравственных качеств
будущих специалистов таможенного дела в вузе / Л. Ю. Боликова,
А. В. Куц // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гума-
нитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 212–221.**

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. В современном мире процессы интеграции профессиональных терминов присутствуют практически в каждой сфере человеческой деятельности, в том числе и в системе образования. В современных рыночных условиях стало возможным и необходимым применять некоторые экономические термины и к процессу подготовки будущих специалистов. К одним из таких понятий относится конкурентоспособность. Цель исследования – теоретически выявить и экспериментально проверить педагогические условия формирования конкурентоспособности студентов в вузе.

Материалы и методы. Поставленные исследовательские задачи были решены как теоретически, так и в ходе эксперимента, проведенного в Пензенском государственном технологическом университете (на примере подготовки будущих инженеров-технологов). Методы исследования: теоретические (анализ, сравнение, обобщение, синтез, систематизация, моделирование); эмпирические (наблюдение, анкетирование, беседа, тестирование, изучение и обобщение передового педагогического опыта профессиональной подготовки студентов вуза, эксперимент); математические (статистическая обработка данных).

Результаты. Проведенное теоретическое исследование и экспериментальная проверка позволили определить педагогические условия, определяющие эффективность формирования конкурентоспособности студентов в процессе обучения иностранному языку: в экспериментальной группе увеличилось количество студентов с высоким уровнем конкурентоспособности.

Выводы. Педагогические условия, выявленные в ходе исследования, могут быть использованы при обучении другим дисциплинам в вузе и влиять на повышение конкурентоспособности будущих выпускников высших учебных заведений.

Ключевые слова: конкурентоспособность, английский язык, педагогические условия.

V. V. Usmanov, V. Yu. Myagkova

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF STUDENTS' COMPETITIVENESS FORMATION AT A UNIVERSITY

Abstract.

Background. In the modern world integration processes of professional terms are present in almost every sphere of human activity, including the education system. In modern market conditions it has become possible and necessary to apply some economic terms to the process of future specialists training. One of such terms is competitiveness. The purpose of the research is to theoretically identify and experimentally validate pedagogical conditions of formation of students' competitiveness at a university.

Materials and methods. The set research tasks were solved theoretically, as well as in the course of the experiment carried out in Penza State Technological University (on the basis of future engineers training). The research methods were theoretical (analysis, comparison, generalization, synthesis, classification, modeling); empirical

(observation, questionnaires, interviews, testing, studying and summarizing of the advanced pedagogical experience of professional training of students, experiment); and mathematical (statistical data processing).

Results. The conducted theoretical research and experimental check allow to define pedagogical conditions, showing the effectiveness of formation of students' competitiveness while teaching a foreign language: in the experimental group a number of students with a high level of competitiveness increased.

Conclusions. The pedagogical conditions, defined in the research, can also be applied to teaching of other disciplines at a university and can influence the growth of competitiveness of future university graduates.

Key words: competitiveness, English, pedagogical conditions.

Современные требования к качеству и уровню образования студентов вузов диктуют необходимость формирования у них конкурентоспособности. Системно организованный педагогический процесс способен формировать данную характеристику будущего выпускника. Одной из характеристик системы являются педагогические условия. Под педагогическими условиями в образовании понимается «совокупность взаимосвязанных условий, необходимых для создания целенаправленного учебно-воспитательного процесса, обеспечивающих формирование личности с заданными качествами» [1].

По мнению ученого В. И. Андреева, педагогические условия – это результат целенаправленного отбора, констатирования и применения элементов содержания, методов (приемов), а также организационных форм обучения для достижения дидактических целей [2, с. 124]. Е. В. Яковлев под педагогическими условиями понимает «совокупность мер педагогического процесса, направленную на повышение его эффективности». А. Я. Найн, Н. М. Яковлева и другие исследователи также определяют педагогические условия как совокупность мер (объективных возможностей) педагогического процесса [3].

Проанализировав существующие точки зрения, мы под педагогическими условиями понимаем совокупность необходимых и достаточных мер для создания наиболее благоприятной обстановки (или среды) для успешного формирования конкурентоспособности студентов вуза [4].

Считаем, что конкурентоспособность студента высшего учебного заведения можно рассматривать как интегральную характеристику личности, которая включает в себя личностные и профессиональные компоненты, отражающие уровень знаний, умений, опыт, нравственную позицию, направленные на освоение рынка труда и достижение дальнейших профессиональных целей, и состоит из профессионализма, образованности и компетентности. Выпускник высшего профессионального учреждения, обладающий конкурентоспособностью, – это амбициозный, организованный молодой специалист, исполняющий свои функции на высоком уровне профессиональных требований и ответственности, способный самостоятельно разрешить возникшую проблему, нестандартную ситуацию в пределах своей компетентности, профессиональный менеджер, обладающий технологическими, коммуникативными и концептуальными навыками [5].

Следовательно, конкурентоспособность выпускника высшего учебного заведения – неотъемлемый атрибут современного, востребованного на рынке специалиста. Учитывая то, что иноязычная коммуникативная компетенция

является основной компетентностью, формируемой в процессе обучения иностранному языку, мы полагаем, что именно она будет тем самым связующим компонентом профессионализма, образованности и компетентности, который будет способствовать формированию конкурентоспособности в процессе изучения иностранного языка. Это обусловлено тем, что элементы коммуникативной компетентности имеют непосредственный выход на ключевые компетентности, составляющие единую социально-профессиональную компетентность специалиста. При осуществлении профессиональной деятельности на иностранном языке базовые коммуникативные компетенции – лингвистическая и дискурсивная – позволяют специалисту полно, логично, связно, понятно, лингвистически корректно строить свои высказывания и адекватно понимать речь других людей. В случае недостаточного уровня сформированности компонентов иноязычной коммуникативной компетенции: социолингвистического, межкультурного и стратегического, может быть затруднен процесс профессионально-делового общения, следовательно, нарушена продуктивность выполняемой специалистом деятельности. Важным является также содержание коммуникативного компонента, что обусловлено необходимостью осуществлять диалог в условиях делового общения и коллективного взаимодействия, преодолевать конфликтные ситуации, включаться в сложные системы коммуникации и кооперации. Этот компонент основан на умении понимать других людей, на знании ролевой структуры и организации коллективного взаимодействия и предполагает овладение высоким уровнем рефлексии в межличностном общении. Таким образом, одним из педагогических условий формирования конкурентоспособности является параллельное формирование всех составляющих конкурентоспособности при ведущей роли иноязычной коммуникативной компетенции.

Отметим, что обусловленное коммуникативным компонентом взаимодействие между студентами в педагогическом процессе обязательно характеризуется ситуациями конкуренции. Это педагогическое условие является основополагающим в формировании конкурентоспособности и может быть охарактеризовано:

- персональной вовлеченностью в борьбу;
- активацией субъекта действия;
- частичной деперсонализацией представлений о противнике;
- законностью поведения сторон (организуется в соответствии с правовыми нормами);
- действиями каждой из сторон на «своем поле»;
- позитивностью действий, направленных на обеспечение собственного максимального успеха и подавление противника, не являющееся самоцелью [6, 7].

Проведя собственное исследование, мы выявили следующие формы деятельности студентов, характеризующиеся проявлением конкуренции:

- интерактивное общение (выработка тактики и стратегии взаимодействия, основными формами которых являются кооперация и конкуренция);
- групповое взаимодействие (процесс непосредственного воздействия множественных объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь, где основными видами выступают сотрудничество, конкуренция и конфликт);

– соперничество (межличностное взаимодействие, когда достижение цели одним из взаимодействующих затрудняет или исключает осуществление целей других участников).

Итак, направленность педагогического процесса на формирование конкурентоспособности через конструирование ситуаций конкуренции является обязательной, поскольку данный процесс обусловлен коммуникативным подходом и формами группового взаимодействия [8].

Указанные выше формы деятельности студентов должны быть смоделированы педагогом в соответствии с задачами обучения. Поскольку в педагогике моделирование связано как с общим методом научного познания, так и с психолого-педагогическими соображениями, то оно – моделирование – выступает в роли и учебного средства, и способа обобщения учебного материала, а также представления его в свернутом виде, когда обучающиеся строят различные модели изучаемых явлений. Кроме того, достаточно широко применяется моделирование учебного материала для его логического упорядочения, построения семантических схем, представления учебной информации в наглядной форме и в расчете на образные ассоциации.

В процессе обучения происходит моделирование целей, принципов и условий будущей профессиональной деятельности, что позволяет подготовить выпускников к адекватному восприятию своей будущей профессиональной роли. В то же самое время новизна и нестандартность предлагаемого материала, конкретной темы и метода проведения практического занятия являются источниками познавательной активности студентов. Более того, информативность и инновационность учебного процесса привлекают и обостряют внимание студентов, побуждают к изучению темы, овладению новыми способами и приемами учебной деятельности. Инновационность помогает студенту осуществлять поиск, внедрять новую информацию в свою деятельность, а также преодолевать сложности.

Следовательно, включение в содержание обучения типичных и нестандартных профессиональных ситуаций для специалистов по профилю обучения является необходимым педагогическим условием. Они позволяют студенту оставаться активным в то время, когда преподавателю необходимо постоянно обновлять методику обучения, чтобы не дать погаснуть интересу к изучению дисциплины у студентов, а также их активности.

Что касается методов обучения, то мы полагаем, что сочетание традиционных и интерактивных методов является оптимальным для формирования конкурентоспособности. Интерактивные методы обучения – это методы, при которых деятельность обучаемого носит продуктивный, творческий, поисковый характер. Они стимулируют познавательную деятельность обучающегося, строятся на диалогах, предполагающих свободный обмен мнениями о путях разрешения той или иной проблемы. Интерактивным называется такое обучение, которое основано на психологии человеческих взаимоотношений и взаимодействий. В деятельности преподавателя главное место занимает группа взаимодействующих учащихся, которые, обсуждая вопросы, спорят и соглашаются между собой, стимулируют и активизируют друг друга. При применении интерактивных методов на интеллектуальную активность сильнее всего действует дух соревнования, состязательности, который проявляется, когда люди коллективно ищут истину. Эффективно работает и такой пси-

хологический прием, как заражение, поскольку высказанная соседом мысль способна непроизвольно вызвать собственную аналогичную либо близкую к высказанной или, наоборот, вовсе противоположную.

Таким образом, интерактивное обучение представляет собой такую организацию и ведение учебного процесса, которые направлены на всемерную активизацию учебно-познавательной деятельности обучающихся посредством широкого, комплексного, использования как педагогических, так и организационно-управленческих средств.

С учетом существующих и широко используемых методов интерактивного общения было разработано учебное пособие по английскому языку для студентов (будущих инженеров-технологов) в сфере продовольственных продуктов и потребительских товаров, в котором приведены примеры интерактивного обучения для формирования конкурентоспособности.

С этой целью мы использовали следующие методы:

1) эвристическая беседа. Метод путем искусно сформулированных наводящих вопросов и примеров побуждает учащихся прийти к самостоятельному правильному ответу (ответьте на вопросы текста «Healthy Diet», найдите данную информацию в тексте и др.). По своей психологической природе эвристическая беседа – это коллективное мышление или беседа как поиск ответа на проблему, который считается методом проблемного обучения (проблемно-поисковая беседа). Следует иметь в виду, что этот метод предполагает наличие у учащихся определенного запаса знаний, представлений, понятий;

2) дискуссия. Метод состоит в обмене взглядами по конкретной проблеме («Pros and Cons of the Food Industry»: каковы преимущества и недостатки современной пищевой промышленности? почему? и др.). Это активный метод, позволяющий научиться отстаивать свое мнение и слушать других. Он используется при групповых формах занятий: на семинарах-дискуссиях, собеседованиях по обсуждению итогов выполнения заданий, на практических и лабораторных занятиях, когда студентам нужно высказываться. Дискуссия на семинарском (практическом) занятии требует продуманности и основательной предварительной подготовки обучаемых. Нужны не только хорошие знания (без них дискуссия беспредметна), но также наличие у студентов умения выражать свои мысли, четко формулировать вопросы, приводить аргументы и т.д. Таким образом, учебные дискуссии обогащают представления учащихся по теме, упорядочивают и закрепляют знания;

3) «мозговая атака». Заключается в поиске ответа специалистов на сложную проблему посредством интенсивных высказываний всевозможных приходящих в голову идей, догадок, предположений, случайных аналогий (case-study – решение проблемной ситуации при заданных условиях; подумайте о возможных изменениях в пищевой промышленности в будущем и заполните перечисленные ниже пункты и др.). Метод мозговой атаки может быть использован, когда ставится цель убедить обучаемых в трудности решения какой-либо проблемы;

4) круглый стол. Используется для повышения эффективности усвоения теоретических проблем путем рассмотрения их в многообразных научных аспектах, с участием специалистов разного профиля (приведите несколько примеров самых питательных пищевых продуктов и заполните следующую таблицу и др.). Данный метод может использоваться в различных фор-

мах, если при этом помнить об одном важном условии и его неукоснительном соблюдении – это осознание необходимости разностороннего рассмотрения теоретической проблемы с разных позиций и точек зрения на ее практическое воплощение в жизнь;

5) деловая игра. Заключается в учебном моделировании ситуаций той деятельности, которой предстоит обучить учащихся, чтобы на моделях, а не на реальных объектах учить будущих специалистов выполнять соответствующие профессиональные функции (обсудите проблему текста с различных позиций работников компании и др.). Деловая игра заранее планируется (составление сценария, распределение ролей, выбор ситуаций и т.д.) и проводится на практическом занятии;

6) конкурсы практических работ с их обсуждением и др. («Лучший рецепт», «Полезные ингредиенты» и др.).

Таким образом, сочетание традиционных и интерактивных методов обучения будет способствовать формированию конкурентоспособности в процессе изучения иностранного языка, развивая личностный и профессиональный потенциал студентов.

Применение традиционных и интерактивных методов обусловлено строгой организацией процесса обучения при демократических взаимоотношениях его участников. Такая организация продиктована тем, что одним из компонентов конкурентоспособности специалиста является компетентность, т.е. способность применять знания, умения, успешно действовать на основе практического опыта при решении задач общего рода.

В этой связи мы опирались на личностно-центрированный подход К. Роджерса, рассматривая студента как субъекта, инициирующего и организующего собственный процесс саморазвития [9]. Поскольку педагогические нормы, требования, стандарты общества навязывают человеку свой набор ценностей и блокируют его индивидуальные потребности, мы организовали педагогический процесс на основе помогающих взаимоотношений. В центре такого процесса находится учащийся со всеми своими проблемами, интересами, способностями и стремлениями. Задача педагога заключается в стимулировании осмысленного учения, оказании помощи личности в осуществлении индивидуального саморазвития, т.е. в так называемой фасилитации педагогического процесса с целью подготовки конкурентоспособного специалиста.

При традиционном образовании учитель сам выдает ученику всю необходимую информацию, что имеет свои очевидные недостатки: возможные знания ученика ограничены знаниями учителя, учитель передает не только достоверную, но и ошибочную информацию, продукт своего искаженного восприятия внешнего мира. В то время как фасилитация – это способ осуществления обучения, при котором наставник занимает позицию помощника и помогает ученику самостоятельно находить ответы на вопросы и/или осваивать профессиональные навыки.

С одной стороны, самостоятельный поиск информации гораздо сильнее мотивирует ученика и обеспечивает гораздо более эффективное усвоение найденной информации и приобретенных навыков. С другой стороны, поскольку педагогу приходится придерживать часть знаний, в педагогическом процессе ученикам обеспечивается «право на незнание», право на самостоятельный поиск ответа. Что касается педагога, то такой процесс обучения

сложнее, поскольку ему приходится сдерживать свои амбиции и быть готовым к анализу альтернативных решений, а также становится труднее удерживать лидерство в группе.

Кроме того, педагог-фасилитатор не формирует и не переделывает студента определенным образом, не «вкладывает» в него какое-либо содержание, а просто помогает освободить его личностные резервы. Такой педагог решает проблему создания отношений, в которых обучающийся сможет раскрыть свой потенциал и «принять» знания как элемент собственного опыта, чтобы затем использовать их для продуктивного общекультурного и профессионального роста.

Таким образом, мы полагаем, что фасилитация в педагогическом процессе является одним из условий, которое дает вузу возможность формирования конкурентоспособности. Эффективная фасилитация помогает осуществить гуманистический подход в процессе обучения, а также позволяет постепенно уменьшить потребность в сторонней помощи, а в дальнейшем и вовсе от нее отказаться.

В этой связи иноязычная профессиональная компетенция является частью профессионализма специалиста и определяет у него как наличие конкретных профессиональных навыков и качеств, так и составляющей образованности, которая понимается как социально определенный и социально необходимый минимум знаний.

Знание иностранного языка является конкурентным преимуществом с широкими возможностями его использования работодателями. Во-первых, изучая иностранный язык, студент в первую очередь осваивает профессиональную лексику, необходимую ему в будущей профессиональной деятельности. Новая политическая обстановка, расширение международного сотрудничества и международных контактов требуют сегодня более глубокого владения иностранным языком. Во-вторых, владение иностранным языком делает работника конкурентоспособным на рынке труда, открывая дорогу к карьерному росту, поскольку руководители престижных организаций отдают предпочтение сотрудникам, знающим английский язык. Это связано с тем, что сегодня недостаточно быть специалистом только в одной сфере: общество требует от человека дальнейшего развития и усовершенствования. В-третьих, большинство видов компьютерных программ, предназначенных для дальнейшего роста предприятия, а в целом и всей экономики страны, создается на английском языке, что непосредственно отражается на рынке труда: увеличивается спрос на работников, квалифицированных в области компьютерных технологий и владеющих английским языком.

Кроме того, в эпоху глобализации всех сфер общественной жизни все более возрастает роль личных контактов людей, а следовательно – вербальной коммуникации, в том числе межнациональной, которая требует знания иностранного языка. Иностранные языки становятся одним из главных факторов как социально-экономического, так и общекультурного прогресса общества. Иными словами, иностранный язык выполняет огромную роль в формировании личности и повышении образования, ведь с помощью него можно получить непосредственный доступ к духовному богатству другой страны, обрести возможность непосредственной коммуникации с представителями других народов. То есть изучение иностранных языков необходимо в качест-

ве основных и наиболее эффективных способов и методов обмена информацией между людьми.

Таким образом, педагогическими условиями, влияющими на формирование конкурентоспособности в процессе иностранного языка в вузе, являются:

- параллельное формирование всех составляющих конкурентоспособности при ведущей роли иноязычной коммуникативной компетенции;
- направленность педагогического процесса на формирование конкурентоспособности через конструирование ситуаций конкуренции;
- включение в содержание обучения типичных и нестандартных профессиональных ситуаций для специалиста по профилю обучения;
- сочетание традиционных и интерактивных методов обучения;
- строгая организация процесса обучения при демократических взаимоотношениях его участников;
- формирование у студентов потребности в изучении иностранного языка для решения профессиональных задач.

Список литературы

1. **Ганин, Е. А.** Педагогические условия использования современных информационных и коммуникационных технологий для самообразования будущих учителей / Е. А. Ганин. – URL: <http://www.ito.su/2003/VII/VII-0-1673.html>.
2. **Андреев, В. И.** Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития / В. И. Андреев. – Казань : Центр инновационных технологий, 2000.
3. **Найн, А. Я.** О методологическом аппарате диссертационного исследования / А. Я. Найн // Педагогика. – 1995. – № 5. – С. 44–49.
4. Реализация педагогического потенциала учебной дисциплины «Иностранный язык» в процессе профессиональной подготовки студентов вуза / Л. Ю. Боликова, М. В. Баканова, С. В. Кузнецова, О. Ю. Сафонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 3 (7). – С. 124–130.
5. **Боровик, Г. А.** Формирование креативности студента колледжа как средство повышения его конкурентоспособности : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Боровик Г. А. – М., 2007. – 207 с.
6. **Жмуров, В. А.** Большая энциклопедия по психиатрии / В. А. Жмуров. – 2-е изд. – 2012. – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/978>
7. **Гез, Н. И.** Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методических исследований / Н. И. Гез // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 2. – С. 17–24.
8. **Мягкова, В. Ю.** Педагогическое наполнение содержания понятия «конкурентоспособность выпускника высшего учебного заведения» / В. Ю. Мягкова // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2010. – № 4. – С. 124–130.
9. **Роджерс, К.** Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М. : Прогресс, 1994. – 479 с.

References

1. Ganin E. A. *Pedagogicheskie usloviya ispol'zovaniya sovremennykh informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologiy dlya samoobrazovaniya budushchikh uchiteley* [Pedagogical conditions of using modern information and communicative technologies for self-education of future teachers]. Available at: <http://www.ito.su/2003/VII/VII-0-1673.html>.
2. Andreev V. I. *Pedagogika: uchebnyy kurs dlya tvorcheskogo samorazvitiya* [Pedagogy: training course for creative self-development]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy, 2000.

3. Nayn A. Ya. *Pedagogika* [Pedagogy]. 1995, no. 5, pp. 44–49.
4. Bolikova L. Yu., Bakanova M. V., Kuznetsova S. V., Safonova O. Yu. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2008, no. 3 (7), pp. 124–130.
5. Borovik G. A. *Formirovanie kreativnosti studenta kolledzha kak sredstvo povysheniya ego konkurentosposobnosti: dis. kand. ped. nauk: 13.00.08* [Creativity formation in college students as a means of increasing their competitiveness]. Moscow, 2007, 207 p.
6. Zhmurov V. A. *Bol'shaya entsiklopediya po psikhiiatrii* [Comprehensive psychiatric encyclopedia]. 2012. Available at: <http://vocabulary.ru/dictionary/978>
7. Gez N. I. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school]. 1985, no. 2, pp. 17–24.
8. Myagkova V. Yu. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [Proceedings of South Federal University. Pedagogical sciences]. 2010, no. 4, pp. 124–130.
9. Rodzhers K. *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [View of psychotherapy. Making up of a person]. Moscow: Progress, 1994, 479 p.

Усманов Виктор Васильевич

доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе,
Пензенский государственный
университет архитектуры
и строительства
(Россия, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28)

E-mail: uvv@pguas.ru

Usmanov Viktor Vasil'evich

Doctor of pedagogical sciences, professor,
vice rector for research, Penza State
University of Architecture and Construction
(28 Titova street, Penza, Russia)

Мягкова Валерия Юрьевна

старший преподаватель, кафедра
иностранных языков и методики
преподавания иностранных языков,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Lera-potap4ik@yandex.ru

Myagkova Valeriia Yurevna

Senior lecturer, sub-department of foreign
languages and foreign languages teaching
technique, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 378

Усманов, В. В.

Педагогические условия формирования конкурентоспособности студентов в вузе / В. В. Усманов, В. Ю. Мягкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 222–230.

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ
КАЧЕСТВ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ТВОРЧЕСТВА
МАМЕДА АРАЗА**

Аннотация.

Актуальность и цели. Современный Азербайджан как независимое государство находится на пути важных преобразований, затрагивающих все сферы общества, в частности образование. Воспитание у подрастающего поколения высоких морально-нравственных качеств является необходимым фактором целенаправленного осуществления этого процесса и важной задачей общеобразовательных и высших школ. Целью исследования является рассмотрение методов и технологий формирования и развития морально-нравственных качеств личности на основе изучения педагогического и творческого наследия народного поэта Азербайджана Мамеда Араза (1933–2004).

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе поэтических образов Мамеда Араза, составляющих содержание его поэтических сборников «Каменный орел» (1975), «Крылатые скалы» (1981) и «Книга отца моего» (1983) и позволяющих анализировать гражданские идеи и нравственные критерии творчества поэта в научно-педагогических аспектах с использованием концепций и моделей анализа, имеющихся в педагогическом знании и результатах исследований по проблеме формирования и развития морально-нравственной сферы и качеств личности. Особое место занимают результаты исследований таких русских и азербайджанских ученых, как Л. И. Божович, А. В. Зосимовский, А. Гармаев, В. В. Столин, Л. Н. Собчик, Г. Ахмедов, С. Багирова, Р. Алиев и др.

Результаты. Морально-нравственные качества личности в педагогическом наследии и творчестве Мамеда Араза рассмотрены с точки зрения их значения в формировании у подрастающего поколения национально-нравственных ценностей. Обоснована мысль, что Мамед Араз в целях воспитания молодых в духе высших моральных качеств и гражданских идеалов своим творчеством способствовал формированию у них патриотизма, гуманизма, дружбы, честности, трудолюбия, мужества и свободолюбия и в их практическом осуществлении большое значение придавал роли семьи, школы, общественной среды. Исследованы содержание и структура процесса формирования и развития морально-нравственных качеств обучающихся. Определены технологии и критерии исследуемого процесса. Выявлены сферы социокультурной и проектной технологии в развитии морально-нравственных качеств обучающихся.

Выводы. Изучение структуры и содержания процесса формирования и развития морально-нравственных качеств обучающихся в современных условиях позволяет определить необходимость в формировании личности нового типа, для которой потребность в творчестве, самообразовании и саморазвитии, переходе от функционально-ролевого пребывания в образовательной организации к системно-деятельностной самореализации и жизнедеятельности приобретает значимый характер. Анализ педагогического и творческого наследия Мамеда Араза наводят человека на мысль, что нет высокого гражданского воспитания вне самоконтроля и самооценки, которые всегда должны сопутствовать человеку в свершении им того или другого действия или поступка.

Ключевые слова: независимый Азербайджан, Мамед Араз, поэтика, художественное слово, родина, воспитание, мораль, нравственность, гражданские идеи, высокий долг, достойный гражданин.

M. K. kyzy Akhmedova

FORMATION AND DEVELOPMENT OF MORAL TRAITS OF STUDENTS ON THE BASIS OF STUDYING THE LEGACY AND WORKS OF MAMED ARAZ

Abstract.

Background. Modern Azerbaijan as an independent state is en route of important reform affecting all spheres of the society, namely education. Fostering high moral traits in the rising generation is a necessary factor of the purposeful implementation of this process and an important objective for secondary and higher schools. The research aim is to consider methods and technologies of formation and development of moral traits of personality on the basis of studying the pedagogical and creative legacy of the people's poet of Azerbaijan Mamed Araz (1933–2004).

Materials and methods. Realization of the research tasks was achieved on the basis of poetic images of Mamed Araz, composing the content of his collections of poetry such as "Stone eagle" (1975), "Winged rocks" (1981) and "The book of my father" (1983) and allowing to analyze civil ideas and moral criteria of the poet's works in the scientific and pedagogical aspects using the concepts and models of analysis, found in the pedagogical knowledge and in the research results on the problem of formation and development of the moral sphere and traits of personality. A special attention is paid to the research results by such Russian and Azerbaijani scientists as L. I. Bozhovich, A. V. Zosimovsky, A. Garmaev, V. V. Stolin, L. N. Sobchik, G. Akhmedov, S. Bagirova, R. Aliev and others.

Results. Moral traits of personality in the pedagogical legacy and works of Mamed Araz were considered from the point of view of the importance thereof in formation of national and moral values in the rising generation. The author substantiated an idea, that through his works Mamed Araz contributed to formation of patriotism, humanism, honesty, diligence, courage and love of freedom in the youth in order to foster high moral traits and civil ideals, as well as paid significant attention at implementation thereof to the importance of family, school and social environment. The researcher investigated the content and structure of fostering and development of moral traits in students and determined the technologies and criteria of the process under investigation. The spheres of the sociocultural and project technology in development of moral traits in students were also revealed.

Conclusions. The study of the structure and content of formation and development of moral traits of students in modern conditions allows to determine a necessity to form a personality of a new type, for which a need for creativity, self-education and self-development, transition from functional-role attendance at an educational institution to system-activity self-realization and vital activity appears to be of great importance. The analysis of the pedagogical and artistic legacy of Mamed Araz suggests an idea, that there is no high civil education without self-control and self-appraisal, which always should feature in a person when committing one or another act or deed.

Key words: independent Azerbaijan, Mamed Araz, poetry, spoken word, motherland, education, morality, civil ideas, high duty, worthy citizen.

Динамичные социокультурные, политические и социально-экономические преобразования всех сторон жизнедеятельности людей актуализируют необходимость развития национального самосознания, возрождения национальной культуры. Эффективность обозначенных процессов взаимосвязана с совокупностью объективных и субъективных факторов. В первом случае качество возрождения национальной культуры и самосознания обусловлено содержанием общепринятых традиций, признанных в обществе, определяющих совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений [1]. Реализация традиций в воспитании молодого поколения способствует восприятию им положительного опыта прошлого, педагогического наследия предков. Создаются предпосылки для формирования личности, поведение которой характеризуется наличием материально-культурных и морально-нравственных ценностей своего народа.

Реализация традиций и усвоение человеком ценностей своего народа обуславливают совокупность субъективных факторов, влияющих на развитие национального самосознания. Основным среди них является фактор нравственности, раскрывающей содержание внутренней стороны морали, которое проявляется в совокупности морально-нравственных качеств, реализуемых человеком в поведении и деятельности.

Именно этими факторами предопределяется проявление азербайджанским народом внимания и интереса к своему прошлому и историческим корням, культуре, к анализу источников, раскрывающих основы морали и нравственности современного человека. Следует отметить, что за период многовекового исторического развития азербайджанского народа, имеющего высокое поэтическое художественное мышление, морально-нравственные качества и нравственную моральную среду, накоплены богатые педагогические традиции в области воспитания молодого поколения. Поэтому изучение этого морально-нравственного и педагогического наследия, его применение в воспитании современной молодежи в опыте образовательных организаций явились основой проводимого исследования на базе Нахчыванского государственного университета.

Нравственная культура личности – это характеристика нравственного развития личности, в которой отражается степень освоения ею морального опыта общества, способность последовательного осуществления в поведении и отношениях с другими людьми ценностей, норм и принципов, готовность к постоянному самосовершенствованию. Личность аккумулирует в своем сознании и поведении достижения нравственной культуры общества. Задача формирования нравственной культуры личности заключается «в достижении оптимального сочетания традиций и новаций, в соединении конкретного опыта личности и всего богатства общественной морали» [2, с. 43].

Достижение эффективного сочетания традиций и инноваций в процессе развития морально-нравственных основ самореализации личности имеет нормативно-правовые основы в Азербайджане. Закон Азербайджанской Республики об образовании предусматривает осуществление комплексных мер в области нравственного воспитания обучающихся. В нем отмечается, что система образования призвана обеспечить прежде всего «историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому

и культурному наследию азербайджанского народа» [3]. В этом смысле особенно актуальным представляется изучение процесса развития морально-нравственных качеств обучающихся в современных условиях их самоопределения и самореализации. Объективность выдвинутых нами положений находит свое подтверждение в исследованиях французского ученого А. Перона. Он в педагогическом труде «От актиума до человека» отмечал, что «...если на нашей планете случится трагическая беда и в результате вымрет взрослое поколение и останутся только молодые, то тогда нарушилась бы человеческая история, человечество потеряло бы свою человечность. Тогда никто не мог бы пользоваться сокровищами культуры, новое поколение не смогло бы обогащать их. Машины бы остались без движения, книги – без чтения, труды художественного искусства потеряли бы свои эстетические функции, история человечества начиналась бы заново, ибо если не давать молодому поколению новые знания и надлежащее воспитание, то остановилось бы движение истории вперед. Значит, развитие и существование общества, его усовершенствование и перестройка требуют всестороннее воспитание» [4, с. 24–25].

Нравственно воспитанным человеком считается тот, который умеет сохранить самобытность в процессе идентификации с другими людьми. Если культурность – совокупность образования, самовоспитания и воспитания, врожденной интеллигентности, то «нравственность есть внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек; этические нормы, правила поведения, определяемые этими качествами» [5, с. 433]. Их выявление явилось одним из основных направлений проводимого исследования. Человек, живя в обществе, находится в системе многочисленных социальных, нравственных, экономических и иных связей. И эти связи регулируются во многом нравственными и культурными правилами, которые развивались на протяжении веков. В результате «для гармоничного развития современной личности необходимо приобщение к сокровищам современной и классической литературы, составляющей духовную народную культуру и традиции» [6, с. 11]. Именно поэтому в процессе исследования последовательно рассматриваются теоретические основы и опыт педагогического наследия народа Азербайджана. Педагогическое и поэтическое наследие народного поэта Мамеда Араза, ставшего «нравственным паспортом» народа Азербайджана, представляет собой значительный источник для рассмотрения разных аспектов проблем педагогической науки. Его творчество учит нас тому, что каждый человек в отдельности должен стремиться стать настоящим гражданином, для которого жить в обществе только благодаря возможностям, дарованным ему от рождения природой, недостаточно.

Каждый непременно должен овладеть знаниями и опытом, который приобретен в процессе развития общества. Именно такие проявления человеческих стремлений представлены в педагогическом наследии и в творчестве Мамеда Араза, обладающего умением найти свой путь к сердцам читателей и для которого самой заветной целью в жизни была мечта стать настоящим сыном Родины и Отчизны. Он, в частности, отмечал:

Коль Родина сыном меня назовет,
И на скалах ее быть травинкою рад,
Без этой земли сир и пуст небосвод,
И жизнь моя сплошь листопад, листопад [7, с. 59].

В ходе исследования изучены концепции и модели формирования и развития морально-нравственных качеств в контексте морально-нравственного воспитания, имеющиеся в педагогической теории и практике. Н. И. Монахов и И. С. Хазова для формирования нравственной воспитанности личности предлагают развивать ее нравственные качества. Л. И. Божович, А. В. Зосимовский, Г. Ахмедов, С. Багирова полагают, что самой существенной характеристикой нравственного развития личности является ее направленность. Е. В. Бондаревская – уровень развития нравственных чувств, отношений, способности к морально-общественной регуляции, идейно-нравственных убеждений и морально-политического мировоззрения. А. В. Зосимовский, Р. Алиев, Ф. Рустамов считают основой развития морально-нравственных качеств нравственную направленность личности, которую А. В. Зосимовский понимает как «сложное целостное образование, состоящее из разнообразных по нравственному содержанию, силе и волевой обеспеченности чувств, стремлений, потребностей. Она характеризует внутреннюю нравственную позицию человека, стержневые особенности его мотивационной структуры» [8, с. 10]. И. Ф. Харламов в качестве главных признаков нравственной воспитанности называет индивидуальные изменения, происходящие во внутренней нравственно-психологической структуре личности и определяющие ее внешние проявления. В связи с этим основными критериями нравственной воспитанности он считает: наличие доминирующих нравственных потребностей и мотивов; степень усвоения и осознания социальной и личностной значимости моральных норм, правил и принципов, а также нравственных качеств; устойчивость нравственных умений, навыков и привычек, унаследованных от предков.

В своем педагогическом наследии и творчестве Мамед Араз также постоянно обращается к истокам, к своим родовым корням, обобщенно относящимся и к каждому гражданину, и ко всему народу. Родной очаг, а в широком смысле просторы родины, он описывает в удивительных красках, с необычными жизненными оттенками бытия и человеческого существования. Так, в произведениях «Голос деда», «Отчий очаг», «Сестре Гюльсум», «Традиции», «Пятница», «Добро», «Родная земля», «Так говорил мой старый дядя» он анализировал развитие идеи честной жизни. Он показал, как образ родного села естественно вырастает в понятие более широкое – Отчизна, родная страна, где люди занимаются трудом во имя ее благосостояния, что фактически является цельной картиной нравственности.

Отмеченное положение находит свое подтверждение в исследованиях И. А. Ильина, который основную задачу нравственного воспитания видит в том, чтобы «ребенок получил доступ ко всем сферам духовного опыта; чтобы его духовное око открылось на все значительное и священное в жизни, чтобы его сердце, столь нежное и восприимчивое, научилось отзываться на всякое явление Божественного в мире и в людях» [9, с. 24].

Важным источником такой духовной насыщенности является художественная литература. В педагогическом наследии и творчестве Мамеда Араза данное явление всегда рассматривалось как основа нравственного воспитания наших предков. Вот как, например, в произведении «Вдохновение мое» говорится о предназначении человека в жизни:

Пройдем с тобой мы жизни духоту,
Дорог крутых осилим высоту.
Но коль вершин и свет, и красоту
Не разнесем по свету по всему –
Кому я нужен, нужен ты кому? [7, с. 16]

В творчестве Мамеда Араза детство есть счастливейшее время жизни: чем любовнее и счастливее была родительская семья, тем больше этих свойств и способностей сохранится в человеке, тем больше такой детскости он внесет в свою взрослую жизнь. Художественное слово Мамеда Араза является здесь прямым ответом на вопрос «Зачем в современном обществе нужны знания культурно-исторических традиций, материально-духовных ценностей, нравственных норм, которыми руководствовались наши далекие предки?». Главная идея его педагогического наследия и творчества сводится к тому, что культура и традиции выражают совокупность знаний, идеалов, духовного опыта народа на многовековом пути становления общества, что на протяжении многотысячелетней истории развития азербайджанского народа, на основе народных традиций складывалось понимание духовности, почитание памяти предков, чувство патриотизма и любви к народу, миру, природе.

В процессе исследования учитывалось, что основную роль при формировании морально-нравственных качеств, исходя из системно-деятельностного подхода, играет система ценностей, которая усваивается человеком в деятельности и отношениях, возникающих в ней. В работе А. Гармаева отмечается, что процесс нравственного развития личности можно описать следующей структурой: внешние стереотипы мышления, отношения и поведение [10, с. 23–25]. Он отмечает, что процесс усвоения нравственных ценностей путем социализации (с помощью воспитания, подражания и влияния культуры) имеет трехступенчатую структуру:

1) осознание личностью нравственных ценностей и внутреннее согласие с ними (с их необходимостью, справедливостью) – *когнитивный этап*;

2) формирование нравственных критериев оценки – *эмоционально-оценочный этап*;

3) способность к выбору и нравственному поведению – *поведенческий (психорегуляционный) этап*.

В ходе исследования были разработаны следующие критерии сформированности морально-нравственных качеств личности: порог восприятия личностью духовно-нравственных ценностей; нравственные критерии оценки; готовность реализовать нравственные принципы личности в поведении и деятельности; наличие нравственных установок личности, обуславливающих нравственное отношение к себе, другим людям и миру; наличие нравственных личностных качеств (уважения, честности, совести, альтруизма и др.); способность к нравственному выбору, к принятию волевого, нравственного решения; осмысленность жизни, собственного существования; способность к сопереживанию; наличие самоконтроля; готовность реализовать опыт саморегулирования.

Образ жизни и традиции народа описаны в произведении «Пятница», содержащем нравы и обычаи предков и учащем молодое поколение жить по образцу отцов и дедов. Пятница (джума) – это день собрания мусульман для

поклонения, предписанного Шариатом. Смысл этого дня заключается в том, что по пятницам убирали дом, готовились к вечеру принимать духов предков:

Речь матери тогда казалось странной.
Она мне говорила, хлопоча,
Мол, духи предков, надо их встречать.
Не так их примешь – приходиться не станут.

И поминальный надобен обед,
И лад в семье, иначе, не взыщите,
Совсем уйдут, дом станет незащищен,
И жди тогда напастей или бед [11, с. 24].

В «Отчем очаге» также выражается напутствие предков своим потомкам, заключающееся в том, что «мужчина – потому еще мужчина, что он – огня хранитель на земле», и последующее состояние каждого дома всецело зависит от того, как мужчина будет беречь свой дом, а значит и свою родину:

Очаг был дедом нам с тобой завещан.
Погаснет он – исчезнет след гнезда.
Огня не будет – дом, как обещен,
И враг твой радость обретет тогда [11, с. 96–97].

Отсюда можно сделать вывод о том, что на современном этапе для осуществления целей морально-нравственного характера следует заняться прежде всего вопросами воспитания. Ибо только достойное семейное воспитание совместно с обновленной образовательной системой могут вывести каждый народ в отдельности и человечество в целом из духовного отставания.

Формирование и развитие морально-нравственных качеств личности в процессе формирующего эксперимента осуществляется по двум технологиям: проектной и социокультурной, на основе познания культурного наследия Азербайджана, на примере изучения творческого наследия Мамеда Араза.

Реализация первой технологии основывается на исследованиях Е. С. Полат, которая обосновывает применение проектной технологии как новой педагогической технологии в развитии современной дидактики следующим образом:

– в условиях все еще существующей классно-урочной системы занятий проектная технология наиболее легко вписывается в учебный процесс и может не затрагивать содержания обучения, которое определено образовательным стандартом для базового уровня;

– это технология, которая позволяет при интеграции ее в реальный учебно-воспитательный процесс успешнее достигать поставленные государственным стандартом образования цели;

– это истинно педагогическая технология, гуманистическая не только по своей философской, психологической сути, но и в чисто нравственном аспекте. Она обеспечивает не только прочное усвоение учебного материала, но и интеллектуальное и нравственное развитие обучающихся, их самостоятельность, доброжелательность по отношению к учителю и друг к другу, коммуникабельность, желание помочь другим. Соперничество, высокомерие, грубость, авторитарность, столь часто порождаемые традиционной педагогикой, несовместимы с этой технологией.

Проектная технология формирования и развития морально-нравственных качеств позволяет решить следующие задачи:

- преодолеть снижение у значительной части обучающихся культурных запросов;
- снизить роль факторов, способствующих пассивному восприятию жизни;
- уменьшить психологический дискомфорт обучающихся в образовательных организациях;
- усилить психологическую защищенность обучающихся;
- повысить самостоятельность и критичность мышления обучающихся.

Значимость проектной технологии подчеркивали Дж. Дьюи и Килпатрик. Они обратились к активной познавательной и творческой совместной деятельности детей при решении одной общей проблемы. К тому же «Нравственное поведение личности имеет следующую последовательность: жизненная ситуация – порождаемое ею нравственно-чувственное переживание – нравственное осмысление ситуации и мотивов поведения, выбор и принятие решений – волевой стимул – поступок. В жизненной практике, особенно в экстремальных условиях, всегда реализуются в единстве все названные компоненты» [8].

Технология социокультурного развития морально-нравственных качеств реализуется на основе педагогического наследия Мамеда Араза. В произведении «Скалы-люди» поэт утверждает: «чтобы стать настоящим гражданином», сперва следует быть «камнем родины». Напомним, что слово «гражданин» на азербайджанский язык переводится как «ватандаш», это слово, состоящее из двух слов – «ватан» (родина) и «даш» (камень). Поэтому у поэта понятие «ватандашы» (камень родины) ассоциируется со словом «ватандаш» (гражданин). В данном значении поэтическое звучание приобретают итоговые строки данного стихотворения:

Кто души гражданина не носит в груди,
Ее частью не будет ни после, ни ныне [11, с. 38].

Поэт считал, что в священном пути воспитания настоящих граждан страны огромная роль и заслуга принадлежат мастерам художественного слова. Поэтому он сам, являясь блестящим примером честного служения своему народу, наставлял современников, в том числе поэтов, послужить народным идеалам:

Перо мое, ты правде послужи
И у последней роковой межи
Последнее «прощай» земле скажи... [13, с. 58]

Поэт нашел в себе веру и смелость описать глубины пластов человеческой нравственности, боль и трагедию народа, к которому он принадлежал. В этом смысле фраза «Ни одного слова без одобрения души не напишу» [7, с. 43] как нельзя лучше отражает переход его от поэзии воспевания к лирике рассудка и разума, к открытию человеческой нравственности.

Общенациональный лидер азербайджанского народа Гейдар Алиев, характеризуя нравственно-воспитательное значение творчества Мамеда Араза, заметил: «Безустанно творя во имя нравственной эволюции азербайджанской

нации, морально-эстетического и духовно-культурного воспитания нашей молодежи, поэт внес неоценимый вклад в нашу национальную поэзию, имеющую древнюю историю и богатые традиции»¹.

Знакомство с богатым педагогическим наследием и творчеством поэта убеждает нас в том, что в процессе воспитания личности формирование ее нравственности играет важную роль. Дело в том, что люди, будучи членами социальной системы и находясь во множестве общественных и личных связей между собой, должны быть определенным образом организованы и в той или иной мере согласовывать свою деятельность с другими членами сообщества, подчиняться определенным нормам, правилам и требованиям. Вот почему в каждом обществе вырабатывается множество разнообразных средств, функцией которых является регуляция поведения человека во всех сферах его жизни и деятельности – в труде и в быту, в семье и в отношениях с другими людьми, в гражданских проявлениях, играх и т.д.

Исследование роли и значения педагогического наследия и творчества Мамеда Араза в морально-нравственном воспитании личности позволяет выявить его огромный вклад в историю школьной и педагогической мысли, обогатить педагогическую науку, которые способствуют улучшению воспитательной работы среди молодежи. Однако творчество поэта не рассмотрено с точки зрения системного изучения его педагогических и методических взглядов в области морально-нравственного и духовно-культурного воспитания молодых, что составляет основу нашего исследования. К анализу привлечены отдельные поэтические образцы поэта, написанные в разное время, составившие содержание его поэтических сборников, отражающие нормы нравственных качеств человека и берущие свое начало из древних корней азербайджанского народа.

Так, стержневую линию в произведении «Книга отца моего» составляют поэтическое открытие бесконечных пластов человеческой нравственности, активная гражданская позиция и современность, всестороннее представление судьбы азербайджанской нации. В поэме с искренней сыновней любовью поэт пишет о героическом пути своих отцов и дедов, что дало возможность академику И. Габиббейли констатировать мысль, что «это самый поэтический дастан (баллада), написанный о национальном единстве, пристрастии Родины и постижении нравственной высоты человеком» [15, с. 28].

Названное произведение – картина о том, как человек начинает свою жизнь в семье; то, что выйдет из человека в его дальнейшей жизни, определяется в его детстве, отношением к своим родителям и окружающей среде. Основу данного воспитания составляет борьба человека за единство страны, владение ее духовно-культурным наследием.

Таким образом, любовь к жизни, к судьбам соотечественников проходит через все творчество Мамеда Араза. Его педагогическое наследие и творчество проникнуты критериями духовно-нравственного смысла и значения, так необходимыми для воспитания молодого поколения.

Список литературы

1. **Адорно, Т. В.** Проблемы философии морали / Т. В. Адорно ; пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М. : Республика, 2000. – 239 с.

¹ URL: www.mamedaraz@.az.

2. **Гусейнзаде, Р.** Программа по педагогике / Р. Гусейнзаде. – Баку : Типография АГПУ, 2010. – 73 с.
3. Закон Азербайджанской Республики об образовании от 19 июня 2009 г. // Азербайджан. – 2009. – 20 июня. – № 132 (5236).
4. **Талыбов, Я.** Проблемы нравственного воспитания молодежи / Я. Талыбов, Ф. Садигов, С. Гулиев. – Баку : Унсийят (Общение), 1998. – 152 с.
5. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1993. – 955 с.
6. **Багашев, А.** Духовно-нравственное воспитание молодежи / А. Багашев // Воспитание школьников. – 2008. – № 9. – С. 10–13.
7. **Мамед, А.** Книга отца моего / А. Мамед. – М. : Советский писатель, 1983. – 160 с.
8. **Столин, В. В.** Самосознание личности / В. В. Столин. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 284 с.
9. **Ильин, И. А.** Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – М. : Библиополис, 2008. – 365 с.
10. **Гармаев, А.** Этапы нравственного развития / А. Гармаев. – Волгоград : Офсет, 1998. – 123 с.
11. **Мамед, А.** Каменный орел / А. Мамед. – М. : Советский писатель, 1975. – 110 с.
12. **Собчик, Л. Н.** Введение в психологию индивидуальности / Л. Н. Собчик. – М. : Институт прикладной психологии, 2001. – 511 с.
13. **Мамед, А.** Крылатые скалы / А. Мамед. – Баку : Язычы, 1981. – 202 с.
14. **Габиббейли, И.** Народный поэт Мамед Араз / И. Габиббейли. – Баку : Азернешр, 1999. – 160 с.

References

1. Adorno T. V. *Problemy filosofii morali: per. s nem. M. L. Khor'kova* [Problems of moral philosophy: translation from German by M. L. Khorkov]. Moscow: Respublika, 2000, 239 p.
2. Guseynzade R. *Programma po pedagogike* [Educational program]. Baku: Tipografiya AGPU, 2010, 73 p.
3. *Azerbaydzhan*. [Azerbaijan]. 2009, 20 june, no. 132 (5236).
4. Talybov Ya., Sadigov F., Guliev S. *Problemy npravstvennogo vospitaniya molodezhi* [Problem of moral education of youth]. Baku: Unsiyyat (Obshchenie), 1998, 152 p.
5. Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1993, 955 p.
6. Bagashev A. *Vospitanie shkol'nikov* [Fostering of school children]. 2008, no. 9, pp. 10–13.
7. Mamed A. *Kniga ottsa moego* [The book of my father]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1983, 160 p.
8. Stolin V. V. *Samosoznanie lichnosti* [Self-consciousness of personality]. Moscow: Izd-vo MGU, 1983, 284 p.
9. Il'in I. A. *Put' dukhovnogo obnoveniya* [Path of spiritual renovation]. Moscow: Bibliopolis, 2008, 365 p.
10. Garmaev A. *Etapy npravstvennogo razvitiya* [Stages of moral development]. Volgograd: Ofset, 1998, 123 p.
11. Mamed A. *Kamennyy orel* [Stone eagle]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1975, 110 p.
12. Sobchik L. N. *Vvedenie v psikhologiyu individual'nosti* [Introduction into psychology of individuality]. Moscow: Institut prikladnoy psikhologii, 2001, 511 p.
13. Mamed A. *Krylatye skaly* [Winged rocks]. Baku: Yazychy, 1981, 202 p.
14. Gabibbeyli I. *Narodnyy poet Mamed Araz* [People's poet Mamed Araz]. Baku: Azer-neshr, 1999, 160 p.

Ахмедова Мехпара Кямран кызы
преподаватель, кафедра педагогики
и психологии, Нахичеванский
государственный университет
(Азербайджан, Нахичеванская
Автономная Республика, г. Нахичевань,
Университетский городок)
E-mail: mehbare69@gmail.ru

Akhmedova Mekhpara Kyamran kuzu
Lecturer, sub-department of pedagogy
and psychology, Nakhichevan State
University
(University campus, Nakhichevan,
Nakhichevan Autonomous Republic,
Azerbaijan)

УДК 37.017.924

Ахмедова, М. К. кызы

Формирование и развитие морально-нравственных качеств обучающихся на основе изучения педагогического наследия и творчества Мамеда Араза / М. К. кызы Ахмедова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 231–241.

РЕЦЕНЗИИ

Нарышкина, Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей / Е. А. Нарышкина ; вступ. ст., сост., подг. текста, пер. и ком. Е. В. Дружининой. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 688 с.

Интерес к российской мемуаристике эпохи XIX – начала XX в. по-прежнему отражает потребность в осмыслении фундаментальных событий, изменивших облик России. На протяжении последних лет издательство «Новое литературное обозрение» реализует свою программу «Россия в мемуарах», уникальность которой заключается в том, что у современного читателя возникает возможность ознакомиться с неизвестными (и малоизвестными) свидетельствами современников о различных сторонах реалий экономического, политического, социального развития нашей страны [1–13].

Автор фактически неизвестных российскому читателю воспоминаний Елизавета Алексеевна Нарышкина (1838–1928 гг.) прожила жизнь, насыщенную событиями, связанными с обстоятельствами как частной, так и общественной жизни. Отцом мемуаристки являлся князь Алексей Борисович Куракин – правнук князя Бориса Ивановича Куракина, находившегося в окружении Петра I. Старинный род владел имениями в различных губерниях России. В село Степановское Зубцовского уезда по приглашению Е. А. Нарышкиной приезжал отец Иоанн Кронштадтский [14]. Усадьба в селе Надеждино Саратовской губернии стала примечательным явлением в истории русской культуры, располагая портретной галереей в роскошном трехэтажном доме, окруженном регулярным английским парком [15]. Детские годы Е. А. Нарышкиной прошли в Париже, где служил на дипломатическом поприще ее отец. С апреля 1857 г. началась придворная служба Елизаветы Алексеевны, назначенной фрейлиной императорского двора. Круг общения Нарышкиной включал известных России ярких личностей. Среди них – великая княгиня Елена Павловна, двор которой являлся в 1850-х гг. средоточием сторонников реформаторской политики Александра II [16]. Большое влияние на становление личности мемуаристки оказала баронесса Эдита Федоровна Раден, являвшаяся фрейлиной Двора и проявлявшая интерес к вопросам женского образования и воспитания. Обширная переписка баронессы с передовыми общественными деятелями, литераторами, непосредственное общение с Ю. Ф. Самариным, К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным не могли не привлекать внимание Нарышкиной. К. П. Победоносцев подчеркивал личные качества Э. Ф. Раден в своем письме к Л. А. Тихомирову, посвящая ее памяти книгу «Для немногих» [17, с. 112].

Особая страница жизненного пути Елизаветы Алексеевны – ее благотворительная деятельность. Тридцать три года она возглавляла столичный дамский благотворительно-тюремный комитет. Хорошо известен ее вклад в организацию помощи семьям солдат и офицеров – участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Публикуемые мемуары включают три части. Первая – «Мои воспоминания», издана в 1906 г. Вторая – «Под властью трех царей», представляет

собой переиздание книги, посмертно опубликованной в Германии в 1930 г. Наконец, особое значение имеют дневниковые записи «С царской семьей под арестом», вызвавшие интерес П. Н. Милюкова, разместившего их в 1936 г. в газете «Последние новости». Дополнением к мемуарам служат приложения – «Последний день жизни Александра II и начало царствования Александра III», а также письма бывшей императрице Александре Федоровне и А. Ф. Кони. Таким образом, книга позволяет воссоздать особенности мировоззрения и обстоятельств жизненного пути незаурядного человека, ставшего очевидцем ярких и трагичных событий пореформенной и советской России. Нельзя не упомянуть подвижническую роль в публикации Елизаветы Викторовны Дружининой и издательства «Новое литературное обозрение».

Обращаясь к страницам книги, остановимся лишь на некоторых ее сегментах, позволяющих уяснить особенности мировосприятия человека, прожившего долгую жизнь в различных измерениях – столицы и провинции, царского дворца и поместья, ареста и будней в Зарубежье.

Заслуживают пристального внимания размышления о природе российского радикализма в пореформенный период. Е. А. Нарышкина не отрицает «последовательности и доли справедливости» в идеологических конструкциях приверженцев научных теорий Маркса, Бебеля и Лассаля (с. 171). Дискуссии в западноевропейских парламентах между их сторонниками и политическими противниками были полезны «для смягчения крайностей в том или другом направлении и для уравнивания умов». Однако в России восприятие социалистической доктрины претерпело существенные коррективы. По мнению Е. А. Нарышкиной, «удивительное невежество нахватавшихся социальных учений, отсутствие всякого политического воспитания, жизненные лишения, отсутствие этики, необузданность славянской натуры, не признающей ни преград, ни авторитетов, породили уродливые формы нигилизма» (с. 171–172). Размышляя о причинах нарастания социальной напряженности в пореформенный период, мемуарист обращала внимание на проблему расширения социальной опоры политики преобразований, поскольку бюрократия не была способна одновременно предотвратить эксцессы радикализма и обеспечить «преуспевание страны». «Необходимо было привлечь на свою сторону всю здоровую несоразмерно более многочисленную часть общества и, дав им некоторые политические права, приобщить их к интересам родины» (с. 172). Между тем, как считала Е. А. Нарышкина, оппозиционный характер деятельности земств не способствовал консолидации власти и общества. В свою очередь и властные структуры явно недооценивали последствия просчетов ряда аспектов своей внутренней политики. Речь шла, по мнению Нарышкиной, о том, что «вся общественная и духовная жизнь сосредоточилась лишь в узком, словно заколдованном, круге царского двора и правительства» (с. 267). В конечном итоге можно было утверждать, что решения и интриги в столице были весьма далеки от реалий страны, свидетельствуя о том, что «высшая власть вообще не знала настоящую Россию» (с. 267). Попытки изменить материальное положение приходского духовенства также не способствовали укреплению доверия к нему со стороны крестьянства, в среде которого усиливалась социальная дифференциация, оставленная без должного внимания со стороны правительства.

Достаточно неоднозначное впечатление оставляла церемония коронации Александра III, о которой писала Е. А. Нарышкина. Прибывшие на тор-

жество иностранные гости «опасались увидеть мятежный народ и тяжелое ярмо деспотизма». Однако блеск церемонии оставлял в стороне сомнения в неблагополучии страны. Самокритично отмечая это обстоятельство, автор резюмирует: «Если бы реформы, к которым мы только-только приступили, проводились серьезно и последовательно, то, вероятно, выбрали бы у революционного движения почву из-под ног или, по крайней мере, удержали бы приток к нему новых антигосударственных сил, но психологически подходящий момент был упущен» (с. 290).

Впоследствии вспоминая о другом важном событии – открытии заседаний I Государственной думы, Нарышкина подтвердила атмосферу ликования части депутатского корпуса «с выражением победителей на лицах» в соборе Зимнего дворца: «Все думали о борьбе, никто – об общем благополучии» (с. 363). Признавая компетентность Председателя Думы С. А. Муромцева, мемуарист упрекает его в том, что он отважился зайти так далеко, что провозгласил: «Решения думы непогрешимы!». Отметим, что в реальности позиция С. А. Муромцева и либералов была не столь однозначной [18, 19].

Страницы воспоминаний, посвященных событиям революций 1917 г., отражают глубину переживаний за судьбу страны. Отрывки из бесед с известными современниками, приведенные в дневниковых записях, передают эмоции при получении сведений о разложении армии, проблемах заключения мира за счет России («союзники сумеют благополучно выпутаться») (с. 441).

Вне сомнения, книга найдет неравнодушного читателя, пытающегося составить свое представление об исканиях части российского общества, жившего в эпоху потрясений и реформ.

В. Ю. Карнишин

Список литературы

1. **Дмитриев, М. А.** Главы из воспоминаний моей жизни / М. А. Дмитриев. – М. : Новое литературное обозрение, 1998.
2. **Харузина, В. Н.** Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / В. Н. Харузина. – М. : Новое литературное обозрение, 1999.
3. **Соловьёв, С. М.** Воспоминания / С. М. Соловьёв. – М. : Новое литературное обозрение, 2003.
4. **Амфитеатров, А. В.** Жизнь человека, неудобного для себя и для многих : в 2 т. / А. В. Амфитеатров. – М. : Новое литературное обозрение, 2004.
5. Война женскими глазами: русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов. – М. : Новое литературное обозрение, 2005.
6. Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. – М. : Новое литературное обозрение, 2006.
7. Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. – М. : Новое литературное обозрение, 2008.
8. **Урусов, С. Д.** Записки. Три года государственной службы / С. Д. Урусов. – М. : Новое литературное обозрение, 2009.
9. Поляки в Петербурге первой половины XIX века. – М. : Новое литературное обозрение, 2012.
10. **Варенцов, Н. А.** Слышанное. Виденное. Передуманное / Н. А. Варенцов. – М. : Новое литературное обозрение, 2011.
11. Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ. – М. : Новое литературное обозрение, 2011.
12. **Шомпулев, В. А.** Записки старого помещика / В. А. Шомпулев. – М. : Новое литературное обозрение, 2012.

13. **Лобойко, И. Н.** Мои воспоминания. Мои записки / И. Н. Лобойко. – М. : Новое литературное обозрение, 2013.
14. Восемнадцатый век. Княже-куракинские церкви и поместья / под ред. В. Н. Смольянинова. – СПб., 1905. – Т. II.
15. **Пашкова, Л. В.** Эти прошлые лица на отцветшем большом полотне... Малоизвестная картина М.-Ф. Квадаля «Коронация Павла I и Марии Федоровны» / Л. В. Пашкова // Материалы II Боголюбовских чтений. – Саратов, 1994.
16. **Ермакова, З.** Великая княгиня Елена Павловна / З. Ермакова // Московский журнал. – 2007. – № 5.
17. **Победоносцев, К. П.** Письмо Тихомирову Л. А. / К. П. Победоносцев // Л. Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения (1828–1948) / ком. и ред. Н. Н. Гусева. – М. : Гос. лит. музей, 1948. – Т. II.
18. **Аронов, Д. В.** Политико-правовая деятельность российских либералов в Государственной думе (историография проблемы) / Д. В. Аронов // Известия Орловского государственного технического университета. Серия «Экономика, политика, право». – 2003. – № 1.
19. **Аронов, Д. В.** Либеральное дореволюционное законодательство: опыт выявления структурно-логических связей / Д. В. Аронов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 4. – С. 8–12.

References

1. Dmitriev M. A. *Glavy iz vospominaniy moey zhizni* [Chapters of memories of my life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.
2. Kharuzina V. N. *Proshloe. Vospominaniya detskikh i otrocheskikh let* [The past. Memories of childhood and teenage years]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999.
3. Solov'ev S. M. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003.
4. Amfiteatrov A. V. *Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh: v 2 t.* [Life of a man, uncomfortable for himself and many others: in 2 volumes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.
5. *Voyna zhenskimi glazami: russkaya i pol'skaya aristokratki o pol'skom vosstanii 1830–1831 godov* [War through woman's eyes: Russian and Polish aristocrats on the Polish revolt of 1830–1831]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
6. *Vospominaniya russkikh krest'yan XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Memoirs of russian peasants of XVIII – the first half of XIX centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.
7. *Institutki. Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits* [Innocent girls. Memoirs of students of noble maidens institutes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.
8. Urusov S. D. *Zapiski. Tri goda gosudarstvennoy sluzhby* [Notes. Three years of government service]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
9. *Polyaki v Peterburge pervoy poloviny XIX veka* [The Polish in Saint-Petersburg in the first half of XIX century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
10. Varentsov N. A. *Slyshannoe. Vidennoe. Peredumannoe* [Heard. Seen. Thought over]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
11. *Eparkhialki: vospominaniya vospitannits zhenskikh eparkhial'nykh uchilishch* [Memoirs of students of diocesan schools for women]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
12. Shompulev V. A. *Zapiski starogo pomeschchika* [Notes of an old landlord]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
13. Loboyko I. N. *Moi vospominaniya. Moi zapiski* [My memories. My notes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.

14. *Vosemnadtsatyy vek. Knyazhe-kurakinskie tserkvi i pomest'ya* [The XVIII century. Knyazhe-Kurakin churches and estates]. Ed. by V. N. Smol'yaninov. Saint-Petersburg, 1905, vol. II.
15. Pashkova L. V. *Materialy II Bogolyubovskikh chteniy* [Proceedings of II Bogolyubovskie readings]. Saratov, 1994.
16. Ermakova Z. *Moskovskiy zhurnal* [Moscow journal]. 2007, no. 5.
17. Pobedonostsev K. P. *L. N. Tolstoy: K 120-letiyu so dnya rozhdeniya (1828–1948)* [L. N. Tolstoy: Commemorating 120th jubilee (1828–1948)]. Moscow: Gos. lit. muzey, 1948, vol. II.
18. Aronov D. V. *Izvestiya Orlovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Ekonomika, politika, pravo»* [Proceedings of Orel State Technical University. Series “Economics, politics, law”]. 2003, no. 1.
19. Aronov D. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2007, no. 4, pp. 8–12.

Карнишин Валерий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
Отечества, государства и права,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valeriy Yur'evich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of history
of Russia, state and law, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, филологии, педагогики, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полупетельный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) и **английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Обращаем внимание авторов на то, что перевод имен собственных на английский язык в списке литературы осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru). Для обеспечения единообразия указания данных об авторах статей во всех реферируемых базах при формировании авторской справки при подаче статьи необходимо предоставить перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык, или он будет осуществлен автоматически в программе транслитерации в кодировке BGN.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- ***история***
- ***филология***
- ***педагогика***

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.